

ISSN 2500-347X

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

2021 **2** (843)

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

1930

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2021

2

выпуск 843

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY

1930

SOCIAL SCIENCES

Moscow
FSBEI HE MSLU
2021

2 **Issue 843**

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор философских наук профессор **И. К. Харичкин**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф.
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф.
А. дель Валье Галвес, д-р юрид. наук, проф.
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф.
Гомес М. К., проф. лингвистики
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц.
Дудик Н. А., канд. филол. наук
Имомзода М. С., д-р филол. наук, проф.
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф.
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф.
Касюк А. Я., д-р истор. наук, проф.
Краева И. А., канд. филол. наук, проф.
Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф.

Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф.
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф.
Милитосян Л. Х., канд. пед. наук, доц.
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф.
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф.
Ноздрина Л. А., д-р филол. наук, проф.
Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф.
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф.
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф.
Семина И. А., д-р филол. наук, доц.
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф.
Убин И. И., д-р филол. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Касюк А. Я.
доктор исторических наук, профессор
(ответственный редактор)
Библер А.
доктор социологических наук, профессор
Белозеров В. К.
доктор политических наук, профессор
Брега А. В.
доктор политических наук, профессор
Пророкович Д.
доктор политических наук
Ивашов Л. Г.
доктор исторических наук
Кемаль Оглу И.
доктор исторических наук, доцент
Киселёв С. Г.
доктор философских наук, профессор

Колесников А. А.
доктор исторических наук, профессор
Корнеев В. В.
кандидат исторических наук
Латашов В. А.
доктор социологических наук,
профессор
Образцов И. В.
доктор социологических наук, профессор
Плоских В. М.
доктор политических наук, профессор
Примаков В. Л.
доктор социологических наук, профессор
Саблуков А. В.
доктор социологических наук, доцент
Сидорова Г. М.
доктор политических наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Альбертян А. П.</i> Континентальный шельф Российской Федерации как механизм расширения минерально-сырьевой базы страны	11
<i>Белозёров В. К.</i> Новая стратегия национальной безопасности Российской Федерации: от обретения смыслов к реализации	20
<i>Бродовская Е. В., Зворыгин Р. В., Лукушин В. А.</i> Сравнительный анализ цифровых коммуникаций традиционных и новых партийных акторов в России, 2020 год	36
<i>Емельянов А. И., Варнацкая Я. В.</i> Внешняя политика США в условиях сдвигов «политического маятника» в Латинской Америке	53
<i>Касюк А. Я.</i> Критерии оценки эффективности информационно-пропагандистской работы	67
<i>Киселев С. Г.</i> Цивилизационное измерение существования человечества	79
<i>Леонтьев Е. Д.</i> Спортивная дипломатия в системе современных межгосударственных отношений	91
<i>Михайлин И. В.</i> Президентские наставления российским дипломатам	101
<i>Петрищев Е. В.</i> Развитие международных политических коммуникаций на постсоветском пространстве: тенденции и особенности	116
<i>Радиков И. В.</i> Ослабление российского государства как стратегическая задача западной политики «сдерживания» России	129
<i>Рудаков Д. П., Дидык Б. В., Рудаков Е. Д.</i> Современные электронные средства (Интернет, видеоканалы) как основной инструмент информационно-психологических воздействий на общественное сознание	152

<i>Сидорова Г. М., Поспелов Н. В.</i> Взаимодействие Турецкой Республики с Африкой в контексте обеспечения национальных интересов	165
<i>Синчук Ю. В., Авилов Н. С.</i> Проблемы британского гражданина после брексита	174
<i>Шоджа Ахмадванд</i> Американские религиозные группы и экологические проблемы	186

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Артёмов С. Н., Артёмова Л. В.</i> Представительные органы крестьянского и казачьего самоуправления в решении аграрного вопроса в 1917 году	206
<i>Воробьев С. В., Матвеев О. В.</i> США в формировании политического статуса Иракского Курдистана: история и современность	220
<i>Егорова Ю. С.</i> Документы о деятельности первенствующего директора российско-американской компании М. М. Булдакова в архиве внешней политики Российской империи (обзор фонда 341)	235
<i>Уварова М. А.</i> Центризм во Франции как форма политической альтернативы: от революции 1789 года до Эммануэля Макрона	241

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Дорофеев Д. В.</i> Социальная напряженность в воинской среде (опыт социологического исследования)	257
<i>Захаркин Р. А.</i> Восприятие российского социума как кризисного	269
<i>Иванов С. Ю., Иванова Д. В., Галкин А. Н.</i> Обеспечение эффективной подготовки и занятости квалифицированных кадров в условиях общества знаний	282

<i>Саблуков А. В.</i>	
Эффективность государственного управления в сфере поддержки предпринимательства: состояние и проблемы	300
<i>Смирнов А. И.</i>	
Переформатирование политического пространства и сдвиги в политическом самосознании россиян	312
<i>Примаков В. Л.</i>	
Лингвистическое образовательное неравенство: постановка проблемы и анализ последствий	326

CONTENTS

POLITICAL SCIENCES

<i>Albertyan A.</i> The Continental Shelf of the Russian Federation as a Way to Increase the Mineral Resource Base of the Country	11
<i>Belozеров V. K.</i> The New National Security Strategy of the Russian Federation: from Gaining Meanings to Implementation	20
<i>Brodovskaya E. V., Zvorygin, V. A. Lukushin R. V.</i> Comparative Analysis of Digital Communications of Traditional and New Party Actors in Russia, 2020	36
<i>Emelianov A. I., Varnatskaya Ya. V.</i> Foreign Policy of the USA in the Context of Political Pendulum Shifts in Latin America	53
<i>Kasyuk A. Y.</i> Criteria for Evaluating the Effectiveness of Propaganda and Information Activity	67
<i>Kiselev S. G.</i> The Civilizational Dimension of Human Existence	79
<i>Leontyev E. D.</i> Sports Diplomacy in the System of Modern Interstate Relations	91
<i>Mikhailin I. V.</i> Presidential Admonitions for Russian Diplomats	101
<i>Petrishchev E. V.</i> Development of International Political Communications in the Post-Soviet Space: Trends and Features	116
<i>Radikov I. V.</i> Weakening of the Russian State as a Strategic Task of the Western Policy of «Containment» of Russia	129

<i>Rudakov D. P., Didyk B. V., Rudakov E. D.</i> Modern Electronic Media (Internet, Video Channels) as the Basic Tool of Informational and Psychological Effects on Public Consciousness	153
<i>Sidorova G. M., Pospelov N. V.</i> Interaction of the Republic of Turkey with Africa in the Context of Ensuring National Interests at the Present Stage	165
<i>Sinchuk Yu. V., Avilov N.</i> Post-Brexit Life of a British Citizen	174
<i>Shoja Ahmadvand</i> American Religious Groups and Environmental Issues	186

HISTORICAL SCIENCES

<i>Artemov S. N., Artemova L. V.</i> Representative Bodies of Peasant and Cossack Self-Government in Solving the Agrarian Question in 1917	206
<i>Vorobiev S. V., Matveev O. V.</i> Usa in the Formation of the Political Status of Iraqi Kurdistan: History and Modernity	220
<i>Egorova Yu. S.</i> Documents on the Activities of the First Director of the Russian-American Company M. M. Buldakov in the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (review of the folder 341)	235
<i>Uvarova M. A.</i> Centrism as Political Alternative: from the Revolution of 1789 to Emmanuel Macron	241

SOCIOLOGICAL SCIENCES

<i>Dorofeev D. V.</i> Social Tension in the Military Environment (experience of sociological research)	257
<i>Zakharkin R. A.</i> Perception of Russian Society as a Crisis Society	269

<i>Ivanov S. Yu., Ivanova D. V., Galkin A. N.</i>	
Ensuring Effective Training and Employment of Qualified Personnel in a Knowledge Society	282
<i>Sablukov A. V.</i>	
Efficiency of Public Administration in the Sphere of Entrepreneurship Support: Condition and Problems	300
<i>Smirnov A. I.</i>	
Reformatting the Political Space and Shifts in the Political Self-Consciousness of Russians	312
<i>Primakov V. L.</i>	
Linguistic Educational Inequality: Problem Statement and Analysis of Consequences	326

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2021_2_843_11

А. П. Альбертян

соискатель кафедры политологии

Института международных отношений и социально-политических наук

Московского государственного лингвистического университета

8833183a@gmail.com

КОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ ШЕЛЬФ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК МЕХАНИЗМ РАСШИРЕНИЯ МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВОЙ БАЗЫ СТРАНЫ

В статье автором проведен анализ становления, развития правовых подходов к пониманию и регулированию деятельности на континентальном шельфе, как перспективной территории, обладающей высоким минерально-ресурсным потенциалом, оказывающим воздействие на геополитическое положение государства. При проведении исследования были применены методы контент-анализа, исторический и системный метод. Результатом научных изысканий автора является выработка предложений по подходам к освоению недр континентального шельфа.

Ключевые слова: континентальный шельф; Российская Федерация; разработка полезных ископаемых; расширение минерально-сырьевой базы; увеличение границ континентального шельфа.

A. Albertyan

Post-graduate Student of the Department of Political Science

Institute of International Relations and Socio-Political Sciences

Moscow State Linguistic University

8833183a@gmail.com

THE CONTINENTAL SHELF OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A WAY TO INCREASE THE MINERAL RESOURCE BASE OF THE COUNTRY

In this article, the author analyzes the formation, development of legal approaches to understanding and regulating activities on the continental shelf, as a promising territory with a high mineral resource potential that affects the geopolitical position

of the state. During the research, the methods of content analysis, the historical and systemic method were applied. The result of the author's scientific research is the development of proposals for approaches to the development of the subsoil of the continental shelf.

Key words: continental shelf; Russian Federation; development of minerals; expansion of the mineral resource base; extension of the continental shelf.

Введение

Одним из факторов, определяющих геополитическое влияние государства на политические процессы в мире, является уровень его экономического развития, необходимым условием которого служит наличие ресурсной базы и эффективной системы управления ею.

В настоящее время отечественный минерально-сырьевой комплекс сталкивается с проблемой исчерпания запасов традиционных районов добычи полезных ископаемых и ухудшения качества минерально-сырьевой базы в целом. В связи с этим на первый план выходит вопрос поиска новых месторождений, которые позволят удовлетворить спрос национальной и мировой экономики в средне- и долгосрочной перспективе.

Перспективной территорией, обладающей высоким минерально-ресурсным потенциалом, является континентальный шельф Российской Федерации, извлекаемые запасы которого только по нефти и газу оцениваются в 98 700 000 т условного топлива¹.

В целях более подробного изучения возможности расширения минерально-сырьевой базы страны посредством использования недр континентального шельфа, считаем необходимым далее провести анализ становления и развития правовых подходов к пониманию и регулированию деятельности субъектов права на море.

Анализ становления и развития подходов к регулированию режима морских пространств

Попытки осмысления границ и объёма прав государств на морское пространство велись с незапамятных времен, однако основополагающим в данной области следует отметить труд голландского ученого XVII века Гуго Гроция «О праве войны и мира», в котором

---

¹ Центральное диспетчерское управление топливно-энергетического комплекса. URL: <https://www.cdu.ru/> (дата обращения: 31.03.2021).

он предложил использовать для морского пространства собственное понимание принципа римского права «res communis» не как вещи, находящейся в общей собственности, а как доступность вещи для пользования всеми людьми вообще. Г. Гроций считал, что право собственности кого-либо не может распространяться на открытое море ввиду его подвижности, текучести, неограниченности, что влечет за собой невозможность осуществления правомочия владения, как это происходит с территориями на суше, а также водными объектами, расположенными на материке.

В дальнейшем взгляды Г. Гроция легли в основу многовековых доктринальных споров относительно того, какими правами государство может обладать на море, каковы их границы и может ли ими обладать вообще. Мнения ученых-юристов менялись и зависели от того, интересы какой стороны они защищали. Но политические и экономические интересы между государствами подталкивали их к выработке и развитию единых правовых основ деятельности государств на море.

В начале XVIII века Корнелиусом ван Бинкерсгуком был предложен подход, согласно которому любое государство имеет право использовать ресурсы «открытого моря», но за прибрежными государствами закрепляются права на их территориальные воды. Границы территориальных вод предлагалось определять расстоянием пушечного выстрела с побережья, которое составило около трех морских миль. В пределах трех морских миль государство обладало суверенными правами как на водное пространство, так и на морское дно вместе со всеми находящимися на нем живыми и неживыми ресурсами. Морское дно за пределами трех морских миль рассматривалось как пространство, на которое суверенитет какого-либо государства не распространялся [Василевская, Архипов, Филатов 2012].

Указанный подход еще долгое время сохранялся в рамках обычного права, вопросы же правового режима морского дна, находившегося дальше трех морских миль, разграничения его пространств и выделения особого правового режима континентального шельфа и юридической разработки понятия континентального шельфа, в целом, не поднимались вплоть до послевоенного времени XX века.

Послевоенное время XX века характеризуется серьезным технологическим скачком. Произошло широкомасштабное внедрение и увеличение применения двигателей внутреннего сгорания. Экономика

послевоенных стран нуждалась в огромном количестве нефти и газа, необходимом для удовлетворения спроса нефте- и газоперерабатывающей, химической промышленности. Всё активнее входило в оборот применение новых материалов (пластмасс, резины, синтетического каучука и др.), развивались технологии поиска и добычи полезных ископаемых на море, что привело к появлению возможности вести разработку месторождений не только на суше, но и на дне морей.

Таким образом, вышеуказанные обстоятельства привели к тому, что уже через несколько дней после окончания Второй мировой войны, 28 сентября 1945 года, выходит Прокламация Президента США Гарри Трумэна № 2667 «Политика Соединенных штатов в отношении естественных ресурсов недр континентального шельфа и его поверхности», в которой впервые было применено понятие «континентальный шельф», а также обозначен контроль и юрисдикция США на прилегающую к побережью поверхность континентального шельфа, его недра, а также их природные ресурсы. Многие исследователи, в частности, Д. В. Василевская, А. В. Архипов, Д. В. Филатов, А. Savnar, называют данный документ отправной точкой формирования правового института континентального шельфа [Василевская, Архипов, Филатов 2012; Savnar 2009].

Хотя понятие «континентальный шельф» и использовалось в прокламации, но его определение было дано не в самом документе, а в пресс-релизе Белого дома, в соответствии с которым под континентальным шельфом понималась затопленная земля, прилегающая к континенту и покрытая водой до глубины в 100 морских саженей (600 футов) [Proclamations Concerning United States ... URL].

Основываясь на прецеденте Прокламации Президента США Г. Трумэна, многие государства мира, в рамках национального права, стали декларировать свои права на ресурсы недр дна моря, используя аргументацию и доводы указанной Прокламации.

В 1947 году решением Генеральной Ассамблеи ООН создается Комиссия международного права, которая в начале 50-х годов XX века начинает разработку проекта Международного договора о континентальном шельфе.

В 1958 году на I Женевской конференции была принята Конвенция «О континентальном шельфе». При разработке текста конвенции, авторы столкнулись с тем, что многие государства были не согласны

с геологическим определением термина «континентальный шельф», в связи с чем, в целях снятия проблемных вопросов и выработки единой для участвовавших стран позиции, было создано новое определение термина, отличающееся от геологического. Таким образом, в настоящее время понятие «континентальный шельф» существует в двух различных аспектах: геологическом и юридическом.

Геологическое понимание термина было разработано шотландским ученым-геологом Хью Робертом Миллом, в соответствии с которым континентальный шельф – это подводная часть окраины материка, прилегающая к суше и простирающаяся до границы начала континентального склона, характеризующаяся общим с материком геологическим строением.

Юридическое понимание континентального шельфа закреплено в двух основополагающих международных договорах: Конвенции «О континентальном шельфе» 1958 года и Конвенции ООН по морскому праву 1982 года.

В соответствии со ст. 1 Конвенции «О континентальном шельфе» 1958 г., под континентальным шельфом понимается поверхность и недра морского дна подводных районов, примыкающих к континентальному или островному берегу, но находящихся вне зоны территориального моря, до глубины 200 метров или, за этим пределом, до такого места, до которого глубина покрывающих вод позволяет разработку естественных богатств этих районов [Конвенция о континентальном шельфе ... 1970].

Вместе с тем критерий технологической возможности делал определение термина расплывчатым, так как это приводило к гипотетическому варианту неограниченного распространения прав технологически развитых государств на дно и его недра мирового океана.

Конвенция ООН по морскому праву 1982 года, вступившая в силу 16 ноября 1994 года, ратифицированная Российской Федерацией в 1997 году, сняла имевшуюся неопределенность в части определения внешних границ континентального шельфа и закрепила, что континентальный шельф представляет собой морское дно и недра подводных районов, простирающихся за пределы его территориального моря на всем протяжении естественного продолжения его сухопутной территории до внешней границы подводной окраины материка или на расстояние 200 морских миль от исходных линий, от которых

отмеряется ширина территориального моря, когда внешняя граница подводной окраины материка не простирается на такое расстояние [Конвенция Организации Объединенных Наций ... 1998].

В случае, когда юридические границы в рамках стандартной модели определения меньше параметров геологического шельфа, Конвенцией ООН по морскому праву 1982 года допускает возможность изменения границ и выхода внешней границы континентального шельфа за отметку 200 морских миль. Максимально возможная удаленность внешней границы континентального шельфа от внешней границы территориального моря составляет 350 морских миль, либо 100 морских миль от 2500-метровой изобаты.

В целях организации деятельности и реализации положений Конвенции ООН по морскому праву от 1982 года в части морского дна созданы специальные органы: Международный орган по морскому дну, Международный трибунал по морскому праву, Комиссия по границам континентального шельфа.

Расширение границ континентального шельфа Российской Федерации

В Российской Федерации нормы Конвенции ООН по морскому праву от 1982 года были имплементированы в национальное законодательство посредством включения отдельных положений в различные нормативно-правовые акты – Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации», Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. №191-ФЗ «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации», Закон Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» и др., так и путем принятия отдельного Федерального закона от 30 ноября 1995 г. № 187-ФЗ «О континентальном шельфе Российской Федерации», заложившие основу национальному регулированию в указанной сфере.

В соответствии с положениями Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, государства имеют право увеличить площадь своего континентального шельфа посредством реализации соответствующих процедур, что и было сделано Россией. Увеличение границ континентального шельфа страны является механизмом потенциального увеличения минерально-сырьевой базы страны в связи с возможностью открытия на нем новых крупных месторождений.

В 2001 году в Комиссию по границам континентального шельфа было подано отечественное представление в отношении шельфа Центрального Арктического бассейна, а также Баренцева, Берингова и Охотского морей. По результатам рассмотрения были даны следующие рекомендации:

– по Баренцеву и Берингову морям – представить карты и координаты о внешней границе континентального шельфа после вступления в силу соглашений о разграничении морского дна между Норвегией и США.

– по Охотскому морю – представить частичное представление и приложить максимум усилий для достижения соглашения с Японией.

– по Арктическому бассейну – подать пересмотренное представление в связи с неопределенностью геологической природы хребта Ломоносова и поднятия Менделеева.

В 2013 году Российская Федерация вынесла на рассмотрение частичное представление в отношении шельфа Охотского моря, по результатам рассмотрения которого Комиссия по границам континентального шельфа вынесла рекомендации (решение) в пользу РФ. Площадь российского континентального шельфа в Охотском море была увеличена на 52 тыс. км².

В 2015 году Российской Федерацией было вынесено на рассмотрение дополненное Представление. В 2019 году подкомиссия ООН признала геологическую принадлежность рассматриваемых районов к структурам континента, что повышает вероятность принятия финальных рекомендаций по арктическому шельфу в пользу России. Потенциально площадь отечественного арктического континентального шельфа может увеличиться на 1,2 млн км².

Заключение

Обладание и контроль неразработанных месторождений полезных ископаемых становится фактором, определяющим геополитическое влияние государства в мире в связи с контролем потенциальной ресурсной базы для технологических производств. Таким образом, государства, обладающие наибольшими запасами необходимых полезных ископаемых, технологиями их добычи и переработки, а также способами защиты контроля от третьих сторон, будут находиться в авангарде геополитического влияния на мировую политику в будущем.

В условиях истощения месторождений минерального сырья на суше, ресурсы континентального шельфа становятся базой для обеспечения энергетической безопасности и минерально-сырьевой независимости государства в будущем. Учитывая хрупкое экологическое состояние континентального шельфа, считаем политически верным подход осуществлять правовое регулирование деятельности на нем через систему наднационального законодательства. Особенно это касается арктического континентального шельфа, деятельность на котором, по нашему мнению, должна осуществляться на основе специальной конвенции, принятой прибрежными государствами, обладающими особым историческим и технологическим опытом освоения арктических пространств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Василевская Д. В., Архипов А. В., Филатов Д. В.* Правовое регулирование недропользования на континентальном шельфе и в Мировом океане. История и перспективы. Теория и практика. Монография. М. : Юрист, 2012. [Vasilevskaya, D. V., Arkhipov, A. V., Filatov, D. V. (2012). *Pravovoe regulirovanie nedropol'zovaniya na kontinental'nom shel'fe i v Mirovom okeane. Istoriya i perspektivy. Teoriya i praktika* (Legal regulation of subsoil use on the continental shelf and in the World Ocean. History and perspectives. Theory and practice). Moscow: Yurist. (In Russ.)].
- Конвенция о континентальном шельфе // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. 1970. Вып. XXIII, С. 101–105. [Convention on the Continental Shelf. Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states (pp. 101–105). (In Russ.)].
- Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву // Бюллетень международных договоров. 1998. № 1. С. 3–168. [United Nations Convention on the Law of the Sea. Bulletin of international treaties, 1, 3–168. (In Russ.)].
- Федеральный закон от 30.11.1995 № 187-ФЗ «О континентальном шельфе Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Federal Law No. 187-FZ of 30.11.1995 “On the Continental Shelf of the Russian Federation”. *Official Internet portal of legal information*. (In Russ.)]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 29.03.2021)
- Федеральный закон от 31.07.1998 № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Federal Law

of 31.07.1998 No. 155-FZ «On internal sea waters, the territorial sea and the contiguous zone of the Russian Federation». Official Internet portal of legal information. (In Russ.)]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 31.03.2021).

Федеральный закон от 17.12.1998 № 191-ФЗ «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Federal Law of December 17, 1998 No. 191-FZ «On the Exclusive Economic Zone of the Russian Federation». Official Internet portal of legal information. (In Russ.)]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 31.03.2021).

Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Law of the Russian Federation of 21.02.1992 No. 2395-1 «On Subsoil». Official Internet portal of legal information. (In Russ.)]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 29.03.2021).

Cavnar A. Accountability and the Commission on the Limits of the Continental Shelf: Deciding Who Owns the Ocean Floor // *Cornell International Law Journal*. 2009. # 42(3), 386–440.

Proclamations Concerning United States Jurisdiction Over Natural Resources in Coastal Areas and the High Seas. Press Release Issued by the White House, September 28, 1945 // Office of the Historian, Foreign Service Institute, U.S. Department of State. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945v02/d794> (дата обращения: 31.03.2021).

УДК 321

DOI 10.52070/2500-347X_2021_2_843_20

В. К. Белозёров

доктор политических наук, профессор
заведующий кафедрой политологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета
член научного совета при Совете Безопасности Российской Федерации
vk_belozerov@mail.ru

НОВАЯ СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОТ ОБРЕТЕНИЯ СМЫСЛОВ К РЕАЛИЗАЦИИ

В июле 2021 года вышла Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Документ имеет существенные отличия от предыдущих и фактически знаменует переход России к разработке и реализации ценностно-ориентированной государственной стратегии. В пользу этого свидетельствуют принятые решения и предпринимаемые практические шаги, согласующиеся с установками нового доктринального документа. Вместе с тем нужна серьезная работа по совершенствованию установок Стратегии и их реализации.

Ключевые слова: национальная безопасность; развитие; Российская Федерация; стратегия; проектирование; приоритеты.

V. K. Belozerov

Doctor of Political Science (Dr. habil), Professor
Head of the Chair of Political Science
Institute of International Relations and Socio-Political Sciences
Moscow State Linguistic University
Member of the Scientific Council under the Security Council of the Russian Federation
vk_belozerov@mail.ru

THE NEW NATIONAL SECURITY STRATEGY OF THE RUSSIAN FEDERATION: FROM GAINING MEANINGS TO IMPLEMENTATION

In July 2021, the National Security Strategy of the Russian Federation was published. The document has significant differences from the previous ones and actually marks the transition of Russia to the development and implementation of a value-oriented state strategy. This is supported by the decisions and practical steps taken, consistent with the provisions of the new doctrinal document. At the same time, serious work is needed to improve the Strategy's provisions and their implementation.

Key words: national security; development; Russian Federation; strategy; designing; priorities.

Введение

В начале июля 2021 года В. В. Путиным была утверждена «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» (далее – Стратегия). Это уже пятый главный доктринальный документ России в сфере национальной безопасности и третий, в названии которого использовано слово «стратегия». Если не считать единственного в постсоветской истории страны Послания Президента 1996 года, специально посвященного национальной безопасности, документы, в которых декларировалось официальное видение ее обеспечения, выходили в 1997, 2000, 2009 и 2015 годах. В соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (ст. 18) Стратегия корректируется каждые шесть лет. В этот раз прошло пять с половиной лет.

В силу объективных причин сфера национальной безопасности и ее обеспечения представляет собой постоянно усложняющийся и расширяющийся, многоаспектный, фактически безбрежный феномен. В силу этого его осмысление требует постоянного внимания со стороны специалистов-практиков и исследователей, постоянной теоретической проработки. Отсюда следует вывод, что концептуальное оформление официальных подходов к пониманию национальной безопасности и ее обеспечению является весьма сложной интеллектуальной задачей и не может быть идеальным, совершенным и завершенным, тем более применительно к России. Хотя к такой концептуализации, безусловно, нужно стремиться.

Стратегию 2021 года правомерно рассматривать как результат достаточно длительной и непростой эволюции концептуализации в постсоветской России взглядов на обеспечение национальной безопасности. В интересах понимания результатов произошедшей эволюции и с учетом обширности уже созданной доктринальной и правовой базы для выявления специфики Стратегии попробуем сосредоточиться преимущественно на ее сравнении с предыдущим документом.

Смыслы и новации Стратегии

По своему предназначению Стратегия, как определено в тексте (ст. 2), является базовым документом стратегического планирования,

определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты России, цели и задачи государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу. Фактически здесь имеет место дословный повтор определения Стратегии 2015 года за отсутствием незначительной, как может показаться, детали. Ранее говорилось о целях, задачах и мерах. В новом документе упоминание о мерах опущено. Как показывает изучение уже озвученных оценок Стратегии, критика во многих случаях вновь сводится как раз к указанию на отсутствие в документе тех самых практических мер. Впрочем, схожие замечания звучали и в отношении предшествующих документов. Оценивая их, следует отметить, что в данном случае не принимается во внимание назначение Стратегии именно как манифестирующего и декларативного документа, сосредоточенного на целеполагании. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» относит его (ст. 11) относит Стратегию к документам стратегического планирования, разрабатываемые в рамках целеполагания.

Вместе с тем данное обстоятельство ни в коем случае не предполагает отрицания прикладной функции Стратегии. В документе как раз и должны излагаться в ёмком виде официальные оценки ситуации в сфере национальной безопасности и видение ее обеспечения. Названные установки и должны конкретизироваться в других документах стратегического планирования и в правовых актах, в том числе на ведомственном и региональном уровне. На основе Стратегии и других доктринальных документов вырабатываются и практические меры. Именно такой порядок предусмотрен Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации». В этом правовом акте – семь лет назад – определен статус Стратегии как документа стратегического планирования. В Законе, помимо прочего, определены участники стратегического планирования, названы их полномочия, представлен перечень документов стратегического планирования и дана их характеристика, предусмотрено обязательное общественное обсуждение проектов этих документов и информационное обеспечение обсуждения. Все эти вопросы регламентируются другими правовыми актами, в том числе подзаконными. В случае же изложения в Стратегии в детализованном виде обширного комплекса мер, направленных на

обеспечение национальной безопасности и устойчивого развития страны, она может «разбухнуть» до невероятных размеров.

Заслуживает отдельного комментария и содержащийся в Стратегии тезис (ст. 3) о лежащей в ее основе неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости национальной безопасности и социально-экономического развития России. Действительно, аксиоматично утверждение о том, что развитие реализуется при наличии безопасности, которая, в свою очередь, недостижима в условиях отсутствия развития. Вообще признание данной взаимосвязи обуславливает наличие целостного и совокупного документа, в котором бы нашел отражение синтез безопасности и развития. Он мог бы называться, например, Концепцией социально-экономического развития страны и обеспечения национальной безопасности. В очередной раз этого не произошло. И это при том, что еще несколько лет назад, на этапе обоснования необходимости и последующего создания системы стратегического планирования, руководство Совета Безопасности РФ отстаивало целесообразность утверждения на практике именно такого подхода [Назаров 2007].

О многом способен сказать и **понятийный аппарат** новой Стратегии (ст. 5), **понимание** которого в значительной мере обеспечивает и **понимание** содержания и проникновения в смысл всего документа.

Особого внимания заслуживает полноценное возвращение в главный доктринальный документ страны понятия «народ». И этого нельзя не заметить и не приветствовать. К сожалению, в постсоветский период понятие «народ» стало замещаться понятием «нация», что стало следствием ряда обстоятельств, прежде всего, изначальным отсутствием отечественной теории национальной безопасности и обусловленных этим отсутствием концептуальных заимствований из-за рубежа. В результате до сих пор обычно принято рассуждать о нации и соответствующих словообразованиях. Вместе с тем понятие «народ» гораздо реже встречается как в научном, так и в общественно-политическом дискурсе. О народе порой скромно умалчивают, в лучшем случае используется содержащееся в Конституции страны словосочетание «многонациональный народ Российской Федерации». Кстати, именно в таком контексте речь о народе идет и в Стратегии 2015 года.

В Стратегии 2021 года часто используется и формулировка «сбережение народа России», авторство которой принадлежит А. И. Солженицыну и которая представляется достаточно удачной с семантической точки зрения. При этом еще до принятия Стратегии, в апреле 2021 года, В. В. Путин декларировал в ежегодном Послании Федеральному Собранию, что сбережение народа в современных условиях является для страны главным приоритетом. Отсылкой к сбережению народа России завершается и Стратегия.

В этой связи хочется выразить надежду на то, что введение Стратегией в оборот понятия «народ» откроет дорогу назревшему широкому его использованию в научном и общественно-политическом дискурсе. Уместно будет отметить, что народ и граждане в вопросах формирования и реализации политики выступают в условиях демократии как контрагенты, позиция которых может отличаться от позиции конкретных представителей государства и его институтов. В результате конструктивного оппонирования государству повышается качество государственной политики, в том числе и в сфере обеспечения национальной безопасности.

Кроме того, возвращение понятия «народ», можно сказать, его «реабилитация», будет способствовать и формированию национальной ориентированной политологии и теории международных отношений как составной части политической науки. Такого ее развития требуют интересы реагирования России на складывающуюся внутри- и внешнеполитическую обстановку. Как известно, теория невозможна без собственного понятийного аппарата, и Стратегия задает импульс его формированию.

Важной новацией документа является и то, что обеспечение национальной безопасности определяется как реализация органами публичной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества и организациями политических, правовых, военных, социально-экономических, информационных, организационных и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности. Система ее обеспечения представляет собой совокупность осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности органов публичной власти и находящихся в их распоряжении инструментов.

Комментируя изложенное, следует отметить, что в 2020 году понятие публичной власти и ее единой системы получило закрепление

в Конституции России. Уместно при этом отметить, что вообще понятие публичности содержательно включает в себя: (а) направленность на общественное благо; (б) открытость, непотаенность. В Стратегии (ст. ст. 102, 103) указано, что органы публичной власти руководствуются в своей деятельности ее положениями. При этом предусмотрено, что реализация содержащихся в документе установлений осуществляется под руководством Президента посредством согласованных действий органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества. Следует отметить, что взаимодействию с институтами гражданского общества, стимулированию его участия в процессе развития страны и обеспечения национальной безопасности в Стратегии уделено немало внимания.

Расстановка стратегических приоритетов

По своей структуре Стратегия фактически аналогична предшествующему документу и включает следующие разделы: 1. Общие положения; 2. Россия в современном мире: тенденции и возможности; 3. Национальные интересы Российской Федерации и стратегические национальные приоритеты; 4. Обеспечение национальной безопасности; 5. Организационные основы и механизмы реализации.

Отличие в структуре документа обнаруживается лишь в том, что в 2015 году в нем содержался и раздел «Основные показатели состояния национальной безопасности». Пожалуй, стоит согласиться с тем, что данные показатели могут определяться не Стратегией, а другим документом стратегического планирования или иным правовым актом. Вместе с тем в действующей редакции Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (ст. 18) содержится норма о том, что Стратегия национальной безопасности Российской Федерации «содержит основные показатели состояния национальной безопасности Российской Федерации». Думается всё же, что возникшая коллизия в ближайшее время будет разрешена.

Заслуживает внимания второй раздел, раскрывающий видение места России в современном мире. По сравнению с документом 2015 года констатации раздела носят более реалистичный характер, из него исчезли остатки былого романтизма, связанного с пониманием восприятия России международным сообществом. Используемые формулировки создают более трезвое и целостное и одновременно более тревожное представление о мировом политическом процессе.

В подтверждение можно указать некоторые смысловые единицы, используемые в Стратегии для диагностики современного мира и места в нем России.

Так, совершенно обоснованно констатируется стремление транснациональных корпораций ограничить в современных условиях роль государств. Отмечаются снижение эффективности системы глобальной безопасности, усиление нестабильности в мире и нарастание геополитической напряженности. Указано в документе и на усиление открытого политического и экономического давления на Россию и ее партнеров, стремление изолировать нашу страну. Невозможно опровергнуть и правомерность тезиса о повышении угрозы использования военной силы в условиях роста геополитической нестабильности и конфликтности, усиления межгосударственных противоречий, когда ряд государств называет Россию угрозой и даже военным противником. Без обиняков характеризуются и действия недружественных для России стран.

И всё же самым важным положением и, безусловно, новацией Стратегии представляется содержащееся во втором разделе утверждение о том, что «всё более актуальной становится проблема морального лидерства и создания привлекательной идейной основы будущего мироустройства» (ст. 19). В этой связи представляется вполне обоснованным заключение о том, что «перспективы долгосрочного развития и позиционирование России в мире определяются ее внутренним потенциалом, привлекательностью системы ценностей, готовностью и способностью реализовать свои конкурентные преимущества путем повышения эффективности государственного управления» (ст. 23). Вообще, вопрос о привлекательности российской системы ценностей для окружающего мира назрел давно, и в вышедшей Стратегии он зафиксирован с большим опозданием. Тем не менее постановка такого вопроса сама по себе означает выдвижение претензии на статус полноценного игрока на мировой политической арене, имеющего свой проект общественно-политического страны и всего мира. В этих условиях претензия на привлекательность своей системы ценностей ко многим обязывает, в том числе в сфере проведения политического курса. Между тем отечественные исследователи (в том числе и автор статьи) неоднократно ставили вопрос о ценностной ориентации государственной политики России, предлагали способы его решения, в том числе отстаивали необходимость

формирования ее ценностных установок и их доктринальной и правовой имплементации.

Пока же складывающаяся в стране и за ее пределами ситуация вновь побуждает Россию сосредоточиваться. В пользу этого утверждения достаточно убедительно свидетельствует уже ознакомление с третьим, самым маленьким по объёму разделом Стратегии, в котором излагаются национальные интересы России и ее стратегические национальные приоритеты.

Указанные приоритеты впервые были изложены в главном доктринальном документе страны в сфере национальной безопасности в 2009 году, как раз тогда, когда он стал называться стратегией. Наименования и расстановка приоритетов с течением времени изменялись. В общем виде произошедшая эволюция может быть представлена следующим образом (см. табл.).

Таблица

Расстановка и место стратегических национальных приоритетов в Стратегиях национальной безопасности Российской Федерации

Приоритет	2009	2015	2021
Сбережение народа России и развитие человеческого потенциала			1
Оборона страны (2009 – национальная оборона)	1	1	2
Государственная и общественная безопасность	2	2	3
Повышение качества жизни российских граждан		3	
Информационная безопасность			4
Экономическая безопасность (2015 – экономический рост)		4	5
Научно-технологическое развитие (2015 – наука, технологии и образование)		5	6
Здравоохранение		6	
Экологическая безопасность и рациональное природопользование (2015 – экология живых систем и рациональное природопользование)		8	7
Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти (2015 – культура)		7	8
Стратегическая стабильность и взаимовыгодное (2015 – равноправное) международное сотрудничество		9	9

Уже сама корректировка названий, изменение количества приоритетов, их расстановка и последовательность, появление среди них новых предоставляют пищу для размышления и способны многое сказать специалистам. Вместе с тем для этого требуется отдельный и подробный анализ, поэтому ограничимся лишь указанием на следующие существенные обстоятельства.

Первым приоритетом в 2021 году стало сбережение народа России и развитие человеческого потенциала. В такой постановке вопроса проблема раньше вообще не поднималась. Поскольку Стратегия исходит из неотделимости развития страны и обеспечения ее безопасности, можно утверждать, что смысл государственной политики заключается в создании условий для процветания народа, его физического и духовного развития. Без развития человека и сбережения народа нельзя рассчитывать на какую-либо привлекательность и успех российской модели устройства и развития страны.

С учетом изложенного объяснимо то, что оборона страны, стоявшая с 2009 года на первом месте среди приоритетов, в 2021 году сместилась на вторую позицию. Важно в этой связи и то, что Стратегия в результате произведенной рокировки стала представляться менее «военизированной». Как известно, в течение ряда лет Россия ценой значительных усилий нарастила и поддерживает в «рабочем состоянии» свой военный потенциал, показала свою способность проецировать военную силу на удаленных театрах, и вряд ли в мире найдутся сегодня желающие почувствовать ее на себе. Конечно же, постоянный мониторинг международной обстановки побуждает Россию, что называется, «держат порох сухим». Вместе с тем уместно напомнить, что в современных условиях центр внимания геополитической борьбы сместился в другие сферы, где постоянно наращиваются возможности для деструктивного воздействия на социумы и государства.

Четвертый раздел Стратегии («Обеспечение национальной безопасности») является самым большим по объёму и составляет почти три четверти всего документа. В разделе раскрываются стратегические национальные приоритеты. Обращает на себя внимание четкая структура раскрытия каждого приоритета: сначала представлена оценка положения дел, затем определяется цель государственной политики в конкретном сегменте, после чего излагаются задачи, посредством решения которых заявленная цель будет достигаться. Следует отметить, что такой стройности изложения не было ни в Стратегии

2015 года, ни до нее. По всей видимости, органам государственной власти и экспертному сообществу, ответственным за раскрытие каждого приоритета, уполномоченным институтом сразу была задана структура итогового текста.

Представляется проблематичным подробно и без упущения всех важных деталей охарактеризовать качество проработки каждого приоритета. Есть смысл предоставить решение такой сложной интеллектуальной задачи специалистам. Поэтому попытаемся вкратце остановиться только на некоторых положениях четвертого раздела Стратегии.

При характеристике государственной и общественной безопасности значительное внимание уделено как внутренним, так и внешним факторам. Вполне трезво констатируется деятельность деструктивных сил за рубежом и в России.

Впервые в качестве стратегического национального приоритета определена информационная безопасность, что, безусловно, вполне обоснованно. Следует отметить в этой связи, что к моменту принятия Стратегии уже действовала Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента от 5 декабря 2016 года № 646). Кроме того, 26 июля 2017 года был принят Федеральный закон № 187 ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»¹. Закон регулирует отношения в области обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры России в целях ее устойчивого функционирования при проведении в отношении ее компьютерных атак.

При характеристике информационной безопасности констатируется деятельность недружественных государств, в том числе отработка ими действий по выведению из строя объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации. Ставятся в Стратегии и важные задачи по укреплению информационной безопасности Вооруженных сил, других войск, воинских формирований и органов, а также разработчиков и изготовителей вооружения, военной и специальной техники, по доведению до российской и международной общественности достоверной информации о внутренней и внешней политике России, развитию сил и средств информационно-противоборства и т. д.

---

¹ URL: <https://rg.ru/2017/07/31/bezopasnost-dok.html>.

Важные установки излагаются в рамках приоритета «Экономическая безопасность». Так, ставится задача по преодолению критической зависимости российской экономики от импорта за счет ускоренного внедрения передовых российских технологических разработок, локализации производства на территории страны. Особого внимания и поддержки заслуживает декларация Россией намерения сократить использование доллара США при осуществлении внешнеэкономической деятельности. Фактически это будет означать полноценную суверенизацию не только российской экономики, но и политики, а в конечном счете будет работать на прекращение мировой гегемонии США, экономическое могущество которых и рычаги воздействия на партнеров и противников построены на необеспеченном золотом долларе. При этом соглашения, предполагающие переход на расчеты в национальной валюте, уже заключены Россией с целым рядом стран и реализуются.

В приоритете «Научно-технологическое развитие» обоснованно констатируется, помимо прочего, то, что в современных условиях силовое соперничество между странами переносится в новую плоскость.

В развернутом виде представлен в Стратегии приоритет «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти». О провозглашении нашей страной своей идентичности свидетельствует утверждение о том, что Россия «рассматривает свои базовые, сформировавшиеся на протяжении столетий отечественной истории духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, нормы морали и нравственности в качестве основы российского общества, которая позволяет сохранять и укреплять суверенитет Российской Федерации, строить будущее и достигать новых высот в развитии общества и личности».

Внимания заслуживает и содержание приоритета «Стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество». Причем характерно то, что в действительности речь здесь идет о внешней политике России, направленной на защиту национальных интересов и укрепление международной безопасности. В рамках внешней политики декларируется решение ряда актуальных для обеспечения национальной безопасности задач. В частности, целесообразно обратить внимание на следующие из них:

– содействие устраниению и предотвращению возникновения очагов напряженности и конфликтов на территориях соседних с Российской Федерацией государств;

– укрепление братских связей между русским, белорусским и украинским народами;

– противодействие попыткам фальсификации истории, защита исторической правды, сохранение исторической памяти.

Завершается документ изложением организационных основ и механизма реализации Стратегии. Здесь отмечено (ст. 104), что задачи, предусмотренные в рамках стратегических национальных приоритетов, решаются путем разработки, корректировки и исполнения документов стратегического планирования, программ и проектов и их необходимого ресурсного обеспечения. Следует подчеркнуть, что воплощение установок Стратегии предполагает их практическую реализацию в виде программ и проектов. Надо сказать, что в подобном виде механизм определяется впервые: ранее речь шла фактически только о документах как его компонентах. Кроме того, в Стратегии заявлено о намерении искоренить коррупцию, для чего предусматривается и международное сотрудничество.

В этой связи хочется выразить надежду, что дело действительно не сведется только к бюрократическим процедурам в виде планов и отчетов, и итог работы будет выражаться в реализованных проектах, соответствующих заявленным в Стратегии ожидаемым результатам в виде сбережения народа, развития человеческого потенциала, повышения качества жизни и благосостояния граждан, укрепления обороноспособности страны, единства и сплоченности общества, достижения национальных целей развития, повышения конкурентоспособности и международного престижа России. Если всё намеченное будет исполнено, тогда можно будет утверждать о наличии у нас последовательно реализуемой государственной стратегии.

Сопряжение усилий

И здесь обращает на себя внимание то, что в относительно короткий период до и, что заслуживает особого внимания, уже после выхода Стратегии в России издан ряд правовых актов и приняты важные решения, которые задают ориентиры и рамки для развития страны и обеспечения ее безопасности и сопрягаются с установками главного доктринального документа. В этой связи внимания заслуживает следующее.

Появились признаки того, что у государственного руководства России формируется понимание необходимости долгосрочного

(стратегического) целеполагания, основанного на понимании будущего, к которому страна должна стремиться, равно как и того, как это должно происходить. Так, соответствующие установки декларированы в указах Президента от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

Исключительно важным представляется и то, что ценности, провозглашенные как основа идентичности и консолидации народа, получают закрепление не только в доктринальных документах, но и в высшем правовом акте страны. Так, в 2020 году в Конституции Российской Федерации появилось положение о том, что страна «читит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается» (ст. 67).

Практические меры в отстаивании исторической правды и культурного суверенитета России предполагает принятие 1 июля 2021 года Федерального закона № 278-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». Законом предусмотрен запрет на публичное отождествление целей, решений и действий руководства СССР, командования и военнослужащих СССР с целями, решениями и действиями руководства нацистской Германии, командования и военнослужащих нацистской Германии и европейских стран в ходе Второй мировой войны, а также отрицания решающей роли советского народа в разгроме нацистской Германии и гуманитарной миссии СССР при освобождении стран Европы¹.

О том, что декларированные установки должны воплощаться на практике, свидетельствует и создание профильных структур в системе органов государственной власти, наделенных соответствующими полномочиями. Так, Указом Президента от 30 июля 2021 года № 442 была создана Межведомственная комиссия по историческому просвещению². Комиссия, как координационный и совещательный орган при главе государства, образована «в целях обеспечения эффективного взаимодействия государственных органов, научно-образовательного

---

¹ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107010008>.

² URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107300042>.

и культурного сообщества в части, касающейся отстаивания национальных интересов Российской Федерации, связанных с защитой исторической правды и сохранением исторической памяти, в том числе с предупреждением попыток фальсификации исторических фактов, а также с развитием просветительской деятельности в области истории».

Признаки перехода России к политическому наступлению проявляются и в ее отношениях с партнерами (оставим для них такое обозначение) на международной арене. Отметим, что Указом Президента от 23 апреля 2021 года установлены иностранные государства (США и Чехия), совершающие недружественные действия в отношении России, а правительством определены меры в отношении их¹. Думается, такие действия стали сигналом для остальных партнеров России о том, что ее внешняя политика претерпела существенные изменения.

Всё более активно Россия осваивает и глобальное информационно-коммуникативное пространство для демонстрации своей оценки сложившегося в мире статуса-кво и для декларации общественности и политическим элитам за рубежом своих намерений. В этом отношении нельзя недооценить сам факт выхода недавних статей В. В. Путина «Быть открытыми, несмотря на прошлое» (22 июня 2021 года, на немецком языке в авторитетной газете «Die Zeit»)² и «Об историческом единстве русских и украинцев» (12 июля 2021 года, на русском и украинском языках)³. Хотелось бы, чтобы такие формы политической коммуникации получили развитие. Как показывает практика, появление статьи российского Президента или другого руководителя страны с изложением на иностранном языке видения той или иной актуальной проблемы, размещенной на официальных информационных ресурсах или в авторитетном зарубежном издании, представляет собой четкий сигнал для целевой зарубежной аудитории. Своевременный выход таких текстов позволяет и избежать криво толков в изложении позиции российского государства, а в ряде случаев – сработать на опережение и перспективу. Можно в этой связи

¹ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104230015>;
URL: <https://rg.ru/2021/04/26/protivodeistvie-dok.html>;
URL: <https://rg.ru/2021/05/14/pravitelstvo-rasp1230-reg-dok.html>.

² Wladimir Putin: Offen sein, trotz der Vergangenheit // ZEIT ONLINE.

³ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/66181>.

с уверенностью утверждать, что за рубежом будет весьма позитивно встречено и появление официального перевода Стратегии, например, на английском, китайском, немецком и французском языках. Практика же размещения на государственных информационных ресурсах доктринальных документов, переведенных на иностранные языки (в том числе на русский), получает всё большее распространение в развитых странах. Кстати, в ФРГ Стратегия уже переведена одной из научных организаций на немецкий язык и опубликована.

Думается, состоявшееся сосредоточение в пределах относительно непродолжительного временного промежутка сопряженных по смысловой нагрузке установлений не следует расценивать как случайность. Скорее, оно свидетельствует о формировании у руководства страны целостного понимания направленности и перспективы государственной политики и развития России на основе традиционных ценностей. Судя по содержанию вышедших документов, такое понимание предполагает синтез и скоординированность как внутренних (устойчивое социально-экономическое развитие и общественно-политическое устройство, обеспечение безопасности), так и внешних компонентов (целенаправленные действия на международной арене). Стоит всё же отметить, что для российской политики такая целенаправленность и согласованность – относительно новые явления. И это внушает осторожный оптимизм.

Заключение

Качество главного доктринального документа страны в области национальной безопасности с каждым разом возрастает. Вместе с тем необходимо учитывать, что и принятая Стратегия не идеальна и нуждается в развитии. Прежде всего, сохраняется необходимость разработки единого документа, связывающего воедино и развитие, и обеспечение безопасности России. Лучше, чтобы этот документ назывался концепцией, в том числе и потому, что словосочетание «стратегия безопасности» представляет собой кальку с названия аналогичных документов США. С точки зрения русского языка словосочетание «стратегия безопасности» (т. е. состояния) не вполне корректно.

Оценивая интеллектуальные усилия, обеспечившие появление на свет Стратегии и сопряженных с ней доктринальных установок, правовых норм и общественно-политических практик, можно установить

еще один важный их результат. Ведь в их появлении в действительности обнаруживаются признаки формирования целеустремленной и долгосрочной государственной стратегии России, которая основана на традиционных ценностях и артикулируется в публичном пространстве. Дорогостоящее то, что Россия стала не просто громко заявлять о том, что ее не устраивает в окружающем мире, но и о том, каким этот мир должен быть, пусть пока и контуры этого мира отчетливо не очерчены. Более того, Россия всё чаще действует в соответствии с этими представлениями, ясно осознавая, что ей будет оказываться противодействие.

В этой связи следующим шагом в программировании государственной политики должно стать окончательное преодоление синдрома «осажденной крепости», для этого в первую очередь требуется создание и последовательная реализация оригинального российского проекта мироустройства. Дело ближайшего будущего – переработка на основе установок Стратегии других доктринальных документов, прежде всего, Концепции внешней политики и Военной доктрины.

В заключение необходимо отметить, что наличие в документе установок и ориентиров, даже самых бесспорных, еще не гарантирует их воплощения на практике. Если таковое произойдет, можно будет с уверенностью утверждать, что Стратегия реализуется.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Назаров В. П. Стратегическое планирование: сейчас или опять потом? // *Власть.* 2007. № 11. С. 3–9. [Nazarov, V. P. (2007). Strategic planning: now or later again? *The Authority*, 11, 3–9. (In Russ.)].

УДК 32.019.5

DOI 10.52070/2500-347X_2021_2_843_36

Е. В. Бродовская, Р. В. Зворыгин, В. А. Лукушин

Бродовская Е. В., доктор политических наук, профессор
Департамента политологии
директор Центра политических исследований
Финансового университета при Правительстве РФ
brodovskaya@inbox.ru

Зворыгин Р. В., аспирант факультета государственного управления
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
стажер Лаборатории аналитики больших данных ВОФ молодых политологов
«Дигория»
vatmana3@inbox.ru

Лукушин В. А., лаборант Центра политических исследований
Финансового университета при Правительстве РФ
координатор Лаборатории аналитики больших данных ВОФ молодых
политологов «Дигория»
lukushin@aol.com

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЦИФРОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ ТРАДИЦИОННЫХ И НОВЫХ ПАРТИЙНЫХ АКТОРОВ В РОССИИ, 2020 ГОД¹

Статья посвящена сравнительному анализу цифровых коммуникаций российских политических партий в 2020 г. Выборка включила в себя восемь партий, как традиционных так и появившихся в течение последнего цикла. Методика исследования опирается на гибридную стратегию, предусматривает комбинацию методов и использование автоматизированных инструментов. По результатам зафиксированы различия в подходах к организации цифровых коммуникаций между парламентскими и «новыми» партиями. На основе выделенных преимуществ новых партий, выдвигается предположение о возможностях перетока голосов избирателей.

Ключевые слова: политические партии; социально-медийный анализ; цифровые инфраструктуры; цифровые коммуникации; цифровая среда; цифровые сообщества; информационные потоки.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №20-011-31407 «Интернет-коммуникации российских политических партий: масштаб, содержание и динамика информационных потоков в социальных медиа».

E. V. Brodovskaya, R. V. Zvorygin, V. A. Lukushin

Brodovskaya E. V., Doctor of Political Science (Dr. habil), Professor of the Department of Political Science Faculty of Social Sciences and Mass Communications

Director of the Center for Political Studies Financial University under the Government of the Russian Federation

brodovskaya@inbox.ru

Zvorygin R. V., Post-graduate of the Faculty of Public Administration Lomonosov Moscow State University

intern of the Laboratory of Big Data Analytics of «Digoria»

Scientific Forum

vatmana3@inbox.ru

Lukushin V. A., Research Assistant at the Center for Political Studies Financial University under the Government of the Russian Federation

Coordinator of the Laboratory of Big Data Analytics of «Digoria»

lukushin@aol.com

**COMPARATIVE ANALYSIS OF DIGITAL COMMUNICATIONS
OF TRADITIONAL AND NEW PARTY ACTORS IN RUSSIA, 2020¹**

The article is devoted to a comparative analysis of digital communications of Russian political parties in 2020. The sample included eight parties, both traditional and emerging during the last cycle. The research methodology is based on a hybrid strategy, involves a combination of methods and the use of automated tools. According to the results, differences were recorded in the approaches to organizing digital communications between parliamentary and new parties. Based on the highlighted advantages of the new parties, the authors make an assumption about the possibilities of an overflow of votes.

Key words: political parties; social media analysis; digital infrastructures; digital communications; digital environment; digital communities; information flows.

Введение

В 2020 году наметилась тенденция активизации отечественного партийного строительства. Создание нескольких партийных проектов, так называемых новых, или малых политических партий, занимающих различные идеологические позиции, запустило процессы кадрового

---

¹ The research was carried out with the financial support of RFBR and EISR within the framework of scientific project No. 20-011-31407 «Internet communications of Russian political parties: scale, content and dynamics of information flows in social media».

обновления российской партийной системы, повышения уровня конкуренции партийных структур. Прошедший 13 сентября 2020 г. Единый день голосования (далее – ЕДГ) продемонстрировал первые успехи новых партий на региональном уровне. Партии «Новые люди», «За правду», «Зеленая альтернатива» смогли получить представительство в законодательных (представительных) органах государственной власти ряда субъектов Федерации, тем самым обеспечив себе право быть допущенными к участию в выборах депутатов Государственной думы Федерального Собрания РФ без сбора подписей избирателей. Усиление электоральной конкуренции может стать причиной изменения положения оппозиционных парламентских партий, а также нарушить устоявшийся баланс сил. Мы предполагаем, что активная деятельность новых партий окажет определенное влияние на ход и результат предстоящей избирательной кампании.

Теоретико-методологические основы

Теоретическая основа исследования

Теоретической основой данного исследования являются концепции социальных сетей М. Кастельса и подталкивающей информации Р. Талера. М. Кастельс указывает на то, что общественные отношения сегодня оказываются организованными по принципу сетей, где каждый субъект находится во взаимосвязи с другими [Кастельс 2000]. Цифровые технологии коммуникации трансформируют общественные движения и коллективные действия. Онлайн-сети децентрализовали потоки информации, но управление ими способно создать масштаб и энергию социального движения. М. Кастельс отмечает, что коммуникации находятся в центре структуры и динамики современного общества, «поскольку именно через коммуникацию человеческое сознание взаимодействует с его социальным и естественным окружением. Этот процесс коммуникации происходит в соответствии со структурой, культурой, организацией и технологией коммуникации в данном обществе» [Кастельс 2016]. В концепции М. Кастельса власть зиждется на способности формировать сознание общественности посредством контроля над коммуникацией и информацией, будь то макросила государства и медиакорпораций, или микросила различных организаций [Castells 2009].

Современные цифровые коммуникации обозначили особую значимость концепции подталкивающей информации, реализованной в таргетировании контента в цифровой среде. Подталкивание подразумевает «любой аспект процесса принятия решения, который побуждает людей изменять свое поведение определенным образом, не внося никаких ограничений в возможности выбора» [Талер, Санстейн 2017]. Присущие людям когнитивные искажения, обусловленные ограниченной рациональностью, социальными предпочтениями и недостатком самоконтроля, оказывают воздействие на принятие индивидуальных решений [Талер 2014; Sunstein 2015].

Концепция подталкивающей информации встречает критику за применение методов манипулятивного воздействия в целях социальной инженерии [The Soft Totalitarianism of Nudging URL]. Вместе с тем идеи концепции получают развития в технологиях убеждения, используемых в цифровой среде. При использовании цифровых коммуникаций поведение индивида обуславливается его мотивацией и способностями, а также информационными подсказками (импульсами) [Fogg URL]. Данные концепции нашли свое применение в современных избирательных технологиях, политическом маркетинге, брендинге политических партий.

Обзор современных исследований

Новые технологии коммуникации воспринимались в научном сообществе неоднозначно. Одни видели в них угрозу политическим партиям и демократическим процессам из-за снижения активности граждан [Putnam 1995; Putnam 2001]. Другие усматривают содействие, расширение возможностей взаимодействия в цифровом пространстве. Р. Далтон, рассматривая изменения современной гражданской политики в странах с развитой индустриальной демократией в аспекте формирования общественного мнения и развития политических партий, отмечает, что сейчас, как никогда, люди управляют демократическим процессом. То, что люди думают о своем правительстве и его лидерах, как они голосуют, и то, что они делают или говорят о большом количестве политических вопросов, сильно влияет на дальнейшее укрепление или разрушение демократии и демократических идеалов [Dalton 2013].

По мнению ряда зарубежных исследователей, Интернет и «социальные медиа» изначально могли быть поняты как еще один

инструмент, который политики могли бы использовать, чтобы обойтись без политических партий. Между тем цифровые коммуникации усиливают «глокализацию» общественной и политической сферы – процесс, уже начатый с появлением телевидения. Поэтому политические партии снова становятся незаменимыми. Они находятся в беспрецедентном положении для воссоздания социальных и политических связей, поскольку только они стоят как в центре, так и на периферии новой сферы, охватывающей общественную и политическую жизнь [Lachapelle, Maarek 2015].

По мнению Л. В. Сморгунова, традиционные политические партии сегодня стоят перед вызовом новых форм политической коммуникации, которые характеризуются персонификацией, активным самовыражением, прямым участием, визуализацией. По этой причине они начинают активно приспосабливаться к ситуации, что ведет к сетевой организации и перестройке их работы. Новые виртуальные партии в этом отношении имеют определенное преимущество, но пока они захватывают только некоторые сегменты политики, ориентируясь на «горячие» проблемы. В то же время ясно, что сетевая организация является более конкурентоспособной и соответствующей потребностям в политической активности граждан [Сморгунов 2014].

В ходе анализа медиаландшафта и коммуникационного пространства политических партий России Д. В. Чижов отмечает, системы оценки эффективности интернет-коммуникации политических партий признаются несовершенными по следующим причинам:

- 1) отсутствует национальный рейтинг и методика оценки эффективности интернет-коммуникаций политических партий с учетом всех используемых ими инструментов интернет-активности;
- 2) в силу сложности оценки эффективности отдельных интернет-инструментов и проектов политических партий;
- 3) интернет-коммуникации политических партий не дифференцированы по инструментам и формам, что затрудняет их анализ [Чижов 2015].

Роли социальных сетей в избирательном процессе современной России посвящено исследование Т. А. Невской. В частности, авторы рассматривают вопрос о факторах, обуславливающих эффективность использования социальных сетей в избирательных кампаниях. Сделан вывод о том, что в настоящее время работа в социальных сетях слабо влияет на итоги голосования. Причины этого заключаются

отчасти в дефиците квалифицированных специалистов в области политической рекламы в социальных сетях. Кроме того, допускаются существенные просчеты при выборе основной площадки продвижения. Остаются нерешенными проблемы низкого доверия пользователей к традиционным политическим партиям и их представителям, высокой степени фрагментации интернет-сообщества и сравнительно слабых связей между его отдельными сегментами [Невская 2018].

В исследовании Е. В. Бродовской произведено исчисление индекса цифрового менеджмента российских политических партий и пропартийных сетевых акторов осуществлялось на основе сопоставления следующих показателей: развитость цифровой инфраструктуры; пересечение сетей офлайн и онлайн; управление информационным потоком в социальных медиа; персоноцентричность информационного потока в социальных медиа; неформальность информационного потока в социальных медиа; интегрированность информационного потока в социальных медиа; соответствие локализации информационного потока целевой аудитории. Высокий уровень потенциала масштабировать электоральную поддержку за счет коммуникации с целевыми аудиториями онлайн зафиксирован автором у партии «Россия будущего». Большинство единиц анализа («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, СР) попали во второй сегмент со средним уровнем адаптации к лимитированию коммуникаций в реальной среде. Низкий уровень адаптации продемонстрировали «Справедливая Россия», «Яблоко» и «Партия Роста» [Бродовская 2020].

Е. М. Степовенко рассматривает основные тенденции трансформации символической репрезентации политических партий в контексте перехода от интернет-технологий Веб 1.0 к Веб 2.0. Автор анализирует переход от традиционной текстовой информации к системе символов (изображения, иконки) и замещение вербальной репрезентации аудиовизуальными средствами выражения; раскрывает понятие символической репрезентации, производится анализ воздействия символов на конструирование социальной и политической реальности [Степовенко 2019].

Методика исследования

Исследование опирается на гибридную стратегию и триангуляцию методов. Начальный этап исследования был направлен на определение посредством когнитивного картирования особенностей

публикуемого политическими партиями цифрового контента. В качестве объектов исследования было выбрано восемь российских политических партий: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия», «Новые люди», «За правду», «Зеленая альтернатива» и «Партия прямой демократии». Эмпирическая база включает в себя 700 публикаций, размещенных в 20-и партийных аккаунтах. Для статистической обработки собранных данных применялся программный инструмент «SPSS Statistics V27».

Следующим шагом стало проведение социально-медийного анализа информационных потоков новых и традиционных политических партий с использованием автоматизированного сервиса мониторинга социальных медиа «IQBuzz». Общий датасет составил 2 млн сообщений с упоминанием исследуемых партий в 30 наиболее популярных социальных сетях, форумах и медиапорталах за период с 01.03.2020 по 01.11.2020. В качестве дополнительного инструмента социально-медийной аналитики применялся онлайн-сервис «Popsters», позволивший обеспечить исследование дополнительными данными о вовлеченности пользователей в цифровые сообщества политических партий.

Вспомогательным методом исследования выступил ивент-анализ, который осуществлялся с помощью онлайн-инструмента «Google Trends». Данный метод расширяет возможности социально-медийной аналитики, и позволяет фиксировать связи между различными видами цифровой активности и определенными социально-политическими событиями.

Результаты исследования

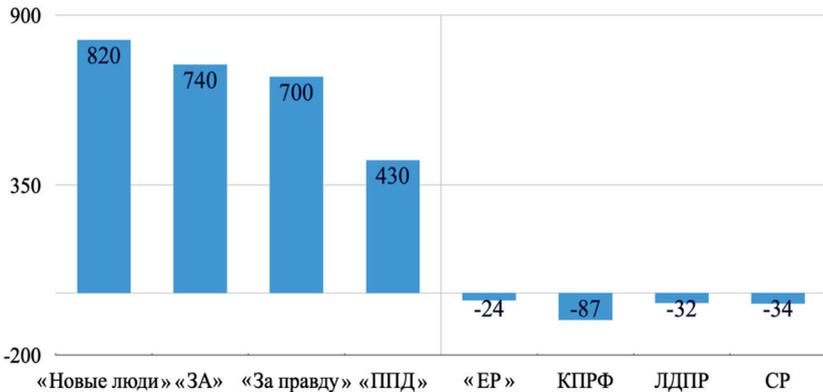
Объём и динамика информационных потоков

Количественные результаты автоматизированной выгрузки позволяют выделить лидеров по количеству сообщений и упоминаний в социальных медиа за рассматриваемый период. В информационном потоке новых партий доминируют партии «Новые люди» и «За правду», на которые приходится 35% и 33% сообщений соответственно. Среди парламентских партий лидером является партия «Единая Россия» (42%). Оппозиционные парламентские партии аккумулируют меньший объём информационного потока, однако в абсолютных величинах объём их сообщений в социальных медиа в несколько раз превышает показатели новых партий. Развитая и разветвленная

цифровая инфраструктура парламентских партий, наличие дополнительных финансовых и административных ресурсов позволяют охватывать большее число пользователей. На объём информационного потока влияет и непрерывная генерация цифрового контента парламентскими партиями.

Анализ динамических характеристик информационных потоков указывает на бóльшую устойчивость цифровых коммуникаций новых партий. Сопоставление результатов социально-медийной аналитики с проведенным ивент-анализом демонстрирует, что парламентские партии склонны наращивать объёмы публикаций и сообщений в течение одного-двух месяцев до дня голосования. В 2020 г. активизация парламентских партий в сети Интернет началась несколько раньше. Первые пиковые значения зафиксированы в мае, что связано с подготовкой к общероссийскому голосованию по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации и сложившейся эпидемиологической ситуацией в стране, связанной с распространением COVID-19.

Диаграмма 1

Изменение объёма информационного потока партий в социальных медиа в октябре по сравнению с мартом 2020 г., %

Следующее повышение уровня активности парламентских партий в социально-медийной среде наблюдается на фоне приближения региональных выборов в рамках ЕДГ 2020 в сентябре 2020 г. и резко обрывается после подведения итогов выборов. В ноябре 2020 года

по сравнению с мартом 2020 г. объём информационных потоков всех четырех парламентских партий снизился в среднем на 44%, в то время как новые партии смогли многократно нарастить показатель собственного присутствия в социальных медиа.

В ходе анализа динамики информационных потоков новых партий зафиксирована иная, по сравнению с парламентскими партиями, стратегия выстраивания цифровых коммуникаций. В силу отсутствия с их стороны интереса к конституционному голосованию, всплеска цифровой активности в данный период не зафиксировано. Объём сообщений и упоминаний начинает умеренно расти только в июле 2020 года. После выборов активность возвращается на уровень доэлекторального периода и приобретает стабильный характер. Благодаря применению ивент-анализа, удалось выявить большее разнообразие событий-триггеров в информационных потоках новых партий: пользователи привлекают не только яркие инициативы лидеров и активистов, но и гражданские акции (например, у партии «Зеленая альтернатива» ситуация вокруг экологического конфликта в Башкирии), специальные общественные кампании в сети Интернет (движение «Я/Мы против ЕГЭ» у партии «За правду»).

Инструменты цифровой коммуникации

Особенности представленности партий в социальных медиа и основные метрики их аккаунтов позволяют определить не только их популярность в цифровой среде, но и базовые характеристики целевых аудиторий. Традиционные парламентские партии чаще используют «классические» социальные сети и микроблоги: наибольшее число их подписчиков сосредоточено в «ВКонтакте», «Facebook» и «Twitter». Для новых партий характерен выбор более современных платформ. Направленность новых партий на включение в свою повестку молодежной аудитории начинается именно с выбора актуальных ресурсов. Так, «Новые люди» сделали ставку на мессенджер «Telegram», где помимо крупной официальной страницы создали сетку региональных чатов и специальных ботов, уведомляющих подписчиков о новостях и событиях партийной жизни. Партия «За правду» делает акцент на присутствие в «Instagram», используя в публикациях визуализацию и графический материал, а также возможности характерного для данной социальной сети прямого контакта с аудиторией.

Согласно результатам автоматизированного анализа партийных информационных потоков, традиционные парламентские партии чаще публикуют длинные сообщения (средний размер – 700-900 символов). Новые партии, наоборот, склонны к размещению коротких постов и заметок (средний размер – 300-400 символов), снабженных ярким графическим материалом, включающим политические мемы и иной развлекательный контент. Стратегия новых партий является более перспективной, так как соответствует запросам современной интернет-аудитории, учитывает особенности восприятия цифровой информации, а также технические характеристики популярных сервисов.

Рис. 1. Примеры публикаций в официальном сообществе партии «Новые люди» в социальной сети «ВКонтакте»

Рассматриваемым парламентским партиям не удастся в полной мере конвертировать высокий уровень узнаваемости и широту охвата аудитории в социальных медиа в реальную практики пользователей. Подсчет среднего показателя вовлеченности (*ER – engagement rate, уровень вовлеченности*) для набора официальных аккаунтов каждой из исследуемых партий демонстрирует обратную зависимость между числом участников сообщества и включенностью аудитории в различные формы цифровой активности (лайки, репосты, комментарии). Несмотря на незначительный охват аудитории социальных медиа, партия «За правду» демонстрирует самый существенный показатель пользовательской вовлеченности во всех цифровых сообществах (6,9). В то же время партия ЛДПР, чьи сообщества имеют большое количество подписчиков, показывает минимальный уровень вовлеченности среди всех исследуемых партий (0,8).

Таблица 1

Количественные показатели цифровых сообществ российских политических партий

Показатель Партия	Наиболее популярное соцмедиа	Кол-во подписчиков	Средняя вовлеченность (ER), %
«Единая Россия»	Twitter	158643	1,2
КПРФ	ВКонтакте	88872	1,9
ЛДПР	ВКонтакте	133855	0,8
СР	Facebook	51832	0,9
«Новые люди»	Telegram	27557	4,3
«За правду»	Instagram	11614	6,9
«Зеленая альтернатива»	Facebook	25278	4,0
«Партия прямой демократии»	Telegram	601	3,8

Высокий уровень вовлеченности пользователей в цифровых сообществах новых партий достигается за счет разнообразия контента, прямого диалога с пользователями, формирования образа открытости в социальных медиа. Подобная открытость, регулярность и неформальность публикаций обеспечивают успешность политической коммуникации в современной цифровой среде. Использование официальных шрифтов, цветов, логотипов, соблюдение фирменного стиля, применение иных визуальных инструментов повышают лояльность пользователей к бренду партии, его узнаваемость и запоминаемость, а также формируют целостность информационного потока.

Содержательные характеристики контента

Результаты когнитивного картирования контента партий в социальных медиа позволили оценить преобладающие темы публикаций и выявить смысловое ядро информационного потока для каждой партии. Партия «Зеленая альтернатива» работает исключительно с экологической тематикой, в некоторых случаях она «встраивается» в актуальную социальную повестку. Партия «Партия прямой демократии» концентрируется на проблемах развития свободной экономики, малого и среднего предпринимательства и инноваций. С одной

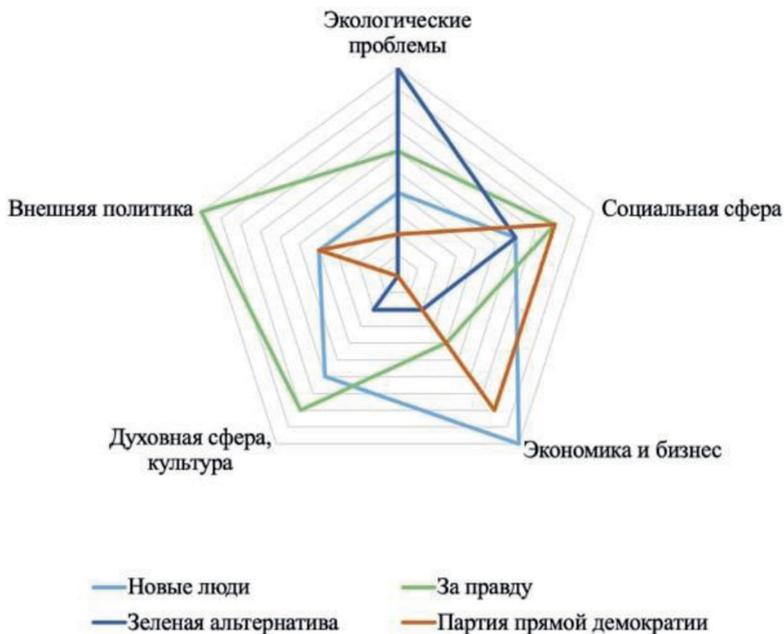
стороны, подобная фиксация партий на определенном круге проблем обеспечивает приближенность к запросам и интересам конкретных социальных групп и позволяет более эффективно их мобилизовывать. С другой – узкая направленность ограничивает возможности переориентации новыми партиями своей деятельности на другие целевые группы как в офлайн, так и в онлайн-средах, а также увеличивает их зависимость от внешних факторов и событий.

Партии «Новые люди» и «За правду» в большей степени соответствуют концепции «всеохватной» партии с размытым электоратом и работой с целым комплексом дискурсов. Но даже для них характерен акцент на определенные направления (внешнеполитическая деятельность у партии «За правду» и экономика/бизнес у партии «Новые люди»). Дальнейшее расширение тематики цифрового контента может способствовать привлечению дополнительной аудитории, но несет риски потери первоначального имиджа и уникальной составляющей партийного бренда. Зафиксирована враждебность контента указанных партий по отношению к парламентской и несистемной оппозиции. Это проявляется в отдельных публикациях, посвященных критике конкурентов, а также в прямых политических обвинениях оппозиционных партий и отдельных политиков. Такой характер цифрового взаимодействия с потенциальными соперниками свидетельствует об их готовности к участию в конкурентной избирательной кампании.

Анализируемые парламентские партии в своих цифровых сообществах затрагивают широкий круг тем и вопросов, включающий все выделенные направления. Однако однообразие партийной повестки, ее формализация и отсутствие отличительных характеристик создают дополнительные сложности для партий в цифровой среде, выраженные в дальнейшем снижении уровня пользовательской вовлеченности. Низкая заинтересованность парламентских партий актуальной в текущем году экологической повесткой свидетельствует о приобщении партий к универсальной модели взаимодействия с пользователями и низкой адаптивности к социально-политическим трендам и насущным проблемам избирателей. В сравнении с парламентской оппозицией, партия «Единая Россия» проявляет максимальные усилия по содержательному и тематическому обновлению контента и приведению его в соответствие с динамикой общественных интересов.

Диаграмма 2

Тематика контента, размещаемого в цифровых сообществах новых партий

Результаты когнитивного картирования свидетельствуют о том, что сразу для нескольких партий характерна сильная зависимость публикуемого контента от конкретных политических акторов. В случаях, когда речь идет об акцентировании внимания одновременно на нескольких лицах (экспертах, активистах, региональных функционерах, лидерах и др.), высокая персонификация публикаций не становится серьезной проблемой для партии. Рискованной стратегией является формирование контента на основе тиражирования образа одного человека. Наивысший уровень персонификации был зафиксирован в сообществах партий ЛДПР и «Новые люди». Если для партии ЛДПР подобная ситуация является традиционной и привычной, то для партии «Новые люди» она может стать серьезной преградой в будущем, в том числе связанной с негативным влиянием на электоральные

показатели партии. К персонцентристскому типу можно отнести и наполнение информационного потока партии «За правду».

Диаграмма 3

Тематика контента, размещаемого в цифровых сообществах парламентских партий

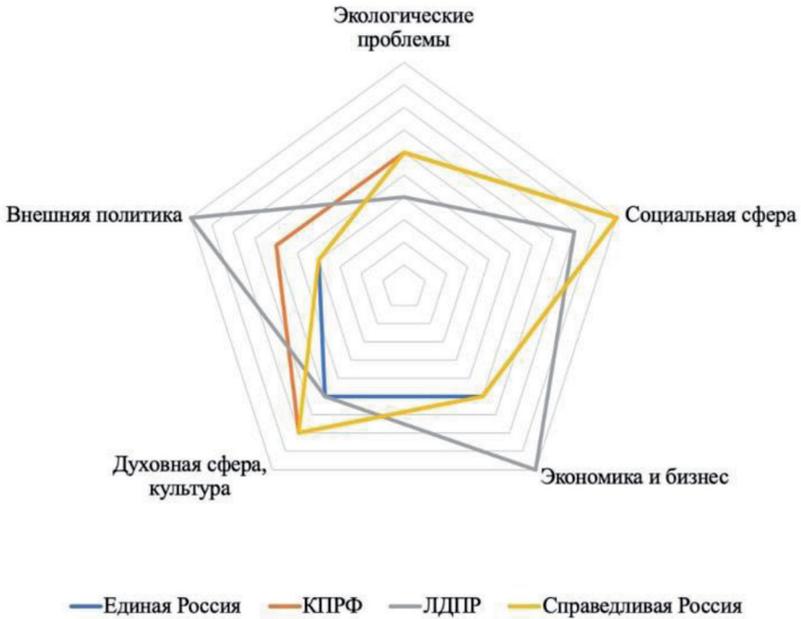

Рис. 2. Уровень персонификации публикаций, размещаемых в цифровых сообществах политических партий

Заключение

Сравнительный анализ цифровых коммуникаций российских политических партий продемонстрировал количественные и качественные различия между парламентскими партиями и новыми партийными проектами. Увеличивающийся разрыв в стратегиях и практиках проведения избирательных кампаний в цифровой среде будет способствовать усилению конкурентности предстоящих выборов.

Относительно перспектив новых партий можно сформулировать следующие выводы.

Во-первых, наибольшим потенциалом среди «новых» российских партийных акторов в текущем электоральном цикле, обладает партия «Новые люди», ориентированная на вовлеченных в бизнес и создавшая функциональную цифровую инфраструктуру уже перед Единым днем голосования в 2020 году.

Во-вторых, на социально-демократическую и национал-ориентированную нишу нацелена политическая партия «За правду», цифровой потенциал которой может способствовать перетоку голосов избирателей, прежде всего, от традиционной парламентской оппозиции. Кроме того, партия может быть интересна «левой» интеллигенции, ориентированной на «новые лица».

В-третьих, партия «Зелёная альтернатива» уверенно занимает модную экологическую нишу в партийной системе, однако не обладает сильной цифровой инфраструктурой. Вместе с тем необходимо отметить, что у данного актора самый высокий потенциал конверсии активности пользователей, вовлеченных в партийный информационный поток, в реальные практики.

В-четвертых, политическая партия «Партия прямой демократии» является альтернативной площадкой для части протестно-ориентированного электората. «Партия прямой демократии» – это пока не очень удачная попытка из неполитического комьюнити «вырастить» политическое сообщество.

По результатам проведенного исследования можно сформулировать следующие рекомендации для политических партий в новом электоральном цикле. Традиционным парламентским партиям необходимо развивать собственную цифровую инфраструктуру и совершенствовать механизмы цифровых коммуникаций, повышая открытость, качество цифрового контента, затрагивая актуальную повестку и демонстрируя стремление к обновлению.

Учитывая высокий риск перетока голосов избирателей к новым партиям, целесообразно рассмотреть вариант заключения коалиционных соглашений, в том числе для работы в цифровом пространстве. Данный сценарий больше подходит левопатриотическим силам, не раз демонстрировавшим способность к объединению в силу идеологических особенностей и общности ценностей.

В то же время парламентской оппозиции не следует концентрироваться на стратегии сдерживания новых политических проектов, учитывая выполнение последними важной функции по канализированию и протестных настроений. Радикализация повестки новых партий маловероятна в силу их системного характера, однако агрессивность контента может способствовать привлечению части протестного электората.

Использование социально-медийной предиктивной аналитики для комплексного исследования и прогнозирования электоральных процессов сохраняет высокий потенциал. Дальнейшее отслеживание направлений трансформации партийных коммуникаций в цифровой среде, включающее глубокий анализ поведенческих характеристик пользователей, а также применение современных исследовательских методов и инструментов, является перспективным направлением исследования и одним из средств определения возможных рисков для российской политической системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бродовская Е. В.* Цифровой менеджмент в деятельности российских политических партий: проблемное поле управления информационными потоками в социальных медиа // *Власть*. 2020. Вып. 28 (6). С. 81–88. [Brodovskaya, E. V. (2020). Digital Management in the Activities of Russian Political Parties: the Problem Field of Information Flow Management in Social Media. *Vlast' (The Authority)*, 28 (6), 81–88. (In Russ.)]
- Кастельс М.* Власть коммуникации. М. : Высшая школа экономики, 2016. [Castells, M. (2016). *Vlast' kommunikatsii (Communication Power)*. Moscow : The Higher School of Economics (In Russ.)]
- Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : Высшая школа экономики, 2000. [Castells, M. (2000) *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura (Information Age: Economy, Society and Culture)*. Moscow : The Higher School of Economics (In Russ.)]
- Невская Т. А.* Роль социальных сетей в избирательном процессе современной России // *Политика и общество*. 2018. Вып. 9. С. 31–39. [Nevskaya, T. A.

- (2018). Rol' sotsial'nykh setei v izbiratel'nom protsesse sovremennoi Rossii (The role of social networks in the electoral process of modern Russia). *Politika i obshchestvo*, 9, 31–39. (In Russ.)]
- Сморгунов Л. В. Сетевые политические партии // Полис. Политические исследования. 2014. Вып. 4. С. 21–37. [Smorgunov, L. V. (2014) Network Political Parties. *Polis. Political Studies*, 4, 21–37. (In Russ.)]
- Степовенко Е. М. Символическая репрезентация партий в online-пространстве // Вопросы политологии. 2019. Вып. 4 (44). С. 680–685. [Stepovenko, E. M. (2019). Simvolicheskaya reprezentatsiya partii v online-prostranstve (Symbolic representation of parties in the online space). *Political Science Issues*, 4 (44), 680–685. (In Russ.)].
- Талер Р. От Homo economicus к Homo sapiens // Логос. 2014. Вып. 1 (97). С. 141–154. [Taler, R. (2014). From Homo economicus to Homo sapiens. *Logos*, 1 (97), 141–154. (In Russ.)]
- Талер Р., Санстейн К. Nudge: Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2017. [Taler, R., Sanstein, K. (2017). Nudge: Arkhitektura vybora. Как uluchshit' nashi resheniya o zdorov'e, blagosostoyanii i schast'e (Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness). Moscow: Mann, Ivanov and Ferber (In Russ.)]
- Чижов Д. В. Интернет-коммуникации политических партий: типологические черты и инструменты // Информационное общество. 2015. Вып. 4. С. 46–61. [Chizhov, D. V. (2015). Internet-Communication of Political Parties: Typological Features and Tools. *Information Society*, 4, 46–61. (In Russ.)]
- Castells M. Communication Power. Oxford : Oxford University Press, 2009.
- Dalton R. J. Citizen politics: Public opinion and political parties in advanced industrial democracies. Irvine: University of California, 2013.
- Fogg B. J. A Behavior Model for Persuasive Design // Persuasive Technology Lab of Stanford University. 2009, April 26. URL: <https://dl.acm.org/doi/10.1145/1541948.1541999> (дата обращения: 22.01.2021).
- Lachapelle G., Maarek P. Political Parties in the Digital Age. Berlin ; Boston : De Gruyter Oldenbourg, 2015.
- Putnam R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York : Simon & Schuster, 2001.
- Putnam R. Tuning In, Tuning Out: The Strange Disappearance of Social Capital in America // PS: Political Science and Politics. 1995. Vol. 28, # 4. P. 664–683.
- Sunstein C. R. Nudging and Choice Architecture: Ethical Considerations // Yale Journal on Regulation (Forthcoming). 2015. P. 1–50.
- Tapson M. The Soft Totalitarianism of Nudging. 2013, August 13. URL: <https://archives.frontpagemag.com/fpm/soft-totalitarianism-nudging-mark-tapson/> (дата обращения: 22.01.2021).

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2021_2_843_53

А. И. Емельянов, Я. В. Варнацкая

Емельянов А. И., кандидат политических наук, доцент
заведующий кафедрой теории регионоведения
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета
anton.politolog@ya.ru

Варнацкая Я. В., магистр политологии
менеджер отдела по работе с федеральными проектами ФГБУ «Российский
центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи»
(Роспатриотцентр)
ya.varnatskaya@linguanet.ru

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США В УСЛОВИЯХ СДВИГОВ «ПОЛИТИЧЕСКОГО МАЯТНИКА» В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

В статье рассматривается трансформация внешней политики США в условиях сдвигов политического маятника на латиноамериканском континенте. Отмечается, что на современном этапе в условиях международной напряженности государства Латинской Америки переживают значительные трансформации в политической, экономической и социальной сферах общества. Автор постулирует, что несмотря на политическую нестабильность, Латинская Америка и страны Карибского бассейна представляют стратегический интерес для ведущих акторов мировой политики, в частности, для США. В условиях формирующейся многополярной системы международных отношений и борьбы за гегемонию на глобальном уровне США стремятся подчинить данный регион собственным интересам.

Ключевые слова: актор; США; геополитика; внешняя политика; Латинская Америка; политический маятник; национальные интересы.

A. I. Emelianov, Ya. V. Varnatskaya

Emelianov A. I., PhD (Political Science), Associate Professor
Head of the Department of the Theory of Regional Studies
Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty)
Moscow State Linguistic University
anton.politolog@ya.ru

Varnatskaya Ya. V., Master of Political Science
Manager of the Federal Projects Department, FSBI «Russian Center for Civil and
Patriotic Education of Children and Youth» (Rospatriotcenter)
ya.varnatskaya@linguanet.ru

FOREIGN POLICY OF THE USA IN THE CONTEXT OF POLITICAL PENDULUM SHIFTS IN LATIN AMERICA

The article examines the transformation of US foreign policy in the context of shifts of the political pendulum on the Latin American continent. It is noted that at the present stage, in the conditions of international tension, the states of Latin America are experiencing significant transformations in the political, economic and social spheres of society. The author postulates that despite the political instability, Latin America and the Caribbean countries are of strategic interest for the leading actors of world politics, in particular, for the United States.

Key words: actor; USA; geopolitics; foreign policy; Latin America; political pendulum; national interests.

Введение

В условиях изменяющегося миропорядка различные государства так или иначе выстраивают внешнеполитическую стратегию, основой которой являются национальные интересы. Внутри американского истеблишмента действуют две группы принятия внешнеполитических решений: демократы и республиканцы, то есть две модели американской внешней политики. Однако необходимо отметить, что несмотря на разные средства достижения результата, цель у вышеупомянутых групп одинакова, во главе которой благосостояние государства, защита национальных интересов и отстаивание национальных ценностей.

Выборы президента США в 2020 году вызвали недоумение у многих наблюдателей по поводу внешней политики США. Граждане США и иностранцы в одинаковой мере борются за понимание дипломатической, экономической и военной политики США. Заявления администрации Д. Трампа о внешней политике, резкое изменение международных приоритетов по сравнению с предыдущим президентством, вызвали дополнительное внимание к этой теме. Это также подняло вопросы внешней политики о федерализме, односторонности США, иностранной помощи и системе разделения властей, закрепленной в конституции страны.

То, что многие считают радикальным изменением во внешней политике США при президенте Д. Трампе, на самом деле является возвращением к традиционной внешней политике, которую США проводили на протяжении большей части своей истории. На фоне внешней политики таких президентов, как У. Клинтон, Дж. Буш-младший и Б. Обама усилия Д. Трампа, направленные на то, чтобы выйти из

международного сообщества, казались самыми радикальными изменениями во внешней политике США за последние 70 лет. Новая внешняя политика США изменила международный порядок и ввергла мировую политику XXI века в условия «турбулентности».

Хотя большинство латиноамериканских стран еще не прочувствовали ожидаемых негативных последствий президентства Д. Трампа и стремятся к прагматическим отношениям с правительством США, стоит отметить, что во время его президентского срока Д. Трамп нанес значительный и потенциально долговременный ущерб отношениям между США и их южными соседями.

Результаты выборов президента США в 2020 году оказались полной противоположностью ожидаемому исходу и ввергли страну в хаос. Победа демократа Джо Байдена на президентских выборах обозначает новый виток в отношениях США и государствами Латинской Америки. Дж. Байден намерен восстановить отношения США со своими союзниками, присоединиться к Парижскому соглашению по климату, способствовать экономической безопасности и восстановить доверие к Америке за рубежом.

Особенности расстановки политических сил в Латинской Америке

В начале 2000-х годов разочарование неолиберальной моделью в Латинской Америке привело к ее «левому повороту» – череде побед левых и левоцентристских сил на президентских и парламентских выборах. Несколько лет назад данная тенденция сменилась на противоположную: «левые» президенты и правительства уступили место «правым». На это есть ряд нескольких причин, в числе которых влияние США, для которых приход левых сил в латиноамериканском регионе является страшным сном.

Результаты выборов в октябре 2018 года, которые касались как выборов президента Бразилии, так и в Национальный конгресс, удивили международное сообщество. Румпель явно перешел «вправо» или даже в праворадикальное положение. Социал-либеральная партия Жаира Болсонару совершила прорыв в Конгрессе. Единственное сопротивление заключалось в том, что Партии трудящихся удалось выставить своего «левого» кандидата Фернанду Аддада во втором туре президентских выборов, ввиду отсутствия Лулы, заключенно-го в тюрьму. Во втором туре 28 октября 2018 года Жаир Болсонару

набирает 55,1% голосов против 44,9% Фернанду Аддада. Личность избранного кандидата, бывшего военного, восхваляющего диктатуру, являющейся экстремистом в своих публичных заявлениях, склонный к союзу христиан-евангелистов, разделяет страну и общество в соответствии со следующими признаками: пол, цвет кожи, социальные классы, географические регионы.

Для Аргентины, едва оправившейся от серьезных трудностей, с которыми столкнулись «правые» перонистские правительства, а затем и «левые», и серьезного экономического и финансового кризиса, который ознаменовал начало 2000-х годов. Пришло время для восстановления, правительство президента Маурисио Макри (умеренно «правое»), избранное в 2015 году, вновь получает доступ к рынкам капитала с рисками, связанными с валютой и задолженностью страны. Но в 2018 году экономическая и финансовая ситуация снова ухудшается, и страна погружается в кризис. Аргентинское песо теряет половину своей стоимости в течение десяти месяцев, а инфляция поднимается выше 40% [Argentina. Country data ... URL]. Неспособность правящей партии справиться с экономическими трудностями позволила оппозиции выйти вперед на выборах в 2019 году, позволив левоцентристу Альберто Фернандес одержать победу. Таким образом, за последние четыре года Аргентина успела и совершить поворот «вправо», и развернуться в обратную сторону, разочаровавшись в своем выборе.

Политическая система Перу на протяжении многих лет выглядит более хрупкой, чем в других странах. Президент Педро Пабло Кучински («правый» центр), который выиграл президентские выборы 2016 года, сам участвовал в скандале и не имел большинства в Конгрессе, был вынужден уйти в отставку в марте 2018 г. В ноябре 2020 г. в должность президента вступил правоцентрист Франсиско Сагаста. В итоге, за последние пять лет в стране сменилось четыре президента. И только один из них покинул пост в связи с завершением мандата. Такая ситуация сложилась прежде всего из-за непрекращающегося противостояния между законодательной и исполнительной ветвями власти в условиях, когда у главы государства не было своего большинства среди депутатов. Однако уже в апреле 2021 года на президентских выборах в Перу одержал победу Педро Кастильо, и в июле Сагаста должен будет передать власть избранному «левому» президенту.

В Эквадоре волна масштабных беспорядков была вызвана мерами бюджетной экономии. Президент страны Ленин Морено, который избирался на высший пост как представитель левых сил, однако сблизившись с правым лагерем, издал указ об отмене субсидий на дизельное топливо, спровоцировав протесты. Тем не менее количество жертв среди участников акций вынудило лидера аннулировать указ.

В Боливии, где рука США всячески пыталась отстранить от власти Эво Моралеса, в 2019 году также прошли массовые протесты по результатам всеобщих выборов. Признав наличие нарушений во время выборов, Моралес вынужден был объявить о своей отставке под давлением силовых структур. Однако бывший лидер приготовил сюрприз к выборам в октябре 2020 года, мобилизовав сторонников «Движения к социализму», что позволило его однопартийцу Луису Арсе одержать победу.

В Чили президент Себастьян Пиньера (правый) вернулся к власти в марте 2018 года на второй четырехлетний срок после легкой победы (55% голосов во втором туре голосования в декабре 2017 года). Однако важно воспринимать чилийскую демократию критически, поскольку она подрывается сильным социальным неравенством, которое неоднократно мотивировало восстания молодых людей и студентов. Поводом для манифестаций 2019 г., которые вынудили Пиньеру отказаться от саммита АТЭС и конференции по климату в пользу решения социальных проблем, послужило очередное повышение стоимости проезда в метрополитене на 30 чилийских песо.

Уругвай, который был сформирован в XIX веке в качестве «буферного» государства между его двумя большими соседями, Бразилией и Аргентиной, пострадал от политического и финансового кризиса своих соседей, но честное управление более ограниченными ресурсами обеспечивает ему самый высокий ВВП на душу населения на континенте. Эта маленькая страна могла бы служить примером для региона из-за его демократического функционирования и социальной политики, созданной более века назад. Лидером государства с 2019 года является правоцентрист Луис Лакалье Поу.

После прихода к власти бывшего военного Уго Чавеса (1999) в Венесуэле произошли драматические события. Первоначально новый «боливарианский» режим, движимый народным импульсом, применял социальные меры перераспределения в пользу малоимущих классов, но впоследствии его репутация была омрачена быстрым

экономическим спадом, большой коррупцией, чрезмерной зависимостью от нефти и экстремальным культом личности. После смерти Чавеса его преемник, Николас Мадуро, избранный в спорных условиях в 2013 году, усилил репрессии и постепенно замкнул железный круг военно-гражданской диктатуры, которая изолировала страну. Следом проходят кровавые уличные столкновения, выборы в Учредительное собрание в 2017 году и, что наиболее важно, глубокий финансово-экономический кризис с гиперинфляцией, которая угрожает стабильности страны в долгосрочной перспективе. Политический кризис 2019 года вылился в возникновение двух центров власти в Венесуэле и привел к поляризации мирового сообщества.

Политические траектории, по которым идут страны Латинской Америки, сильно различаются. Действительно, после перехода к демократии в 1980–1990 годах некоторые страны пережили «левый поворот». Итог этого периода, который совпал с высокими ценами на сырье, являлся противоречивым. С одной стороны, политика перераспределения позволила снизить уровень бедности и расширить доступ к образованию и медицинскому обслуживанию. Появился новый средний класс, более требовательный с точки зрения гражданского участия. Но с другой – действующие правительства не смогли провести существенные реформы, которые позволили бы консолидировать социальные выгоды. Напротив, при этих «левых» правительствах расцветали скандалы так же, как и при «правых».

Переломная экономическая ситуация плохо отразилась на населении, особенно на тех новых средних слоях, которые испытывали большие ожидания в отношении потребления (покупка автомобилей, жилье), они брали кредиты и были вынуждены вновь впасть в нищету. Протесты и крупные демонстрации в мегаполисах Бразилии и Чили, которые имели новые и очень эффективные формы участия (мобилизация через социальные сети), студенты, женщины, пенсионеры, хорошо выражали это беспокойство.

Публичные демонстрации, начиная с 2016 года, которые способствовали возвращению «правых» к власти в Бразилии, Перу и Чили, могут означать отказ от политики, предвещающий новый перелом и популизм.

Результаты опросов общественного мнения, проведенных в континентальном масштабе, позволяют оценить чувство разочарованности: население демонстрирует большое недоверие к институтам

(государству, парламенту, президентству), в целом воспринимая их как коррумпированные [Estella de Noriega 2020]. Мнение большинства связано с сохраняющимся социальным неравенством, которое всё более усугубляется здесь, в отличие от большинства других регионов мира, а также с преобладающей нестабильностью во многих странах.

Проанализировав идеологическую карту Латинской Америки, можно сделать вывод, что Латинская Америка условно разделилась на три идеологических блока. Начиная с 2016 года, «правые» силы укрепляют свои позиции в регионе. Символично, что именно в этом году президентом США становится практически враг латиноамериканцев Д. Трамп.

Бразилия – крупнейшая страна в регионе и главный союзник США – стоит во главе группы государств, правительства которых принадлежат к правому и правоцентристскому лагерю, а именно: Уругвай, Парагвай, Эквадор, Чили, Колумбия, Доминиканская Республика, а также центральноамериканские: Гондурас, Сальвадор и Гватемала [Косевич 2020, с. 40].

Аргентина и Мексика, придерживающиеся «левых» взглядов, ставят своей целью консолидацию усилий для противостояния неолиберальным силам, которые распространяют свое влияние в регионе в последнее десятилетие. В данную группу также входят Боливия, Перу (с 2021 г.), Панама (левый центр) и Коста-Рика (левый центр).

Венесуэла, Куба и Никарагуа формируют группу во главе с авторитарными левыми режимами.

Тем не менее идея о том, что Латинская Америка поворачивает «политический маятник» вправо или влево, потеряла свой смысл. В 2019 году Маятниковые движения вправо и влево по политическому спектру казались нормой для региона на протяжении прошедшего десятилетия. Среди населения региона растет недовольство нестабильностью, а дух граждан, кажется, направлен против нынешних правительств, будь то «правые» или «левые». Люди испытывают дискомфорт и выражают свое недовольство действующими правительствами, поэтому выбирать из двух альтернатив – левая или правая, было бы серьезной ошибкой.

Задача Латинской Америки состоит в том, чтобы найти модель развития, которая учитывала бы благосостояние ее народа, не ограничиваясь ростом экономики или уровнем ВВП на душу населения.

Трансформация внешней политики США в условиях сдвигов политического румпеля в латиноамериканском регионе

Каждая американская администрация разрабатывает новую версию Стратегии национальной безопасности США (СНБ), в которой представлены руководствующие принципы и приоритеты политики США на международной арене. Данный документ видоизменяется в условиях глобализирующегося мира и нового миропорядка, но ввиду постоянности ценностей США региональные приоритеты внешней политики государства в целом неизменны. Именно четвертая глава Стратегии национальной безопасности 2017 г. под названием «Стратегия в региональном контексте» затрагивает отношения с зарубежными государствами по регионам [National Security Strategy of the United States of America URL].

Государства Западного полушария в СНБ США охарактеризованы как «стабильные, дружественные и процветающие государства, укрепляющие безопасность и приносящие пользу экономике США», что не может не указать на приоритетную важность данного региона для США.

За последние два десятилетия произошли значительные сдвиги и расширение дипломатического, экономического и политического разнообразия и возможностей Латинской Америки по отношению к влиянию США, и, как следствие, усиление дипломатической и политической раздробленности на американском континенте. Последовательные выборы привели к власти правительства с разной близостью – а иногда и откровенной антипатией – по отношению к США. В то же время экономический рост Китая, Индии и других стран Глобального Юга помог стимулировать экономический рост и диверсифицировать экспортные рынки для большинства стран Южной Америки и, в меньшей степени, для Центральной Америки и Мексики.

Многие из актуальных вопросов экономического и политического развития стали более очевидными в результате пандемии COVID-19 и сопутствующего экономического спада в Северной и Южной Америке. Еще в июне 2020 года МВФ прогнозировал, что экономики стран Латинской Америки и Карибского бассейна в совокупности сократятся на 9,3 % в 2020 году, прежде чем по, казалось бы, оптимистическому сценарию вернуться к росту примерно на 3,7 % в 2021 году [Georgieva 2020]. Пандемия и ответные меры политики последних

месяцев свели на нет экономические достижения региона за последнее десятилетие и повернули вспять судьбы многих, в том числе примерно 50 млн граждан, которые присоединились к среднему классу за это время [Policy Brief: The Impact of COVID-19 on Latin America and the Caribbean ... URL].

В СНБ США перечислены следующие проблемы: транснациональные преступные организации, включая банды и картели, увековечивают насилие и коррупцию и угрожают стабильности центрально-американских государств, включая Гватемалу, Гондурас и Сальвадор (государства северного треугольника Центральной Америки). В Венесуэле и Кубе правительства цепляются за анахроничные «левые» авторитарные модели, которые продолжают подводить их народ.

Начиная с выдвижения своей кандидатуры на пост президента, Дональд Трамп проводил агрессивную кампанию против иммигрантов из Латинской Америки, в частности из центральноамериканских государств, называя их наркоманами, насильниками и преступниками. Более того, Д. Трамп рассказывал о своих планах построить стену вдоль мексиканской границы, заставить Мексику заплатить за нее и депортировать всех незарегистрированных иммигрантов [Phillips 2017]. За время пребывания в должности он не проявил признаков умеренности в данном вопросе и обосновал свой противоречивый план строительства стены, объявив чрезвычайное положение вдоль мексиканской границы. Ксенофобия Трампа достигла своего апогея, когда он назвал Гаити, Сальвадор и африканские государства «дурацкими странами», ставя под сомнение, почему стольким гражданам вышеуказанных государств было разрешено въехать в США [Watkins, Phillip 2018]. Обеспечение доминирования США в регионе, как правило, осуществляется различными методами, но центральное место в деятельности администрации Д. Трампа заняла эскалация давления на главных оппонентов Вашингтона в латиноамериканском регионе – на Венесуэлу, Кубу и Никарагуа [Моисеев 2020].

Кроме того, Дональд Трамп жестко критиковал своего предшественника за политику сближения с Кубой, утверждая, что США пошли на огромное количество уступок, не получив ничего взамен. Напомним, дипломатические отношения государств были восстановлены в 2014 г., а в 2016 г. Барак Обама стал первым действующим президентом, посетившим остров за последние 50 лет. В июне

2017 года Д. Трамп объявил новые пункты политики США в отношении данного острова: введение жестких ограничений на поездки для граждан США, запрет на торговлю с кубинскими предприятиями, принадлежащими военным и разведывательным службам. Тем не менее президент США не стал прерывать деятельность вновь открытого в 2014 году американского посольства в Гаване, однако отметил, что вышеперечисленные ограничения, в том числе эмбарго против Кубы, сохранятся до тех пор, пока «кубинское правительство не начнет соблюдать права человека» [Merica 2017].

В рамках данной проблематики нельзя не затронуть политический кризис в Венесуэле, обострившийся в январе 2019 года. Несмотря на тот факт, что агрессивная риторика Д. Трампа против президента Венесуэлы Николаса Мадуро и его поддержка лидера оппозиции Хуана Гуайдо вызвали отклик у многих латиноамериканцев, ежедневно принимающих на себя ношу в количестве примерно трех миллионов венесуэльских иммигрантов, бежавших из страны, большая часть стран региона опасается возможного военного вмешательства США. В то время как экономический коллапс Венесуэлы и снижение легитимности президента Мадуро изолировали страну в ее собственном регионе, постоянная уверенность Д. Трампа в том, что «будут рассмотрены все возможные варианты действий» [Trump says all options are on the table for Venezuela ... URL] напомнила эпоху «холодной войны», когда США использовали войска для борьбы с коммунистическими силами в Центральной Америке и поддерживали военные диктатуры во всем регионе. Путем санкций Белый дом планировал перекрыть Венесуэле «финансовый кислород». Центральное место в этой операции заняли меры в отношении государственной нефтяной компании Венесуэлы PDVSA и ее американского филиала «Citgo Petroleum» [Моисеев 2020].

Прямым и непосредственным следствием антагонистического подхода Дональда Трампа является то, что государствам Латинской Америки и США стало намного труднее поддерживать и развивать отношения сотрудничества. Данная динамика наиболее очевидна в случае Мексики. В январе 2016 года президент страны Энрике Пенья Ньето отменил визит в Вашингтон после того, как стало ясно, что новый президент США непреклонен в своих планах построить стену и пересмотреть Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА).

В противовес излюбленному инструменту предыдущей администрации Б. Обамы подписывать торговые соглашения для развития двусторонних отношений и продвижения интересов США Дональд Трамп начинал пересматривать все заключенные ранее соглашения, руководствуясь программой «Америка прежде всего».

В результате можно утверждать, что новое интеграционное объединение USMCA является регионообразующим для стран Северной Америки. Тем не менее главенствующее положение США и довольно жесткая политика, проводимая Д. Трампом, вынуждала Канаду и Мексику идти на значительные экономические уступки для поддержания устойчивого развития отношений со стратегически выгодным партнером. Таким образом, наблюдается политическое давление со стороны Вашингтона на своих традиционных партнеров.

В марте 2021 года Белый дом представил промежуточную стратегию США по национальной безопасности [Interim National Security ... URL], где новая администрация изложила приоритеты внешней политики США: справиться с вызовами, связанными с Россией и Китаем, отказаться от непрекращающихся войн, обеспечивать кибербезопасность, укреплять альянсы, смягчать последствия изменения климата и др. Приоритеты США в направлении Западного полушария в документе изложены следующим образом: поскольку жизненно важные национальные интересы США неразрывно связаны с состояниями ближайших соседей США в Северной и Южной Америке, США обязуются расширять взаимодействие и партнерские отношения во всем Западном полушарии – и особенно с Канадой и Мексикой – на основе принципов взаимного уважения и равенства, приверженности экономическому процветанию, безопасности, правам человека и достоинству.

Заключение

Таким образом, сделаем вывод, что при администрации Дональда Трампа отношения США с государствами Латинской Америки и Карибского бассейна перешли от партнерства и сотрудничества, преобладающих во время администрации предыдущего президента, к более конфронтационному подходу.

Несмотря на ряд мер по восстановлению доверия латиноамериканцев, предпринятых администрацией Барака Обамы, агрессивная

риторика Дональда Трампа против иммигрантов из Латинской Америки, его намерения построить стену вдоль мексиканской границы, а также желание пересмотреть различные соглашения и договоры усилило негативный имидж США. Угрозы сокращения бюджета на иностранную помощь и протекционистская торговая политика подорвали способность США оказывать влияние на своих южных соседей.

Считается, что Д. Трамп вытеснил латиноамериканский регион на периферию американских политических и экономических приоритетов, но это не совсем так. Действительно, за последние 70 лет он стал единственным лидером США, который ни разу не посетил регион со специальным визитом, помимо участия в G20 в Буэнос-Айресе в 2018 году. (*Яковлев. Независимая газета, 2020*)¹. Однако, оказывая выборочное давление на «левые» режимы регионе, Д. Трамп делает акцент на выстраивании коалиций из стран Латинской Америке, чему способствует приход к власти «правых» и правоцентристских политических сил.

Вместе с тем Трамп продемонстрировал активность в отношении Мексики, а также Венесуэлы, которая оказалась под политико-экономическим давлением в традициях политики «большой дубинки». Протекционизм и угрозы введения торговых санкций были проявлены в отношении Аргентины и Бразилии. Почти полному пересмотру подвергся проложенный Б. Обамой курс на нормализацию отношений с Кубой, а недружественные акции в адрес правительства Д. Ортеги в Никарагуа замкнули кризисную дугу в Карибском бассейне, максимально накалили геополитическую атмосферу в этом районе мира (*там же*). В этой связи заключим, что поворот политического маятника «вправо» не повлиял коренным образом на внешнеполитические интересы США, изложенные в СНБ 2017 г. Целью США все так же является борьба с терроризмом и наркотрафиком в Центральной Америке, противостояние «левым» авторитарным режимам, а также вывод Китая из региона. США используют создавшиеся условия для возрождения межамериканского консенсуса, пытаясь вписать регион в свою глобальную стратегию, однако успешность данной политики будет зависеть от состояния самих латиноамериканских стран [Манухин 2019].

---

¹ URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2020-12-13/10_8038_america.html?print=Y.

Более широкая повестка дня Дж. Байдена, в частности направленная на восстановление лидирующих позиций США в Западном полушарии, потребует более высокого переговорного потенциала по различным вопросам. Некоторые вопросы всё ещё остаются неясными, например, будущее инициативы Mérida Initiative или сотрудничество с США по Комплексному плану развития (*исп.* Plan de Desarrollo Integral). Относительно миграции Дж. Байден пообещал отменить принятый предыдущей администрацией Протокол о защите миграции и пересмотреть законы США о предоставлении убежища. Чтобы справиться с данной повесткой дня, правительствам латиноамериканских государств необходимо будет налаживать отношения с федеральным правительством США, а также с местными администрациями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Косевич Е. Ю.* Латинская Америка: коронавирус и новый политический ландшафт // Латинская Америка. 2020. Вып. № 10 С. 39–53. DOI: 10.31857/S0044748X0011330-2 [Kosevich, E. YU. (2020). Latinskaya Amerika: koronavirus i novyj politicheskij landschaft (Latin America: coronavirus and a new political landscape). Latinskaya Amerika, 10, 39–53 (in Russ.)]. URL: <https://la.jes.su/S0044748X0011330-2-1>.
- Манухин А. А.* Особенности политики администрации Дональда Трампа в Латинской Америке // Россия и Америка в XXI веке. 2019. № 1. С. 14. [Manuhin, A. A. (2019). Osobennosti politiki administracii Donal'da Trampa v Latinskoj Amerike (Features of the policy of the Donald Trump administration in Latin America). Russia and America in the XXI century, 1, 14. (in Russ.)]. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760005322-1-1>.
- Моисеев А.* Трамп, Байден и Латинская Америка: какие перспективы? // Международная жизнь. 2020. С. 17–28 [Moiseev, A. (2020). Tramp, Bajden i Latinskaya Amerika: kakie perspektivy? (Trump, Biden and Latin America: what are the prospects?). The International Affairs (pp. 17–28). (In Russ.)]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/27873>.
- Argentina. Country data // International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/en/Countries/ARG>.
- Estella de Noriega A.* Confianza institucional en América Latina: un análisis comparado. Documentos de Trabajo / Fundación Carolina. Madrid, 2020. №34 (2ª época).
- Georgieva K.* A Joint Response for Latin America and the Caribbean to Counter the COVID-19 Crisis // International Monetary Fund, June 2020. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/06/24/>

sp062420-a-joint-response-for-latin-america-and-the-caribbean-to-counter-the-covid-19-crisis.

Interim National Security Strategic Guidance. Renewing America's advantages.

URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf>.

Merica D. Trump unveils new restrictions on travel, business with Cuba // CNN, 2017. URL: <https://edition.cnn.com/2017/06/16>.

National Security Strategy of the United States of America. December 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>.

Phillips A. President Trump's campaign launch speech two years later, annotated // The Washington Post, 2017. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2017/06/16/theyre-rapists-presidents-trump-campaign-launch-speech-two-years-later-annotated>.

Policy Brief: The Impact of COVID-19 on Latin America and the Caribbean // United Nations, July 2020. URL: https://guyana.un.org/sites/default/files/2020-07/SG%20Policy%20brief%20COVID%20LAC%20%28English%29_10%20July.pdf.

Trump says all options are on the table for Venezuela // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-venezuela-politics-trump-options-idUSKCN1PH2KC>.

Watkins E., Phillip A. Trump decries immigrants from 'shithole countries' coming to US // CNN, 2018. URL: <https://edition.cnn.com/2018/01/11/politics/immigrants-shithole-countries-trump/index.html>.

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2021_2_843_67

А. Я. Касюк

доктор исторических наук, профессор
профессор кафедры коммуникационных технологий
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета
imoispn225@mail.ru

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНФОРМАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКОЙ РАБОТЫ

В статье рассматриваются методы оценки эффективности информационно-пропагандистского воздействия в широком и узком смысле этих слов, приводятся признаки различных уровней влияния информационно-пропагандистского воздействия на политическую обстановку. Даны определения материальных и духовных факторов воздействия, указаны обязательные условия обеспечения эффективности информационно-пропагандистского воздействия, подробно изложены математические методы оценки эффективности информационно-пропагандистской работы.

Ключевые слова: критерии оценки; информационно-пропагандистское воздействие; материальные факторы; духовные факторы; математические методы; количественные характеристики; качественные характеристики.

A. Y. Kasyuk

Doctor of History (Dr. habil), Professor
Professor at the Department of Technological Communications
Institute of International Relations and Social-political Studies
Moscow State Linguistic University
imoispn225@mail.ru

CRITERIA FOR EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF PROPAGANDA AND INFORMATION ACTIVITY

The article discusses methods for evaluating the effectiveness of information and propaganda influence in the broad and narrow sense of these words, the signs of different levels of influence of information and propaganda on the political situation are given, the definitions of material and spiritual factors are brought, specified conditions of ensuring the effectiveness of propaganda and information are pointed out the impact, detailed mathematical methods for evaluating the effectiveness of outreach are accounted on.

Key words: evaluation criteria; information and propaganda impact; material factors; spiritual factors; mathematical methods; quantitative characteristics; qualitative characteristics.

Введение

Решение проблем эффективности информационно-пропагандистского воздействия, выработка критериев оценки и поиск путей дальнейшего повышения его действенности задача важная, вместе с тем достаточно трудная. В нашей стране проблемам определения эффективности информационно-пропагандистского воздействия стали уделять внимание, начиная с двадцатых годов XX века. И с тех пор они постоянно находятся в поле зрения ученых и исследователей. Сначала с помощью анкетных опросов и статистических методов были разработаны многочисленные «шкалы установок», которые можно назвать «зародышами» научных методов исследований эффективности информационно-пропагандистского воздействия.

На Западе наибольшую известность приобрела «парадигма» Г. Лассуэла [Lasswell 1948] т.е. формула анализа информационного процесса: кто сообщает – что сообщает – по какому каналу – с каким эффектом. Схожая по параметрам, но уже применительно к потребностям военной пропаганды формула STASM была разработана американским ученым П. Лайнбарджером [Лайнбарджер 1962, с. 73]. Из современных ученых, занимающихся системами показателей эффективности воздействия средств массовой информации и пропаганды на аудиторию следует выделить, в первую очередь, эстонскую исследовательницу М. И. Лауристин [Лауристин 1975], которая считает, что эффективность информационно-пропагандистского воздействия может быть достаточно надежно определена по ответам на следующие три вопроса: «Какие цели регулятивного характера ставятся коммуникатором; как эти цели воплощаются в содержание и форму пропагандистских сообщений; как аудитория реагирует на эти сообщения, т.е. насколько их посткоммуникативное поведение, практическая деятельность соответствуют целям пропаганды» [цит. по: Иванов 1986, с. 12–13] или, что то же самое, насколько эффективны были эти сообщения.

И всё же большинство исследователей занимаются изучением «своих» аудиторий, выявлением отношения различных социально-демографических групп населения к содержанию и формам работы

конкретных каналов пропаганды, хотя в последнее время предпринимаются попытки (и небезуспешные) определить эффективность ино-вещания. Основная проблема здесь заключается в том, что почти всегда пропагандист лишен возможности сделать замеры эффекта своего воздействия на зарубежную аудиторию.

Впервые американские специалисты в области информационных операций начали создавать системы оценки эффективности пропаганды на противника в период войны в Корее. Тогда как и на начальном этапе боевых действий во Вьетнаме эффективность информационно-пропагандистского воздействия на противника оценивалась с помощью статистических методов, возможности которых, однако, были ограничены.

Во время американской агрессии против Вьетнама появилась система автоматизированной обработки отчетов. В ней накапливались данные о результатах информационно-пропагандистских операций, делались попытки оценить их эффективность. К середине 70-х гг. прошлого века на основе методов системного анализа была создана автоматизированная информационная система управления психологическими операциями PAMIS, которая, наряду с другими, включала подсистему анализа эффективности информационно-пропагандистских операций Вооруженных сил США [Джури 1983].

Организационные условия оценки эффективности информационно-пропагандистского воздействия

Эффективность информационно-пропагандистского воздействия во многом зависит от того, как осуществлена его организация. Существует две группы критериев эффективности информационно-пропагандистского воздействия: критерии духовного плана и критерии практического плана. Критерии духовного плана отражают изменения, происходящие в сознании человека (знания, познавательная активность, убеждения, социально-политическое состояние, направленность ценностей, идеалов, ориентаций, установок и т. п.), т. е. указывают на изменения в теоретическом уровне сознания. Критерии практического плана свидетельствуют об изменениях поведения, образа жизни, степени активности отдельных людей, коллективов, социальных групп, т. е. свидетельствуют об изменениях обыденного сознания (общественной психологии).

Исходя из этих положений, оценку эффективности информационно-пропагандистского воздействия следует рассматривать с двух

позиций: в широком и узком смысле слова. В широком смысле слова эффективность информационно-пропагандистского воздействия означает степень ее влияния на ход событий, политическую и социально-экономическую обстановку в конкретном населенном пункте (регионе). В узком смысле слова эффективность информационно-пропагандистского воздействия – это соотношение между целью мероприятий информационно-пропагандистского воздействия и результатами их достижением.

В первом случае эффективность информационно-пропагандистского воздействия не может быть оценена конкретными показателями ввиду отсутствия временных параметров, четко определенных субъектов и объектов воздействия, других исходных данных. В зависимости от влияния информационно-пропагандистских материалов на политическую обстановку в определенном населенном пункте (регионе) она может быть квалифицирована как неэффективная (в случае отсутствия каких-либо признаков, положительных изменений), низкоэффективная (при едва различимых признаках изменений), эффективная (когда явно наблюдаются происходящие изменения), высокоэффективная (при достижении существенных изменений).

Более точным является определение эффективности конкретных проводимых мероприятий информационно-пропагандистского воздействия. Под эффективностью информационно-пропагандистских мероприятий политическая коммуникативистика рассматривает степень реализации поставленной цели при оптимальном использовании имеющихся возможностей [Шалина 2016]. Это положение является исходным для определения критериев эффективности информационно-пропагандистского воздействия. Эффективность проведения мероприятий, направленных на информационно-пропагандистское воздействие, определяется тем, в какой степени изменилось морально-политическое состояние объектов воздействия, хотя и здесь имеются определенные трудности.

Причины этих трудностей носят объективный характер: изменения сознания и соответствующие ему изменения поведения не всегда являются результатом информационно-пропагандистского воздействия. Они, как правило, связаны с накоплением практического опыта столкновения с процессами и явлениями объективной реальности, т. е. с воздействием материальных факторов.

Под материальными факторами понимают ту часть воспринимаемой человеком объективной реальности, которая оказывает решающее влияние на формирование сознания. Объективная реальность может оказывать не только различное, но и противоречивое воздействие на сознание: одна часть процессов может оказывать стабилизирующее, другая – дестабилизирующее влияние, или даже одно и то же событие может одновременно оказывать двойное воздействие. Материальные факторы воздействуют путем отображения в сознании соответствующих обстоятельств и процессов и тем самым эмпирическим путем способствуют изменениям установок и поведения.

Материальные факторы воздействуют, в первую очередь, на обыденное сознание и через него способствуют изменениям соответствующих установок, а также поведения. Влияние материальных факторов прекращается тогда, когда начинает ощущаться необходимость объяснения объективной реальности, т. е. необходимость подключения теоретического уровня сознания. Материальные факторы, воздействуя непроизвольно, вызывают стремление разобраться во взаимосвязях происходящего, их глубинных причинах и тем самым обуславливают эффективное влияние духовных факторов. На формирование и изменение сознания одновременно воздействуют как условия обстановки, так и целенаправленная деятельность общественных сил и учреждений (политических партий, общественных объединений, средств массовой информации и т. п.), т. е. духовных факторов, направленных на формирование взглядов по основным вопросам повседневной жизни, и практически невозможно различить, что было вызвано действием одной, а что – другой стороны.

Вторая причина сложности в оценке результатов информационно-пропагандистского воздействия заключается в том, что установки и поведение не являются идентичными и в определенной степени могут отличаться друг от друга.

Вместе с тем несмотря на эти трудности, существует необходимость и имеется возможность – пусть несколько ограниченная – определять влияние информационно-пропагандистского воздействия на морально-политическое состояние объектов воздействия и, соответственно, на их поведение.

Во-первых, определение результатов информационно-пропагандистского воздействия необходимо, оно является предпосылкой повышения эффективности. Информационно-пропагандистскую работу

нельзя вести эффективно, если не знаешь результатов ее воздействия. Эффективность информационно-пропагандистских мероприятий будет незначительна, если не будет известна действенность тезисов, аргументов на конкретную аудиторию.

Во-вторых, оценка результатов информационно-пропагандистского воздействия в принципе возможна, поскольку она в конечном итоге в той или иной степени находит выражение в политической позиции, мнениях и мотивах поступков людей, на которых воздействуют; отражается в их сознании, прежде всего, в их поведении. Таким образом, при имеющем место изменении в сознании и поведении нельзя точно определить, какова доля в них информационно-пропагандистского воздействия, но было ли оно вообще эффективным, установить можно.

Следовательно, критериями оценки эффективности информационно-пропагандистского воздействия являются изменения элементов поведения, которые находят свое выражение в следующем:

- усиление поддержки пропагандируемых идей в политике, экономике, общественной жизни;
- лояльное поведение по отношению к лозунгам и призывам, содержащимся в материалах информационно-пропагандистского воздействия;
- активное выступление против осуществления мероприятий информационно-пропагандистского воздействия;

Каждый из этих критериев может включать целый ряд конкретных действий или, наоборот, бездействия. Посредством анализа отмеченных элементов поведения можно сделать соответствующий вывод об изменениях в сознании объектов информационно-пропагандистского воздействия.

Непрерывными условиями эффективности информационно-пропагандистского воздействия являются:

- наличие средств коммуникации между адресатом и реципиентом, т.е. переданное информационно-пропагандистское сообщение должно в любом случае, прямо или косвенно, дойти до аудитории;
- язык передаваемой информации должен быть предельно ясен объекту воздействия;
- содержание материалов информационно-пропагандистского воздействия должно быть понятно аудитории, являться достаточно правдоподобным, вызывать определенное доверие;

– убеждающая сила сообщения в каждой конкретной ситуации, в которой происходит процесс коммуникации, должна быть пропорциональна последствиям действий, к которым призывает информационно-пропагандистский материал.

Установить изменение поведения объектов воздействия и сделать после этого выводы об изменениях их политических установок сложно, особенно, если речь идет о тех элементах поведения, которые находятся ниже порога целенаправленных действий и относятся к группе «снижение инициативы». К понятию «снижение инициативы» можно отнести любые элементы поведения людей, которые, в конечном счете, ведут к снижению морально-политического состояния, однако еще не содержат в себе активных действий, вместе с тем они уже не предполагают полной самоотдачи при выполнении поставленных задач. Вместе с тем при всей сложности этого процесса в целом можно создать относительно реальную модель морально-политического состояния объектов воздействия и отметить при этом изменения, возникшие в том числе под воздействием информационно-пропагандистских материалов. Для этого необходимо определиться, какую информацию и из каких источников следует собрать для того, чтобы можно было осуществить анализ эффективности информационно-пропагандистского воздействия.

Ценный материал можно получить при наблюдении за объектами в ходе проведения информационно-пропагандистских мероприятий. Как относятся люди к проводимым мероприятиям (внимательно слушают, знакомятся с материалами, готовы к диалогу или же выбрасывают раздаточный пропагандистский материал и уходят) можно установить сразу же. Готовность познакомиться с содержанием информационно-пропагандистских материалов позволяет сделать первый вывод, что наша пропаганда не отвергается, или, по крайней мере, не полностью отвергается ее адресатами, а рассматривается ими как достаточно серьезный источник информации и они готовы задуматься над ее содержанием. Кроме того, наблюдение за объектами воздействия в период проведения информационно-пропагандистских мероприятий дает информацию, какие из материалов, приемов и методов больше всего привлекают внимание объектов воздействия.

Для изучения состояния и процессов, являющихся следствием информационно-пропагандистского воздействия, важно регулярное изучение материалов средств массовой информации [Гаврилов, 2012].

При анализе их содержания по различным признакам можно сделать вывод о проблемах, которые создают трудности, обнаружить слабые места, «пропагандистские бреши». Особый интерес представляют известия и комментарии, которые прямо или косвенно пытаются опровергнуть аргументы нашей пропаганды. Все это дает возможность определить степень влияния информационно-пропагандистских материалов на сознание и поведение объектов воздействия.

Среди множества методов определения эффективности информационно-пропагандистского воздействия следует выделить опрос представительных групп населения. В этих целях возможно использование методик конкретных социологических исследований. Определенный результат приносят беседы с известными общественными деятелями, изучение заявлений и других письменных документов органов регионального и местного управления, здравоохранения, хозяйственных учреждений, а также политических партий и общественных организаций, наблюдение за деятельностью органов юстиции, особенно за порядком вынесения приговоров и их обоснованием.

Использование каждого из методов в отдельности может привести к различным, иногда даже противоречивым результатам. Реальная оценка эффективности информационно-пропагандистского воздействия всегда требует сравнения результатов, полученных при комбинированном использовании нескольких, по возможности всех, имеющихся в распоряжении методов, т. е. необходима последовательная обработка всех находящихся в распоряжении источников информации.

Таким образом, эффективность информационно-пропагандистского воздействия может быть определена только в соотношении с целями, которые выдвигаются перед информационно-пропагандистским воздействием в соответствующих условиях обстановки.

Под целью понимается определенная, поддающаяся оценке ответная реакция конкретных объектов воздействия в результате проведения мероприятий информационно-пропагандистского воздействия. Цель должна точно определять конкретную ответную поведенческую реакцию или требуемые изменения во взглядах, которые должны способствовать выполнению задач информационно-пропагандистского воздействия. Основными целями, которые ставятся перед информационно-пропагандистским воздействием, могут быть:

- изменение соответствующих взглядов на социальную действительность;

- формирование общественного мнения;
- оценка возникающих в обществе проблем и способов их решения;
- возможность влияния на общественные процессы;
- участие в социальном саморегулировании;
- информирование, социализация молодежи;
- мобилизация аудитории на определенные действия и др.

Если объективно и всесторонне подходить к анализу результатов проводимых информационно-пропагандистских мероприятий, можно с высокой долей точности просчитать эффективность их возможного воздействия.

Математические методы оценки эффективности информационно-пропагандистской работы

Значительный результат при оценке эффективности информационно-пропагандистского воздействия дает использование математических методов. Эффективность информационно-пропагандистского воздействия можно определить при помощи математических методов как процентное соотношение между планируемым результатом и фактическим его достижением. При этом необходимо опираться на количественные и качественные характеристики.

Количественная характеристика эффективности информационно-пропагандистского воздействия – это отношение числа людей, действительно подвергшихся воздействию пропаганды, к планируемому числу (например, число людей, действительно прочитавших печатный материал, прослушавших радиопрограмму, просмотревших телепередачу, по отношению к планируемому числу), выраженное в процентах. Количественную характеристику информационно-пропагандистского воздействия можно представить в виде следующей формулы:

Э. кол. = $a/A * 100\%$, где:

Э. кол. – эффективность количественная;

A – весь предполагаемый (планируемый) состав аудитории, на которую было рассчитано воздействие;

a – часть аудитории, получившая пропагандистскую информацию из адресованного ей материала.

Однако, хотя такая формула и является необходимым этапом при определении эффективности информационно-пропагандистского

воздействия, она недостаточна. Поэтому необходимо ввести качественную характеристику эффективности – соотношение числа людей, действия которых после информационно-пропагандистского воздействия соответствовали цели проводимого мероприятия, к общему планируемому числу. Качественную характеристику эффективности оказания информационно-пропагандистского воздействия можно выразить следующей формулой:

Э. кач. = $P/A * 100\%$, где:

Э. кач. – эффективность качественная;

P – часть аудитории, действия которой после информационно-пропагандистского воздействия соответствовали его цели;

A – весь планируемый состав аудитории.

Исходя из этих двух формул, можно вывести общую формулу для определения эффективности информационно-пропагандистского воздействия с учетом как количественной, так и качественной характеристик.

Э. = $P/a * 100\%$, где:

Э. – общая эффективность;

P – часть аудитории, действия которой соответствовали цели информационно-пропагандистского воздействия;

a – часть аудитории, получившая пропагандистскую информацию.

Эта элементарная формула полно и достоверно отражает эффективность проведенных конкретных мероприятий информационно-пропагандистского воздействия. Вносимые в нее показатели результатов информационно-пропагандистского воздействия носят субъективный характер. Вместе с тем тщательный сравнительный анализ роста или снижения интенсивности конкретной деятельности объектов воздействия обеспечивает вполне достоверную оценку эффективности информационно-пропагандистских мероприятий.

Заключение

Оценка результатов информационно-пропагандистского воздействия в целом представляет собой сложный процесс. Сложность заключается в том, что нельзя точно установить, в какой мере наступившие в сознании и поведении объекта изменения произошли под воздействием информационно-пропагандистских материалов, а какую роль сыграли при этом материальные факторы. Необходимо также

учитывать, что сознание и поведение не всегда являются конгруэнтными понятиями и что до сих пор отсутствует единая и всеми признанная теория измерения результатов пропагандистской деятельности. Тем не менее оценка результатов информационно-пропагандистского воздействия необходима в интересах повышения его эффективности. Для этого существует реальная возможность, так как результаты информационно-пропагандистского воздействия рано или поздно находят свое проявление в поведении человека. Следовательно, об эффективности можно судить по изменениям в сознании и поведении объектов воздействия, внесению которых способствовали информационно-пропагандистские мероприятия.

Таким образом, эффективность информационно-пропагандистского воздействия может быть оценена как соотношение показателей между поставленной в конкретных условиях обстановки целевых установок и степенью их реализации при оптимальном использовании имеющихся возможностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бабосов Е. М., Давидюк Г. П., Ефимова Н. В. [и др.].* Эффективность средств массовой информации. Минск: Наука и техника, 1986. [Babosov, E. M., Davidiyuk, G. P., Efimova, N. V. (1986). *Effektivnost sredstv massovoy informatsii* (Effectiveness of mass media). Minsk: Nauka i tekhnika. (In Russ)].
- Гаврилов А. А.* Средства воздействия СМИ на общественное сознание в условиях информационного общества // Молодой ученый. 2012, № 8 (43), С. 152–155. [Gavrilov, A. A. (2012). Means of mass media influence on public consciousness in the conditions of information society. *Young Scientist*, 8 (43), 152–155. (In Russ.).]
- Джури И.* Оценка эффективности психологических операций Вооруженных сил США // Зарубежное военное обозрение. 1983. № 2, С. 16–19. [Dzhuri, I. (1983). Evaluation of the effectiveness of psychological operations of the US Armed Forces. *Foreign Military Review*, 2, 16–19. (In Russ.).]
- Дзялошинский И. М.* Социальные институты и социальная коммуникация. Введение в теорию коммуникационных матриц: учебное пособие. Саратов: Ай Пи Ар Медиа, 2020. [Dzyaloshinskiy, I. M. (2020). *Sotsialnyye instituty i sotsialnaya kommunikatsiya. Vvedeniye v teoriyu kommunikatsionnykh matrits: uchebnoye posobiye*. (Social institutions and social communication. Introduction to the theory of communication matrices: a textbook). Saratov: Ay Pi Ar Media. (In Russ)].

- Иванов В. Н., Аванесова Г. А.* Социология и пропаганда. М. : Наука, 1986. [Ivanov, V. N., Avanesova, G. A. (1986). Sotsiologiya i propaganda. (Sociology and propaganda). Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Лайнбарджер П.* Психологическая война. М.: Воениздат, 1962. [Laynbardzher, P. (1962). Psikhologicheskaya voyna. (Psychological warfare). Moscow: Voenizdat. (In Russ.)].
- Лаурестин М. Й.* Анализ содержания как метод исследования социальной направленности массовой информации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1976. [Laurestin, M. Y. (1976). Analiz soderzhaniya kak metod issledovaniya sotsialnoy napravlennosti massovoy informatsii (Content analysis as a method of studying the social orientation of mass media): thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].
- Шалина И. В.* Современная коммуникативистика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. [Shalina, I. V. (2016). Sovremennaya kommunikativistika. (Modern communication studies). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. (In Russ.)].
- Lasswell H.* The Structure and Function of Communication in Society // The Communication of Ideas / ed. by L. Bryson. N. Y. : Harper, 1948. P. 32–51.

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2021_2_843_79

С. Г. Киселев

доктор философских наук
профессор кафедры политологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета
профессор кафедры международной безопасности и внешнеполитической
деятельности
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ksg56@mail.ru

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В статье рассматривается проблематика цивилизационного развития человечества, исследуется феномен формирования эволюционной планетарной цивилизационной модели, представляющей собой на современном этапе систему мировых цивилизаций; рассматриваются характерные особенности взаимодействия цивилизаций между собой, формулируется авторское определение термина «геоцивилизация (локальная цивилизация)». Автор акцентирует внимание на повышении роли геоцивилизаций как акторов современной геополитики, нарастании межцивилизационной конкуренции, цивилизационных вызовов, а также опасности масштабного столкновения геоцивилизаций. В процессе исследования использовался метод геоцивилизационного (пространственно-контекстного) анализа.

Ключевые слова: цивилизация; локальная цивилизация; геоцивилизация; метод геоцивилизационного (пространственно-контекстного) анализа; взаимовлияние и диалог; конкуренция и столкновение; экспансия; цивилизационные вызовы; линии цивилизационных разломов.

S. G. Kiselev

Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor
Department of Political Science,
Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty)
Moscow State Linguistic University
Professor of the Department of International Security and Foreign Policy
of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPA)
ksg56@mail.ru

THE CIVILIZATIONAL DIMENSION OF HUMAN EXISTENCE

The article discusses the problems of civilization development of humanity explores the phenomenon of the formation of planetary civilization evolutionary model that represents itself at the modern stage of world civilizations, examines ha, are characteristic features of the interaction of civilizations is formulated as a definition of the term «geocivilizational (local civilization)». The author focuses on the role of geotouristic as actors in contemporary geopolitics, the growing competition between civilizations and civilizational challenges and the danger of large-scale clashes of geotouristic. In the course of the study, the method of geocivilization (spatial-contextual) analysis was used.

Key words: civilization; local civilization; geocivilization; the method of geocivilizational (spatial-contextual) analysis; mutual influence and dialogue; competition and collision; expansion; civilizational challenges; lines of civilizational faults.

Введение

Актуальность темы данной статьи обусловливается возрастанием роли гецивилизаций, как акторов современной геополитики и международных отношений, и можно даже сказать, их выход «из тени» научных исследований. Активность цивилизаций обозначилась и стала заметной на рубеже второго и третьего тысячелетий, когда «нишу» идеологического противоборства двух полюсов биполярной геополитической модели заполнили межцивилизационные процессы, и в последние годы лишь нарастает, что выражается в обострении межцивилизационной конкуренции, повышении уровня конфликтогенности на линиях цивилизационных разломов (Нагорный Карабах, Джамму и Кашмир, Украина, Сирия, Йемен и др.), усилении глобального противостояния между западной и исламской цивилизациями. Наблюдается заметный рост национального и цивилизационного сознания в самых разных местах планеты. Как метко выразился на этот счет британский историк А. Дж. Тойнби, «современная мировая политика – это состязание цивилизаций: политическое, экономическое, идеологическое» [Тойнби 1991].

Феномен цивилизации.

Цивилизация как высшая историческая единица

Цивилизация, или локальная цивилизация, или гецивилизация, – это высшая историческая единица. Несмотря на то, что большинство людей на планете Земля полагают, что самые крупные

образования – государства, но это не так. Самая высшая и самая крупная историко-культурная единица именно цивилизация. Следует сказать, что за всё историческое время существования человечества создавались, распадались, завоевывались, поглощались, прекращали существование тысячи государств, а цивилизаций за то же время было лишь небольшое число (больше всего их насчитал Тойнби – двадцать одну). На современном этапе в мире функционирует порядка двух сотен государств, а геоцивилизаций – лишь девять.

Термин «цивилизация» в локально-пространственном понимании этого слова впервые в мировой науке использовал наш соотечественник Николай Яковлевич Данилевский в обширном труде «Россия и Европа», вышедшем в свет в 1869 году. Сам термин «цивилизация» стал использоваться ранее в XVIII веке французскими мыслителями Мирабо, Буланже и Февром, но с иной содержательной нагрузкой, увязанной с уровнем/степенью развития человека/общества/государства.

Следует отметить, что Данилевский чаще называл цивилизации культурно-историческими типами. По его мнению, цивилизации/культурно-исторические типы, начиная с шумерской, китайской, индуистской, египетской, древнегреческой, представляют собой продукт истории, «своеобразный план религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного, одним словом, исторического развития» [Данилевский 1991] определенной общности людей и в целом человечества.

Применив органический подход, ученый определил, что каждая цивилизация, как и человек, в своей жизни проходит определенные стадии – рождения (зарождения), юности (становления), взросления (развития), старения и умирания. Таким образом Данилевский постулировал, что цивилизации/культурно-исторические типы – это исторические организмы. «Этот исторический организм, – писал ученый – составляет всякое племя или семейство народов, характеризующееся отдельным языком или группой языков, довольно близких между собою, которому присущи свои, не похожие на других, нравы, обычаи, одежда, образ жизни, общественные и частные увеселения <...>. Они состоят из политических единиц, политических подразделений, то есть государств, а также народов» [Данилевский 1991 с. 85–91].

Данилевский – пионер, первопроходец, создатель цивилизационной теории. Арнольд Джозеф Тойнби, Освальд Шпенглер, Самюэль

Хантингтон и другие ученые-цивилизаторы – это его последователи. На наш взгляд, его научная смелость и главное научное открытие заключались в том, что Данилевский первым сформулировал следующее умозаключение, ставшее впоследствии постулатом: планетарный мир состоит не из двух обширных частей – Европы и остального мира, или, иначе говоря, просвещенного Запада и «варварского» Востока, а включает в себя целый ряд культурно-исторических типов / цивилизаций, также имеющих свое особенное место в ойкумене и полное право на историческую судьбу, поставив тем самым под сомнение позиции «европоцентризма», доминирующего в науке и общественной мысли тогда и, впрочем, имеющего немалое распространение сегодня.

В развитие терминологии Данилевского и его последователей, понятие «геоцивилизация» было введено в научный оборот автором данной статьи, с целью «разведения» содержательной части (стадиальной и пространственной) этого столь богатого термина и большей конкретизации пространственной предметности дефиниции «цивилизация», поскольку кроме локально-пространственного понимания у термина «цивилизация», уточняем сказанное выше, есть и стадиальное понимание, включающее, к примеру, стадии прогресса, перехода от примитивности и варварства к состоянию цивилизованности, этапы развития государства, общества, уровень воспитания, просвещенности, культурности кого-либо или чего-либо, и т. п. Под геоцивилизацией (локальной цивилизацией) автором понимается «определенная часть земного шара, на которой проживает общность людей, отличающаяся от других общностей по истории формирования, религии, этносу, традициям, организации быта, обрядам, менталитету, образу жизни, ценностям и т. п. Такая общность отличается принадлежностью к определенной исторически сложившейся культуре» [Киселев 2003, с. 172].

Геоцивилизации обязательно расположены на значительной части планеты Земля (пожалуй, кроме японской, которая относительно мала по своей территории) и включают многочисленное население.

Как уже отмечалось, геоцивилизаций в истории человечества было и есть совсем немного. Они образовывались, развивались, расширялись или сужались в пространстве и влиянии, погибали, послужили основанием для других цивилизаций или живут и ныне. К примеру, китайская и индуистская цивилизации существуют и в настоящее время, сразу две – древнегреческая и римская – послужили основанием для западной, а египетская и шумерская стали основой

сначала для сирийской, затем на этом «фундаменте» возникли арабская и персидская (иранская) и уже на этой общей исторической базе – мусульманская гецивилизация.

Следует также отметить, что системообразующим признаком образования той или иной цивилизации представляется культура составляющих ее народов. Причем, если конкретизировать данный тезис, то, как правило, особенно на стадии зарождения, первичным системообразующим фактором явилась религия. Британский историк Тойнби посвятил феномену религии немалую часть своего двенадцатитомного труда «Постижение истории», полностью посвященного изучению процесса цивилизационного развития человечества [Тойнби 1991]. И надо сказать, что в исламской или индуистской цивилизованных общностях религиозные ценности продолжают оставаться главным признаком и сейчас.

В западной же цивилизации, начиная примерно с XVIII столетия, религия с первого плана стала вытесняться, «вымываться», замещаясь иными ценностями, такими как «величие денег», на что обратил внимание немецкий ученый-цивилизатор Шпенглер в «Закате Европы» (1918) [Шпенглер 1993], «технологиями» (по мнению Тойнби и нашего соотечественника академика Н. Моисеева) [Тойнби 1991; Моисеев 1995], а также различными либеральными ценностями.

Системообразующим фактором может также выступать этническая принадлежность, как, например, в японской цивилизации, хотя изначально (до того, как эта общность «отпочковалась» от конфуцианско-буддистской цивилизации в самостоятельную), в ее основе была религия, позиции которой, впрочем, и сегодня весьма значительны. В любом случае, безусловно, те или иные системообразующие факторы являются частью культуры конкретной цивилизационной общности.

Гецивилизационная модель мира

Несмотря на то, что за всю шеститысячелетнюю историю, цивилизаций было, действительно, немного, они сыграли и продолжают играть важную фундаментально-ценностную роль, представляя собой определенную матрицу, внутреннюю «опорную конструкцию» для других исторических и социальных образований, прежде всего, для государств, а также, что наиболее свойственно современности, для геополитических моделей мирового порядка.

Понятие «цивилизация»/«геоцивилизация»/«локальная цивилизация» гораздо шире, чем определение «государство» или какие-либо государственные образования (империи и др.). Только понятие «человечество» является более широким, чем цивилизация. Тем не менее государства играют немаловажную роль в функционировании геоцивилизаций, поскольку через них, как и через составляющие их народы и иные этносы, они выражают, осуществляют себя в различных формах – политических, социальных, экономических, демографических и других, реализуют свою историческую энергию, пассионарность. При этом, как отмечал Шпенглер, у каждой цивилизации есть свой «Цезарь», т. е. государство-лидер, находящееся в авангарде исторического продвижения данной общности народов.

Здесь уместно отметить весьма важное обстоятельство, заключающееся в том, что государственные образования включены в ту или иную геоцивилизацию не на основе политических договоров или иных правовых документов. Государства объединяются в цивилизационные общности историко-культурно. И эта историко-культурная связь, как свидетельствует история, часто заметно прочнее политико-правовых соглашений и союзнических договоров. Пример: события в распадавшейся в конце XX в. Югославии характеризовались ожесточенной борьбой (вплоть до уничтожения десятков и сотен тысяч людей) – хорватов (приверженцев западно-христианского цивилизационного направления), сербов (приверженцев православного, восточно-христианского цивилизационного направления) и боснийцев (приверженцев мусульманского цивилизационного направления). Причем от действий по уничтожению друг друга их не остановило даже то, что все они – представители одного народа – югославы, или южные славяне. И получилось, что судьбоносное различие оказалось в том, что эти три части одного народа приняли разные религии в определенное время своей истории. Не ужившись вместе, теперь это три разных государства.

Современная система мировых цивилизаций включает в себя как сами цивилизации (западную, исламскую, православную, конфуцианско-буддистскую, российскую евразийскую, японскую, индуистскую, латиноамериканскую и африканскую), так и их части (субцивилизации) – в том случае, если геоцивилизация не представляет собой единого и прочного образования. Например, суннитская и шиитская,

а также индонезийско-малайзийская исламская, турецкая исламская и североафриканская исламская субцивилизации – в мусульманском мире, или же североамериканская, западноевропейская и австрало-новозеландская субцивилизации – в западном мире [Киселев 2002, с. 19].

Безусловно, с точки зрения вхождения конкретных государств в то или иное цивилизационное образование, определить их состав непросто, поскольку здесь присутствуют и действуют различные историко-культурные факторы изменчивости, условности и развития. Но примерно (с известной степенью условности) состав миров-цивилизаций определить возможно. На наш взгляд, сегодня к западной гецивилизации можно отнести более 50 государств, конфуцианско-буддистской – более 10, исламской – порядка 50, православной – более 10, латиноамериканской – около 30, индуистской – 2, африканской – порядка 20. Российская и японская в этом плане представляются многогосударственными образованиями. Это, еще раз уместно подчеркнуть, с известной степенью условности в определении и подсчете. Однако данные подсчеты важны для выявления динамики развития цивилизационных миров – демографической, политической, экономической и иной, поскольку данные показатели характеризуют весьма важный процесс – на подъеме или спаде находится та или иная гецивилизация, что важно для перспектив ее дальнейшей судьбы в гецивилизационной системе и в целом в истории человечества. Вкратце, на основании показателей, можно сказать, что сегодня наиболее динамично развиваются три гецивилизации – конфуцианско-буддистская, индуистская и исламская.

Место России в мировой системе цивилизаций

Россия в мировой модели гецивилизаций указывается нами как самостоятельная российская евразийская гецивилизация, хотя есть и иные точки зрения, к примеру, что она является частью православной гецивилизации. На наш взгляд, Россия «отпочковалась» от православной локальной цивилизации (безусловно, не потеряв при этом прочных связей с православным миром). Началом этого процесса, видимо, послужил исторический период образования империи. Россия и ее цивилизация представляет собой синтез многих этносов, религиозных конфессий, культур, сразу нескольких крупных, мировых, цивилизационных потоков – православно-христианского, исламского и буддистского, системообразующим ядром из которых является

православно-христианский. Сложилась, причем мирно, уникальная цивилизационная полиэтническая и многоконфессиональная общность, в которой каждый житель обладает двойной идентификацией – он одновременно ощущает, во-первых, свою принадлежность к своей локально-местной культуре, религии, этносу, и, во-вторых, свою принадлежность к общей российской культуре. Данный историко-культурный синтез, проверенный и скрепленный веками совместного проживания на евразийском пространстве (вполне вероятно, еще со скифских времен), служит прочной фундаментально-ценностной конструкцией функционирования российского общества.

По большому счету, уникальность российской евразийской гецивилизации, на наш взгляд, заключается в том, что, вполне вероятно, мировая история осуществляет на обширной российской территории некий грандиозный эксперимент по построению модели человеческого общества будущего. Ведь нет ни одной страны в мире, где бы проживало столько этносов (более полутора сотен), являющихся приверженцами стольких религиозно-конфессиональных направлений (более пятидесяти), и при этом в данном месте мировой ойкумены не происходили и не происходят какие-либо серьезные межцивилизационные конфликты и столкновения. В этом плане интересно мнение А. Тойнби о России, изложенное им в письме к нашему соотечественнику академику-востоковеду Н. И. Конраду: «Ваша страна состоит из такого множества народов, разговаривающего на стольких различных языках и унаследовавших столь различные культуры, что она является моделью мира в целом...» [Наше Отечество ... 1991, с. 8].

На основании проведенного исследования можно смело констатировать, что системообразующим фактором образования, становления и развития российской евразийской цивилизации представляется единая историческая судьба многовекового совместного проживания полиэтнического и поликонфессионального российского народа.

Основные особенности гецивилизаций и межцивилизационного взаимодействия

Обозначим наиболее существенные, на наш взгляд, особенности гецивилизаций и межцивилизационного взаимодействия.

Гецивилизация – наиболее крупное историческое образование. По точному выражению Александра Зиновьева, «цивилизация – особый социальный феномен, несводимый к другим» [Зиновьев 2000, с. 276].

Цивилизационный процесс носит глубинный фундаментально-ценностный характер. Существовая в свойственном только ей пространственно-временном формате, цивилизация объединяет большое количество малых и больших общностей, образуя множество, скрепленное единством присущей ему культуры, поскольку в процессе общения между этими малыми общностями совместными усилиями (не исключая случаев насаждения, навязывания, конфликтности и борьбы) образуются общие для них всех культурные ценности, сходства, образ жизни, которые делают их ментально похожими, можно даже сказать, формируют родственные связи в социально-культурном плане. Похожий образ жизни включает в себя не только религиозные или же этнические схожести, но и организацию социума, власти, управления, хозяйственного обустройства, права, морали, быта, взаимоотношений и ответственности.

Внутрицивилизационное пространство не постоянно, оно меняется, увеличиваясь или уменьшаясь, как по территории, так и по составу и численности, но его единство остается неизменным. Это не значит, что внутри этого пространства, этого множества не может быть раздоров, ссор, противоречий и даже войн. Но они имеют меньшее значение в сравнении с противоречиями с иной подобной цивилизационно-культурной общностью (наглядный пример – помощь шиитского Ирана суннитскому Ираку в противодействии агрессии США в 1991 году, которая была оказана несмотря на то, что буквально незадолго до этого между ними завершилась многолетняя так называемая шиитско-суннитская война, унесшая сотни тысяч жизней с обеих воюющих сторон).

Немаловажное значение в образовании и становлении цивилизаций сыграл исторический механизм Вызова–И–Ответа, когда тяжелые природные условия (пример – возникновение «речных» цивилизаций) или же враждебность соседей, стимулировали, мобилизовывали объединение народов в борьбе за выживание. Для России таким вызовом была масштабная многовековая агрессия соседних государств практически по всему периметру границ.

Цивилизации не вечны. Одни из них просуществовали несколько столетий, другие – тысячелетия. Одни поглощаются другими, вторые – уничтожаются другими (как случилось с процветающими, но незащищенными цивилизациями майя, ацтеков, инков), третьи, по

выражению Данилевского, становятся «этнографическим материалом для других» [Данилевский 1991]. Исторические условия меняются, и происходит или не происходит приспособление к ним с целью сохранения и выживания. В данном случае изменяющиеся условия представляют собой исторический *Вызов*, на который необходим адекватный *Ответ*.

Главной особенностью локальной цивилизации, ее внутренне, имманентно присущим свойством, можно даже сказать, основным инстинктом данного локального историко-культурного образования, является «свойство, формируемое на глубинном уровне и проявляющееся двуедино. С одной стороны, в стремлении к сохранению и приумножению своих материальных и культурных ценностей, к самосохранению общности как единого целого. А с другой – в стремлении к максимально возможному расширению. Это расширение осуществляется посредством экспансии, направленной как на захват территории, осуществление контроля и влияния над материальными и людскими ресурсами соседей, так и на распространение (навязывание) вовне своих культурных ценностей. Это свойство локальной цивилизации (геоцивилизации), связанное с упрочением, увеличением и расширением территории (контроля над территорией), жизненных благ и культурных ценностей, является важнейшим стимулом геоцивилизационной активности и эволюции (ведь эволюция в реальности осуществляется в борьбе различных сил с разными интересами, в пользу одних и во вред другим). Здесь кроется источник прогресса геоцивилизации» [Киселев 2002, с. 5].

Экспансия – мощный инструмент в арсенале форм существования локально-культурного образования. Шпенглер сформулировал тезис, что *экспансия – принцип цивилизации*. А мы знаем, что принцип – это руководящее правило. И, как показывает историческая действительность, этот принцип имеет место быть. Данное явление заслуживает отдельного специального исследования, позволяющего выяснить причины начавшейся экспансии, признаки вероятной, надвигающейся экспансии, изучить явление контрэкспансии и т. п.

На границах между геоцивилизациями могут образовываться и образуются линии цивилизационных разломов – это линии границ между локальными цивилизациями, или субцивилизациями, отличающиеся напряженностью, конфликтогенностью, остротой

межрелигиозных и межэтнических столкновений (например, уже упоминавшийся Нагорный Карабах и др.). И это явление также заслуживает подробного исследования, поскольку именно здесь чаще всего случаются столкновения между гецивилизациями, субцивилизациями или же их составляющими общностями и государственными образованиями.

Заключение

Таким образом, цивилизации – самые крупные исторические образования, а вся человеческая история в этом смысле есть процесс зарождения, становления, развития и ухода с исторической арены разных локальных общностей-миров, а также постоянный процесс их взаимодействия, взаимовлияния, взаимообогащения, диалога, конкуренции, противоборства и столкновения через составляющие их государства и народы. Российская евразийская цивилизация занимает достойное место в системе мировых гецивилизаций, активно участвует в многогранном междцивилизационном взаимодействии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Данилевский Н. Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М. : Книга, 1991. [Danilevskij, N. Ya. (1991). Rossiya i Evropa: Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu. (Russia and Europe: A Look at the Cultural and Political Relations of the Slavic world to the Germanic-Romance). Moscow: Kniga. (In Russ.)].
- Зиновьев А. А.* На пути к сверхобществу. М. : Центрполиграф, 2000. [Zinov'ev, A. A. (2000). Na puti k sverhobshchestvu. (On the way to a super-society). Moscow: Centrpoligraf. (In Russ.)].
- Киселев С. Г.* Основной инстинкт цивилизаций и геополитические вызовы России. М. : Известия, 2002. [Kiselev, S. G. (2002). Osnovnoj instinkt civilizacij i geopoliticheskie vyzovy Rossii. (The Basic Instinct of Civilizations and Russia's Geopolitical Challenges). Moscow: Izvestiya. (In Russ.)].
- Киселев С. Г.* Гецивилизация // Глобалистика: Энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М. : Радуга, 2003. С. 172–174. [Kiselev, S. G. (2003). Geocivilization. In I. I. Mazour, A. N. Chumakov (eds.). Global studies: Encyclopedia (pp. 172–174). Moscow: Raduga. (In Russ.)].
- Моисеев Н. Н.* Современный антропогенез и цивилизационные разломы // Социально-политический журнал. 1995. № 5. С. 3–30. [Moiseev, N. N. (1995).

- Sovremennyj antropogenez i civilizacionnyye razlomy. (Modern anthropogenesis and civilizational faults). *Social'no-politicheskij zhurnal*, 5, 3–30. (In Russ.).
- Наше Отечество. Опыт политической истории. М. : Терра, 1991. [*Nashe Otechestvo. Opyt politicheskoy istorii.* (1991). М.: Terra (In Russ.)].
- Тойнби А. Постижение истории. М. : Прогресс, 1991. [Тојнби, А. (1991). *Postizhenie istorii.* (Comprehension of history). Moscow: Progress. (In Russ.)].
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис (Политические исследования). 1994. № 1. С. 33–48. [Hantington, S. (1994). *Stolknovenie civilizacij?* (A clash of civilizations?). *Polis (Politicheskie issledovaniya)*, 1, 33–48. (In Russ.)].
- Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М. : Мысль, 1993. [Shpengler, O. (1993). *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii.* (The sunset of Europe. Essays on the morphology of world history). Moscow: Mysl'. (In Russ.)].

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2021_2_843_91

Е. Д. Леонтьев

аспирант кафедры политологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета
edl24@mail.ru

СПОРТИВНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматриваются составляющие спортивной дипломатии, как одного из важных элементов дипломатической деятельности государства, и ее возможности по оказанию влияния на состояние международных отношений. Существенны роль и значение спортивной дипломатии в формировании международной повестки дня, повышении международного имиджа государства. Одним из важнейших инструментов спортивной дипломатии в решении задач межгосударственных отношений является публичная дипломатия.

Ключевые слова: международные отношения; внешняя политика; спортивная политика; традиционная дипломатия; спортивная дипломатия; публичная дипломатия; геополитическое противоборство.

E. D. Leontyev

PhD Student of the Department of political science
Institute of international relations and socio-political Sciences
Moscow State Linguistic University
edl24@mail.ru

SPORTS DIPLOMACY IN THE SYSTEM OF MODERN INTERSTATE RELATIONS

The article considers the components of sports diplomacy as one of the important elements of the state's diplomatic activity and its possibilities to influence the state of international relations. The role and importance of sports diplomacy in shaping the international agenda and improving the international image of the state are essential. One of the most important tools of sports diplomacy in solving problems of interstate relations is public diplomacy.

Key words: international relations; foreign policy; sports policy; traditional diplomacy; sports diplomacy; public diplomacy; geopolitical confrontation.

Введение

Спорт, учитывая остроту и накал геополитического соперничества в современных условиях, всё в большей мере становится неотъемлемым составным элементом международных отношений. Спорт, по своей сути, универсален. Опираясь на спорт, государство в состоянии существенным образом укрепить международное сотрудничество, использовать спорт в качестве инструмента преодоления конфликтов, налаживания межнационального и межкультурного диалога. В ходе различного рода международных спортивных соревнований спортсмены имеют возможность не только продемонстрировать свои спортивные достижения, но и познакомиться с представителями других стран и народов, с их достижениями в области культуры, науки, искусства, образования; установить контакты и стать друзьями с представителями самых различных слоев населения.

Вопросы установления взаимоотношений спорта и международных отношений относятся к проблемной области спортивной дипломатии, которая является одним из видов дипломатической деятельности российского государства, направленной на решение внешнеполитических задач укрепления мира, расширения сотрудничества при помощи спорта и спортивной политики. Спортивная дипломатия, в зависимости от решаемых задач, в состоянии использовать спорт как вспомогательный и как самостоятельный политический инструмент для решения определенных внешнеполитических задач [Боголюбова 2011, с. 8].

Умело организованные различные международные спортивные соревнования в значительной мере способствуют укреплению взаимопонимания между представителями самих различных народов, стран и континентов. Поведение, которое демонстрируют спортсмены, представители различных стран, их умение не только праздновать победу, но и достойно вести себя в случае поражения, способствует формированию положительного образа страны, стремлению к установлению дружеских контактов и долговременных связей.

Спортивная дипломатия в решении задач международных отношений

В рамках решения задач, касающихся международных отношений, к сфере деятельности спортивной дипломатии относится

установление и поддержание контактов спортивной общественности разных стран на различных уровнях. Особая роль в спортивной дипломатии принадлежит спорту высших достижений. В настоящее время спорт высших достижений превращается в один из способов давления на геополитических противников, эффективное средство ведения «гибридных войн». При этом в качестве инструментов оказания политического давления в последнее время в самых широких масштабах используется как деятельность некоторых международных спортивных организаций (типа WADA), так и распространяемые в глобальном информационно-политическом пространстве различные провокационные материалы на спортивную тематику, в первую очередь телевизионная продукция (например, фильм «Би-би-си-2» о российских болельщиках).

Одним из важных направлений отечественной спортивной дипломатии в формировании позитивного международного имиджа Российской Федерации с использованием технологий спорта высших достижений явилось учреждение Континентальной хоккейной лиги (КХЛ). С самого начала реализации данного проекта были четко определены его геополитические измерения. В частности, КХЛ вносит существенный вклад в процесс сближение бывших советских республик под эгидой России, которая явилась инициатором создания этой международной спортивной организации и которая представлена в КХЛ самым большим количеством клубов. В данном случае можно провести параллель между предпринятыми правительством Российской Федерации политическими усилиями по подписанию Договора о создании Таможенного союза и действиями спортивных функционеров по запуску КХЛ: и в первом, и во втором случае российское руководство ставило перед собой задачу по консолидации и реинтеграции постсоветского пространства. Учреждением и активным участием в функционировании КХЛ России удалось существенным образом закрепить свои лидирующие позиции на постсоветском пространстве, причем эти позиции укрепились не только в области хоккея как одного из самых зрелищных видов спортивных соревнований, но и спорта в целом, что в значительной мере экстраполировалось на другие сферы жизнедеятельности российского общества. Кроме того, КХЛ является инструментом в руках российских политиков не только для решения внешнеполитических вопросов на пространстве

государств – участников СНГ, но и эффективным инструментом оказания влияния на политику на Европейском континенте в целом. Еще одна важнейшая внешнеполитическая задача, решение которой во многом обусловлено созданием по инициативе России такой международной хоккейной структуры, как КХЛ – это завоевание приоритетов в конкурентном противостоянии с Соединенными Штатами и Канадой как в области хоккея, так и в других областях обостряющегося геополитического противоборства, имеющего целью не допустить возвращения России в число сверхдержав.

Вместе с тем спорт в целом и спортивная дипломатия, в частности, широко используются противниками нашей страны в целях снижения имиджа российского государства. Так, рассматривая причины, касающиеся формирования международного имиджа нашей страны, Президент Российской Федерации В. В. Путин неоднократно обращал внимание на тот факт, что зарубежные политические деятели часто сознательно искажают реальное положение дел в нашей стране, особенно это касается информации о позиции российского правительства по международным вопросам, в том числе в области спортивной политики. В этом случае, как сказал Президент, «виноваты мы с вами в том, что мы плохо объясняем свою позицию»¹.

В целях повышения своего международного имиджа с опорой на использование спорта высших достижений российское государство, в основном, проводит следующий комплекс мероприятий: организует спортивные соревнования международного уровня по тем видам спорта, в которых российские спортсмены традиционно являются победителями или призерами (фигурное катание, художественная гимнастика, хоккей, синхронное плавание и т.д.); проводит различные благотворительные соревнования, специальные показательные спортивные выступления; организует встречи с олимпийскими чемпионами, чемпионами мира и Европы; проводит мастер-классы с участием знаменитых спортсменов, а также тренировки и занятия физкультурой с представителями местной спортивной общественности и т.д.

Спорт в наше время, безусловно, стал важным фактором мировой политики. Спортивная дипломатия сегодня играет всё большую

---

¹ Совещание послов и постоянных представителей России. URL: <http://www.kremlin.ru/news/15902>.

роль при формировании международной повестки дня. Спортивная дипломатия включает в себя деятельность как правительственных, так и различных негосударственных структур в целях реализации внешнеполитического курса государства посредством организации, проведения и участия в международных спортивных мероприятиях. В современных международных политических условиях имеет место дальнейшее наращивание усилий в направлении закрепления за спортивной дипломатией характеристики как эффективного инструмента «мягкой силы», при помощи которого государство в состоянии решать различные, в том числе достаточно важные и сложные задачи и проблемы на международной арене. В этом направлении спортивная дипломатия в XXI в. продолжает и дальше наращивать усилия, и для расширения ее влияния и роста популярности объективно на сегодняшний день имеется целый ряд важных причин:

Во-первых, сама традиционная дипломатия под влиянием различных факторов подвергается серьезным изменениям, что касается принципов и технологий ее ведения. Используемая в предыдущие исторические периоды классическая модель дипломатии, которая предполагала применение дипломатических механизмов исключительно на официальном государственном уровне, на сегодняшний день представляет собой только лишь один из возможных вариантов осуществления современной деятельности на дипломатическом уровне.

Во-вторых, деятельность в области спорта в современном глобализирующем мире объективно превращается в обязательный составной элемент повседневной политической и дипломатической деятельности любого государства, и это неразрывно связано с постоянно увеличивающимся количеством всё новых видов спорта, в том числе включенных в программы очередных Олимпийских игр, а также существенного роста авторитета и влияния спортивных организаций различного профиля и масштаба на международной арене.

В-третьих, углубляется процесс дальнейшей интеграции спорта и дипломатии, особенно это касается вопросов возможностей их комплексного использования в интересах формирования положительного имиджа страны за рубежом.

Благодаря рекордным достижениям спортсменов и национальных команд на международных соревнованиях представление о стране и ее имидж могут меняться с такой невероятной скоростью,

сравниться с которой не всегда в состоянии даже некоторые дипломатические акции. Кроме того, спортивная дипломатия в состоянии по дипломатическим каналам отправлять другим странам определенные сигналы о состоянии межгосударственных отношений, а также в соответствующих условиях оказывать непосредственное воздействие на характер этих взаимоотношений [Мартыненко 2015, с. 150–151].

В наши дни, когда многие страны в практике своей внешнеполитической деятельности широко используют технологии информационного противоборства, в том числе информационные и психологические операции, спорт становится мощным инструментом внешнеполитической борьбы и методом политического воздействия. Как заметил один из западных исследователей проблем спортивной дипломатии П. Бек, спорт «является инструментом, способным одновременно отражать суть международных отношений и влиять на их развитие» [Beck 1999]. Спорт в состоянии оказывать существенное влияние на внешнюю политику государства, способствовать продвижению национальных брендов, участвовать в формировании авторитета страны на мировой арене и тем самым вносить значительный вклад в укрепление положительного имиджа государства.

Сегодня спорт не только площадка для наращивания имиджа любого государства, но и поле для ведения активной политической борьбы [McChesney 2000]. Спорт представляет собой эффективный канал манипулирования сознанием тех значительных по численности групп населения, для которых спорт стал важной частью их повседневной жизни. В настоящее время спорт и связанная с ним спортивная политика являются предметом деятельности как государственных, так и различных негосударственных структур: международных и национальных спортивных организаций, производителей спортивной формы и инвентаря, банков, транспортных и страховых компаний, наконец, болельщиков.

Спорт в состоянии нивелировать существующие различия и выполнять координирующую функцию в отношениях между представителями различных государственных органов, политическими деятелями и спортивной общественностью, и в этом заключается дипломатическая роль спорта. Как справедливо заметил координатор секции дипломатических исследований Ассоциации Международных исследований С. Мюррей, если «традиционная дипломатия является

средством для достижения внешнеполитических целей государства, то спортивная дипломатия служит средством к средству достижения таких целей» [Murray 2012]. С этой точкой зрения соглашается экс-посол США в Дании Дж. Кейн, который еще в 2009 году справедливо заметил: «Спорт является сильным посредником, способным содействовать построению отношений, преодолевая культурные и этические различия с позитивным посланием, что он разделяет такие ценности, как взаимное уважение, толерантность, сострадание, дисциплину, равенство возможностей и верховенство права. Во многих случаях спорт является более эффективным инструментом внешней политики, чем морковка или палка» [Мартыненко 2015, с. 69]. Как раз на этих принципах и базируется стратегия использования спорта в качестве элемента «мягкой силы» во внешней политике государства.

Один из важнейших инструментов спортивной дипломатии в решении проблем международных отношений – это публичная дипломатия. При помощи публичной дипломатии осуществляется информирование общественности своей страны и зарубежной аудитории, установление контактов и начало конструктивного диалога между ними, что в значительной мере способствует формированию доверительных отношений между представителями общественности различных стран. В то время как официальная дипломатия ориентируется на структуры государственных органов власти, публичная имеет своей целью самые широкие круги общественности различных зарубежных государств. Благодаря публичной дипломатии в дипломатический лексикон вошли такие новые понятия, как «пинг-понговая», «регбийная», «волейбольная» и т. п. дипломатии.

Сегодня термин «баскетбольная дипломатия» чаще всего ассоциируется с посещением известным американским баскетболистом Д. Родманом КНДР. Причем звезда Национальной баскетбольной ассоциации Северной Америки Д. Родман впервые посетил КНДР в феврале 2013 года буквально через несколько недель после того, как по решению правительства Ким Чен Ына в Северной Корее было проведено испытание ядерного оружия, что вызвало резкую критику со стороны администрации Барака Обамы. В последующем Д. Родман еще трижды посещал КНДР (*Time*, 2017, Jun 13).

Следует напомнить и о реализуемой в наши дни «дипломатии дзюдо», которая имеет отношение к контактам Президента Российской

Федерации В. В. Путина и высших политических руководителей Японии. Российский Президент является обладателем восьмого дана по дзюдо. В ходе своих визитов в Японию В. В. Путин не раз посещал проводившиеся там соревнования по дзюдо. Более того, касаясь спорных вопросов российско-японских отношений, Путин часто прибегает к использованию терминов из сферы дзюдо, например «хикивакэ» (стремление прийти к приемлемому компромиссу) или «хадзимэ» (сигнал к возобновлению переговоров) (*Хоккайдо Симбун*, 04.10.2017).

Историческая наука запечатлела немало эпизодов, когда спорт выступал в качестве эффективного инструмента налаживания отношений между различными государствами. Одним из самых древних и вместе с тем действенных инструментов спортивной дипломатии и одновременно «мягкой силы» являются Олимпийские игры. Подготовка и проведение Олимпийских игр, как и в целом Олимпийское движение, стимулируют налаживание и установление добрососедских отношений между странами и народами. Вместе с тем известны случаи даже из античной истории, когда «олимпийское перемирие» неоднократно нарушалось; к глубокому сожалению, далеко не всегда «перемирие» в период проведения Олимпийских игр соблюдается и в наше время (в качестве примера – организованная правительством Грузии, возглавляемого Саакашвили, в день церемонии открытия Олимпийских игр в Пекине 8 августа 2008 года вооруженная агрессия против населения Южной Осетии и российских миротворцев. И всё же несмотря на это, Олимпийские игры, вне всяких сомнений, представляют собой выдающееся событие в международной не только спортивной, но и в целом в культурной и политической жизни планеты. В целях развития и совершенствования этих связей и контактов в 2008 году на форуме в городе Пусан (Республика Корея) был принят Пусанский план, в котором содержались рекомендации стране организаторе Олимпийских игр на период проведения игр разрабатывать специальную культурно-образовательную программу, которая знакомила бы спортсменов и болельщиков не только со спортивными достижениями, но и с историей, культурой страны проведения Олимпийских игр и таким образом служила бы делу укреплению дела мира, взаимопонимания между народами, что, безусловно, является зримым воплощением «мягкой силы» спортивной дипломатии [*Мировая политика* 2017, с. 32–43].

В XXI веке Олимпийские игры стране-организаторе дают уникальную возможность существенным образом укрепить свой собственный авторитет и нарастить положительный имидж в глазах всего мирового сообщества. В период подготовки к Олимпийским играм, каждое государство стремится максимально представить на обозрение все свои национальные бренды. Как указывает Д. Е. Воинов, «крупные международные спортивные соревнования, в частности Олимпийские игры, являются одновременно и важнейшими политическими, экономическими и статусными проектами для стран-организаторов... Олимпийские игры, являясь одновременно и крупнейшим спортивным форумом, и популярнейшим развлекательным продуктом, дают стране-организатору возможность сформировать или улучшить свой внешнеполитический имидж, национальную репутацию» [Воинов 2015, с. 155–156]. И в этом смысле они представляют собой один из мощнейших инструментов спортивной дипломатии.

Наглядным примером, с этой точки зрения, являются Олимпийские игры, подготовленные и проведенные Российской Федерацией в 2014 года в городе Сочи. По единодушному мнению всех участников зимней Олимпиады в Сочи, организация и проведение российской стороной этих Олимпийских игр заслуживает самой высокой оценки. Олимпийские соревнования в Сочи посетили два миллиона человек, следить за ходом соревнований по каналам телевизионного вещания имели возможность около трех млрд. телезрителей, на церемонии открытия Олимпийских игр в Сочи присутствовал Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун.

Заключение

Любое государство, выдвигающее претензии на глобальный или, по крайней мере, региональный статус в мировой политике, сегодня не может обойтись и просто обязано владеть эффективным инструментарием «мягкой силы», неотъемлемой частью которого, бесспорно, является спортивная дипломатия. Спортивная дипломатия сегодня, в век глобализации, продолжает уверенно наращивать свой потенциал. С учетом резко возрастающей в наше время популярности спорта и особенно крупных международных спортивных соревнований роль и значение спортивной дипломатии в системе современных международных отношений сохраняет тенденцию к дальнейшему повышению.

На сегодняшний день в мире в целом и в России, в частности, спорт и спортивная политика превратились в один из наиболее действенных институтов «мягкой силы» и публичной дипломатии. Наравне с экономическими успехами любой страны сегодня спортивные достижения стали обязательными атрибутами успешного позиционирования государства на мировой арене и предметом мирового соперничества.

Спортивная дипломатия, как составляющая «мягкой силы» Российской Федерации, способствует формированию позитивного образа нашей страны на международной арене, ее геополитическому позиционированию, что особенно важно в условиях резко усилившегося негативного информационного давления со стороны ряда западных держав во главе с Соединенными Штатами Америки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В.* Спорт в палитре международных отношений. СПб. : СПб ун-т, 2011. [Bogolyubova, N. M., Nikolayeva Yu. V. (2011). Sport v palitre mezhdunarodnykh otnosheniy (Sports in the palette of international relations). St. Petersburg: SPb un-t (In Russ.).]
- Воинов Д. Е.* «Мягкая сила» Игр «Сочи-2014» и зарубежные медиа: анализ политико-информационного фона российской Олимпиады // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 2. С. 155–156. [Warriors, D. E. (2015). Soft power of the Sochi-2014 Games and foreign media: analysis of the political and informational background of the Russian Olympics. Bulletin of the Moscow University. Ser. 25: International relations and world politics, 2, 155–156. (In Russ.).]
- Мартыненко С. Е.* Роль спортивной дипломатии в международных отношениях и внешней политике. дис. ... канд. ист. наук, М., 2015. [Martynenko, S. E. (2015). Rol sportivnoy diplomatii v mezhdunarodnykh otnosheniyakh i vneshney politike (The role of sports diplomacy in international relations and foreign policy): thesis of PhD in History. Moscow. (In Russ.).]
- Наумов А. О.* Спортивная дипломатия как инструмент «мягкой силы» // Мировая политика. 2017. № 4. С. 32–43. [Naumov, A. O. (2017). Sports diplomacy as a tool of «soft power». World politics, 4, 32–43. (In Russ.).]
- Beck P.* Scoring for Britain: International Football and International Politics, 1900–1939. London : Routledge, 1999.
- McChesney R.* Rich Media, Poor Democracy: Communication Politics in Dubious Times. New York: The New Press, 2000.
- Murray S.* Sports-Diplomacy: a hybrid of two halves. N. Y., 2012.

УДК 327.88

DOI 10.52070/2500-347X_2021_2_843_101

И. В. Михайлин

доктор исторических наук
профессор кафедры теории и истории международных отношений
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета
mikhailin.igor@mail.ru

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ НАСТАВЛЕНИЯ РОССИЙСКИМ ДИПЛОМАТАМ

Статья посвящена анализу наставлений президентов В. В. Путина и Д. А. Медведева, высказанных на состоявшихся в 2000-е годы встречах с послами и постоянными представителями России при международных организациях. Президенты призвали российских дипломатов службы к усилению аналитической и прогностической работы при подготовке информационных материалов. Также они выражали пожелание более активного продвижения российских экономических интересов за рубежом, реакции на случаи искажения правды о Второй мировой войне и понижения значимости участия СССР. Президенты также обратили внимание на важность новых технологий, в частности «мягкой силы».

Ключевые слова: дипломатическая служба; дипломатический инструментарий; информационно-аналитическая работа; аналитико-прогностическая работа; информационно-разъяснительная работа.

I. V. Mikhailin

Doctor of History (Dr. habil), Professor
Department of the Theory and History of International Relations
Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty)
Moscow State Linguistic University
mikhailin.igor@mail.ru

PRESIDENTIAL ADMONITIONS FOR RUSSIAN DIPLOMATS

Article deals with admonitions expressed by the presidents V. V. Putin and D. A. Medvedev in the course of meetings in 2000-s with Russia ambassadors and permanent representatives to international organizations. Russian diplomatic service officials have been called for strengthening analytical and forecasting components in the information papers. The presidents have also expressed the desire that our diplomats should contribute more actively to promotion of Russia economic interests

abroad, as well as not miss a single case of truth distortion about the Second World War and depreciation of the USSR role in it. The presidents also attracted attention to the importance of new technologies, such as «soft power».

Key words: diplomatic service; diplomatic instruments; informational and analytical activities; analytical and prognostic activities; informational and explanatory activities.

Введение

В последнее время Россия проявляет возросшую активность и инициативность в международных делах. Последний тому пример – ведущая роль России в урегулировании армяно-азербайджанского вооруженного конфликта вокруг Нагорного Карабаха (сентябрь – октябрь 2020 года). Ввод российских миротворцев способствовал стабилизации обстановки в этом беспокойном районе Закавказья. В видеообращении к участникам 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН президент В. В. Путин напомнил о последних инициативах России: о проведении встречи лидеров пяти государств – постоянных членов Совета Безопасности; о моратории на размещение наземных ракет средней и меньшей дальности в Европе и других регионах – до тех пор, пока от таких мер будут воздерживаться США; о заключении соглашения, которое предусматривало бы запрет на размещение оружия в космосе, на применение силы в отношении космических объектов (*Российская газета*, 23.09.2020). Все они направлены на укрепление международной безопасности.

Внешняя политика России формируется из разных составляющих. К числу наиглавнейших из них относятся вопросы управления. К началу XXI века в России сложилась государственно-управленческая система принятия решений в сфере внешней политики. Центральное место в ней занимает фигура Президента РФ. Согласно Конституции РФ (в редакции 2020 года с изменениями, ст. 80 п. 3) Президенту принадлежит главная роль в определении основных направлений российской внешней политики. В ст. 86а сказано, что «Президент РФ осуществляет руководство внешней политикой Российской Федерации» [Конституция Российской Федерации 2020]. Администрация Президента аккумулирует и обобщает информацию, поступающую от внешнеполитических ведомств – МИДа, Службы внешней разведки России и Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил РФ, некоторых других

ведомств. Совет Безопасности РФ под председательством Президента рассматривает на своих заседаниях наиболее актуальные вопросы мировой политики, затрагивающие жизненно важные интересы и безопасность нашей страны. Президент по итогам коллегиального обсуждения принимает окончательные решения.

Внешняя политика тесно связана с дипломатией. Дипломатия, по оценке министра иностранных дел СССР А. А. Громыко, является «совокупностью практических мероприятий, а также форм, средств и методов, используемых для осуществления внешней политики» [Громыко 1978, с. 304]. Следуя этой логике, Россия старается повышать эффективность проводимого курса на международной арене и добиваться большего его понимания общественностью зарубежных стран посредством использования дипломатических форм и методов. В совокупности они составляют специфический инструментарий отечественной внешней политики. С начала «нулевых» XXI века, по мере утверждения в российской внешней политике элементов самостоятельности, укреплялось и осознание необходимости использования не столько дипломатии как таковой, сколько творческого применения ее методов с учетом обстановки в отдельно взятой стране и использования наиболее действенных ее форм для защиты российских интересов. Важен и выбор тональности, которая исключала бы перевод на рельсы конфронтации отношений со странами, не разделяющими российскую точку зрения. Осознание важности этих дипломатических тонкостей постепенно «пробивало дорогу» и в верхние эшелоны российской власти.

Наставления российских президентов

С избранием в 2000 году В. В. Путина Президентом РФ это осознание трансформировалось в реальные дела. Новый президент инициировал регулярное проведение совещаний с российскими послами и постоянными представителями при международных организациях. Выбором такой аудитории президент дал понять, что считает послов и постпредов своего рода связующим звеном в общении с кадровым составом российской дипломатической службы в Центральном аппарате МИД и заграничных представительствах. Уже в ходе первого совещания 12 июля 2002 года президент поднял вопрос о качестве добываемой дипломатами информации и конкретизировал задачи на этом

направлении следующим образом: «Хотелось бы видеть в ней, – подчеркнул глава государства, – не только ситуационный отчет, но прежде всего – профессиональный анализ и компетентный прогноз. Для этого требуется хорошо знать не только ситуацию в стране пребывания, но, что особенно важно, нужно знать ситуацию в России. Нужно знать, что здесь происходит. Нужно знать внутренние причины развития политической ситуации на родине и, разумеется, четко понимать взаимосвязь задач, стоящих перед нашей страной, с ситуацией в мире в целом. Формальные отчеты не нужны. Равно как и не надо выжидать, когда вам из Москвы поступят подробные инструкции и конкретные запросы» [Путин 2002, с. 11]. Заостренность Президентом внимания на такие качества дипломатической информации, как профессиональный анализ и компетентный прогноз были своевременны и обоснованы. Ухудшение в 1990-е годы материального обеспечения сотрудников Центрального аппарата МИДа, сокращение бюджетных ассигнований на содержание дипломатических загранпредставительств вызвали отток опытных кадров. Это не замедлило сказаться на качестве дипломатических документов, в первую очередь информационно-аналитического и аналитико-прогностического характера как наиболее востребованных в 2000 годах на этапе осмысления и поиска Россией собственного места и роли в быстро менявшейся системе международных координат.

Критическое замечание в адрес МИДа в том, что его сотрудникам пока не удалось добиться сколько-нибудь заметного улучшения аналитической и прогностической составляющих дипломатических документов, высказал и президент Д. А. Медведев. В выступлении на совещании послов и постоянных представителей РФ при международных организациях 12 июля 2010 года он отметил: «Необходим глубокий аналитический подход к событиям, прогнозирование тенденций развития как двусторонних, так и многосторонних отношений. Здесь нужен свежий взгляд ... в ряде случаев ... нужно находить в себе силы отрешаться от стереотипов» [Медведев 2010, с. 9–10]. Известно, что работники дипломатической службы развивают и совершенствуют навыки информационно-аналитической и аналитико-прогностической работы (ИАР и АПР) в Центральном аппарате и в загранпредставительствах МИДа, что обусловлено постоянно усложняющейся международной обстановкой. Первоначальные знания

о ИАР и АПР закладываются в высших учебных заведениях, где преподаются эти дисциплины, в том числе в МГЛУ.

Задача дипломатической службы, как ее сформулировал Д. А. Медведев, – состоит в том, чтобы «придать своей работе новое качество». В контексте поставленной задачи Президент, помимо прочего, обратил внимание на то, что «роль российских дипломатических представительств за рубежом не должна ограничиваться банальной гонкой за количеством и объёмом направляемых в Центр информационных сообщений» [Медведев 2010, с. 9–10]. Замечание российского Президента попало, что называется, в точку. Действительно, в некоторых посольствах молодые дипломаты нередко устраивают негласное соревнование, кто больше проведет встреч со своими деловыми связями и направит в Центр информационных сообщений в виде записей бесед. Однако сколько-нибудь серьезной информации, а тем более ее качественного анализа они, как правило, не содержат и рассчитаны, в основном, на то, чтобы набрать побольше «вистов» в глазах начальства и поскорее получить продвижение по службе или новый дипломатический ранг. Что касается посольских документов, то они нередко имеют избыточный объём (не случайно установлены ограничения по объёму даже для политического письма и годового отчета посольства), которые, однако, не всегда соблюдаются. В итоге посольство буквально заваливает Центр информационными сообщениями, ознакомление с которыми и подготовка по ним оценочных документов нередко отвлекает сотрудников подразделений, курирующих посольство, от выполнения более срочных заданий.

О политике, экономике, зарубежных соотечественниках

Больше всего наставлений содержится в выступлениях на совещаниях с российскими послами и постпредами Президента В. В. Путина. Опыт работы за рубежом помог ему прочувствовать специфику дипломатической работы. Правильная оценка поступавших к началу второго десятилетия по разным каналам сведений о неблагоприятно складывавшейся обстановке вблизи российских границ (события на Украине, попытки западных держав втянуть ее так же, как Грузию, в НАТО) и интуиция на основе прежнего профессионального опыта, позволили В. В. Путину предвидеть усиление антироссийского крена в политике коллективного Запада. Именно поэтому в ходе

совещания с российскими послами 9 июля 2012 года он обратил внимание дипломатов на недопустимость пассивного наблюдения за происходящими событиями. «Нужно активнее влиять на ситуацию там, где напрямую затрагиваются российские интересы, действовать на упреждение, быть готовыми к любому варианту развития обстановки, даже к самому неблагоприятному варианту такого развития [Путин 2012, с. 8]. Последующее развитие событий по негативному сценарию (развертывание у российских границ новых военных объектов и инфраструктуры НАТО, другие агрессивные действия) подтвердило своевременность этого президентского наставления.

Важное значение в выступлениях В. В. Путина на совещаниях с российскими послами и постпредами имела экономическая тематика. И для этого были все основания. С начала 2000-х годов Россия стала всё чаще сталкиваться с проявлениями неуважения своих экономических интересов – многочисленными случаями дискриминации товаров и услуг отечественных производителей, недобросовестной конкуренцией и созданием помех под надуманными предлогами (например, при строительстве газопроводов «Северный поток» и «Северный поток-2»). «Отечественный бизнес нуждается в постоянной дипломатической поддержке – сказал Президент на ранее упомянутом совещании с российскими послами и постпредами. МИДу, его загранучреждениям – энергичнее помогать нашим компаниям в работе на внешних рынках и в реализации перспективных экономических инициатив ... не допускать дискриминации российских товаров, услуг, инвестиций ... недобросовестной конкуренции ... энергичнее отвечать на эти проявления» [там же, с. 9]. Призыв Президента придал дополнительный импульс и без того проводившейся МИДом и его загранпредставительствами работе в разных формах на этом направлении. Как отмечается в Справке МИД РФ, в их числе – помощь в налаживании и поддержке деловых связей, содействие в ведении переговорного процесса, участия в тендерах, приобретении устойчиво работающих зарубежных компаний в таких перспективных экономических отраслях, как энергетика, машиностроение, инфраструктура, транспорт¹.

---

¹ Оказание дипломатической поддержки российскому бизнесу (Справка) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 27.10.2011. URL: https://www.mid.ru/uk/materialy-po-voprosam-ekonomiceskogo-razvitia-rossii/-/asset_publisher/oSUNZRJVOK4D/content/id/187786 (дата обращения: 9.07.2021).

Вместе с тем, отметил российский Президент, «мы всё-таки чаще проигрываем многим нашим иностранным партнерам, умеющим более грамотно, более настойчиво лоббировать свои деловые интересы» [Путин 2012, с. 9]. Слова «более грамотно и настойчиво» использованы Президентом не случайно. Затронув тему лоббирования, Президент, несомненно, располагал информацией, что и у России есть в этой сфере свои достижения. Вот несколько примеров. Используя возможности американских консалтинговых и юридических компаний в качестве лоббистского инструмента, «Норильский никель» приобрел никелевое подразделение американской компании «ОМ Групп»; российская промышленная компания «Базовый элемент» приобрела пакет акций «Дженерал моторс». Упомянув о лоббировании именно на совещании с российскими послами, Президент тем самым дал понять, что «постоянная дипломатическая поддержка» должна распространяться на содействие созданию благоприятных условий для реализации и этой формы продвижения экономических интересов отечественных производителей.

Появились у главы государства вопросы и к выполнению дипломатами задач, относящихся к информационно-разъяснительной работе как составной части их служебных обязанностей. «Образ России за рубежом формируется не нами, поэтому он часто искажен и не отражает ни реальную ситуацию в нашей стране, ни ее вклад в мировую цивилизацию, в науку, культуру...», – отметил В. В. Путин, – да и позиция нашей страны в международных делах сейчас освещается как-то однобоко. А виноваты мы с вами в том, что плохо объясняем свою позицию» [там же, с. 10]. Действительно, искаженный образ России создали в своей основной массе русофобски настроенные влиятельные СМИ Запада, а правдивые статьи о нашей стране немногих объективных журналистов появляются слишком редко, чтобы изменить «однобокое» восприятие России. Возможно, следует более активно использовать такой пока недооцениваемый ресурс, как социальные сети. Причина однобокости освещения российской позиции в международных делах состоит, помимо прочего, в том, что наши посольства пока проигрывают местным СМИ в оперативности: пресса, радио и телевидение страны пребывания первыми преподносят своей аудитории искаженную в большинстве случаев трактовку российской инициативы или заявленной позиции, которую

посольству потом трудно изменить. Использование социальных сетей и в этом случае может оказаться полезным.

Хорошая информированность российского Президента помогает ему остро чувствовать изменения международной обстановки и своевременно высказывать свое мнение о целесообразности корректировки тех или иных форм и методов дипломатической работы.

«Традиционные привычные методы международной работы освоены нашими дипломатами достаточно хорошо, если не в совершенстве, но по части использования новых технологий, например, так называемой мягкой силы, безусловно, есть над чем подумать» [Путин 2012, с. 10]. Озвучил Президент и собственное понимание политики «мягкой силы»: «Продвижение своих интересов и подходов путем убеждения и привлечения симпатий к своей стране, основываясь на ее достижениях не только в материальной, но и в духовной культуре, и в интеллектуальной сфере» [там же, с. 10]. Эта оценка главы государства и почти совпавшее с ней по времени появление формулировки «мягкой силы» в обновленной версии «Концепции внешней политики РФ» (2013) придали дополнительный импульс более активному применению инструментов «мягкой силы» в российском внешнеполитическом механизме. Круг этих инструментов варьируется от содействия международному развитию (в частности, посредством списания полностью или частично задолженности развивающимся странам, как, например, Кубе 30 из 33 млрд долл. США, накопленных еще в советский период) до содействия продвижению русской культуры в мире и поддержки соотечественников за рубежом. Россия несколько позже, нежели страны Запада, осознала важность «мягкой силы» для улучшения на современном этапе своего имиджа в мире, но быстро наверстывает упущенное время. По данным одного из последних исследований британской консалтинговой компании «Брэнд финанс», чьи сотрудники опросили 55 тыс. человек более, чем в 100 странах Россия вошла по этому показателю в 10 наиболее влиятельных государств мира (*Коммерсант*, 25.02.2020).

Оставшиеся после дезинтеграции СССР за границами современной России, по разным оценкам, от 20 до 25 млн наших соотечественников мотивируют главу государства на каждом совещании с российскими послами и постпредами затрагивать эту тему. «Российские дипломатические и консульские учреждения обязаны в круглосуточном

режиме защищать права и интересы наших граждан и соотечественников за рубежом» (*там же*). Руководящие установки, ориентирующие сотрудников загранпредставительств МИДа на оказание им необходимой помощи и поддержки, прописаны в версиях Концепции внешней политики РФ 2013 и 2016 годов. Четкая артикуляция государственной позиции в отношении наших зарубежных соотечественников побудила неравнодушную часть гражданского общества России (неправительственная организация Фонд Александра Князева) разработать ценностную платформу русского мира в Центральной Азии на принципах интернационализма, демократизма и общечеловеческих ценностей. Речь в платформе, по сути, идет о помощи русскоязычным гражданам в концептуальном осмыслении своих роли и места в общественно-экономической жизни центрально-азиатских обществ. Тему зарубежных соотечественников российский Президент рассмотрел и в ином ключе. «Роль соотечественников, постоянно проживающих за рубежом, требует основательного переосмысления, – отметил он. Многие хотят быть полезными своей исторической родине, хотят поддержать её, а наши загранучреждения всё-таки подчас (хочу это осторожно сказать) недооценивают такой настрой и такие возможности» (*Коммерсант*, 25.02.2020). Эти слова стали продолжением выдвинутого В. В. Путиным, когда он еще занимал пост председателя правительства, предложения руководству Российской академии наук разработать и внедрить систему мер, которые не только остановили бы «утечку умов» за рубеж, но и позволили вернуть цвет отечественной науки, оказавшийся в эмиграции. Продолжается реализация принятой в 2010 году государственной программы репатриации ученых – беспрецедентный конкурс, по итогам которого Россия пригласит 100 именитых российских ученых из-за рубежа. Тем из них, кто согласится вернуться на родину, будет доверено руководство ведущими научными коллективами нашей страны. Однако организаторы конкурса неожиданно столкнулись с непредвиденными сложностями, связанными с серьезным противодействием в странах своего нынешнего проживания. Некоторых отказываются отпускать, на других оказывается сильное психологическое давление. К примеру, физиков Андрея Новицкого, Карима Касымова и Владимира Петрова насильно удерживали в США, угрожая испортить им научную биографию (*Возвращение ученых-эмигрантов в Россию*, *Коммерсант*,

17.10.2016). Поднимая эту тему во время встречи с российскими послами, Президент дал понять, что рассчитывает на их содействие в отслеживании таких ситуаций и принятии необходимых мер для их урегулирования с учетом российских интересов.

Немало ученых-возвращенцев уже трудятся на российской земле. Известный биохимик Е. Нудлер получил в свое управление лабораторию молекулярных механизмов старения. Вернулись по государственной программе «Мегагрант» из США профессор Университета Стоуни-Брук штата Нью-Йорк А. Оганов, в настоящее время профессор «Сколково» и МИФИ, профессор Ратгерского Университета биолог К. Северинов. Под руководством бывшего директора Центра математического моделирования в Университете Лестера (Великобритания) А. Горбаня в Нижегородском госуниверситете создается искусственный интеллект нового поколения в рамках национального проекта «Наука» (*Коммерсант*, 17.10.2017).

В XXI веке – веке информации – радио, телевидение, и в меньшей степени, печатные издания, играют роль важнейших инструментов содействия осуществлению внешней политики. В свете этой логики понятно обращение Президента в ходе совещаний к информационной теме. На восьмом совещании с послами и постоянными представителями РФ, состоявшемся 30 июня 2016 г. глава государства отмечал, что «надо энергично противостоять информационной монополии западных медиа, в том числе поддерживать всеми доступными методами российские средства массовой информации, работающие за рубежом» [Путин 2014, с. 10].

К числу ведущих российских средств массовой информации относятся:

– Международная информационная телевизионная компания «Russia Today» RT («Россия сегодня»). Ее программы круглосуточно доступны для просмотра около 640 млн зрителей.

– Российская государственная радиоккомпания «Спутник». Аудитория – 109 млн человек в 160 странах, осуществляет локальное вещание в 27 государствах с охватом 225 городов.

– Проект «Российской газеты» «Россия за рамками главных новостей». Представляет собой ежемесячные приложения о жизни в России для ведущих СМИ. Тираж 8 млн экземпляров, аудитория – 28,4 млн человек.

Не испытывающие симпатий к нашим СМИ западные аналитики отмечают следующие качественные характеристики российских информационных продуктов: разнообразный контент; позиционирование России как равноправного члена международного сообщества; утверждение общности российских и европейских ценностей [Walker, Ludwig URL]. Хотя по охвату теле- и радиоаудитории российские СМИ уступают западным информационным агентствам, они, тем не менее, в целом выполняют поставленную в Стратегии информационной безопасности РФ задачу доведения до российской и международной общественности достоверной информации о государственной политике РФ по социально значимым событиям в стране и в мире.

Против вранья и фальсификации истории

Еще одно наставление Президента в адрес дипломатов звучит следующим образом: «Нельзя просто пропускать враньё в отношении России» [Путин 2016, с. 10]. Информационная служба МИДа ведет поиск, направленный на нейтрализацию наиболее злонамеренных материалов антироссийской направленности. В частности, МИД РФ открыло на своем сайте специальную рубрику с примерами недостоверной (фейковой) информации. Подборка таких материалов размещается на странице под названием «Публикации и опровержения». После появления на сайте эта страница никогда не пустует. Российские загранпредставительства также решают эту задачу, требуя и во многих случаях добиваясь от допустивших лживую информацию местных СМИ публикации опровержений.

Самое короткое по форме, но одно из наиболее значимых наставлений выглядит следующим образом: «Нельзя допускать фальсификацию истории» [там же, с. 10]. В последние годы мейнстримом западной историографии и публикаций СМИ о Второй мировой войне стало сознательное искажение причин ее возникновения и фальсификация ее итогов. В аккаунте Белого Дома от 8 мая 2020 г. заявлено «о победе США и Великобритании над нацизмом». При этом вопреки известным историческим фактам, оценкам лидеров США и Великобритании Ф. Рузвельта и У. Черчилля военного времени ни единым словом не упомянуто о вкладе СССР как участника антигитлеровской коалиции в эту победу.

Россия в лице своего Президента подает пример ответственного отношения к истории Второй мировой войны. Российская газета 19 июня 2021 г. опубликовала статью В. В. Путина «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим». Сила статьи в ее правдивости и документальной достоверности. Она опирается на рассекреченные архивные материалы, в ней приведены оценки видных государственных и политических деятелей того времени. Автор анализирует наиболее значимые события второй половины 30-х годов прошлого века, которые подвели человечество ко Второй мировой войне. Западная общественность могла ознакомиться со статьей в аутентичном переводе в американском журнале «Нейшнл интерес». Она вызвала широкий резонанс в международном сообществе. Лейтмотивом комментариев зарубежных СМИ стал тезис, что страна, заплатившая за Великую Победу 27-ю миллионами человеческих жизней, вправе защищать правду об истинных причинах ее развязывания, чтобы не допустить повторения в будущем.

На совещаниях с российскими послами и постоянными представителями В. В. Путин и Д. А. Медведев дали немало наставлений. В частности, оба российских президента (а еще раньше и президент Б. Н. Ельцин в выступлении на Коллегии МИД 27 октября 1992 года) обратили внимание на необходимость улучшения аналитической и прогностической работы МИДа. О сделанных выводах можно судить по корректировке руководством МИД оценки Европейского союза. На Евросоюз и его общую внешнюю политику и политику безопасности наши дипломаты многие годы смотрели, если можно так выразиться, через «розовые очки». При этом принималось в расчет, что Евросоюз не всегда и не по всем вопросам разделяет жесткий подход США к важнейшим международным проблемам (как, например, в случае с иранской ядерной «сделкой» после выхода из нее Вашингтона), он серьезно заинтересован не просто в поставках российского природного газа, а в их постоянном увеличении. На несколько благодушный лад настраивало и заявленное в «Общей стратегии ЕС в отношении России» (1999) намерение установить в будущем с нашей страной отношения «стратегического партнерства».

Однако последние решения руководства Евросоюза – введение санкций против нашей страны, бездоказательные обвинения, связанные с так называемым делом Навального, но также и проведенный

во многом под воздействием президентских наставлений углубленный анализ ценностного подхода ЕС (приверженность России пресловутым «общедемократическим ценностям» как непереносимое условие для выстраивания отношений «стратегического партнерства») способствовали выработке более взвешенного взгляда на нашего потенциального «стратегического партнера». «Мы несколько переоценили самостоятельную роль европейцев (имеется в виду Евросоюз. – *Прим. авт.*) на мировой арене», – заявил в одном из интервью в мае 2016 года министр иностранных дел РФ С. В. Лавров [Magyar Nemzet]. Он же высказал и прогнозируемые ожидания относительно того, как наша страна может выстраивать отношения с ЕС в ближайшее время. Россия будет вынуждена – сказал 13 октября 2020 года российский министр – прекратить на какое-то время общаться с Европейским союзом, если в этом объединении не понимают необходимости взаимоуважительного разговора с Российской Федерацией. На пресс-конференции 5 февраля 2021 года по итогам переговоров со спешно прибывшим в Москву главой дипломатии ЕС Ж. Боррелем министр С. В. Лавров высказал еще одну вытекающую из всестороннего анализа оценку Евросоюза – «ненадежный партнер».

Много полезного для более прицельного ведения нашими дипломатами информационно-разъяснительной работы за рубежом дают оценки, содержащиеся в видеообращении Президента В. В. Путина к участникам 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН и документально подтвержденные факты из его статьи в «Российской газете».

Заключение

Отношения России с Западом в последние годы переживают, возможно, самый критический период своей истории. Главная причина заключается в том, что русофобская часть политикоформирующего класса стран «золотого миллиарда» в искаженно-негативном ключе трактует большинство решений российского руководства, в том числе те, которые регулируются международными нормами (в частности, проведение в 2014 году в соответствии с международным правом референдума по вопросу о будущем статусе и государственной принадлежности полуострова Крым и Севастополя) и внутренним законодательством («дело Навального»). Эти трактовки используются для демонизации России, оправдания введенных против нее

санкций. Звучат и угрозы применения военной силы для отторжения Калининградской области.

Тем удивительнее выглядят на этом фоне результаты проведенного в 2019 года американским агентством Гэллапа (никогда не испытывавшего симпатий к нашей стране) опроса: «Какая страна вам больше всего нравится в качестве мирового лидера?» Россия заняла 4-е место (30% голосов) после Германии (44%), уступив самую малость США (33%) и Китаю (32%). Ключевая роль в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта, несомненно, прибавила России, ее внешней политике новых сторонников. Немалое значение в том, что Российская Федерация и ее курс в международных делах пользуются симпатией и поддержкой в мире, принадлежит президентским наставлениям по тонкой настройке дипломатического инструментария. Учет и практическая реализация этих наставлений реально помогают работникам отечественной дипслужбы более адресно и доходчиво доносить до правящих кругов и общественности зарубежных стран смысл внешнеполитических акций и инициатив России. Все они вписываются в заявленный в Концепции внешней политики РФ (2016) курс на утверждение справедливой демократической международной системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Громыко А. А.* Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1978. [Gromyko, A. A. (1978). *Izbrannije rechi i statiji* (Chosen articles and speeches). Moscow: Politizdat (In Russ.)].
- Конституция Российской Федерации в ред. 2020 г. с поправками и изменениями, принятыми на Общероссийском голосовании 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. 04.07.2020. [The Constitution of the Russian Federation adopted by popular vote on 12 December 1993, with amendments approved by all-Russian vote on 1 July 2020. pravo.gov.ru. 04.07.2020. (In Russ.)] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 9.07.2021).
- Медведев Д. А.* Российская дипломатия: защита национальных интересов и содействие комплексной модернизации страны // *Международная жизнь*. 2010. № 8. С. 9–11. [Medvedev, D. A. (2010). Russian diplomacy: defence of national interests and assistance to complex modernisation of Russia. *The International affairs*, 8, 9–11. (In Russ.)].
- Путин В. В.* Выступление Президента РФ с российскими послами и постоянными представителями при международных организациях //

- Дипломатический вестник. 2002. № 8. С. 1–15. [Putin, V. V. (2002). Address of the President of Russia Federation at the meeting of ambassadors and permanent representatives of Russia to the international organizations. Diplomatic Journal 2002, 8, 1–15 (In Russ.).]
- Путин В. В.* Россия в меняющемся мире: преемственность приоритетов и новые возможности // Вестник МГИМО (У). 2012. Вып. 4 (25). С. 8–11. [Putin, V. V. (2012). Russia in a Changing World: the Continuity of the Priorities and New Opportunities. MGIMO Review of International Relations. 2012, 4, 8–11. (In Russ.)]
- Путин В. В.* Выступление Президента Российской Федерации на совещании послов и постоянных представителей России // Международная жизнь. 2014. № 7. С. 1–12. [Putin, V. V. (2014). Address of the President of Russia Federation at the meeting of ambassadors and permanent representatives of Russia. The International affairs, 7, 1–12. (In Russ.)]
- Путин В. В.* Выступление Президента Российской Федерации на восьмом Совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации // Международная жизнь. 2016. № 6. С. 2–12. [Putin, V. V. Address of the President of Russia Federation at the eighth meeting of ambassadors and permanent representatives of Russia Federation. The International affairs, 6, 2–12. (In Russ.)]
- Gabor S.* Oroszország erős Európai Unióban érdekelt // Magyar Nemzet. 25.05.2016. URL: <https://magyarnemzet.hu/kulfold-archivum/2016/05/oroszország-eros-europai-unioban-erdekel> (дата обращения: 04.07.2021).
- Walker Ch., Ludwig J.* The meaning of Sharp Power, How Authoritarian States Project Influence // Foreign Affairs. 2017. November 16. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power> (дата обращения: 04.07.2021).

УДК 327.88

DOI 10.52070/2500-347X_2021_2_843_116

Е. В. Петрищев

сотрудник Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации
соискатель кафедры политологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета
petrishev7@yandex.ru

РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ

В статье рассматривается проблема установления политических коммуникаций между субъектами международных отношений на постсоветском пространстве. Анализируется стратегия США, НАТО, Европейского союза, которые используют информатизацию для достижения международной изоляции России. Автор заключает, что конвенциональные, диалоговые модели коммуникации между акторами мировой политики, на постсоветском пространстве все чаще замещаются ее неконвенциональными и директивными / императивными форматами.

Ключевые слова: Международная политическая коммуникация; постсоветское пространство; информатизация; СНГ; национальная и коллективная безопасность; Евразийский экономический союз; ОДКБ.

E. V. Petrishchev

Employee of the Russian Federation Security Guard Service Federal Academy
PhD Student of the Department of Political Science
Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty)
Moscow State Linguistic University
petrishev7@yandex.ru

DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL POLITICAL COMMUNICATIONS IN THE POST-SOVIET SPACE: TRENDS AND FEATURES

This article describes a problem of establishing of political communications between subjects of international relations on the post-soviet space. Strategy of US, NATO and European Union, who use the potential of informatization to achieve political isolation of Russia in a global political system, is analyzed. The author concludes, that conventional, dialog models of communication between world politic actors, are replaced more frequently with nonconventional and directive/mandatory formats on the post-Soviet space.

Key words: International political communication; post-Soviet space; informatization; CIS; national and collective security; Eurasian Economic Union; CSTO.

Введение

Понятие «политическая коммуникация» относится к числу достаточно разработанных в науке, о чем свидетельствует целый ряд проведенных исследований. Наиболее популярным на сегодняшний день надо признать определение, следующее из научного подхода М. Н. Грачева, согласно которому «политическая коммуникация» представляет собой совокупность феноменов, проистекающих и возникающих на стыке двух процессов, связанных с информатизацией: информационного воздействия и информационного взаимодействия, охватывающих сферу политических отношений и отражающих конкретно-историческую активность субъектов политики по поводу власти и связанных с нею управленческих отношений [Грачев 2004, с.75].

Таким образом, очень актуальным представляется проведение исследования по проблематике развития политических коммуникаций на постсоветском пространстве, где национальная безопасность России, как и коллективная безопасность Организации Договора о коллективной безопасности сегодня оказались перед широким спектром вызовов и угроз, порожденных эпохой «информационной революции» и цифровизации. Именно постсоветское пространство, отягощенное отсутствием единой идейно-политической основы для политической интеграции новых независимых государств СНГ, выступает в настоящее время своеобразным полигоном для разработки и апробирования технологий политической коммуникации в деле их использования против национальных интересов России и интересов ее союзников.

Типология политической коммуникации в мировой политике

Практически все современные концепции коммуникации объединяет отрицание правомерности прямого воздействия на общественное мнение и массовое политическое сознание. Исследователи аргументируют необходимость установления диалогового режима между субъектами этого процесса, что в той или иной мере невозможно достигнуть без равного взаимодействия субъектов и объектов политики и властных отношений. Однако современная реальность полна примеров, когда коммуникативные ресурсы, каналы и технологии

становятся одними из самых эффективных средств политической борьбы, как в национально-государственном, так и в международном масштабах [Цыбаков 2009, с. 129].

Отказ от диалогового режима во внутривнутриполитической коммуникации регулярно наблюдается даже в практике политического процесса классических либеральных демократий. Примером этому могут служить беспрецедентные информационно-пропагандистские кампании против антиглобалистского курса американского президента Д. Трампа или агрессивное продвижение посредством электронных коммуникаций ценностей ЛГБТ в общественном мнении. Еще более активно возможности политических коммуникаций используются в мировой политике, которая, несмотря на многочисленные, порой достаточно удачные, попытки перевода конфликтогенного потенциала в русло цивилизованных решений, по-прежнему остается эпицентром интенсивной политической борьбы.

Эпоха многополюсного мира представляется невозможной без обмена смыслами между акторами международных отношений. Как обосновывается в научных работах, в XXI столетии коммуникация осуществляется в двух основных проекциях: при помощи открытого влияния и воздействия на контрагентов этого процесса или же путем скрытого внедрения интересов активного субъекта в смысловое поле и ментальное пространство партнеров по коммуникационному обмену [Белозеров 2020, с. 178]. Со своей стороны отметим, что независимо от формального выбора одного из указанных выше двух основных типов международных политических коммуникаций – открытого (прямого) или же скрытого (косвенного), состояние современных средств информационно-психологической борьбы предоставляет возможность заинтересованным политическим силам для продвижения своих целей вопреки воле и намерениям аутсайдеров современных международных отношений.

Исходя из сказанного, классификация международной политической коммуникации может быть дополнена на основе критериев целеполагания субъектов этого процесса и характера взаимоотношений между ними, исходя из чего предлагается выделить императивную (директивную, одностороннюю) и диалоговую (многостороннюю) политические коммуникации. Для первого из указанных типов будет характерным оказание волонтаристского воздействия на партнера по коммуникации с целью лишения или ослабления его политической субъектности.

Второй тип подразумевает установление доверительных отношений или прагматического партнерства между контрагентами коммуникации, когда все участники данного процесса признают легитимность и суверенность тех, с кем предстоит организовывать информационный обмен.

Представляется, что реальная практика развития политических коммуникаций являет немало примеров, когда формально открытые и легальные каналы развития информационных связей и культурного сотрудничества между странами и народами на самом деле используются для скрытого и косвенного внедрения в сферу принятия политико-управленческих решений конкретного государства, выращивания лояльных политических и культурных элит, перекодирования общественного сознания, а также исторической памяти политической нации.

Более того, идеологическое прикрытие акций информационно-психологического воздействия через сферу политических коммуникаций преимущественно камуфлируется использованием нейтрально звучащих формулировок и дефиниций. Например, концепция перехода к открытой пропаганде против России, принятая в США в 2015 г. получила название «Стратегическая коммуникация». Согласно содержанию указанной концепции, началось массированное пропагандистское воздействие в отношении международного имиджа России в геополитических ареалах с преобладанием или просто традиционным присутствием русского языка и ментальных ценностей российской цивилизации. Обоснованной представляется позиция В. К. Белозерова, который прямо указывает на то, что в ближайшей перспективе Россия будет восприниматься атлантистами как свой экзистенциальный оппонент, и с ее существованием в качестве самостоятельного субъекта они вряд ли смирятся.

Исходя из этого, необходимо проанализировать значение для развития международных политических коммуникаций фактора идеологии и ценностей, на основе которых определяется формат и направленность конкретных политико-коммуникационных стратегий. Логично предположить, что достижения информатизации не могут использоваться в политической сфере международных отношений в сугубо нейтральном формате. На деле они всегда вовлечены в противостояние конкурирующих между собой идеологических учений и мировоззренческих доктрин. В свою очередь, логично сформулированная и доступная для восприятия идеология более позитивно воспринимается внутри страны и в мировом общественном мнении.

Идеология и основные субъекты политической коммуникации на пространстве СНГ и Балтии

Что касается политики атлантических держав как на постсоветском пространстве, так и в планетарном масштабе, то в ее основе по-прежнему продолжают оставаться идейные принципы либерализма, направленные на принудительную вестернизацию и «демократизацию» мирового сообщества [Амин 2007, с. 11]. В результате политическая коммуникация США и их союзников в постбиполярный период служит инструментом обеспечения традиционного для англосаксонской цивилизации внешнеполитического мессианизма.

В зарубежной научной литературе сегодня популярен термин «новый либеральный натиск», имеющий в своей основе имперский либерализм времен Британской колониальной империи. Новый «либеральный интернационализм» ставит своей ключевой задачей распространение демократии в глобальном масштабе. Для этого его адепты – США, Великобритания и Европейский союз намерены проводить и проводят на постсоветском пространстве «политику реконструкции», когда при помощи установления экономической зависимости и внешней пропаганды новые независимые государства СНГ и Балтии вынуждены заимствовать ценности и институты современной версии либерализма.

При этом «единая Европа» сформировала собственный идеологический фундамент для продвижения политико-коммуникационных каналов в ближнем зарубежье России. В основе политической коммуникации паневропейского объединения лежит доктрина нормативной силы. Указанный концепт опирается на моральное превосходство и идеализацию Европейского союза. За последним признается монополия на оценку степени демократизации национальных государств – как членов паневропейского объединения, так и его младших партнеров. В случае необходимости именно институты ЕС наделяются правом влиять на государства с целью их приобщения к неким «идеальным нормам». Для этого при помощи средств политических коммуникаций корректируются мировоззрение и идейные установки «политического класса» в постсоветских республиках: с начала 1990-х годов в прибалтийских странах, Грузии, Украине, Молдавии, теперь – в Армении и Белоруссии. После чего наступает черед трансформации национально-государственной идентичности всего общества конкретного постсоветского государства.

На рубеже XX–XXI столетий именно концепт нормативной силы представлял теоретико-идеологическую базу интеграционных стратегий ЕС, каждая из которых непосредственно затрагивала национальные интересы России в зоне ее традиционного политико-экономического и культурного влияния.

Информационная политика евроатлантических институтов ориентирована на эксклюзивное продвижение демократических ценностей далеко за пределами их ответственности и юридически закреплённых территориально-политических границ. Такие же цели были продекларированы в программах Европейской политики соседства и Восточного партнерства (2009), где прямо прописывалась цель адаптации новых независимых государств СНГ к европейским ценностям и идеалам.

Укажем, что достижения информатизации и политических коммуникаций позволяют разрабатывать альтернативные геополитические проекты не только лидерам постбиполярности, но и набирающим силу и влияние региональным державам. Так, турецкие элиты после распада СССР пытались сделать реальностью идею «Большого Турана», под которым понималось пространство от Балкан до китайского Синдзяна и Монголии. После неудачной попытки интеграции в формате Всемирной Ассамблеи тюркских народов, внимание неоосманитов было переключено на постсоветское пространство. К 2002 году увидела свет доктрина «Стратегической глубины», ставшая стержнем продвижения «мягкой силы» Турции в Закавказье и в Центральной Азии.

Форпостом концепта неоосманизма на постсоветском пространстве становится Совет Сотрудничества тюркоязычных государств, более известный как Тюркский совет. При этом исследователи отмечают прагматизм турецкого руководства, которое неизменно поддерживает и те политические режимы, которые изначально не были ориентированы на пантюркизм. Основными субъектами налаживания коммуникации с сообществом тюркоязычных государств долгое время остается Международная организация тюркской культуры, иногда именуемая «турецким ЮНЕСКО», Международный казахско-турецкий университет и Кыргызско-Турецкий Университет Манас. Именно с турецким влиянием связывают «алфавитную реформу» в Центральной Азии и в Азербайджане, знаменовавшую переход образования и

делопроизводства на латиницу и популяризацию вновь созданного «общего тюркского алфавита». Это способствовало более эффективной коммуникации и созданию общей идейно-политической платформы между Турцией и тюркскими народами пространства СНГ. Итоги кропотливого продвижения турецкой «мягкой силы» сегодня наглядно подтверждаются триумфом турецко-азербайджанской коалиции во второй Карабахской войне 2020 года.

Было бы заблуждением полагать, что идеологические доктрины, продвигаемые на постсоветском пространстве через каналы политических коммуникаций внешними игроками, обрели здесь безусловную монополию в массовом политическом сознании. Действительно, такие концепты, как либеральная демократия, «общечеловеческие ценности», пантюркизм, серьезно повлияли на процесс суверенизации новых независимых государств. На примере прибалтийских республик, Грузии, Украины, Азербайджана, можно говорить о полной смене геополитической ориентации, как политических элит, так и большей части социума бывших республик СССР. Однако немалую роль в «эрозии» идейных оснований для продуктивной политической коммуникации с Российской Федерацией играет и культивирование идеологических доктрин, создаваемых в угоду социальному заказу постсоветских элитариев.

С полным основанием описанная ситуация актуальна и для развития политической коммуникации в государствах – участниках ОДКБ. Так, на официальном уровне в Белоруссии 2010–2020 годах нашла поддержку идеология «литвинства», проповедующая отказ от российско-белорусского ментального единства. В современном таджикском обществе последовательно внедряется концепт общности с иранским субстратом, для этого внедряется квазинаучная по своей природе доктрина «арийской» принадлежности и «персидского наследия» титульного этноса этой страны. Достаточно предвзятый характер имеют воззрения части армянской интеллигенции, чьими стараниями соотечественникам предлагается идеология защиты «мирового армянства».

Обобщим, что со стороны Российской Федерации к настоящему времени нет успешных примеров создания идеологической доктрины, которая бы носила интегрирующий характер для народов и государств ближнего зарубежья. Все проекты союзных объединений с участием России – Евразийский экономический союз, Организация

Договора о коллективной безопасности, Союзное государство России и Белоруссии, независимо от изначальных намерений, превратились в сугубо утилитарные стратегии сотрудничества. Попытки продвижения в массовое сознание современной версии концепта «евразийства», связанные с формированием Евразийского экономического сообщества / союза, не привели к позитивным итогам. Во-первых, указанный проект изначально был ориентирован на достаточно иллюзорную цель – последующее слияние или кооперацию с проектом «Единой Европы», тем самым намеренно ограничивая независимость и оригинальность собственных духовных установок. Во-вторых, в основе евразийского проекта не было общего идейного фундамента, который был бы основан на коллективной памяти народов СНГ. Государство с наименованием «евразийское» не было известно в политической истории континента, не говоря уже о том, что географические границы собственно Евразии намного превосходят постсоветское пространство.

Вследствие указанных обстоятельств в судьбоносный для международных отношений момент, для идейной основы политической коммуникации России со своими сторонниками в ближнем зарубежье была на весьма короткий период избрана концепция «Русского мира». Идея «собирания русских земель» встретила живой отклик соотечественников Крыма и Юго-Востока Украины, однако была в скором времени свернута под давлением Запада и ориентированных на сотрудничество с ним российских клептократов. Такая непоследовательность закономерно привела к критическим итогам: наряду с разочарованием пророссийских активистов в странах СНГ в возможности «русской ирриденцы», реальностью стал дальнейший идеологический дрейф в сторону от сближения с Российской Федерацией постсоветских правящих этнократий.

Концептуальное обеспечение развития современных политических коммуникаций

Отметим, что идеологический уровень политической коммуникации в международных отношениях не может функционировать и оправдывать свое предназначение без соответствующего концептуального обеспечения. К указанному звену коммуникационной структуры следует отнести широкий набор теоретических концептов

и практических технологий, практически все из которых – публичная, или общественная, дипломатия (*public diplomacy*), цифровая дипломатия, национальный брендинг, теория пропаганды, были созданы усилиями экспертного корпуса США и Западной Европы. Изначально они использовались для распространения в мире идейных ценностей, отвечающих гегемонистским устремлениям атлантического сообщества. Однако теперь многие из перечисленных концептов с той или иной долей успеха заимствованы конкурентами Запада в лице Китая, Ирана, отчасти и Россией. Одна из самых актуальных современных тенденций – это использование формальными участниками НАТО и Европейского союза технологий и доктрин политической коммуникации для собственных внешнеполитических целей, которые далеко не всегда совпадают с официальным курсом евроатлантических объединений.

Именно таким образом проводят свою политику на постсоветском пространстве Турция, Румыния, Польша, Венгрия, Литва. Таким образом возникают предпосылки для дальнейшего нарастания конфликтогенности постсоветского региона. Причем линия коммуникационного размежевания всё чаще проходит уже не по контурам традиционного противостояния «Запад – Россия». Продвижение идей пантюркизма никак не согласуется с политикой «Восточного партнерства» Европейского союза, а проект румынско-молдавского унионизма чреват не только обострением в Приднестровье, но и конфликтом с Украиной. Другим вызовом для Киева становится сепаратная коммуникация официального Будапешта с венгерскими и русинскими общинами Закарпатья. На примере белорусского кризиса 2020 г. очевиден приоритетный интерес Польши и Литвы к использованию политических коммуникаций преимущественно не для включения соседней славянской республики в общеевропейское пространство, а для формирования польско-литовско-белорусской культурной и политической общности.

На этом фоне многие из постсоветских государств также обращаются к зарубежным концептуальным разработкам, прежде всего – к концепту «публичной дипломатии» и доктрине «мягкой силы», в деле выстраивания собственных вариаций политической коммуникации.

При всех различиях перечисленные технологии налаживания коммуникаций в политике объединяет одно – они предназначены для

передачи информации и идей зарубежной общественности с целью изменения ее отношения к стране происхождения, либо укрепления уже существующих лояльных к ней мировоззренческих установок.

Наиболее традиционным выражением односторонней или императивной политической коммуникации признаем концепт пропаганды. Как теория и практическая технология информационного воздействия она имеет гораздо более длительную историю практического применения, нежели «публичная дипломатия», впервые заявившая о себе в период «холодной войны». Специалисты нередко рассматривают публичную дипломатию как продолжение пропагандистского воздействия, когда она может быть использована и при осуществлении прямых пропагандистских операций. Двумя ключевыми особенностями пропаганды являются ее долговечность и манипуляция массовым сознанием, прямой обман иностранной общественности. В условиях постбиполярности концепт пропаганды связывается с «психологическими операциями» вооруженных сил и специальных служб.

В современной практике приоритет отдается внешнеконвенциональным способам взаимодействия с общественным мнением и гражданскими институтами новых независимых государств. К ним относят публичные кампании правительств и неправительственных организаций, официально направленные на построение гражданского общества, утверждение верховенства закона и совершенствование демократии в развивающихся странах. Зарубежные эксперты предлагают рассматривать пропаганду как обширную и этически нейтральную политическую деятельность, которую следует отличать от таких категорий, как информация и образование.

Различие между пропагандой и публичной дипломатией заключается и в структуре коммуникации. Публичная дипломатия похожа на пропаганду в том, что она активно воздействует на индивидуальное и массовое политическое сознание. Однако публичная дипломатия отличается от традиционной пропаганды направленностью на установление обратной связи с контрагентами по коммуникации.

Весьма близким по своим задачам к публичной дипломатии выступает «национальный брендинг», или «национальный ребрендинг». Практика брендинга включает в себя гораздо более масштабные и скоординированные усилия, чем публичная дипломатия [Данилова 2016, с. 69]. Брендинг предусматривает мобилизацию всех национальных

сил, а не только ресурсов дипломатических ведомств, которые могут способствовать продвижению имиджа страны за рубежом. Другой задачей рассматриваемого концепта в сфере политических коммуникаций признаем проектирование идентичности страны, избранной в качестве объекта воздействия.

Главным признаком принадлежности стратегии «публичной дипломатии» к теории и практике скрытой политической коммуникации на пространство безопасности СНГ назовем искажение транслируемых в ее формате информационных потоков в отношении политики Российской Федерации. Причем пропагандистский остракизм в отношении интеграционного курса России основывается на фальсификации ее исторической роли, как одного из гарантов системы безопасности евразийского пространства в советский и имперский периоды.

Ключевой тенденцией развития политико-коммуникационной сферы пространства бывшего СССР следует считать проецируемое с ее стороны нарастание вызовов и угроз коллективной безопасности ОДКБ и национальной безопасности Российской Федерации. Немаловажную роль в этом играет переориентация западных акторов с методов «мягкой силы» на стратегическую пропаганду, цель которой – интеграционная политика России и ее союзников.

Укажем, что особенность состояния политических коммуникаций региона СНГ и Балтии определяется весомым преимуществом атлантического блока в достижении превосходства в сфере информационной политики. Оно остается реальностью ввиду наличия эффективной системы политической пропаганды, в общих контурах конституированной еще в период «холодной войны». Основу субъектного уровня политической коммуникации составляют органы политического управления, многофункциональные СМИ глобального масштаба, которые перенесли свои вещательные возможности в сетевое пространство, разветвленные институты «публичной дипломатии», правозащитные и просветительские неправительственные организации и фонды. Со всеми из них так или иначе связаны аффилированные ячейки коммуникации низового звена — «американские уголки» и ресурсные центры при дипломатических представительствах и иностранных культурно-образовательных учреждения, «технологические лагеря» для приобщения к цифровой дипломатии, офисные центры НАТО и Европейского союза в постсоветских государствах.

Заключение

Тенденция видимого успеха евроатлантических объединений в деле использования коммуникационных ресурсов для переформатирования постсоветского пространства объясняется, в том числе, и полной завершенностью и сбалансированностью элементов структуры информационного продвижения своих национальных интересов. Структурная организация политической коммуникации на постсоветском пространстве представляет собой совокупность трех основных уровней или компонентов: идеологического, концептуального и субъектного. Тогда как попытки Российской Федерации активно коммуницировать с партнерами по ОДКБ и Евразийскому экономическому союзу ограничиваются, в основном, разработкой концептуального сопровождения рассматриваемого процесса. При этом уровень идеологического обеспечения политической коммуникации еще далек от своего содержательного завершения, а ее субъектный состав в лице Россотрудничества, Фонда имени Горчакова, Фонда «Русский мир» на порядок уступает по эффективности зарубежным конкурентам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Амин С.* Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. М. : Европа, 2007. [Amin, S. (2007). Virus liberalizma: permanentnaya vojna i amerikanizaciya mira (The liberal virus: permanent war and the Americanization of the world). Moscow: Evropa. (In Russ.)].
- Белозёров В. К.* Международная политическая коммуникация в условиях цифровизации мирового развития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. № 2. Т. 13. С. 177–194. [Belozеров, V. K. (2020). Mezhdunarodnaya politicheskaya kommunikaciya v usloviyah cifrovizacii mirovogo razvitiya (International Political Communication in The Context of Digitalization of World Development). Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo, 2 (13), 177–194. (In Russ.)].
- Грачев М. Н.* Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М. : Прометей, 2004. [Grachev, M. N. (2004). Politicheskaya kommunikaciya: teoreticheskie koncepcii, modeli, vektory razvitiya (Political communication: theoretical concepts, models, development vectors). Moscow: Prometej. (In Russ.)].
- Данилова Е. А.* Поиск идеи российского национального брендинга в логике построения глобального многополярного миропорядка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2016. № 2.

С. 61–69. [Danilova, E. A. (2016). The search of Russian national branding idea under the logic of formation of a multipolar global world. RUDN Journal of Political Science, 2, 61–69. (In Russ.)].

Цыбаков Д. Л. Борьба идеологий в современном политическом процессе: информационно-психологический аспект // Среднерусский Вестник общественных наук. 2009. № 2. С. 129–132. [Cybakov, D. L. (2009). The struggle of ideologies in the modern political process: information and psychological aspect). Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk, 2, 129–132. (In Russ.)].

УДК 321

DOI 10.52070/2500-347X_2021_2_843_129

И. В. Радиков

доктор политических наук, профессор
профессор, и.о. заведующего кафедрой российской политики
факультета политологии
Санкт-Петербургского государственного университета
ivirrad@gmail.com

ОСЛАБЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА КАК СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА ЗАПАДНОЙ ПОЛИТИКИ «СДЕРЖИВАНИЯ» РОССИИ

Предметом данной статьи являются основные направления западной политики «сдерживания» России и факторы, способствующие ослаблению российского государства. Делается вывод, что политика изоляции и ослабления российского государства после распада СССР не изменилась. В этих условиях сильная государственность остается главным условием выживания России. Автор анализирует факторы, способствующие ослаблению российского государства. В основу методологии исследования положены институциональный, системный, исторический подходы.

Ключевые слова: государство; сильное/слабое государство; сдерживание, политическая культура; санкционная политика; элита.

I. V. Radikov

Doctor of Political Science (Dr. habil), Professor
Professor, Head of the Department of Russian Politics
Faculty of Political Science, St. Petersburg State University
ivirrad@gmail.com

WEAKENING OF THE RUSSIAN STATE AS A STRATEGIC TASK OF THE WESTERN POLICY OF «CONTAINMENT» OF RUSSIA

The subject of this article is the main directions of the Western policy of «containment» of Russia and the factors contributing to the weakening of the Russian state. It is concluded that the policy of isolation and weakening of the Russian state after the collapse of the USSR has not changed. In these conditions, strong statehood remains the main condition for Russia's survival. The author analyzes the factors contributing to the weakening of the Russian state. The research methodology is based on institutional, systemic, and historical approaches.

Key words: state; strong/weak state; deterrence, political culture; sanctions policy; elite.

Введение

Ослабление, разделение, разрушение российского государства всегда было одной из важнейших внешнеполитических задач крупнейших европейских государств и союзов. Только с появлением экзистенциальных угроз для их существования они на небольшой срок вынужденно вступали в партнерские отношения с Россией, становясь «временными попутчиками». Таковыми были, например, Великобритания – в эпоху наполеоновских войн, особенно в период Англо-американской войны 1812–1815 года, в 1907–1917 году после подписания 31 августа 1907 года в Санкт-Петербурге Российско-британского соглашения, оформившего образование Антанты, и с 1942 по 1945 год с подписанием Англо-советского договора о союзе в войне против гитлеровской Германии (подчеркнем, что в трех самых масштабных войнах XIX и XX веков Великобритания благодаря военной помощи России избежала поражения); США – в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) в рамках антигитлеровской коалиции. С исчезновением военных угроз, после одержанных побед, ранее заключенный союз против общего врага превращался западными государствами в непримиримое противостояние, оформленное, в конечном итоге, в политику сдерживания России (доктрина Трумэна, 1947 год).

Суть этой политики заключалась в блокировании и противодействии внешней политике Советского Союза, его союзников и недопущении усиления их влияния. Несмотря на позитивные изменения международной ситуации, сдерживание неизменно оставалось ключевым элементом политики Запада, основополагающим принципом всех его внешнеполитических стратегий. Вокруг России стремительно увеличивалось количество военных баз. Под видом борьбы с «красной угрозой» было организовано «идеологическое сдерживание». С созданием координационного комитета по экспортному контролю (КОКОМ) для надзора за поставками товаров и технологий западных государств СССР и его союзникам расширялись антисоветские, а затем и антироссийские санкции, направленные на экономическое удушение нашей страны.

Декларируемые новым российским руководством идеи развития, обеспечения безопасности через сотрудничество, экономическую интеграцию с Западом, «демократическую солидарность» всех развитых стран, к которым с 1991 г. стала причислять себя и Россия, позволяли предположить, что политика изоляции и ослабления российского

государства после распада СССР могла бы измениться, поскольку существенных противоречий идеологического плана, лежащих в основе конфликтов между Россией и Западом не осталось. Но, как отмечает Р. Саква, «России было предложено не участие в Большом Западе, а членство в Историческом Западе, но даже это явно на подчиненных условиях. Для России не было места в триумфальной атлантической системе и, конечно, не на правах равного партнера» [Саква 2020, с. 22]. И далее: «Единственным выбором для России, как представляется, было либо адаптироваться к западным идеям и институтам, либо столкнуться с остракизмом и изоляцией. Россия могла быть великой державой, но аутсайдером, либо членом Исторического Запада, но ценой отказа от своей самостоятельности как великой державы» [там же, с. 31]. Принятие таких условий означало бы потерю Россией государственного суверенитета впервые в своей тысячелетней истории. Не случайно Россия отреагировала политикой сопротивления. Новыми приоритетами российского государства становится развитие через самостоятельность и баланс сил с Западом [Братерский 2018, с. 97]. О праве России на самостоятельную политику в 2007 году заявляет В. В. Путин: «Россия – страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня» [Путин 2007 URL].

Отбросив либеральную демагогию о ненужности в современном миропорядке военной силы, Россия успешно реализовала программу модернизации вооружения (2011–2020). Впервые в истории Россия «приобрела стратегическое военное преимущество оборонного профиля, причем без изматывающих экономику и хозяйство затрат, характерных для гонки вооружений, в которую был вовлечен СССР» [Сергейцев 2020, с. 482]. Существенное укрепление обороноспособности страны становится надежным условием ее созидательной жизни. Альтернативой западному миру становится идея «мир без Запада» – сохранение самостоятельности России и поворот к партнерам на Востоке и Юге. «Частично под влиянием обстоятельств, частично по своей воле Россия стала первой крупной страной *Незапада*, бросившей ему вызов. Вызов проявляется и в противостоянии политике Запада по важным для России международным вопросам, и в стимулировании создания альтернативных Западу политических институтов» [Братерский 2018, с. 98–104].

В анализе этого противостояния решительно поддержим С. Караганова, прямо заявившим, что российская линия «страдает» важной слабостью – она носит оборонительный характер. Он пишет: «Россия – главный поставщик мира. Именно мы военно-политическим содержанием перекрываем дорогу тем, кто эти войны развязывает <...>. Но мы не капитализируем это свое реальное достижение, не проводим активную политику мира, мироспасения, не помогаем идейно себе и человечеству уменьшать угрозу глобальной войны <...>. Наши вооруженные силы нужны не только для сдерживания “потенциальных агрессоров” или обеспечения суверенитета, а в первую очередь для поддержания высшей ценности – мира для себя и других <...>. Но мы не говорим об этом себе и миру» (*Наступление в войне идей. Оборонительная традиция неуместна в нынешнем мире. Российская газета, 3 268(8322), 26.11.2020*).

Сильная государственность как условие выживания России

Интерпретация «сильного государства» в истории российской и западной мысли существенно различались. Понимание «сильного государства» по-русски было специфичным. В Европе государство исторически формировалось как результирующая противоборства разнонаправленных, но равных по силе социально-политических факторов, развивалось на ограниченном территориальном пространстве. Смысл его образования определялся необходимостью мирного уравнивания противоборствующих сил и недопущения насилия и выражался в идее общественного договора [Спиридонова URL]. В русском языке до конца XVIII века словом «государство» пользовались редко. Политическая лексика знала, прежде всего «княжество» и «царство», а главным действующим лицом был великий князь, а затем царь [Волков 2018, с. 20]. Не случайно специфика первых употреблений русского понятия «государство» фокусировалась на его «прямой, буквальной связи с фигурой правителя-государя» [там же]. Западноевропейское понятие государства в России, по мнению В. С. Соловьева, и не могло появиться. Он отмечал: «Самое слово “государство” – господарство в первоначальном своем значении указывает на домовладыку, который, конечно, не был представителем равновесия борющихся домочадцев, а был полновластным хозяином родового общества. Даже там, где единовластия не было на деле, оно оставалось в олицетворяющем представлении и слове» [Соловьев URL].

Сильным, дееспособным и конкурентоспособным государством, который может отстаивать независимость и целостность, Россия становится уже при Иване III. Титул «царь и великий князь всея Руси» в 1555 году, а значит, мощь созданного единого Русского государства, его потенциальную влияние признала Англия, затем Испания и Дания. Как отмечал Н. М. Карамзин, «Иоанн дал торговую жалованную грамоту англичанам, установив в ней, что они могут свободно купечествовать во всех городах России, без всякого стеснения и, не платя никакой пошлины, везде жить, иметь дома, лавки, нанимать слуг, работников и брать с них присягу в верности» [Карамзин 2016, с. 655]. Изменение геополитического положения России во времена Петра I и Екатерины II укрепили российское государство. Укажем здесь на одно обстоятельство, важное для сегодняшнего понимания силы государства, отмеченное А. И. Герценом: «Петр I хотел создать сильное государство с пассивным народом» [Герцен URL]. Это противоречие, в той или иной мере, будет присуще всей последующей истории развития российского государства.

Спустя два столетия молодое российское государство, преодолев несколько кризисов, окрепло и расширилось, приобрело статус державы, определяющей судьбы мира. Венский конгресс 1815 года зафиксировал новую расстановку сил в Европе, сложившуюся к концу наполеоновских войн, обозначил ведущую роль стран-победительниц и признал, что «ни одна проблема и ни один вопрос в Европе (а по тем временам это значило и в мире) без России решаться не может и решен не будет» [Сергейцев 2020, с. 169].

Огромное территориальное пространство страны, не защищенное природными границами, открытое с востока, юга и запада, обуславливалось, по мнению историка С. М. Соловьева, тем, что «русское государство изначально осуждалось на постоянную, изнурительную борьбу... чтобы сохранить главное благо – народную независимость» [Соловьев 1984, с. 20].

В отличие от европейских, российское государство изначально формировалось «за счет свободного и практически беспрепятственного присоединения неосвоенных территорий на Востоке <...>. В такой природно-исторической ситуации геополитическая составляющая естественным образом нашла выражение в модели сильного государства – обширные владения можно было удерживать только мощной властной вертикалью» [Спиридонова URL].

Первостепенной и важнейшей составляющей сильного государства становится его «внешняя» мощь, способность не только отстаивать свой суверенитет, но и обладать авторитетом.

Наряду с наличием военной силы, составляющей основу могущественности, ценностная триада «самодержавие – православие – народность» предполагала, что сильным может считаться государство, которое также способно эффективно защищать законопослушных граждан и карать правонарушителей.

Под сильным государством, в соответствии с традициями русской консервативной мысли, понимался, в первую очередь, авторитет власти, устойчивость всей системы общественных отношений и структур, порядок и стабильность в обществе, а также и такие ценности, как постепенность и осторожность перемен, отрицание резких скачков и революционных переворотов, незыблемость институтов, лежащих в основе естественного социального порядка: религии, семьи, частной собственности – признание зависимости прав и свобод граждан от конкретно-исторических условий, степени развития их правосознания и нравственности, охранение традиционных устоев, национальной самобытности, культурного своеобразия [Добреньков URL].

Российские сторонники либерализма силу государства видели в возможности обеспечить реализацию индивидом своих естественных неотъемлемых прав.

Государства Запада никогда не могли верно оценить истинную силу России: они либо существенно преувеличивали, ненавидели и боялись ее, либо, напротив, недооценивали. Накануне Отечественной войны 1812 года Н. М. Карамзин заявил, что основой силы государства является не только обширная территория и мощный государственный аппарат: «Государству для его безопасности нужно не только физическое, но и нравственное могущество. <...> Дух народный составляет нравственное могущество государств, нужные для их твердости ... он есть не что иное, как уважение к своему народному единству» [Карамзин 1991, с. 25].

Развивая эту мысль, спустя 50 лет, И. С. Аксаков, один из идеологов славянофильства, пророчески заметил, что «если только русское государство проникнется вполне духом русской народности, оно получит силу жизни неодолимую и ту крепость внутреннюю, которой не сломить извне никакому натиску ополчившегося Запада... Это

и составляет наше действительное могущество и остается до сих пор невидимым и неведомым Западу. То, напротив, что он видит и веда-ет, что способен понимать и ценить, что только и может назваться могуществом, с его точки зрения, то, без всякого сомнения, представляется ему слабее его собственного могущества <...>. От взаимного отношения народной Руси и официальной России зависит мера истинной, а не мнимой силы русского государства. Когда мы были сильны в смысле западном, – мы были слабы в нашем народном, русском смысле» [Аксаков URL].

Современное понимание сильного государства

Проблема слабости государственного аппарата и необходимость построения сильных государств существует уже многие годы. В качестве исходной позиции напомним утверждение Ф. Фукуямы, что слабые, некомпетентные или несуществующие правительства являются источником серьезных проблем [Фукуяма 2006, с. 6]. Из современного политического дискурса выделим два полярных подхода к пониманию сильного государства:

– сильное государство как синоним авторитарных и тоталитарных тенденций, командно-административных методов управления, синоним полицейского государства, подчиняющего интересы личности государственной целесообразности;

– сильное государство как синоним суверенности и самостоятельности, демократичности и безусловного приоритета закона, характеризующееся активностью граждан в управлении государством, гармонично сочетающее публичные и частные интересы, обеспечивающее основные права и свободы человека и гражданина, с хорошо развитой экономикой, действенной системой социального обеспечения всех членов общества.

Однако целостной концепции «сильного государства» еще нет. Употребление термина свидетельствует о наличии отличительных черт, которые позволяют рассматривать его в качестве такового. И. Н. Куксин и А. Д. Керимов выделяют следующие отличительные черты «сильного государства»:

– *во-первых*, иметь значительный властный потенциал, быть внутренне сильным и обладать монополией на силу, т.е. исключительным правом на использование соответствующих «материальных

придатков»: армии, полиции, разведки, контрразведки, различного рода уголовно-исполнительных учреждений и пр.;

– *во-вторых*, владеть обширной сферой влияния государственно-властных структур, распространять свое регулирующее и контролирующее воздействие на существенную часть общественных отношений;

– *в-третьих*, быть способным организовывать, привлекать, мобилизовать всё население, составляющее его социальные классы, слои и группы, а при необходимости и отдельных граждан для активного, осознанного и добровольного участия в решении возникающих общественно значимых проблем;

– *в-четвертых*, располагать значительной частью духовной власти, привлекать на свою сторону светскую и церковную интеллигенцию;

– *в-пятых*, иметь национально ориентированную и национально ответственную элиту [Куксин 2018, с. 99–105].

Планы США по «сдерживанию» России

Стратегия «сдерживания/изматывания», а в конечном счете, уничтожения России в каждый исторический период оформлялась соответствующими проектами: планом Даллеса, Гарвардским и Хьюстонским проектами, разработанными американскими аналитическими центрами. Они синхронизированы со стратегическими военно-политическими документами. Особая роль в проектировании этой стратегии принадлежит одному из главных аналитических центров Пентагона и разведслужб США – «мозговому центру» RAND.

Новая стратегия сдерживания/истощения российского государства без непосредственного применения военной силы посредством методичного перенапряжения его экономических и общественных сил изложена в трех докладах RAND Corporation, появившихся в последнее время: «Russia Is a Rogue, Not a Peer; China Is a Peer, Not a Rogue. Different Challenges, Different Responses» («Россия агрессивна, но не игрок высшей лиги, Китай – игрок высшей лиги, но не агрессивен. Разные ответы»); «Overextending and Unbalancing Russia. Assessing the Impact of Cost-Imposing Options» («Слишком большая и несбалансированная Россия. Оценка влияния затратных вариантов»); «Extending Russia. Competing from Advantageous Ground» («Сдерживание России: Соперничество на основе преимуществ»).

Сформулированные в этих докладах предложения лежат в основе реальной политики США. Акцентируем внимание на способы по обеспечению «перенапряжения» государственной и военной системы России, изложенные в последнем. Среди них:

- идеологические и информационные меры (предполагается через ослабление веры в российскую избирательную систему усиление недовольства режимом);

- создание представления о том, что режим не преследует общественные интересы (рекомендуется сосредоточить внимание на широко распространенной, широкомасштабной коррупции, способствовать снижению легитимности государства);

- поощрение внутренних протестов и другого ненасильственного сопротивления, отвлечение или дестабилизация российского режима и уменьшение вероятности того, что он будет продолжать агрессивные действия за рубежом;

- подрыв имиджа России за рубежом (сосредоточение на ослаблении российского авторитета и влияния)¹.

Эти идеи нашли свое дальнейшее развитие в статье М.Макфола, опубликованной в январе 2021 года в *Foreign Affairs* (США) «Как сдерживать путинскую Россию». Обратим внимание на несколько положений работы автора:

- об ошибочности и анахронизме представлений аналитиков, что Россия – это слабеющая держава, переживающая упадок. М. Макфол пишет: «Такой анализ вселяет несбыточные надежды»... «Россия не является слабым и пришедшим в упадок государством, каким она была в 1990-е годы. Несмотря на негативные демографические тенденции и сворачивание рыночных реформ, она вновь стала одной из самых могущественных стран мира, военная, кибернетическая, экономическая и идеологическая мощь которой гораздо больше, чем большинство американцев могут себе представить»;

- о рекомендациях по проведению политики устрашения России (по его мнению, необходимо принимать во внимание следующие факторы: более мощный потенциал обычных сухопутных сил – особенно на уязвимом южном фланге России; повышение мобильности войск между странами, усиление военного потенциала НАТО);

---

¹ Доклад корпорации RAND «Сдерживание России: Соперничество на основе преимуществ». URL: <https://varjag2007su.livejournal.com/7250317.html> (дата обращения: 16.01.2021).

- об увеличении военной, политической и экономической поддержки США Украине;
- о сохранении и даже ужесточении режима экономических санкций против Москвы;
- о непосредственной деятельности в России (увеличении реальных репортажей от «заслуживающего доверия» журналистов, разработке новых программ и подходов, предоставлении возможностей для краткосрочного обучения, работы в рамках годичных научных программ в американских и европейских университетах, стажировок в западных медиакомпаниях);
- о понижении рейтинга информации, распространяемого Россией (автор предлагает такой контент размещать в паре с аналогичным «надежным» западным контентом);
- об использовании договора СНВ-3 после его пролонгации для получения информации о российском ядерном оружии и его модернизации [McFaul UTL].

Очевидно, что эти положения будут использованы администраций нового президента США Дж. Байдена.

Что способствует ослаблению российского государства?

1. Изменение отношения населения к государству в России.

Три постсоветских десятилетия постсоветской спонтанно протекающей гражданской и политической социализации не привели к формированию устойчивой, разделяемой большинством, новой (демократической) политической культуры. В общественном сознании причудливо сочетаются традиционные (советские) ее черты и ценности и современные, как правило, заимствованные из западных учебников политологии прошлого века и пропагандируемые их адептами. Особенно это относится к образу государства.

В традиционной русской (российской) политической культуре был укоренен принцип служения государству, власти. Служение Отечеству неизменно являлось важнейшей составляющей русской идеи. Приоритет государства и государственности стал фундаментальной чертой русского менталитета. И если в дореволюционной России в тексте присяги и военнослужащие, и священнослужители давали клятву на верность государю, а формой ответа военнослужащих на благодарность командира служили слова «Служу царю и Отечеству»,

то в последующем эта формула меняется. В советское время это произошло дважды: обращение к народу: «Служу трудовому народу», по Временному Уставу внутренней службы 1924 года, заменяется по Уставу внутренней службы РККА 1937 года расширительным обращением: «Служу Советскому Союзу». После распада Советского Союза эта формула трижды менялась: от слов «Служу Отечеству» (1993), «Служу Российской Федерации» к сегодняшней форме «Служу России».

Внедрение в Россию демократической концепции предполагало изменение представлений российских граждан о государстве и власти. Основываясь на западные образцы политической культуры, российском общественно-политическом дискурсе государство стали представлять как аппарат управления, служащий народу и подчиненный ему, оказывающий услуги. Государственные служащие, чиновники характеризовались как наемные менеджеры, которые обязаны исполнять то, что хочет народ. Меняется и отношение к государству, к государственным служащим как к обслуживающему персоналу.

Формально Россия приняла и закрепила на конституционном уровне современную модель государства и властных отношений. В Конституции Российской Федерации фиксируется, что носителем суверенитета и единственным источником власти является ее многонациональный народ (ст. 3.), а Президент является главой государства (ст. 80). Однако в общественном сознании не только не преодолен, но и увеличивается разрыв между формально-юридическим и реальным состоянием вопроса: кому же принадлежит власть? Обычный гражданин России на этот вопрос, не задумываясь, ответит: власть – это Путин. Такое мнение основывается на информационном фоне, созданном современными СМИ. В 2014 году опрос ВЦИОМ показал, что лишь 23 % наших граждан знают, что согласно Конституции РФ носителем суверенитета и источником власти в России является народ. За 10 лет эта цифра практически не изменилась: в 2005 году таких граждан было 19,5 %. Более половины опрошенных (55 %) полагают, что данными полномочиями обладает президент. Каждый 10 (11 %) называет парламент страны. А 3 % и вовсе приписывают подобные характеристики высшей силе [Только 23 % россиян знают... URL].

Такие представления объясняют, почему единственно «важными», «настоящими» выборами (выборами реальной власти)

население считает выборы президента страны, в отличие от выборов в Государственную Думу или в местные органы власти. Так, по результатам опроса, проведенного «Левада-центром» видно, что число россиян, считающих, что страна может обойтись без Государственной Думы и Совета Федерации, растет: в 1997 году таких граждан было 29 %, в 2011 году – 32 %, а в 2013 – уже 43 % [43 % россиян считают ... URL].

С трудом в стране приживается идея деперсонализации власти. Этот подход не только предполагает, что система власти, государственная система должны работать как отлаженный механизм, независимо от того, кто занимает в них определенное место, но и признает торжество и самодостаточность процедурной демократии. В общественное мнение внедрена мысль о том, что сменяемость власти есть основа демократии.

Напомним, что первая постсоветская попытка реформирования страны под лозунгом: «Сильное российское государство – это мало государства» не только не привела к эффективным структурным экономическим и политическим преобразованиям, но, запустив процесс разгосударствления, подтолкнула общество к восприятию государства как враждебной силы, противостоящей интересам большинства. Этому способствовало гипертрофирование концепции «минимального государства» либеральными публицистами.

В этом контексте распространяемый сегодня миф о «слабости» современного российского государства необходим для подготовки общественного сознания к его разрушению, для формирования безразличия большинства населения к этому процессу. Кстати, так было в поздний период СССР: к моменту его распада в общественном сознании царило не только безразличие к судьбе страны, но и желание разрушить советское государство. Поэтому представить российское государство слабым – общее желание либеральных интеллектуалов. Например, страстно выступает против нынешнего государства Д. Травин, оценивая его, он пишет: «Намереваясь двигаться к одной цели, мы на деле пришли к другой. Вместо сильного государства построили большое, и получили все связанные с ним проблемы». Высокомерно рассуждая о российском руководстве, он заявляет: «Путин 20 лет упорно строил большое, неповоротливое государство, пытаясь каждую встающую перед ним проблему решать не развитием государственного ума, а наращиванием государственного жира»

и безапелляционно делает вывод: «В результате получилось не сильное, а большое и слабосильное государство» (*Травин. Слабосильное государство. Новая газета, 20.11.2019.: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/11/18/82777-slabosilnoe-gosudarstvo>*).

2. Низкий уровень политической культуры российских граждан.

Политическая культура, как совокупность социальных и политических знаний, убеждений и действий людей, формируется, воспитывается в людях, а не предполагается готовой, зрелой и полноценной. Главную роль в ее образовании играют знания. 15 лет тому назад, в СПбГУ, в рамках тогда регулярно проводившихся заседаний «круглого стола» «Петербургской политологической экспертизы» был поставлен вопрос: «Нужна ли современной России система политического образования?» Участники констатировали, что для того, чтобы граждане стали активными участниками политического процесса, партнерами государства, необходима такая система политического образования, которая дает элементарные знания гражданам о политике, о политической системе [Нужна ли современной России ... 2007]. При этом роль политического образования заключается не в том, что оно должно создать активного гражданина, а в том, что оно формирует потенциально активного гражданина, обладающего «резервом влияния». Стабильная демократия невозможна без развитой политической культуры населения.

В стране сегодня отсутствует система политического образования. Определенные умения граждан, необходимые для выполнения различных ролей и функций в обществе, основываются преимущественно на полузабытых школьных знаниях, обновленных «сведениями», почерпнутыми из часто обезличенных текстов Интернета. Наполненность информационного пространства противоположными, неаргументированными, мнениями; различными фейками, слухами делает крайне затруднительным осмысленное и активное участие граждан в политической жизни страны. К сожалению, в российской политической культуре сегодняшнего дня не сформировалось умение граждан пользоваться своими правами и свободами не в ущерб окружающим; отсутствует естественная готовность отстаивать ценности демократии; навыки участия в принятии социально ответственных решений, организации общественно и лично значимых дел.

Сегодня личность, государство и общество всё чаще противопоставляются друг другу, что связано с возрастанием ценности

индивидуализма. Это порождает настороженность, скепсис или даже равнодушие к участию в общественной жизни. Коммерциализация политической сферы, выражающаяся во влиянии на нее рыночных ценностей, становится причиной негативных изменений в политическом поведении и многих политиков, и граждан.

Эти процессы усугубляются тем, что «в обществе и его политической культуре продолжает действовать фундаментальное противоречие между интересами граждан и результатами политики, проводимой государством. До 75 % граждан в 2017 году считали, что «власти нет никакого дела до простых людей» и только 7 % убеждены, что государство «заботится о жизни простых людей ... российские граждане не ощущают себя активными участниками политической жизни: 71 % респондентов отмечают, что «большинство из нас не могут повлиять на политические процессы в стране» [Левашов 2018, с. 50].

Уровень политического образования россиян крайне низок, фактически исключенное из российской практики политическое образование пока не заменено системой гражданского образования, школьный курс обществознания не позволяет обеспечить необходимый уровень демократической политической культуры у населения страны. Поверхностность в преподавании дисциплин политологического профиля в вузах России, вызванная, в том числе, ограниченностью часов учебного плана для их изучения, часто ведет к формированию у студентов не знаний, а лишь мнений. Мнение действительно может стать невидимым авторитетом. В оценке такого положения автор полностью согласен с позицией Нади Урбинати, которая считает, что «мнение – это форма действия и формы власти, ядром которой является голос, а не зрение» [Урбинати 2016, с. 33]. И далее: «Голос вместе со слухом, но не отдельно голос или слух, – вот два фундаментальных чувства и две способности, которые используются гражданами, когда они формируют свои взгляды, слушают других, меняют или выражают свои мнения и пытаются посредством этих мнений обрести политическое присутствие» [там же]. Таким образом, мнение может создавать конформизм, или, напротив, отказ от него, может делать людей и деятелями, и жертвами [там же, с. 63].

Кроме того, в настоящее время многие работодатели и студенты исходят из утверждения, что современный человек нуждается не в знании, а в информации, которую можно применить уже сегодня.

Человек думающий, по их мнению, в цивилизации бизнеса, скорее, неполноценен, нежели эффективен. Размышления о вариативности могут лишь породить сомнение в намеченной цели.

В силу разных источников получения информации о политической жизни страны, разного политического опыта и способности аналитической работы усугубляется ценностный разрыв между разными поколениями россиян.

3. *Санкционная политика западных государств.*

Политической сверхзадачей санкционных мер воздействия на Россию всегда была дискредитация и изоляция политического руководства страны, изменение политической системы и режима, радикальная смена политического курса государства по всем ключевым направлениям. Интенсивность этого прессинга в разные периоды развития российского государства менялась, но его политическая цель, в сущности, оставалась неизменной. Постоянным, как правило, имплицитным, являлся вектор воздействия антироссийских санкций на население.

Отметим, что санкции не порождают немедленного экономического, социального и политического кризиса, а лишь усиливают существующие в стране негативные тенденции. Поскольку они ведут к ухудшению экономической ситуации, соответственно, снижают реальное благосостояние и углубляют социальную дифференциацию, то могут вызывать недовольство граждан, а в конечном итоге – смену политических элит либо политического курса и режима.

Изложим мнение Н. Гулд-Дэвиса по поводу экономических эффектов, политическому воздействию и оценке западных санкций, применяемых к России. Во-первых, отметим его характеристику возможных целей санкций: а) определять будущее поведение, препятствовать недопустимым действиям, сдерживать наказанием; б) изменять прошлые действия, т.е. формировать отношение к ним; в) изменять режим – не только политику, но и политическую власть; г) осуждать те или иные нарушения международного права. Во-вторых, зафиксируем также один из его резюмирующих выводов: изменения в любой политической системе начинаются среди элит, а не «снизу» [Nigel Gould-Davies URL].

4. *Отсутствие единства в современном правящем классе России.*

Современный правящий класс России не только неоднороден, но и не отличается групповой сплоченностью, единомыслием. Считать

представителей правящего класса элитой сегодня можно лишь исходя из единственного критерия: возможности оказывать влияние на государственную политику. Иные критерии: компетентность, образованность, общественная репутация, управленческий опыт, личная профессиональная успешность, принципиальность и другие в настоящее время практически утратили свое определяющее значение при оценке тех, кого СМИ называет элитой. С учетом широко распространенной в массовом сознании убежденности, что современный правящий класс России ориентирован не на социальные, а прежде всего, на собственные интересы, в российском обществе возрастает недоверие к элите. Всё больше появляется оснований для поддержки категоричного вывода, сделанного А. Панариным. По его мнению, элита часто принимает решения, не имеющие ничего общего с запросами национальной жизни, «ведет себя так, как будто давно уже сбросила местное население со счетов в качестве фактора, способного оказывать на нее воздействие» [Панарин 2006, с. 296]. Представляется верным ответ Н. Талеба на вопрос: «Почему политики нашего времени так безответственны?» Философ отвечает: «Потому что им не угрожают последствия их решений» [Паталогия нашего времени ... URL].

Слабость современного правящего класса России заключается в наличии противоречий в структурах его составляющих – политических, силовых, технических, предпринимательских (экономических). Находясь в тесном взаимодействии, данные группы критически зависят от личности президента и постоянно соперничают между собой за влияние, как на президента, так и на общество. Сама властвующая элита, всё больше утрачивающая доверие в обществе, являет собой опасность для стабильности власти. Многие из ее представителей не верят в действенность национальных проектов и лишь ждут окончания президентского срока полномочий В. В. Путина. Слабость господствующей элиты практически означает крайнюю нестабильность, зыбкость, временность ее положения. Власть в таком государстве может с поразительной легкостью и быстротой перейти в руки сил откровенно реакционных. Об этом свидетельствует вся история человечества.

5. *Недостаточные возможности государства по противодействию вторжения в информационное пространство страны.*

Сверхаппивное внедрение цифровых технологий во все области жизни стремительно меняет общественно-политическую сферу.

В связи с этим быстродействием обратим внимание на одно, редко обсуждаемое обстоятельство. Его сформулировал уже упоминавшийся философ Н. Талеба: «Если общество недостаточно быстро приспосабливается к изменениям, его ждет коллапс. Но и слишком быстрое приспособление превращается в регресс: общество начинает терять то хорошее, что у него было до того, как начались перемены» [Патология нашего времени... URL].

Во всем многообразии проблем в информационной сфере отметим лишь несколько. Во-первых, возможности виртуального вмешательства в избирательный процесс (кибератаки, создание системных помех, взлом информации и пр.). Во-вторых, практику вторжения в информационное пространство как со стороны других государств, так и со стороны негосударственных акторов. Информационные каналы широко используются в подготовке «цветных революций». В качестве подтверждения укажем, что в России насчитывается порядка 80 тыс. аккаунтов, которые ведут украинские студенты, притворяясь российскими жителями: распространяют разного рода фейки, дискредитирующие материалы и негатив [Матвейчев URL]. В-третьих, новую реальность функционирования транснациональных IT-корпораций, становящихся не только цифровыми и технологическими, но и идеологическими монополистами. Они бесконтрольно используют персональные данные граждан, навязывают сервисы, рекламу, распространяют различного рода деструктивную и недостоверную информацию, допускают беспрецедентное блокирование и политически мотивированное цензурирование материалов пользователей.

Отметим также и то, что с развитием новых технологий, гаджетов, Интернета и различных девайсов за последние десятилетия произошел быстрый отток российской молодежи от традиционных СМИ. По данным Российской ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК), в нашей стране порядка 96,7 млн пользователей Сети. 90 % из них ежедневно выходят онлайн [Малькевич URL]. И почти половина из них каждый день подвергается влиянию деструктивного контента. Порядка 40 млн пользователей из России вовлечены в различные деструктивные сообщества и группы в социальных сетях, связанные и экстремизмом, кибербуллинг и пропагандой суицида. При этом порядка восьми миллионов из этих пользователей – дети [Эксперт считает ... URL]. Всё чаще проявляется склонность молодых людей верить в информацию, полученную из своего окружения и/или социальных сетей.

6. *Протестная активность россиян.*

Массированное внешнее, в купе с внутренним, информационное воздействие на российских граждан приводит к быстрым и резким изменениям массового сознания. Существующий тренд негативного отношения к федеральной власти усилен ростом социально-экономических проблем и пандемией коронавирусной инфекции.

Это проявляется в усилении протестных настроений и протестной активности россиян. Цели этих протестов разные: а) большинство граждан, участвующих в акциях социально-политического протеста, реагирует на низкий уровень жизни, конкретные проблемы в тех или иных регионах, требуя тем самым корректировки внутренней политики страны; б) незначительная, но самая активная, готовая к радикальным действиям часть российских граждан, рассматривает акции протеста исключительно как политические, как возможность дискредитировать политическую власть, политического лидера, как способ завоевания власти (жажда власти). Поощрение этих протестов США, другими западными государствами является частью стратегии «сдерживания», грубым вмешательством во внутренние дела России.

7. *Отстраненность и даже враждебность части так называемой творческой интеллигенции.*

Определенную роль в формировании общественного сознания играет представители так называемой творческой интеллигенции. В общественном мнении всё еще распространено утверждение, что интеллигенция – это постоянная оппозиция по отношению к государственной власти. Известен также постулат о необходимости дистанцирования от политики. Напомним позицию М. Вебера, посвященную политическому образованию и воспитанию. В частности, утверждение о том, что «политике не место в аудитории. Студенты в аудитории не должны заниматься политикой ... политикой не должен заниматься и преподаватель» [Вебер 1990, с. 721]. «Подлинный наставник, – пишет М. Вебер, – будет очень остерегаться навязывать с кафедры ту или иную позицию слушателю, будь то откровенно или путем внушения» [там же, с. 721–722]. Преподаватель не должен «пользоваться своими знаниями и научным опытом ... для того, чтобы привить слушателям свои личные политические взгляды» [там же, с. 722].

К сожалению, спустя 100 лет, подходы М. Вебера фактически забыты. Несмотря на внешнее стремление казаться аполитичными,

нейтральными, многие представители интеллектуальных профессий вовлечены в политику. Часто враждебные чувства по отношению к политической власти проявляет так называемая творческая интеллигенция. Однако не всякий формально относящийся к творческим профессиям автоматически становится интеллигентом. В значительной части люди этих профессий имеют смутные представления о политическом, не обладают политологическим знанием, в силу этого малоспособны к политической рефлексии. Они одновременно отличаются высоким самомнением, провозглашают себя «звездами» и даже «гениями», не имеют твердых убеждений и с легкостью их меняют. Приоритетным смыслом бытия этих «интеллигентов» стали деньги. Ничего общего с истинной интеллигентностью эти люди не имеют.

Заключение

Выводы

1. Россия никогда не является такой сильной, какой она выглядит, но и не является такой слабой, какой ее хотят видеть. Это происходит потому, что у России были и сильные, и слабые стороны в прошлом, есть сейчас и, вероятно, возможны и в будущем. Сильное государство было и остается базовым условием развития России. Сильное государство должно быть внутренне сильным. Ослабление государства в реальной жизни создает огромное количество трудноразрешимых и при этом серьезнейших проблем глобального порядка.

2. В центре внимания всех государственных и негосударственных внешнеполитических воздействий на современную Россию находится разрушение государственной системы, в центре которой – Президент РФ В. Путин. В общественное сознание скоординированными действиями так называемых свободных СМИ, сетевых каналов, зарубежных идеологическими центрами внедряется идея «антинародности политического режима». Понимая невозможность кардинального изменения политической системы правовым, демократическим, путем поощряются внутренние протесты, главным действующим лицом которых становится молодежь и даже школьники.

3. Ослаблению российского государства, перенапряжению его сил способствуют не только внешние, но и внутренние факторы: изменение отношения населения к государству; крайне низкий уровень политической культуры российских граждан; отсутствие единства

в современном правящем классе России; недостаточные возможности государства по противодействию вторжения в информационное пространство страны; санкционная политика западных государств; протестная активность россиян; отстраненность и даже враждебность так называемой творческой интеллигенции.

4. Российский исторический опыт, реалии эпохи трансформирующегося современного мира, катализированные пандемией, обострение идеологических информационных противоречий, повышение уровня конфликтности усилили роль государства как главного субъекта международных отношений. Только государство, обладающее военной и экономической мощью, нравственным могуществом, имеющее эффективно функционирующие государственные институты, прочную связь власти и народа, настойчиво преодолевающее социальное неравенство достойно называться сильным государством. Создать такое государство может только сильный, сплоченный народ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аксаков И. С.* В чем сила России? [Aksakov, I. S. V chem sila Rossii? (What is the strength of Russia) (In Russ.)]. URL: http://dugward.ru/library/aksakovy/iaksakov_v_chem_sila_ros.html (дата обращения: 16.01.2021).
- Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / под ред. А.В.Лукина. Монография. М.: Международные отношения, 2018. 92–113. [Braterskij, M. V. (2018). Nacional'naja bezopasnost' Rossii: jevoljucija podhodov: Novye mezhdunarodnye otnoshenija: osnovnyje tendencii i vyzovy dlja Rossii (New international relations: main trends and challenges for Russia). In A. V. Lukina (ed.). (pp. 92–113). Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija. (In Russ.)].
- Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. [Veber, M. (1990). Nauka kak prizvanie i professija (Science as a vocation and profession). Izbrannye proizvedenija. Moscow: Progress. (In Russ.)].
- Волков В. В.* Государство, или Цена порядка. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. [Volkov, V. V. (2018). Gosudarstvo, ili Cena porjadka (The state, or the Price of order). St.Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)].
- Герцен А. И.* Новая фаза русской литературы. [Gercen, A. I. Novaja faza russkoj literatury (A new phase of Russian literature). (In Russ.)]. URL: <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/public/kolokol-1863-1865/nouvelle-phase-russkoj-literature.htm> (дата обращения: 12.01.2021).

- Добренъков В.* Сильное государство. [Dobren'kov, V. Sil'noe gosudarstvo (A strong state). (In Russ.)]. URL: <https://p-beseda.ru/publication> (дата обращения: 16.01.2021)
- Карамзин Н. М.* История государства Российского. М. : Издательство «Э», 2016. [Karamzin, N. M. (2016). Istorija gosudarstva Rossijskogo (History of the Russian State). Moscow: Izdatel'stvo «Je». (In Russ.)].
- Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М. : Наука, 1991. [Karamzin, N. M. (1991). Zapiska o drevnej i novej Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnoshenijah (A note about ancient and new Russia in its political and civil relations). Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Куксин И. Н., Керимов А. Д.* «Сильное государство»: теория и практика в XXI веке // Право: история и современность. 2018. № 4. С. 91–107. [Kuksin, I. N., Kerimov, A. D. (2018). «Sil'noe gosudarstvo»: teorija i praktika v XXI veke («A strong state»: theory and practice in the XXI century). Pravo: istorija i sovremennost', 4, 91–107. (In Russ.)].
- Левашов В. К.* Политическая культура современного российского общества: социологические измерения и практики // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 50–60. [Levashov, V. K. (2018). Politicheskaja kul'tura sovremenного rossijskogo obshhestva: sociologicheskie izmerenija i praktiki (Political Culture of Modern Russian Society: Sociological dimensions and practices). Sociologicheskie issledovanija, 7, 50–60. (In Russ.)].
- Матвейчев О. А.* 80 тысяч украинских «интернет-троллей». [Matvejchev, O. A. 80 tysjach ukrainских «internet-trollej» (80 thousand Ukrainian «Internet trolls»). (In Russ.)]. URL: <https://news.rambler.ru/ukraine/44234234-80-tysyach-ukrainskih-feykometov-gadyat-protiv-rossii-video/> (дата обращения: 16.01.2021).
- Малькевич А. А.* Деструктив в соцсетях: почему о проблеме нельзя молчать // газета.ru. [Mal'kevich, A. A. Destruktiv v socsetjah: pochemu o probleme nel'zja molchat' (Destructive in social networks: why you can't keep silent about the problem). gazeta.ru. (In Russ.)]. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2020/11/27_a_13377637.shtml (дата обращения: 18.01.2021).
- Нужна ли современной России система политического образования // Политэкс. 2007. №1. Т. 3. С. 205–236.* [Nuzhna li sovremennoj Rossii sistema politicheskogo obrazovanija (2007) (Does modern Russia need a system of political education). Politjeks, 1, 205–236. Vol. 3. (In Russ.)].
- Панарин А. С.* Народ без элиты. М. : Алгоритм : Эксмо, 2006. [Panarin, A. S. (2006). Narod bez jelity (A people without an elite). Moscow: Algoritm : Jeksmo. (In Russ.)].
- Патология нашего времени – потеря контакта с реальностью // Интервью Нассима Николаса Талеба РБК.* [Patologija nashego vremeni – poterja

kontakta s real'nost'ju (The pathology of our time is the loss of contact with reality). Interv'ju Nassima Nikolasa Taleba RBK. (In Russ.). URL:<https://bbi.report/158-patologiya-nashego-vremeni-poterya-kontakta-s-realnostyu/> (дата обращения: 16.01.2021).

Путин В. В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года. [Putin, V. V. (2007). Vystuplenie i diskussija na Mjunhenskoj konferencii po voprosam politiki bezopasnosti 10 fevralja 2007 goda (Speech and discussion at the Munich Security Policy Conference on February 10, 2007). (In Russ.). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 15.01.2021).

Саева Р. Россия против остальных. Кризис мирового порядка после окончания «холодной войны». М. : Весь мир, 2020. [Sakva, R. (2020). Rossiya protiv ostal'nyh. Krizis mirovogo porjadka posle okonchanija holodnoj vojny (Russia is against the rest. The crisis of the world order after the end of the cold War). Moscow: Ves' mir. (In Russ.).]

Сергейцев Т., Куликов Д., Мостовой П. Идеология русской государственности. Континент Россия. СПб. : Питер, 2020. [Sergejcev, T., Kulikov, D., Mostovoj, P. (2020). Ideologija russkoj gosudarstvennosti. Kontinent Rossiya (The ideology of Russian statehood. The continent of Russia). St. Petersburg: Piter. (In Russ.).]

Соловьев В. С. Византизм и Россия. [Solov'ev, V. S. Vizantizm i Rossiya (Byzantism and Russia). (In Russ.). URL: http://www.odinblago.ru/soloviev_7/13 (дата обращения: 16.01.2021).

Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. М. : Наука, 1984. [Solov'ev, S. M. (1984). Publichnye chteniya o Petre Velikom (Public readings about Peter the Great). Moscow: Nauka. (In Russ.).]

Спиридонова В. Две версии «сильного государства». [Spiridonova, V. Dve versii «sil'nogo gosudarstva» (Two versions of the «strong state»). (In Russ.). URL: <http://ru-90.ru/content> (дата обращения: 16.01.2021) URL: <http://ru-90.ru/content> (дата обращения: 16.01.2021).

43 % россиян считают, что Россия может обойтись без Госдумы. [43 % rossijan schitajut, chto Rossiya mozhet obojtis' bez Gosdumy (43 % of Russians believe that Russia can do without the State Duma). (In Russ.). URL: <https://www.infox.ru/news/245/122023-43-rossian-scitaut-cto-rossia-mozet-obojtis-bez-gosdumy> (дата обращения: 15.01.2021).

Только 23 % россиян знают, что источником власти в РФ является народ // РИА Новости. [Tol'ko 23 % rossijan znajut, chto istochnikom vlasti v RF javljaetsja narod (Only 23 % of Russians know that the source of power in the Russian Federation is the people). RIA Novosti. (In Russ.). URL: <https://ria.ru/20141211/1037680411.html> (дата обращения: 16.01.2021).

- Урбинати Н.* Искаженная демократия. Мнение, истина и народ. М. : Изд-во Института Гайдара, 2016. [Urbinati, N. (2016). Iskazhennaja demokratija. Mnenie, istina i narod (A distorted democracy. Opinion, truth, and the people). Moscwa: Izd-vo Instituta Gajdara. (In Russ.)].
- Фукуяма Ф.* Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке: пер. с англ. М. : АСТ : АСТ–МОСКВА : ХРАНИТЕЛЬ, 2006. [Fukujama, F. (2006). Sil'noe gosudarstvo: Upravlenie i mirovoj porjadok v XXI veke: per. s angl. (A strong state: Governance and world order in the XXI century). Moscow: AST : AST–MOSKVA : HRANITEL". (In Russ.)].
- Эксперт считает, что почти 40 млн россиян подвержены деструктивному влиянию Интернета // Рамблер. Новости. [Jekspert schitaet, chto pochti 40 mln rossijan podverzheny destruktivnomu vlijaniju interneta . (The expert believes that almost 40 million Russians are exposed to the destructive influence of the Internet). Rambler. Novosti. (In Russ.)]. URL: <https://news.rambler.ru/other/44467545-ekspert-schitaet-chto-pochti-40-mln-rossijan-podverzheny-destruktivnomu-vlijaniju-interneta/> (дата обращения: 16.01.2021).
- McFaul M.* How to Contain Putin's Russia A Strategy for Countering a Rising Revisionist Power January 19, 2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2021-01-19/how-contain-putins-russia> (дата обращения: 15.01.2021).
- Nigel Gould-Davies* Economic effects and political impacts: Assessing Western sanctions on Russia // BOFIT Policy Brief 2018 No. 8 Bank of Finland BOFIT / Institute for Economies in Transition <https://helda.helsinki.fi/bof/bitstream/handle/123456789/15832/bpb0818.pdf?sequence=1> (дата обращения 20.01.2021).

УДК 355/359.07

DOI 10.52070/2500-347X_2021_2_843_152

Д. П. Рудаков, Б. В. Дидык, Е. Д. Рудаков

Рудаков Д. П., кандидат военных наук, доцент
доцент кафедры
Военного университета Министерства обороны Российской Федерации
dprudakov@mail.ru

Дидык Б. В., начальник военного учебного центра
Московского государственного лингвистического университета
mil@linguanet.ru

Рудаков Е. Д., младший научный сотрудник
Центра исследований военного потенциала зарубежных стран
Министерства обороны Российской Федерации
egorrudakov1995@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ЭЛЕКТРОННЫЕ СРЕДСТВА (ИНТЕРНЕТ, ВИДЕОКАНАЛЫ) КАК ОСНОВНОЙ ИНСТРУМЕНТ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗДЕЙСТВИЙ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

В статье рассматривается один из аспектов проблемы информационно-психологического воздействия в массовых коммуникативных процессах, в частности роль и место современных электронных средств (Интернета и видеоканалов) в формировании запрограммированных моделей общественного сознания и поведения. Описываются основы информационно-психологического воздействия; раскрываются различные методы его реализации; охарактеризовываются понятие и основные черты информационно-психологического оружия; дается оценка современным электронным средствам информационно-психологического влияния и приводятся примеры его использования.

Ключевые слова: информационная среда; информационно-психологическое воздействие; Интернет; видеоканалы.

D. P. Rudakov, B. V. Didyk, E. D. Rudakov

Rudakov D. P., PhD (Military Sciences), Assoc. Prof.
Assoc. Prof. at thr Department
Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
dprudakov@mail.ru

Didyk B. V., Chief of Department of Military Training
Moscow State Linguistic University
mil@linguanet.ru

Rudakov E. D., junior researcher

Research center of the military capacity of foreign countries

gorrudakov1995@yandex.ru

MODERN ELECTRONIC MEDIA (INTERNET, VIDEO CHANNELS) AS THE BASIC TOOL OF INFORMATIONAL AND PSYCHOLOGICAL EFFECTS ON PUBLIC CONSCIOUSNESS

In the article, the authors consider one of the aspects of the problem of informational and psychological warfare in mass communication processes in modern society, in particular, the role and place of modern electronic means (Internet and video channels) in the formation of programmed models of social consciousness and behaviour. The authors described in details the foundations of informational and psychological warfare, revealed various methods of its implementation, characterized the concept and main features of informational and psychological weapons, assessed modern electronic means of informational and psychological warfare and gave examples of its use. In the conclusion, they infer about the informational and psychological nature of modern wars and armed conflicts.

Key words: informational environment, informational and psychological warfare, Internet, video channels.

Введение

В результате прогресса в области информационно-телекоммуникационных технологий, появлению глобальной сети Интернет человечество столкнулось с резким расширением коммуникативной сферы общества. Благодаря наличию колоссальных по объёму информационных продуктов, имеющих разноплановое наполнение, обновляемых в online-режиме, интернет-СМИ стали уникальной аудиовизуальной окружающей средой, с которой человек, даже не подозревая об этом, непрерывно и автоматически взаимодействует. Говоря словами известного социолога Мануэля Кастельса, медиаресурсы стали «почти постоянно присутствующим фоном, “тканью” нашей жизни» [Кастельс 2000]. Он вывел формулу постиндустриального общества: «Я думаю, следовательно, я производжу», имея в виду новый электронный контент, который и является главным продуктом производства сегодняшнего постиндустриального общества.

Конкретный человек, малые и большие социальные группы, как и в целом отдельное общество, погруженные в такую информационную матрицу, являются удобными объектами направленного информационно-психологического давления в целях навязывания нужной

точки зрения, формирования запрограммированных моделей общественного сознания и поведения.

Как показывает опыт развития цивилизации, информационно-психологические воздействия на человека и различные социальные группы являлись неотъемлемым атрибутом всех этапов формирования социального общества и становления государственности. Наиболее ярко это проявлялось в ходе многочисленных войн и вооруженных конфликтов. Начавшись с простейших психоэмоциональных средств давления (боевая раскраска лица и тела, устрашающие танцы, громкие военные кличи, наглядная демонстрация грубой физической силы и др.) с целью ослабления боевой мощи противника и укрепления морально-боевого духа своих войск, в условиях современного исторического процесса информационно-психологическое манипулирование общественным сознанием оформилось в самостоятельный вид межгосударственного противоборства, который может вестись как в сочетании с военной силой, так и без нее. В настоящее время под ним понимается информационное, психотронное, или психофизическое, воздействие на психику человека, оказывающее влияние на восприятие им реальной действительности, в том числе на его поведенческие функции, а также, в некоторых случаях, на функционирование органов и систем человеческого организма [Баришполец 2003].

Опыт последних десятилетий показывает, что одной из наиболее острых и агрессивных форм информационно-психологического противоборства является «цветная революция», которая приводит к смене правящих режимов с использованием преимущественно методов ненасильственной политической борьбы [Шульц 2014].

1. Основы информационно-психологического воздействия

Современная глобальная информационная среда, включающая триаду взаимосвязанных элементов: человек ↔ информация ↔ технические средства ее обработки, выступает в качестве базиса во всех сферах деятельности личности, общества и государства. Безусловно, в таких условиях технологии информационно-психологического давления в сочетании с современными информационными и телекоммуникационными системами обретают новые, беспрецедентные возможности и высокую эффективность применения. Объектами их воздействия уже могут являться не только население и личный состав вооруженных

сил противостоящих сторон, но и население страны в целом, а также системы выбора вектора государственного развития, формирования общественного мнения и принятия решений, к которым относится военно-политическое руководство государства. Однако главным объектом информационно-психологического воздействия является человек, так как именно он является уникальным носителем определенных духовных скреп, менталитета, мировоззрения и ценностных установок. С этой точки зрения человека можно рассматривать в качестве «минимальной расчетной единицы», информационно-психологическое давление на которую способно трансформироваться на военные, социальные и государственные объекты различного уровня с разной структурной и функциональной организацией. Таким образом, с помощью информационно-психологического воздействия на конкретного человека возможно влиять не только на индивидуальное, но и на общественное (групповое) сознание.

Можно выделить несколько целей информационно-психологического давления на человека (группу лиц):

1. Побудить к определенным действиям, меняя мотивационную сферу (убеждения, ценностные установки и др.).
2. Изменить привычную картину мира, внося коррективы в познавательную сферу (восприятия, мышление, память и др.).
3. Подавить волю, угнетая эмоциональную сферу (эмоции, настроение и др.).
4. Создать нужный социально-психологический фон, воздействуя на коммуникативную сферу (общение и взаимоотношения, групповое взаимодействие и др.).

Для информационно-психологического воздействия может использоваться достаточно обширный арсенал современных средств [Назаров, Ахмедзянов 2008].

- Интернет, в том числе блоги, социальные сети, интернет-СМИ;
- телевизионная и радиовещательная техника, аудио-, видео-, печатная и кинопродукция;
- акустические системы с «интеллектуальным» сигналом (включая инфразвук и ультразвук);
- оптические средства в видимом, инфракрасном и ультрафиолетовом диапазонах;
- генераторы специальных излучений;
- датчики биорезонансной стимуляции работы головного мозга.

Информационно-психологическое воздействие осуществляется с помощью различных методов, совокупность которых принято называть психотехнологиями [Макаренко 2017]. К основным из них относятся: убеждение, внушение, пропаганда, аудиовизуализация и нейролингвистическое программирование.

Убеждение – вербальное информационно-психологическое воздействие, в основе которого лежит система ясных и четких доводов, выстроенных в логической взаимосвязи в целях обоснования необходимой точки зрения.

Внушение – процесс неаргументированного воздействия, связанный с отсутствием активного осмысления воспринимаемой информации, ее анализа и оценки на базе знаний и опыта. При внушении требуемая информация принимается сразу как должное, как строгая инструкция к действию.

Пропаганда – повсеместное активное и систематичное распространение нужной информации, представленной в убедительном виде в различных формах.

Аудиовизуализация – широкомасштабное и систематизированное доведение разноплановых зрительных и видеообразов, объединенных нужной идеей. Зрительные образы, в отличие от вербальных, позволяют практически мгновенно передать запрограммированное информационно-психологическое воздействие. Кроме того, доказано, что такое воздействие является более глубоким и долговечным, поскольку аудиовизуальные системы влияют одновременно практически на все сферы индивидуального, группового и общественного сознания.

Нейролингвистическое программирование – специальная психотерапевтическая техника, суть которой заключается в кодировании объекта вербальными (словесными формулами поведения) и невербальными (мимика, жесты и т. д.) средствами воздействия для получения нужной модели поведения.

Данные методы предполагают использование телевизионной и радиовещательной техники, видео- и аудиопродукции, компьютерных технологий, позволяющих диагностировать и корректировать психическое и физическое состояние человека путем прямого доступа в подсознание [Баришполец 2003].

Как изложено ранее, информационное пространство, являясь объективной реальностью сегодняшнего дня, предстает в виде

матрицы, где с использованием различных информационно-психологических инструментов возможно моделировать развитие событий различного уровня и содержания. Совокупность единичных информационно-психологических воздействий на гражданское население и органы власти противоборствующей стороны принято называть информационной, или информационно-психологической войной [Манойло 2005]. Понятно, что для ее ведения необходимо особое, информационно-психологическое, оружие – такие невоенные средства и способы воздействия на противника, которые ориентированы на работу с информацией и обеспечивают ее обработку с требуемой оперативностью, полнотой и заданной достоверностью.

К характерным чертам этого оружия можно отнести его универсальность и доступность. Его не нужно создавать специально, а для применения не требуется больших экономических затрат. Однако применение информационно-психологического оружия носит обезличенный характер, не зависит от географического распределения объекта воздействия и легко маскируется под мирную деятельность. При этом весьма трудно определить его национальную и государственную принадлежность, оно нивелирует традиционное понятие государственных границ, делая их информационно проницаемыми. Использование информационно-психологического оружия может проходить скрыто, без объявления войны, и не нуждается в большой и заметной подготовке. Чаще всего объект не осознает, что находится под информационно-психологическим воздействием. Кроме того, в связи с разноплановым влиянием очень сложно противостоять хорошо подготовленным информационным атакам. Основными средствами данного оружия являются Интернет и видеоканалы.

2. Использование средств информационно–психологического воздействия

2.1. Использование Интернета

В рамках информационной войны всё активнее и масштабнее применяется глобальная Сеть Интернет. Диапазон использования Интернета очень широк: от распространения специально подготовленной информации до управляющего информационного воздействия на формирование общественного мнения и принятие политических, экономических и военных решений.

Можно выделить несколько факторов, обуславливающих приоритет Интернета перед другими средствами информационно-психологического воздействия:

- оперативность, которая предполагает минимальные затраты времени на подготовку материалов и обеспечивает быстрое их размещение и регулярное обновление информации;

- экономичность, что обуславливается небольшим количеством персонала и материальных средств для решения стоящих информационных задач, а также колоссальной разницей в финансовой составляющей «ударных» компьютерных технологий и производимым ими эффектом (выводе из строя дорогостоящих информационно-боевых систем противника);

- скрытность источника воздействия, что определяется спецификой информационного удара, когда его источник может находиться в любом, оборудованном компьютерной техникой месте, а сам факт воздействия весьма сложно отличить от обычных санкционированных действий;

- масштабность возможных последствий, что предопределено повсеместным проникновением компьютеров и интернет-технологий во все сферы жизни;

- комплексность подачи информации и ее восприятия, что обеспечивается использованием современных мультимедийных технологий, позволяющих демонстрировать информацию в различных формах и виде, оказывающих дополнительное психоэмоциональное воздействие;

- доступность информации, что предполагает возможность получения нужных данных в online-режиме каждому пользователю и в определенном объеме.

Новым современным интернет-инструментом информационно-психологического воздействия являются блоги и социальные сети, которые можно представить в виде непрерывно обновляющейся информационной паутины, накрывшей целую планету. По оценке специалистов, общение в социальных сетях создает у людей чувство сопричастности и обеспечивает эффект присутствия [Семенкович 2009]. Благодаря им обеспечивается быстрый информационный охват колоссальной аудитории, что делает возможным глобальное манипулирование сознанием людей. Например, в США для этих целей разработана специальная программа *Persona Management Software*.

Она позволяет создавать и управлять фиктивными аккаунтами социальных сетей, искажать реальность событий и создавать впечатление, будто существует общепринятое мнение по спорным вопросам [Микрюков URL]. Американская администрация считает, что формирование единой глобальной информационной инфраструктуры под контролем США позволит им решить задачу стратегического использования информационно-психологического оружия «...вплоть до блокирования телекоммуникационных сетей государств, не признающих реалии современной международной системы» [Сидорин, Прищепов, Акуленко 2013]. При этом необходимо отметить, что в настоящее время применение информационных технологий в военных целях фактически не регулируется международным правом.

Первым примером использования интернет-средств информационно-психологического воздействия стала операция НАТО «Решительная сила» против Югославии в 1999 г. Она сопровождалась мощнейшей информационной интернет-поддержкой, для чего использовалось множество специально созданных сайтов, освещавших военную операцию. В течение только первых двух недель операции в Косово американское информационное агентство CNN подготовило более 30 статей, размещенных затем во всемирной Сети. В среднем в каждой из них около 10 раз встречались слова «беженцы», «этнические чистки», «массовые убийства» [Сидорин, Прищепов, Акуленко 2013].

Растущая эффективность информационно-психологического воздействия через Интернет побудила США к проектированию современного высокотехнологичного комплекса электронных СМИ для сил специальных операций (Special Operations Forces Media Operations Complex). Такой комплекс был создан в пункте постоянной дислокации четвертой группы психологических операций в Форт-Брэгге (Северная Каролина). Он объединяет в одном здании площадью около 5000 м² все технические возможности группы психологических операций в области электронных средств массовой информации информационно-пропагандистского воздействия. Комплекс обеспечивает деятельность специалистов психологической борьбы, оборудован необходимым комплектом специальных средств для проектирования и производства электронных материалов, а также для широкомасштабного их распространения через глобальную Сеть Интернет.

2.2. Использование видеоканалов

Видеоканалы (телевидение) из всех традиционных СМИ, способных воздействовать на массовую аудиторию, обладают наивысшей эффективностью. Они включают в себя расширенный функционал способов воздействия на индивидуальное и общественное сознание с целью внедрения в него нужных психологических установок для формирования определенных моделей поведения. Отмечено, что при просмотре телепередач у человека работает преимущественно правое полушарие головного мозга [Караяни 1997]. Оно придает мышлению чувственность, отвечает за абстрактное и пространственное, целостное восприятие окружающего мира. При этом работа левого полушария с его аналитическим мышлением приостанавливается. Таким образом, вся полученная по видеоканалу информация, не подвергаясь критическому осмыслению, беспрепятственно проникает в подсознание, где формирует соответствующие психологические установки и шаблоны поведения. Кроме того, видеоканал обеспечивает возможность необходимого повтора нужной информации, что значительно усиливает силу внушения и фактически нивелирует осмысленность действия до уровня обычных рефлексов нервной системы.

Информация, подаваемая посредством видеоканала, обладает достаточно большой скоростью обновления, что обеспечивается огромным потоком данных и частотой смены изображений. Это не позволяет сделать остановку, вернуться назад и детально просмотреть недостаточно понятые кадры, а значит, уяснить их. Можно утверждать, что во время просмотра телепередачи мозг человека как бы подключается к единой информационной матрице, которая посредством аудиовизуальных символов формирует нужные психологические установки в подсознании человека. При попадании в такое жесткое информационное пространство зрителю ничего не остается, как мыслить и совершать действия в навязанных ему алгоритмах.

Основными приемами манипулирования информацией в видеоканалах СМИ, являются:

- подмена терминологии и использование в информационной ленте понятий, смысл которых не ясен либо изменен, что затрудняет формирование настоящей картины мира;
- искажение реального положения дел посредством включения в видеопоток ложной, выдуманной, информации как негативного, так и позитивного характера;

– отвлечение внимания от события, делая акцент на пустых и ярких, но узнаваемых образах либо разжигая любопытство и интерес, выдавая «жареную» информацию, например из шоу-бизнеса или сводок криминальных новостей;

– искусственное сокрытие критически важной информации путем погружения ее в «информационный мусор», а также введения запрета на представление определенных разделов новостей.

С использованием данных приемов возможно снять определенный видеорепортаж «с места событий», который, например, позволит эффективно решить задачи конкретной информационной акции, сформировать необходимое мировое общественное мнение и достичь стратегических целей целой информационной компании. Ярким примером информационно-психологического воздействия посредством использования видеоканалов являются события в Сирийской Арабской Республике 4 апреля 2017 г. в провинции Идлиб в г. Хан-Шейхуне. На видеорепортаже, снятом сотрудниками неправительственной добровольческой организации «Белые каски», широко освещавшимся на телевидении, показан результат якобы авиаудара правительственных войск с применением отравляющих веществ. На кадрах видны дымящиеся развалины домов, «пораженные» местные жители, в том числе дети, которым оказывается первая помощь. В качестве аудиофона использованы взволнованная речь, стоны и мольбы о помощи, крики. Несмотря на отсутствие доказательств, в химической атаке сразу обвинили законно избранного президента САР Башара Асада. При этом власти США подозрительно быстро отреагировали на инцидент. Президент США Дональд Трамп назвал произошедшее «вызовом человечеству» и заявил о готовности нанести авиаудар по сирийской авиабазе Шайрат. В свою очередь глава европейской безопасности Федерика Могерини, также практически опережая события, отметила: «По результатам расследования выяснилось, что 4 апреля 2017 года режим Асада применил ядовитый газ зарин в районе Хан-Шейхун в провинции Идлиб». Вместе с тем в Министерстве иностранных дел России, со ссылкой на данные организации «Шведские врачи за права человека», назвали постановочными и «явно провокационными» видеоматериалы химической атаки в Сирии, распространяемые западными СМИ. Однако несмотря на убедительные доказательства непричастности Сирийской Арабской Армии к химической

атаке, 7 апреля 2017 года с американских кораблей в Средиземном море по сирийской авиабазе Шайрат было выпущено 59 крылатых ракет Tomahawk.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что в современных условиях информационно-психологическое воздействие с помощью современных электронных средств (Интернет, видеоканалы и др.) порождает новые модели поведения и технологии воздействия на массовое сознание, стирает национальные границы и искажает ценностные установки и морально-этические принципы как отдельного индивида, так и огромных социальных групп. Широко распространяется практика целенаправленного информационно-психологического давления на население противоборствующего государства, внедряются уникальные технологии невоенного воздействия на боевые единицы. Данные обстоятельства вынуждают руководство ведущих мировых держав пересматривать свои военные концепции. В частности, в настоящее время руководство США рассматривает проведение мероприятий по информационно-психологическому воздействию на военнополитическое руководство недружественных стран и мировое сообщество в целом в качестве главного содержания подготовки и ведения военных действий [Микрюков 2015]. Благодаря такому воздействию формируется требуемая «информационно-виртуальная реальность», в которой легко обеспечивается управление общественным мнением и обосновывается, например, необходимость и законность применения силы. Таким образом, в мировой экономике приоритет отдается «мягкой силе» и ее решающему аргументу – информационно-психологическому воздействию, а в вооруженных конфликтах нового поколения решающая роль будет отводиться уже не крупным сухопутным группировкам и ядерному оружию, а высокоточному и информационно-психологическому оружию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Баршшполец В. А. Информационно-психологическая безопасность: основные положения // Информационные технологии. 2013. Вып. 2. Т. 5. С. 62–104. [Barishpolets, V. A. (2013). Information and psychological security: basic provisions. Information technologies, 2, 62–104. (In Russ.)].

- Караяни А. Г.* Информационно-психологическое противоборство в современной войне. М. : Военный университет, 1997. [Karayani, A. G. (1997). *Informatsionno-psihologicheskoe protivoborstvo v sovremennoj vojne*. (Information-psychological confrontation in modern warfare). Moscow: Military University. (In Russ.)].
- Макаренко С. И.* Информационное противоборство и радиоэлектронная борьба в сетевых войнах начала XXI века. СПб. : Научно-технологические проблемы безопасности, 2017. [Makarenko, S. I. (2017). *Informatsionnoe protivoborstvo i radioelektronnaya borba v setevykh voynakh nachala XXI veka*. (Information confrontation and electronic warfare in network-centric wars at the beginning of the XXI century). St. Petersburg: Science-intensive technologies. (In Russ.)].
- Манойло А. В.* Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта // Информационные технологии и безопасность: Материалы V Междунар. науч.-практ. конф. 2005. Вып. 8. С. 73–80. [Manoilov, A. V. (2005). *Information-psychological war: factors determining the format of modern armed conflict*. Materials of the V International scientific-practical conference. Information technology and security, 8, 73–80. (In Russ.)].
- Микрюков В. Ю.* Победа в войне должна быть достигнута еще до первого выстрела // Независимое военное обозрение. 2015. Вып. 01 (884). С. 3–4. [Mikryukov, V. Yu. (2015). *Victory in the war must be achieved even before the first shot*. Independent military review, 01 (884), 3–4. (In Russ.)].
- Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура: пер. с англ. под научн. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ-ВШЭ, 2000. [Castells, M. (2000). *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Moscow: State University-Higher School of Economics. (In Russ.)].
- Назаров Д. В., Ахмедзянов В. Р.* Психотронное оружие. Воздействие скрытых команд на подсознание человека // Вестник РУДН. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. 2008. Вып. 4. С. 49–54. [Nazarov, D. V., Akhmedzyanov, V. R. (2008). *Psychotronic weapons. Impact of hidden commands on human subconsciousness*. Bulletin of RUDN. Series: Ecology and life safety, 4, 49–54. (In Russ.)].
- Семенкович В. Н.* Роль и место глобальной сети Интернет в ведении современного информационного противоборства // Наука и военная безопасность. 2009. Вып. 4. С. 60–64. [Semenkovich, V. N. (2009). *The role and place of the global Internet in the conduct of modern information warfare*. *Science and military security*, 4, 60–64. (In Russ.)].
- Сидорин А. Н., Прищепов В. М., Акуленко В. П.* Вооруженные силы США в XXI веке: военно-теоретический труд. М. : Кучково поле, 2013. [Sidorin, A. N., Prischepov, V. M., Akulenko, V. P. (2013). *Vooruzhennyye sily SShA v XXI veka: voenno-teoreticheskiy trud*. M.: Kuchkovo pole, 2013. (In Russ.)].

sily SSHA v XXI veke: voenno-teoreticheskij trud. (The US Armed Forces in the XXI Century: Military-Theoretical Work). Moscow: Kuchkovo field. (In Russ.)]

Шульц Э. Э. Технологии бунта. (Технологии управления радикальными формами социального протеста в политическом контексте). М. : Подольская фабрика офсетной печати, 2014. [Shultz, E. E. (2014). Tekhnologii bunta. (Tekhnologii upravleniya radikalnymi formami sotsialnogo protesta v politicheskom kontekste). Technologies of revolt. (Technologies for managing radical forms of social protest in a political context). Moscow: Podolsk factory of offset printing. (In Russ.)].

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2021_2_843_165

Г. М. Сидорова, Н. В. Поспелов

Сидорова Г. М., доктор политических наук, профессор Московского государственного лингвистического университета, профессор Дипломатической академии МИД России, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, Москва gal_sid@mail.ru

Поспелов Н. В., магистрант факультета международных отношений и международного права Дипломатической академии МИД России nikpos96@bk.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ С АФРИКОЙ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Турецкая Республика оказывает влияние на развитие плодотворных отношений с Африкой. Это связано с проведением двусторонних встреч и заключением межправительственных соглашений в сфере экономики. В то же время перспективы турецко-африканского сотрудничества выглядят не столь радужно. Основная причина заключается в стремлении Турецкой Республики установить региональное лидерство в северной части Африки. Цель статьи – рассмотреть факторы влияния Турции на установление конструктивных контактов и проанализировать ее роль в обеспечении национальных интересов.

Ключевые слова: Турецкая Республика; Африка; Р. Т. Эрдоган; национальные интересы; политика; дипломатия; международные отношения.

G. M. Sidorova, N. V. Pospelov

Sidorova G. M., Doctor of Political Science (Dr. habil), Professor of Moscow State Linguistic University, Professor of the Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Relations, Scientific Associate of the Institute for African Studies, Moscow gal_sid@mail.ru

Pospelov N. V., Master's degree student of the Faculty of International Relations and International Law of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry nikpos96@bk.ru

INTERACTION OF THE REPUBLIC OF TURKEY WITH AFRICA IN THE CONTEXT OF ENSURING NATIONAL INTERESTS AT THE PRESENT STAGE

The Republic of Turkey has an impact on the development of fruitful relations with Africa. This is due to the bilateral meetings and intergovernmental agreements in the field of economy. At the same time the prospects for Turkish-African cooperation are not so bright. The main reason is the desire of the Republic of Turkey to establish regional leadership in the northern part of Africa. The purpose of this article is to consider the factors of Turkey's influence on the establishment of constructive contacts and to analyze its role in ensuring national interests.

Key words: Republic of Turkey; Africa; R. T. Erdogan; national interests; politics; diplomacy; international relations.

Введение

Процессы глобализации стали мощным катализатором для активизации международных связей с государствами африканского континента. Поиск новых рынков сбыта товаров, сырьевых ресурсов, дефицит энергетических ресурсов – всё это становится движущей силой для диверсификации взаимодействия с Африкой. Бывшие метрополии, а также новые восточные партнеры стараются занять выгодные ниши с африканскими партнерами в коммерческой сфере, социокультурных отношениях, получить политические преференции. Не является исключением и Турецкая Республика. Последние два десятилетия можно расценить как период возрождения «африканского вектора» внешней политики Турции.

Цель исследования – продемонстрировать на конкретных примерах активизацию политики Турции на африканском континенте и дать оценку ее конкурентоспособности. При этом авторы использовали труды известных отечественных и зарубежных тюркологов, а также материалы аналитических европейских центров.

Предпосылки развития турецко-африканских отношений

Отправной точкой развития добрососедских отношений Турецкой Республики со странами Африки послужило принятие министром иностранных дел И. Джемом «политики открытости» касательно данного континента в конце XX века. В Министерстве иностранных дел Турции таким образом определяют взаимодействие с африканскими государствами: «Исторические и культурные связи Турции и Африки

развивались всегда тесно. В рамках нашей политики, открывшей Африку в 1998 году, мы начали диверсифицировать наши связи в экономической, торговой и культурной областях с африканскими странами» [Les relations turco-africaines URL]. В соответствии с новой политикой в отношении Африки, главным принципом послужило установление двустороннего равноправного взаимодействия в политической и экономической сферах, включая проведение ежегодных встреч на высоком и высшем уровнях [Костелянец 2012, с. 36].

Немаловажное значение в рамках турецко-африканского сотрудничества на протяжении 2000-х годов имело открытие посольств и генеральных консульств на территории стран Африки, а также подписание многочисленных соглашений по вопросам торговли и защиты инвестиций, осуществление визитов турецкого руководства с целью развития конструктивного сотрудничества. В настоящее время Турция поддерживает дипломатические отношения с 46-ю африканскими государствами, в то время как еще десятилетие назад всего 12 стран континента входило в орбиту интересов Турции [Abis URL]. Приоритетными странами являются Ливия, Алжир и Марокко. Среди стран южнее Сахары предпочтение отдается Анголе, Судану, Бенину, Джибути и Сомали, причем в двух последних странах Африканского Рога присутствует воинский контингент Турции [там же].

Возникший в конце 2000-х гг. валютно-финансовый (экономический) кризис способствовал девальвации турецкой лиры, а также вызвал резкое сокращение валового национального продукта (ВВП) в размере 16 млрд долл. США [Сидорова 2003, с. 336]. Это, в свою очередь, приостановило реализацию намеченных планов взаимодействия с Африкой и дало возможность данной стране пересмотреть внешнеполитический курс в ближайшие несколько лет. После прихода к власти в Турции Партии справедливости и развития (далее – ПСР) во главе с премьер-министром Р. Т. Эрдоганом в 2002 году наступил новый этап двустороннего взаимодействия, о чем свидетельствует не только стремление турецкого руководства укрепить свое влияние на африканском континенте, но и формирование юридической базы. В 2003 г. Анкарой была обнародована «Стратегия развития экономических отношений с африканскими странами», а в 2010 году – «Стратегия в отношении Африки» [Колесникова 2020, с. 182]. Кроме того, 2005 год турецкое руководство назвало «Годом

Африки», поскольку в рассматриваемый период состоялся ряд встреч Р. Т. Эрдогана с представителями стран данного континента на правительственном и рабочем уровнях. Еще одним немаловажным событием в развитии двустороннего взаимодействия является предоставление Турецкой Республике статуса наблюдателя при Африканском союзе (АС), а в 2008 году она официально стала стратегическим партнером Организации [Свистунова URL].

Во многом развитию сотрудничества способствует деловой Форум «Турция – Африка», стартовавший в 2016 году в Стамбуле, предусматривающий встречи каждые два года (последний форум состоялся 8–9 октября 2020 года). Помимо этого, планируется провести деловой семинар с африканскими коллегами в апреле 2021 года [Abis URL].

Динамика присутствия Турции на континенте

На протяжении 2008–2011 годов в отношениях Турции и Африки наблюдается активизация внешнеполитических связей. В феврале 2009 года Президент А. Гюль совершил официальные визиты в Кению и Танзанию, в марте 2010 года – в Конго и Камерун, а в феврале 2011 года – в Нигерию, в ходе которых были достигнуты договоренности по расширению политического и дипломатического сотрудничества. В августе 2008 года в Стамбуле по инициативе Анкары состоялся Первый турецко-африканский саммит сотрудничества [Дружиловский, Аватков 2013, с. 84]. Его основная задача заключалась в укреплении двусторонних контактов, что в очередной раз доказало стремление Турецкой Республики найти свое место в современной системе международных отношений. Однако особое внимание в рассматриваемый период времени придавалось развитию взаимодействия в сфере экономики. Начиная с 2008 года, рост валового внутреннего продукта (ВВП) Турции с Африкой увеличивается стремительными темпами. Если сначала он составлял 5,7 млрд долл. США, то к 2010 году показатели достигли 16 млрд долл. США [Неоосманизм в Африке ... URL]. Осуществление внешнеполитического курса Анкары в странах континента продолжалось и на дипломатическом направлении. Доказательством является открытие новых посольств и генеральных консульств с целью укрепления контактов внешнеполитических ведомств. Например, в марте 2011 года президент А. Гюль нанес официальный визит в Гану, где он принял участие в церемонии открытия

посольства Турции в Аккре. Это послужило толчком перехода к новому этапу развития отношений Анкары с африканскими странами во втором десятилетии XXI в. О возросшей динамике турецко-африканских отношений свидетельствует также увеличение числа авиарейсов, осуществляемых турецкой компанией «Turkish Airlines» в различные африканские страны. Сегодня насчитывается около 60 различных направлений (в 2008 г. было всего четыре направления) [Abis URL].

События 2011 года, связанные с возникновением антиправительственных демонстраций в регионе Ближнего Востока и получившие название «Арабская весна», во многом затронули Африку (прежде всего, ее северную часть) и повлияли на проведение Турецкой Республикой внешней политики. Подобное явление было связано с намерением руководства данной страны расширить влияние в Египте и Ливии. В марте 2012 года состоялся визит президента А. Гюля в Тунис, где он не только объявил о политической и экономической модернизации на принципах демократии, но и назвал данную страну «второй Турцией» [Костелянец 2012, с. 37]. Не менее значимым событием в развитии турецко-африканских контактов явился визит премьер-министра Р. Т. Эрдогана в Сомали в августе 2011 года. Главными целями стали определение масштабов по оказанию продовольственной помощи и проявление стратегического интереса к району Африканского Рога. Спустя месяц, в сентябре 2011 года, он выступил на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в ходе которой были затронуты проблемы создания инфраструктурных объектов в указанной выше стране и открытия турецкого посольства в Могадишо [Выступление премьер-министра ... URL]. Несмотря на возникшие в результате «Арабской весны» проблемы, в начале 2012 года в столице Судана Хартум прошел Турецко-африканский конгресс «Многомерная борьба за Африку: будущее турецко-африканских отношений», в ходе которого состоялось обсуждение особенностей проведения странами Африки внешнеполитического курса с такими ключевыми акторами на международной арене, как Европейский Союз (ЕС), Китай, Бразилия, США, Россия, Турция и Иран. В 2014 году в Малабо был проведен Турецко-Африканский саммит сотрудничества, который не только во многом предопределил дальнейшее двустороннее сотрудничество, но и показал способность Анкары найти общий подход по проведению внешнеполитического курса. Об этом свидетельствует выступление президента Экваториальной Гвинеи Т. Обианга, в ходе которого он отметил необходимость придания нового

импульса в турецко-африканском сотрудничестве [Свистунова 2018, с. 41]. В июле 2017 года в Гамбурге прошел Саммит G20, где Турецкая Республика объявила о предотвращении миграции в странах Африки посредством создания новых рабочих мест. Спустя несколько месяцев, в феврале 2018 года, в Стамбуле была проведена Обзорная конференция, где стороны не только рассмотрели вопросы взаимодействия в политической и экономической сферах на протяжении 2014–2018 годов, но и достигли договоренности по подготовке к очередному Турецко-африканскому саммиту сотрудничества в 2019 году. По итогам встречи министры иностранных дел Турции и 19-и африканских государств подписали совместное коммюнике, согласно которому была выражена поддержка с целью принятия коллективных мер по урегулированию арабо-израильского конфликта и созданию независимой Палестины со столицей в Восточном Иерусалиме [Свистунова 2018, с. 71].

Конкуренентоспособность Турции в Африке

В настоящее время Турция увеличивает инвестиции и участвует в крупных государственных проектах стран Африки, например по обеспечению инфраструктурой гидроэлектростанций. Развиваются отношения и в социокультурной сфере. Причем «ставки» делаются в значительной степени на молодежь, поскольку именно она становится в ряде африканских стран авангардом политики и прогресса (вспомним, например, «Арабскую весну»). В рамках образовательной сферы увеличивается число стипендий для африканских студентов в вузах Анкары, Стамбула и Измира.

В Турции убеждены, что африканский рынок является перспективным на длительный период. Африканские страны покупают в Турции в основном сельскохозяйственные продукты и продукты питания (большая доля приходится на муку, макаронные изделия, мясо птицы). Среди главных потребителей турецких продуктов – Сомали, Бенин, Ангола, Гана, Того, Кения и Джибути. Импорт этих стран составляет 10% от общего импорта продуктов. Агрокоммерческая динамика Турции является важной составляющей турецкой африканской стратегии в целом, и является ощутимым дополнением ее стратегии гуманитарной помощи и преподносимых «даров». Осуществляет эти далеко идущие планы «Турецкое агентство по сотрудничеству и развитию», которое имеет разветвленную сеть своих офисов в Африке.

Несмотря на намерение углублять и расширять отношения с континентом, Турция сталкивается с некоторыми политическими проблемами. Достаточно сложная ситуация наблюдается во взаимодействии с Северной Африкой по причине ее вхождения в состав Османской империи в начале XVI века. Это вызывает опасения со стороны африканского руководства, которые заключаются в том, что данная страна в ближайшей перспективе может иметь чрезмерное воздействие в политической и экономической сферах [Аватков, Томилова 2013, с. 231]. Очевидным фактором может выступать намерение Анкары призвать государства Средиземноморья, куда, в частности, входят Ливия и Египет, следовать «турецкой модели» в обмен на развитие плодотворного сотрудничества в политической и экономической сферах. В качестве примера можно привести визит премьер-министра Р. Т. Эрдогана в Каир в сентябре 2011 года, по итогам которого было подписано Соглашение о создании Турецко-Египетского совета по сотрудничеству, а также достигнута договоренность по увеличению объема инвестиций в размере 5 млрд долл. США [Ягья 2018, с. 37]. Одновременно с этим Турецкая Республика предприняла попытки создать в данной стране светское государство на основе указанного выше принципа.

Турции приходится учитывать стремление Китайской Народной Республики (КНР) и Индии занять лидирующие позиции на африканском континенте, в результате чего Анкаре приходится идти на определенные уступки с ними. К ним относятся неравномерные экономические показатели, длительный опыт применения «мягкой силы» и проявление политического интереса одного государства на более высоком уровне. Если товарооборот Китая по состоянию на 2017 год составил 200 млрд долларов, то у Турции он не превышает 20,6 млрд долл. США [Исаев URL]. Говоря о политике «мягкой силы» КНР в Африке, то представляется возможным отметить, что данная страна, в отличие от Турции, обладает значительными ресурсами по ее проведению и таким образом представляет более конкурентоспособного актора.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. С одной стороны, активно развиваются двусторонние внешнеполитические и экономические турецко-африканские контакты на высоком и высшем уровнях. Об этом свидетельствуют многочисленные визиты

премьер-министра Р. Т. Эрдогана и президента А. Гюля в страны Африки на протяжении первого десятилетия XXI в. и проведение саммитов по региональным проблемам. С другой стороны, к перспективам турецко-африканского сотрудничества необходимо отнестись с настороженностью по причине стремления Анкары укрепить свое влияние. Это свидетельствует о том, что впоследствии могут возникнуть притязания на региональное лидерство других государств, прежде всего КНР и Индии. Исходя из современной обстановки, Турецкой Республике предстоит быть более осведомленной в проведении внешнеполитического курса с Африкой и поддерживать добрососедские отношения без ущерба ее национальным интересам.

Политический интерес Анкары проявляется в виде установления плодотворных контактов со сравнительно небольшим количеством африканских стран, в то время как остальные государства континента практически не испытывают существенного влияния со стороны турецких властей. Это наводит на мысль о том, что им необходимо найти собственные пути с целью развития двустороннего взаимодействия, поскольку такой подход позволит укрепить геополитическое влияние как в Африке, так и на международной арене.

В целом, политика Турции в отношении африканских государств заслуживает внимания в свете повышенного интереса к континенту особенно после саммита «Россия – Африка» в 2019 году.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аватков В. А., Томилова Ю. О.* Перспективы становления Турции как ведущего игрока на африканском континенте // Вестник МГИМО (У). 2013. Вып. 4 (31). С. 227–233. [Avatkov, V. A., Tomilova, Yu. O. (2013). Turkey: prospects of rising as a key player in Africa. Vestnik MGIMO (U), 4 (31), 227–233. (In Russ.)].
- Дружилковский С. Б., Аватков В. А.* Внешнеполитические идеологемы Турции (2002–2012) // Научно-аналитический журнал «Обозреватель – Observer». 2013. Вып. 6 (281). С. 73–88. [Druzhilovskij, S. B., Avatkov, V. A. (2013). Vneshnepoliticheskie ideologemy Turcii (2002–2012) (Turkish foreign policy ideologemes: 2002–2012). Nauchno-analiticheskij zhurnal «Obzrevatel – Observer», 6 (281), 73–88. (In Russ.)].
- Колесникова М. А.* Турция и Африка: некоторые аспекты взаимодействия // Вестник Киргизско-Российского Славянского университета. 2020. Вып. 20 (3). С. 181–184. [Kolesnikova, M. A. (2020). Turkey and Africa: some aspects of

- cooperation. Vestnik Kyrgyzsko-Rossijskogo Slavyanskogo universiteta, 20 (3), 181–184. (In Russ)].
- Костелянец С. В.* Турция и Африка: сотрудничество развивается // Азия и Африка сегодня. 2012. Вып. 10 (663). С. 36–40. [Kostelyanec, S. V. (2012). Turciya i Afrika: sotrudnichestvo prodolzhaetsya (Turkey and Africa: development of cooperation). Aziya i Afrika segodnya, 10 (663), 36–40. (In Russ)].
- Свистунова И. А.* Поездка Президента Турции А. Гюля в Африку, 29.03.2011. [Svistunova I.A. Pоеzdka Prezidenta Turcii A.Gyulya v Afriku (Visit of the President of Turkey A. Gul to Africa), (In Russ)]. URL:<http://www.iimes.ru/?p=12392> (дата обращения: 01.02.2021).
- Свистунова И. А.* Региональная политика Турции: стратегия в отношении стран Африки // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 4 (49). С. 67–80. [Svistunova, I. A. (2018). Regional'naya politika Turcii: strategiya v otnoshenii stran Afriki (Regional policy of Turkey: strategy towards African countries). Problemy nacional'noj strategii, 4 (49), 67–80. (In Russ)].
- Свистунова И. А.* Выступление премьер-министра Турции Р. Т. Эрдогана в ООН, 05.11.2011. [Svistunova, I. A. (2011). Vystuplenie prem'er-ministra Turcii R.T.Erdogana v OON, 05.11.2011. (Speech of the Turkish Prime Minister R. T. Erdogan in the UN). (In Russ)]. URL:<http://www.iimes.ru/?p=13388> (дата обращения: 01.02.2021). (In Russ)].
- Сидорова Ю. Б.* Валютно-финансовый кризис в Турции 2000–2001 гг. // Востоковедный сборник. 2003. Вып. 5. С. 326–342. [Sidorova, Y. B. (2003). Valyutno-finansovuj krizis v Turcii 2000-2001 gg. (Currency and finance crisis in Turkey). Vostokovednyj sbornik, 5, 326–342. (In Russ)].
- Ягья В. С., Колесникова М. А.* «Три кита» турецкой политики в Африке // Сравнительная политика. 2018. № 1. Т. 9. С. 37–59. [Yag'ya, V. S., Kolesnikova, M. A. (2018). «Tri kita» tureckoj politiki v Afrike (The three pillars of turkish policy in Africa). Sravnitel'naya politika, 1, 37–59. Vol. 9. (In Russ)].
- Abis S.* Quand la Turquie sème en Afrique IRIS. Analyses. 6 November 2020. URL:<https://www.iris-france.org/151655-quand-la-turquie-seme-en-afrique/> (дата обращения: 07.02.2021).
- Les Relations turco-africaines. Ministère des Affaires Etrangères de la République de Turquie. République de Turquie. Ministère des Affaires Etrangères. 2014. URL:http://www.mfa.gov.tr/les-relations-entre-la-turquie-et-l_afrique.fr.mfa (дата обращения: 07.02.2021).

УДК 324

DOI 10.52070/2500-347X_2021_2_843_174

Ю. В. Синчук, Н. С. Авилов

Синчук Ю. В., доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории международных отношений
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета
sinchukjv@mail.ru

Авилов Н. С., магистрант II курса
по направлению подготовки «Международные отношения»
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета
nik.avilov@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ БРИТАНСКОГО ГРАЖДАНИНА ПОСЛЕ БРЕКСИТА

В статье рассматривается проблема выхода Великобритании из Европейского союза. Дается анализ первых договоренностей, достигнутых между сторонами во время переходного периода, который закончился 1 января 2021 года, в частности итоги Соглашения о выходе Великобритании из ЕС. Основной акцент делается на областях, по которым стороны достигли меньшего успеха в поиске консенсуса, – рыболовство, гастролирующие профессионалы сферы искусства и образование.

Ключевые слова: Европейский союз; Великобритания; Брексит; экономика; искусство; образование; соглашение.

Yu. V. Sinchuk, N. Avilov

Sinchuk Yu. V., Doctor of Political Science (Dr. habil), Professor
Head of Department of Theory and History of International Relation
Institute of International Relations and Political Sciences
Moscow State Linguistic University
sinchukjv@mail.ru

Avilov N., Second-year Master's degree Student
Department of Theory and History of International Relation
Institute of International Relations and Political Sciences
Moscow State Linguistic University
nik.avilov@yandex.ru

POST-BREXIT LIFE OF A BRITISH CITIZEN

The article deals with the problem of the UK's exit from the European Union, which is commonly known as Brexit. The analysis of the first agreements reached between the parties during the transition period, in particular, the results of the EU-UK Withdrawal Agreement, is carried out. The main emphasis is made on the two areas where the parties have had less success in finding consensus – fishing, touring professionals and education.

Key words: European Union; UK; Brexit; economy; arts; education; agreement.

Введение

Выход Великобритании из Европейского союза – уникальный прецедент в истории современной Европы. Несмотря на то, что антиевропейские настроения и проблемы евроинтеграции существовали достаточно давно, интенсивные дискуссии вокруг проблемы начались после проведения референдума о дальнейшем членстве Соединенного Королевства в ЕС в 2016 году. Пять лет спустя Брексит продолжает оставаться темой, вызывающей животрепещущие обсуждения как в академических кругах, так и в обществе в целом. После референдума 2016 года исследования и дебаты были в мировом сообществе сосредоточены на влиянии на политику, экономику, торговлю, миграцию, труд, здравоохранение и повседневную жизнь. На тему Брексита пишут и рассуждают многие зарубежные и отечественные исследователи.

Выход Великобритании из Евросоюза

В 2013 году премьер-министр Дэвид Кэмерон пообещал провести общенациональный референдум о членстве в Европейском союзе с целью раз и навсегда решить этот вопрос. Варианты, предлагаемые избирателям, были различными и неопределенными: «остаться» или «выйти», и господин Кэмерон был убежден, что вариант «остаться» легко победит, как это было в конце XX века, но это оказалось серьезным просчетом. Когда британцы пришли на избирательные участки 23 июня 2016 года, кризис беженцев сделал миграцию субъектом политической ярости по всей Европе. В то же время кампанию по выходу из ЕС обвиняли в том, что она опиралась на ложь и нарушала избирательные законы. В конце концов, выход из блока произошел при поддержке 52% избирателей. Но сторонники выхода из Евросоюза

отложили на другой день вопрос о том, на каких условиях разводиться, а развод – это всегда дело сложное по всем параметрам. Даже сейчас, когда Британия согласовала условия своего ухода, многие вопросы остаются неясными.

Причины референдума

Британия – это остров, и его история не такая, как у большей части континента. В последние столетия Британия являлась не полем битвы, а островным государством с имперскими амбициями. Успехи Второй мировой войны придали Британии чувство исключительности, подкрепленное относительным экономическим успехом и евроскептицизмом.

Все эти факторы создали впечатление, что Европейский союз изначально имел антибританскую природу. Жесткий евроскептицизм со стороны Консервативной партии возник после доклада «Великобритания и Европа» Маргарет Тэтчер в колледже Брюгге в 1988 году, загнав партию в оппозицию в 1990-е годы, и вернулся с удвоенной силой с восстановлением консервативного правительства в 2010 году.

На фоне тяжелых последствий финансового краха растущая общественная озабоченность миграцией и политическая угроза со стороны правых в виде антиевропейской Партии независимости Соединённого Королевства (УКIP) Найджела Фараджа заставили Дэвида Кэмерона пообещать провести переговоры с Брюсселем о более выгодном положении Великобритании в Союзе и референдум по дальнейшему членству Соединенного Королевства в ЕС, если он победит на выборах 2015 года. Кампания под вдохновляющим лозунгом «Вернем контроль» завершилась 23 июня 2016 года на общенациональном референдуме, после чего ситуация стала неопределенной.

Результаты референдума в 2016 году

Референдум по Брекситу, состоявшийся 23 июня 2016 г., имел одну из самых высоких явок избирателей за последние годы – 72%. Это выше, чем на любых голосованиях с 1997 года, но ниже, чем 84,59% явки на референдум о независимости Шотландии 2014 года.

Более 33 млн человек проголосовали, причем 17 млн поддержали выход из ЕС (51,9%) по сравнению с 16-ю млн проголосовавшими за то, чтобы остаться (48,1 %). Сторонники Брексита выиграли

за счет всего 3,8% [The Electoral Commission 2016]. На референдуме 1975 года, когда в Великобритании выносили на референдум вопрос о дальнейшей евроинтеграции, более 67% избирателей поддержали членство в Европейском экономическом сообществе того времени.

Большинство избирателей из небольших городов Англии и Уэльса поддержали выход из ЕС, при этом за выход голосовали в основном представители старшего поколения. Это преодолело поддержку большинства избирателей в Лондоне, Шотландии и Северной Ирландии за то, чтобы остаться в Европейском союзе. Жители Гибралтара и Лондона выразили желание оставаться в ЕС, в то время как восток и юго-восток Англии были наиболее евроскептически.

Были не только большие различия между нациями, входящими в состав Великобритании, но и явные различия по демографическим признакам. Согласно опросу, проведенному британским консервативным социологом Лордом Эшкрофтом, из 12369 человек в день референдума – три четверти 18–24-летних (73%) проголосовали за то, чтобы остаться. Тем временем пожилые избиратели в основном проголосовали за то, чтобы выйти из ЕС, в том числе 60% людей старше 65 лет. Возникли также различия между занятыми и безработными, причем большинство людей, занятых полный или неполный рабочий день, проголосовали за то, чтобы остаться. Те, кто не работал или получал пенсию, голосовали в основном за выход [Lord Ashcroft 2016].

Большинство людей с официальным образованием проголосовали за то, чтобы остаться (57% из тех, кто имеет университетское образование, и 65% из тех, кто имеет высшее образование). 81% людей, получающих в настоящее время очное образование, проголосовали за то, чтобы остаться. Те, кто закончил свое образование на уровне средней школы или раньше, как правило, голосовали за Брексит [там же].

Миграция была главной проблемой на протяжении всей кампании референдума. Результаты опроса господина Эшкрофта подчеркивают серьезные различия в голосовании между людьми из этнических групп: большинство белых избирателей (53%) поддержали выход, в то время как две трети людей, которые называли себя азиатами, проголосовали за то, чтобы остаться, наряду с 73% чернокожих избирателей. Семь из 10 мусульманских избирателей поддержали дальнейшее членство в ЕС [там же].

Несмотря на длительную подготовку к референдуму в ЕС, большинство людей заявили, что приняли свое решение только за месяц до голосования 23 июня. 18% проголосовавших за то, чтобы остаться, заявили, что приняли решение всего за несколько дней до этого.

Те избиратели, которые поддерживали пребывание в ЕС, как правило, были социально либеральными (60%), верили в феминизм (62%) и рассматривали мультикультурализм (71%), иммиграцию (79%) и глобализацию (62%) как «силы добра». Те, кто поддерживал выход, считали, что «силы зла» – это социальный либерализм (74%), феминизм (74%), мультикультурализм (81%) и глобализация (69%) [Lord Ashcroft 2016].

Согласно опросу, проведенному в Эшфорде, большинство избирателей, семь из 10, ожидали победы «остающихся», в том числе большинство (54%) тех, кто голосовал за «уходящих». Избиратели, поддержавшие UKIP, были единственной группой (52%), которая ожидала победы сторонников выхода.

Старение населения Европы, высокий уровень безработицы и самый тяжелый миграционный кризис, с которым ЕС когда-либо сталкивался в своей истории, оказали влияние на рост евроскептических антииммиграционных движений по всему континенту. Среди ключевых факторов, которые повлияли на голоса избирателей, выделяют суверенитет, решение миграционных вопросов, демографические и культурные факторы, экономика, позиция антиистеблишмента и, конечно, кампания правительства.

Лидеры ЕС должны принять к сведению проблемы и факторы, которые вывели Британию из Союза, и было бы разумно не отвергать голосование по Брекситу в корне как британскую проблему.

Экономические последствия

Соглашение о выходе и тарифы

Соглашение о выходе, заключенное между Европейским союзом и Соединенным Королевством, устанавливает условия упорядоченного выхода Соединенного Королевства из ЕС в соответствии со ст. 50 Договора о Европейском союзе. Соглашение о выходе вступило в силу 1 февраля 2020 года, после того как было согласовано 17 октября 2019 года. В него входит также протокол по Ирландии и Северной Ирландии, который призван решить одну из ключевых проблем

Брексита. Напряженность в портах Северной Ирландии была высокой, а новые проверки привели к нарушению некоторых поставок продовольствия и онлайн-поставок.

Протокол по Северной Ирландии и Ирландии

В рамках с трудом достигнутого мирного соглашения между Ирландией и Великобританией, известного как *Соглашение Страстной пятницы*, оба правительства согласились, что граница между Ирландией и Северной Ирландией должна быть практически невидимой и беспрепятственной. Это означает, например, что здесь нет камер и пограничных постов. Это было легкодостижимо, когда обе страны входили в ЕС, ведь люди и товары могли свободно перемещаться между двумя странами. Но после Брексита потребовалась новая договоренность, поскольку ЕС требует, чтобы определенные товары проходили проверку в пункте въезда. Это делается для того, чтобы избежать проверок на границе между Северной Ирландией, которая больше не входит в ЕС, и Ирландской Республикой, которая остается в ЕС.

ЕС имеет очень строгие правила относительно того, что может попасть на его рынок, когда речь идет о некоторых продуктах питания, таких как мясо, молоко, рыба и яйца. Это означает, что некоторые продукты питания, поступающие в Северную Ирландию из Англии, Шотландии или Уэльса, должны быть проверены на соответствие стандартам ЕС. Они должны пройти через пограничный контрольный пост в морских портах, где проверяются документы и проводятся некоторые физические проверки. Но в четверг, 11 февраля 2020 года, ЕС заявил, что некоторые контрольные посты еще не полностью функционируют, а некоторые товары поступают в Северную Ирландию без надлежащего декларирования [BBC 2021].

Проверки в некоторых портах были временно приостановлены в начале февраля из-за угроз в адрес некоторых пограничников, проверяющих товары. Юнионисты высказались против новых проверок в Северной Ирландии, потому что они не хотят, чтобы к ней относились иначе, нежели к остальной части Соединенного Королевства. Лидеры Великобритании и ЕС заявляют, что они «безоговорочно» осуждают любые угрозы или запугивания и обещают «интенсивно работать» над снижением напряженности [BBC 2021].

Протокол также был в центре скандала вокруг вакцин против коронавируса. Испытав проблемы с поставками вакцины AstraZeneca, ЕС объявил 29 января 2020 года, что введет экспортный контроль над вакцинами, произведенными в ЕС. Он сказал, что это будет включать в себя перемещение вакцин между Ирландской Республикой и Северной Ирландией. Теоретически это могло бы привести к новым проверкам на границе, чтобы предотвратить поставку вакцин европейского производства в Великобританию. ЕС осуществил эту меру в соответствии со статьей 16 Североирландского протокола, которая позволяет либо ЕС, либо Великобритании приостановить действие любой части соглашения, которая вызывает экономические, социальные или экологические трудности [EU 2019]. Но это вызвало серьезную озабоченность, в том числе со стороны премьер-министра Ирландии Майкла Мартина, а также всех пяти партий в правительстве Северной Ирландии. После критики ЕС отменил свое решение.

Протокол означает, что власти Великобритании применяют таможенные правила ЕС к товарам, ввозимым в Северную Ирландию. Это влечет за собой некоторые новые административные процедуры для трейдеров, в частности новые требования к электронным импортным декларациям и информации о безопасности товаров, поступающих в Северную Ирландию из остальной части Великобритании.

Последствия для граждан Великобритании

Гастролирующие профессионалы

В Великобритании существует огромная индустрия музыкальных и ивент-туров, которая сильно пострадала из-за коронавируса. После окончания переходного периода в 2021 году гастролирующие профессионалы сталкиваются с дальнейшими трудностями при попытке совершать гастроли по странам Евросоюза на профессиональной основе, причем потенциально каждая страна просит свою собственную визу, которая была бы действительна только для одной поездки. Поскольку фрилансеры из сферы искусства путешествуют по ЕС много раз в год по разным турам и мероприятиям, их профессиональная деятельность станет невозможной из-за затрат и времени, если не будет безвизового режима.

Работниками этой отрасли была создана петиция, направленная в парламент Великобритании. Петиция собрала практически в три

раза больше необходимого количества подписей. Правительство не проигнорировало петицию и провело переговоры с Евросоюзом.

Когда начались переговоры, парламент активно консультировался с представителями сектора, чтобы выяснить, что нужно добиться от переговоров. Выслушали экспертов в области британской музыки, включая такие организации, как Союз музыкантов, и отразили их взгляды в предложении ЕС.

Во время переговоров с ЕС правительство искало взаимовыгодное соглашение, которое позволило бы исполнителям продолжать выступать по всему континенту без необходимости получения разрешений на работу. В частности, поступило предложение фиксировать работу музыкантов и артистов эстрады, а также сопровождающих их сотрудников через перечень разрешенных видов деятельности для краткосрочных деловых посетителей. Это казалось простым решением для творческих индустрий, которое принесло бы пользу всем сторонам.

Но ЕС отклонил предложения на том основании, что музыканты предоставляли услуги, которые, по их мнению, требовали разрешения на работу и/или визы. Такой исход вызывает сожаление, однако есть возможность вернуться к этому вопросу в будущем, если ЕС передумает [UK Govt 2021]. Тем временем правительство Великобритании будет настаивать на мерах, облегчающих гастроли в ЕС, а также стремиться указать на руководство, которое поможет британским деловым путешественникам ориентироваться в иммиграционных системах отдельных государств-членов. Великобритания остается открытой для гастролей музыкантов. Музыканты и вспомогательный персонал, которым платят в Великобритании, также могут претендовать на въезд по маршруту *Tier 5 Creative Worker*, если они будут спонсированы британской организацией, имеющей лицензию на британские визы и иммиграцию для этой цели. Въезд осуществляется на срок до 12 месяцев, и соответствующие правила также предусматривают сопровождающих иждивенцев. Въезд по маршруту *Tier 5 Creative Worker* является безвизовым для граждан, если осуществляется не более чем на три месяца. Кроме того, правительство предпринимает беспрецедентные меры по оказанию помощи музыкальному сектору во время кризиса. Правительство выделило 1,5 млрд фунтов стерлингов прямой поддержки искусству по всей Великобритании.

Образование

Говоря о студентах ЕС в Великобритании, и наоборот, Великобритания была вовлечена в программу ERASMUS+. Суть программы проста: она позволяла студентам учиться и получать опыт в любой из стран Евросоюза. Однако премьер-министр Борис Джонсон вывел страну из этой программы 31 декабря 2020 года, аргументировав тем, что она была очень дорогой. Она обходилась Великобритании в сумму около 160 млн евро в год (примерно 194,4 млн долл. США) и охватил около 49000 студентов и более 7000 сотрудников [UK National Agency 2019].

Схема Тьюринга, названная в честь известного математика, заменит ERASMUS+ и будет поддержана 100 млн фунтов стерлингов (около 136 млн долл. США), и эта новая схема поможет тысячам студентов в Великобритании учиться по всему миру. Между сторонниками ERASMUS и схемой Тьюринга редко сходятся умы. Даже история о том, как и почему тема ERASMUS вышла из переговоров по Брекситу, имеет две версии. ERASMUS+ был снят к 14 декабря 2020 года. Именно тогда Мишель Барнье, главный переговорщик ЕС по Брекситу, заявил Европейскому парламенту, что он закрыл главу о программе, потому что нет единогласия.

Британская сторона сразу же заявила, что участие в следующей программе, рассчитанной на 2021–2027 годы, всё еще является предметом переговоров. Однако через 10 дней, 24 декабря 2020 года, в Соглашении о торговле и сотрудничестве между ЕС и Великобританией было объявлено, что Великобритания будет платить за участие в следующих больших программах: *Horizon Europe*, *Исследовательская и учебная программа Евратома*, *испытательная установка термоядерного синтеза ITER* и *программа Copernicus*, а также за доступ к услугам ЕС по космическому наблюдению и слежению, но не ERASMUS. Через два дня после этого была обнародована *Программа Тьюринга*.

Рыболовная промышленность

Рыбная ловля является одним из заключительных щекотливых моментов в поствыходе Великобритании из ЕС. Хотя рыболовство является крошечной частью экономики по обе стороны канала, оно имеет большой политический вес. Восстановление контроля над британскими водами было ключевой частью кампании по выходу в 2016 году.

Сделка между Великобританией и Евросоюзом изложена на более чем 1200 страницах с целым разделом и несколькими приложениями, посвященными рыболовству. Обе стороны договорились, что 25 % прав на рыболовство судов ЕС в британских водах будут переданы британскому рыболовному флоту в течение пяти лет. Это называется периодом адаптации, дающим флотам ЕС время привыкнуть к новым порядкам. В Евросоюзе хотели, чтобы период адаптации был более длительным, а Великобритания, наоборот. Похоже, стороны встретились где-то посередине, и период адаптации закончится 30 июня 2026 года. В соответствии с планами, изложенными в сделке, квота ЕС на вылов рыбы в британских водах будет сокращена на 15 % в первый год и на 2,5 процентных пункта каждый год после этого. К 2026 году, по оценкам, британские лодки будут иметь доступ к дополнительной квоте рыболовства в размере 145 млн фунтов стерлингов каждый год. В 2019 г. британские суда выловили в британских водах 502 тыс. тонн рыбы на сумму около 850 млн фунтов стерлингов.

В документе также подробно излагается, как каждый вид рыбы будет распределяться между Великобританией и ЕС во время переходного периода. Флот Великобритании может ожидать увеличения квоты на 57 из 90 видов рыбы, выловленных в британских водах каждый год. Но доли квот для некоторых видов, таких как треска, из которых лодки ЕС (в основном из Франции) вылавливают более 90 % ежегодно, останутся неизменными.

После окончания периода в июне 2026 года будут проводиться ежегодные переговоры об установлении количества рыболовецких судов ЕС, которые могут ловить рыбу в британских водах, и наоборот. В этот момент Великобритания имеет право полностью лишить суда ЕС доступа в британские воды. Но тогда ЕС может приостановить доступ к своим водам для британских судов или ввести тарифы (налоги) на экспорт рыбы из Великобритании в ЕС. Тарифы могут быть даже распространены на другие товары, но они должны быть пропорциональны экономическим последствиям нарушения рыболовства [Morris, Barnes 2021].

Заключение

Изучив Соглашение о выходе Великобритании из Евросоюза можно сделать вывод, что во время принятия решения о Брексите

сторонники плохо осознавали, что делать после выхода. На самом деле были освещены лишь некоторые области деятельности британских граждан, последствия Брексита гораздо серьезнее и будут раскрываться со временем и требовать решения. Например, не решен вопрос с Европолом. Полиция Великобритании больше не имеет доступа к данным Организации.

Однако удалось добиться некоторых успехов. Программа Тьюринга выглядит достаточно жизнеспособной. Решился вопрос об ирландской границе, пусть не самым лучшим образом. Эти процессы гарантируют, что таможенные органы по-прежнему способны защищать свои регулятивные, охранные и финансовые интересы, но отныне не европейские интересы. Пункты соглашения по водам Великобритании и рыболовстве выглядят как временное решение, нежели закон, но при обоюдном желании стороны найдут компромисс после 2026 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Chris Morris, Oliver Barnes. Brexit trade deal: What does it mean for fishing? BBC Reality Check. 20 January 2021. URL: <https://www.bbc.com/news/46401558> (дата обращения: 03.03.2021).
- The Electoral Commission of the United Kingdom. Results and turnout at the EU referendum 2016. URL: <https://www.electoralcommission.org.uk/who-we-are-and-what-we-do/elections-and-referendums/past-elections-and-referendums/eu-referendum/results-and-turnout-eu-referendum> (дата обращения: 01.03.2021).
- Lord Ashcroft KCMG PC. How the United Kingdom voted on Thursday... and why. Friday, 24 June 2016, URL: <https://lordashcroftpolls.com/2016/06/how-the-united-kingdom-voted-and-why/> (дата обращения: 1.03.2021).
- BBC. Brexit: Preserving NI protocol is 'the only way' forward, warns EU. 10 February 2021, URL: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-56018445> (дата обращения: 01.03.2021).
- BBC. Brexit: Animal-based food checks at ports suspended. 2 February 2021, URL: <https://www.bbc.com/news/uk-northern-ireland-55895276> (дата обращения: 01.03.2021).
- European Union. AGREEMENT on the withdrawal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland from the European Union and the European Atomic Energy Community. Official Journal of the European Union (2019/C 384 I/01) (дата обращения: 3.03.2021).

- UK Government and Parliament. Petition. Seek Europe-wide Visa-free work permit for Touring professionals and Artists. 14 January 2021, URL: <https://petition.parliament.uk/petitions/563294> (дата обращения: 3.03.2021).
- UK National Agency. ERASMUS+ 2018 in Numbers. European Commission 2019. URL: https://ec.europa.eu/programmes/erasmus-plus/sites/default/files/erasmusplus-factsheet-uk_en.pdf (дата обращения: 3.03.2021).

УДК 321

DOI 10.52070/2500-347X_2021_2_843_186

Шоджа Ахмадванд

доцент кафедры политологии
Университета им. Алламе Табатабаи
ahmadvand@atu.ac.ir

АМЕРИКАНСКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ГРУППЫ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье исследование фокусируется на методах, используемых лоббистами и специалистами в области внутригосударственной политики в американской политической системе. Цель данной работы – выяснить, как эти группы в США пытаются влиять на политику правительства в вопросах окружающей среды. Сбор и анализ данных основаны на перекрестных методах, включающих как качественный, так и количественный анализ, а также контент-анализ. Результаты исследования показывают, что «эффективная организация людей и ресурсов является ключевым фактором успешной защиты окружающей среды». Делается вывод о том, что большинство религиозных групп уделяют мало внимания вопросам политики в области окружающей среды.

Ключевые слова: религиозные группы; экологические проблемы; защита; лоббисты.

Shoja Ahmadvand

Associate Professor of Political Science,
Allameh Tabataba'i University
ahmadvand@atu.ac.ir

AMERICAN RELIGIOUS GROUPS AND ENVIRONMENTAL ISSUES

In the article the researcher focuses on the methods used by lobbyists and specialists in the field of domestic politics in the American political system. The purpose of this study is to find out how these groups in the United States are trying to influence government policy on environmental issues. Data collection and analysis are based on cross-methods, including both qualitative and quantitative analysis as well as content analysis. The results of the study show that “the effective organization of people and resources is a key factor in the successful protection of the environment”. It is concluded that most part of religious groups pay little attention to environmental policy issues.

Key words: Religious groups; Environmental issues; Advocacy; Lobbyists.

Введение

В Америке часто говорят, что «вся политика локальна» [Koenig & Schneider 2007, с. 78]. Это наблюдение понимается большинством американских политиков и политических обозревателей как предупреждение о том, что политическая власть в США начинается и часто заканчивается выборами, проводимыми на местном уровне и на уровне штата. В своем выступлении от 29 марта 1952 года президент Гарри Трумэн сказал: «Я занимаюсь политикой более 30 лет и знаю, что ничто другое не могло бы доставить мне большего удовлетворения. Я прошел карьеру от председателя до президента». Для иностранных наблюдателей, незнакомых с американской избирательной политикой, наблюдение о том, что «вся политика локальна», является напоминанием о том, что главным местом в выборах является избирательный участок. Это означает, что нельзя иметь четкого представления о партийной организации, если не знать итогов учатся партии в выборах [Collier 2003, с. 55].

Эндрю Геллман утверждает, что «местный» (региональный) означает необходимость иметь поддержку в законодательном собрании штата, что сохраняет «безопасные» места партии каждые 10 лет. Однако его комментарии предполагают, что иностранный читатель знает, что такое первичные выборы, что такое «безопасное место» и какие факторы делают место «безопасным». В данной статье предпринимается попытка ответить на эти вопросы, используя тематическое исследование роли, которую группы религиозных интересов и их лоббисты играют в текущих политических спорах по поводу окружающей среды. С помощью смешанного метода, основанного на *дизайне исследования* (Research Design) Кресвелла, мы рассматриваем, как группы защиты интересов в США пытаются влиять на политику правительства [Creswell 2017, с. 14]. В работе будет показано, как американские религиозные группы лоббируют свои интересы через структурированные интервью с главными лоббистами религиозных групп США. После исторической и теоретической справочной работы были собраны ответы на онлайн-опрос о методах лоббирования со стороны ряда религиозных организаций. Кроме того, в ходе интервью раскрывается содержание дискуссий религиозных организаций, чтобы показать, как они лоббируют Конгресс и администрацию [Creswell 2017, с. 156–166].

Литературный обзор

Окружающая среда – один из важнейших приоритетов правительств и организаций гражданского общества. Ученые с разными позициями, например, с религиозной точки зрения, участвуют в этих дискуссиях. Они изучают, каковы отношения между религиозными группами и учреждениями по охране окружающей среды. Способствовали ли религиозные убеждения и членство в религиозных учреждениях защите окружающей среды? Есть ли у религиозных объединений конкретная программа и политика по охране окружающей среды, основанная на их религиозных учениях? Далее обсуждаются предыдущие исследования, проведенные в этой области.

Хэнд и Ван Лир исследовали взаимосвязь между религией, природой и отношением к окружающей среде. Они пришли к выводу, что иудеохристиане более привержены господству над природой, чем неиудеохристиане. Это играет важную роль в решении экологических проблем [Hand & Van Liere 1984].

Хейс и Марангудакис заявили, что взгляды христиан и нехристиан существенно не различаются по вопросу окружающей среды, однако в христианской традиции существуют значительные межконфессиональные, а также внутриконфессиональные различия по этому вопросу. Кроме того, религиозная идентификация была относительно слабым и непоследовательным предиктором экологического отношения и поведения в разных странах [Hayes & Marangudakis 2000].

Эскберг и Блокер исследовали тезис Линн Уайт о том, что недооценка природы в первой главе Книги Бытия привело к уменьшению заботы об окружающей среде на Западе, и разделили влияние четырех разных показателей религиозного опыта на четыре разных индекса заботы (обеспокоенности) об окружающей среде. Итоги исследования подтвердили тезис Уайта: Библия предсказала необходимость защиты окружающей среды [Eckberg & Blocker 1989].

Хоуп и Джонс изучали отношения между человеком и окружающей средой. Они считали, что недостаток веры в загробную жизнь или божественное вмешательство побуждает светских участников сосредоточиться на человеческой ответственности и необходимости действий, поддерживая осознанную необходимость ряда технологий, включая CCS [Hope & Jones 2014].

Результаты исследования Биля и Нильссона подтверждают, что религиозные ценности могут влиять на оценку экологических угроз первыми, но не вторыми. Они пришли к выводу, что ситуативные сигналы частично определяют какие ценности, воплощенные в религии, будут влиять на отношение человека к окружающей среде [Biel & Nilsson 2005].

Гут, Грин, Келлстедт и Сmidt изучали влияние религиозных факторов на отношение к защите окружающей среды. Их вывод о том, что консервативная эсхатология, религиозные традиции и религиозная приверженность имеют сильные двумерные ассоциации с защитой окружающей среды [Guth, Green, Kellstedt & Smidt 1995].

Шеркат и Эллисон попытались структурировать связь между религией и окружающей средой и пришли к разным выводам – как о наличии, так и отсутствии прямой связи религии и окружающей среды [Sherkat & Ellison 2007].

Обобщая три очевидных продукта (подхода в понимании заботы об окружающем мире) экологических движущих сил, мы сделали вывод о том, что, во-первых, исследователи рассматривали Землю как живой организм, например: «Основная предпосылка теории Гайи состоит в том, что сама Земля является одновременно живой и божественной» [Yandle 1999, с. 298]. Точно так же гипотеза Гайи утверждает, что планета Земля живая, как дерево [Lovelock 2005]; во-вторых, энвайронментализм упоминается как разновидность светской религии. Например, исследователи считают, что наибольший религиозный динамизм в американском обществе в двадцатом веке был связан с подъёмом светских религий [Henderson, Pisciotta, & Pisciotta 2005, с. 90]; в-третьих, экологические движения привели к развитию своего рода системы убеждений, называемой «зеленой религией». Этот подход фокусируется на экологии экосистемы и обеспечивает решение проблем лесного хозяйства, а также охватывает управление экосистемами, управление ландшафтом, естественные нарушения и их имитацию [Kimmins 2004, с. 17].

Вышеупомянутые теории могут предлагать два подхода: во-первых, группа ученых считает, что использование природы подчеркивалось божественными религиями, поэтому необходимо извлечь его подправила в соответствии с религиозными порядками. При таком подходе охрана окружающей среды не является приоритетом для

религиозных людей; и наоборот, религиозные люди обязаны использовать природу; во-вторых, акцент религий на заботу о созданиях Вселенной рассматривается как акцент на защиту природы и окружающей среды. В настоящем исследовании предпринимается попытка оценить деятельность религиозных учреждений в США с точки зрения расстояния и близости к двум ранее упомянутым подходам с помощью опроса и интервью.

Методы. Поскольку вся политика в США носит локальный характер, выделение (определение) методов большого населения организованного общества США из небольшой группы организаций, может помочь понять логику этой локализации политики в США. Опрос был разослан религиозным организациям на всех трех уровнях: а) федеральном; б) государственном; в) местном.

В США более 800 религиозных организаций соответствуют критериям отбора, указанным в нашей работе. В дополнение к проценту населения, исследование остановилось на значении N около 40 респондентов, которые должны предоставить статистически значимый объём данных. Если это так, как можно гарантировать, что они были выбраны случайным образом? Лучшим способом было бы составить список из как можно большего числа организаций, и из этого списка выбрать 40 респондентов путем случайной выборки. Поскольку этот опрос предназначен для описательных целей и не предполагает выводов помимо собранной информации, общее количество ответов будет очень важным.

Огромное количество религиозных организаций привело к изменению формы сбора данных с личных интервью на смешанный метод, состоящий из пяти глубинных интервью и онлайн-опроса. Для этого была создана анкета Survey Monkey. Этот вопросник – инструмент, разработанный нами для этой работы.

Согласно разработкам ученых Саланта и Диллмана, данное исследование представляет собой четырехэтапный процесс администрирования [Salant, Dillman, & Don 1994]. Первый этап – определение 40 религиозных организаций, которым было отправлено электронное письмо после обсуждения с некоторыми руководителями. Второй этап – фактический опрос, включая сопроводительное письмо онлайн через Survey Monkey, которое было распространено примерно через неделю после первого электронного письма. Третий этап – электронное

письмо всем членам выборки через неделю после фактического опроса. Четвертый этап – электронное письмо, отправленное всем не ответившим на вопросы респондентам, состояло из персонализированного сопроводительного письма с электронной подписью и анкеты. Указанное четвертое письмо было отправлено через две недели после третьего. Таким образом, исследователь планировал завершить административный период через четыре недели после его начала при условии, что ответы будут соответствовать целям проекта.

Один из наиболее важных этапов опроса – анализ данных. Как уже говорилось, с помощью интервью данное исследование направлено на понимание содержания дискуссий религиозных организаций: как они лоббируют с Конгрессом и администрацией. После сопоставления результатов опроса исследователь провел несколько интервью с главными лоббистами религиозных организаций. Были заданы следующие вопросы, те же, что и в анкете:

1. Каковы основные характеристики наиболее важных групп религиозного лобби США?
2. Какова миссия лоббистских групп США?
3. Каковы основные механизмы принуждения и лоббистские задачи лоббистских групп США?
4. Каковы достижения религиозных организаций США в соответствии с их миссией и повесткой дня?

На основе этих вопросов и теоретической базы в исследовании были выделены четыре основные категории деятельности организаций: характеристики, миссия, механизмы принуждения и достижения организации. Для каждой категории в ходе исследования было получено несколько кодов. Основное внимание уделялось четырем основным кодам, а именно – агенты, структура, сфера деятельности и фонды. Для миссии используются два основных кода: положительный, чтобы усилить влияние, и отрицательный для его ослабления. При исследовании механизмов обеспечения деятельности основное внимание уделялось восьми основным кодам: кооперативное и коалиционное, петиционное, юридическое / демонстративное, работа с персоналом, оценка с помощью оценочной карты, методы организации и методы коммуникации. Совет по институциональному обзору (далее – IRB) дал исследователю разрешение на проведение опроса и интервью. При исследовании соблюдалась анонимность участников.

Результаты. Получены следующие результаты изучения деятельности зарегистрированных некоммерческих религиозных организаций:

1. Некоторые ученые сравнивают «миссию организации» с «установлением повестки». Политолог Чарльз О. Джонс точно назвал формирование повестки политикой доведения проблем до правительства [Rosenbaum 2016, chap. 1]. Розенбаум считает, что посредством деятельности этих организаций правительство может включить вопрос об экологии в официальную повестку дня. Миссия не только помогает получить точную оценку организации, но и определить ограничения деятельности организации и представить их различным правительственным отделам. Основываясь на опросе, организации, которые исследуются, имеют разные миссии, а именно – просвещение общественности, влияние на государственную политику, обучение политиков, сбор средств для защиты интересов, поощрение присутствия на правительственных слушаниях / мэрии, помощь своим членам и сторонникам участвовать в митинге / марше / протесте, контактировать с членами законодательного собрания штата, контактировать с членами исполнительной власти штата, контактировать с членами Конгресса, контактировать с членами федеральной исполнительной власти, запрашивать денежные взносы и участвовать в политических кампаниях. Ассоциации, или неправительственные организации, в США активны во многих областях, особенно в социальных и гражданских вопросах, таких как иммиграция, аборт, энергетическая безопасность, налоговая справедливость, прожиточный минимум, рабочие места; доступ к демократии, здравоохранению, гражданству, жилью; национальная безопасность; безопасность человека; религиозная свобода и права человека и т. д.

Таблица 1

Миссия организации

Варианты ответа	Ответы, в %	
Просвещение общественности	73.68	14
Влияние на государственную политику	68.42	13
Обучение политиков	57.89	11
Сбор денег для защиты интересов	15.79	3
Сбор денег для поддержки политических кандидатов	0.00	0

Другое (укажите, пожалуйста)	21.05	4
	ответили	19
	пропущено	1

2. К сожалению, эти ассоциации не очень хорошо работают над вопросами государственной политики защиты окружающей среды. Хотя на основании опроса, 84,21 % респондентов заявили, что работают над экологическими проблемами, когда вы подробно изучаете экологическую деятельность этих ассоциаций, вы понимаете, что у большинства из них нет четкой позиции по экологическим вопросам, особенно в двух основных тематических исследованиях: DAP и KXLP. Это означает, что эта очень важная социальная и человеческая проблема игнорировалась с точки зрения организаций. Более интересная проблема заключается в том, что большинство этих организаций (13, 14 и даже 16) пропустили вопросы, связанные с этими конвейерами. Это означает, что у них нет какой-либо заметной деятельности, связанной с вопросами государственной экологической политики.

Таблица 2

Тактика организации в отношении DAP

Варианты ответа	Ответы, в %	
Посещение правительственных слушаний /	28.57	2
Участвовать (участие) в митинге / марше / протесте	71.43	5
Нахождение в контакте с членами законодательного собрания штата	14.29	1
Связаться с членами государственной исполнительной власти	14.29	1
Связаться с членами Конгресса	71.43	5
Связаться с представителями федеральной исполнительной власти	85.71	6
Вклад денег	28.57	2
Участвовать в политических кампаниях	14.29	1
	ответили	7
	пропущено	13

Тактика организации в отношении KXLP

Варианты ответа	Responses, %	
Посещение правительственных слушаний / ратуши	50.00	3
Участвовать в митинге / марше / протесте	100.00	6
Связаться с членами законодательного собрания штата	16.67	1
Связаться с членами государственной исполнительной власти	16.67	1
Связаться с членами Конгресса	66.67	4
Связаться с представителями федеральной исполнительной власти	83.33	5
Вклад денег	0.00	0
Участвовать в политических кампаниях	0.00	0
	ответили	6
	пропущено	14

3. Как показывает опрос, встречи с законодателями и персоналом, создание коалиций, формирование общественного мнения, обсуждение политических разногласий между законодателями и администрацией, заполнение судебных исков, сотрудничество с другими организациями для установления партнерских отношений, установление прямого контакта с законодателями, сотрудниками, членами Конгресса, исследования услуг, организация брифингов по вопросам политики, организация общественных мероприятий и участие в мероприятиях по сбору средств – главные функции лоббистов.

4. Некоторые общественные деятели считают, что деньги (наличие денег, бюджет) – самый важный фактор, влияющий на законодателя. Ни один из респондентов не считал, что деньги влияют на разработку или реализацию экологической политики. Однако большинство из них согласилось с тем, что законодатели часто голосовали в соответствии со взглядами участников их кампании.

Таблица 4

Роль денег в законодателе

Варианты ответа	Ответы, в %	
Деньги избирательной кампании часто используются, чтобы повлиять на (избирателей) способ голосования законодателей	35.29	6
Деньги не влияют на разработку или реализацию экологической политики	0.00	0
Пожертвования не гарантируют, что законодатель проголосует за вашу позицию, но они купят доступ к обсуждению политики	23.53	4
Законодатели часто голосуют в соответствии со взглядами участников кампании	41.18	7
	ответили	17
	пропущено	3

5. Большинство защитников окружающей среды считают, что эффективная организация людей и ресурсов является ключевым фактором успешной защиты окружающей среды. Исследование показывает, что 100% респондентов согласны и полностью согласны с тем, что эффективная организация играет ключевую роль в защите окружающей среды. Таким образом, организация (объединение) общества – важнейший фактор защиты окружающей среды.

Таблица 5

Ключевая роль эффективной организации людей в защите окружающей среды

Варианты ответа	Ответы, в %	
Полностью согласен	35.29	6
Согласен	64.71	11
Не согласен	0.00	0
Категорически не согласен	0.00	0
Не знаю / не определился	0.00	0
	ответили	17
	пропущено	3

Обсуждение и интерпретация

Раздел «Обсуждение и интерпретация» посвящен формулированию ответов на основные вопросы исследования и защите ответов путем объяснения достоверности ответов и демонстрации недостатков других работ. Отображение релевантных результатов и того, как ответы подтверждаются результатами, объясняя, как ответы соответствуют существующим знаниям и опыту; предложения и прогнозы для будущих исследований – вот три основные части этого раздела.

1. Заявление о результатах

1.1. Представление характеристик

Религиозная деятельность имеет в США глубокие корни. Отвечая на первый вопрос об основных характеристиках наиболее важных групп религиозного лобби США, мы сосредоточились на четырех кодах: 1) агенты; 2) структура; 3) сфера деятельности; 4) фонды. Согласно опросу, эти организации являются крупными и влиятельными, большинство из них ориентированы на программы, а не на персонал. Такие агенты, как члены, подписчики и участники, составляют важный фактор эффективности организации. Изучаемые здесь группы разными способами пытаются увеличить количество своих агентов. Комиссия по этике и религиозной свободе¹ представляет более 40 % всех баптистов мира. Церковь – это не демократическая, а иерархическая система, у нее есть эффективные способы слышать озабоченности и проблемы людей, чтобы больше адептов. Некоторые другие организации, такие как Американский еврейский комитет², СЕТЬ³, и мусульманский совет по связям с общественностью⁴ старались не приводить точную статистику о своих членах.

Другой важной особенностью религиозных групп является такая структура, как офисы, отделения и иерархия. Структура помогает им

---

¹ ERLC

² AJC

³ В декабре 1971 г. группа сестер-католиков проголосовала за создание общенациональной «Сети» религиозных женщин, которые будут участвовать в политической деятельности на федеральном уровне за социальную справедливость.

⁴ MPAC

следовать целям организации. Лоббисты ERLC считают, что структура необходима для организации волонтеров, доноров и др., которые следят за повесткой дня. Структура АЖС определяет свою политику и приоритеты, управляет бизнесом и операциями организации и различает функции лоббистов, работающих полный и неполный рабочий день. Лоббисты Сети считают, что структура является единственным инструментом для организации деятельности как в штатах, так и на федеральном уровне. Для лоббистов USCCB эта структура представляется важной частью разработки политики, направленной на содействие единства христианских церквей мира и развитие отношений с другими религиями.

Другой аспект религиозных групп имеет два измерения: физическое (федеральные, государственные и местные офисы) и ментальное (работа с местной администрацией, выборными должностными лицами и межгрупповыми / межрелигиозными партнерами). Лоббисты ERLC и АЖС говорят, что предварительные шаги в разработке федеральной политики всегда базируются на мнении штата и даже на местном уровне. Они представляют интересы избирателей. МРАС не имеет отделений в США. Их лоббисты работают внутри федерального правительства. Несмотря на коммуникацию с местным населением, их приоритетом является национальная политика.

Следующим аспектом религиозных групп были средства (бюджеты), полученные от сбора пожертвований, правительственной помощи и грантов. Поскольку большая часть деятельности лоббистов ERLC осуществляется добровольно, денежные пожертвования являются для них важным фактором. Основными источниками бюджета являются пожертвования и гранты. При этом грант предоставляется для поддержки организации от корпорации или государственного агентства, или присуждаются для определенной программы или цели. МРАС настаивал на том, что они не принимают деньги ни от одного партнера.

1.2. Заявление о миссии

Отвечая на вопрос о миссии лоббистских групп США, исследование сосредоточилось на двух концепциях: позитивная миссия и негативная миссия. Распространение Евангелия Иисуса Христа и защита религиозной свободы и человеческого процветания были

миссией ERLC. Предотвращение нарушения гражданских и религиозных прав евреев, смягчение последствий преследований, повышение благосостояния еврейского народа и продвижение прав человека и демократических ценностей было миссией АЖС. Миссией Сети, как общенациональной «Сети» религиозных женщин, была социальная справедливость посредством работы над вопросами международной бедности, минимальной заработной платы, ухода за детьми, защиты потребителей, окружающей среды, прав сельскохозяйственных рабочих, здравоохранения, налоговой справедливости, реформы социального обеспечения, прав женщин и иммиграционная реформа; защита населения, которое исторически подвергалось дискриминации из-за своей расы, пола или социально-экономического статуса. Продвижение социальной справедливости соответствует целям лоббирования внутри Конгресса, обучение людей профессионализму и поощрение их к участию в политике – это миссия МРАС. Прекращение дискриминации мусульман и прекращение программ против американских мусульман – еще одна особенность миссии МРАС. Миссия USCCB состоит в сплочении католических церквей, католических епископов, в пастырском служении и политической работе в решении проблем иммиграции, беженцев, религиозной свободы, борьбы с бедностью, защите жизни и брака. Невмешательство в политические вопросы, такие как Иранское соглашение (СВПД), является негативной миссией ERLC.

Как уже упоминалось, изучаемые здесь организации имеют разные миссии. Тем не менее «сбор денег для поддержки политических кандидатов» не является миссией ни для одного из них. Это означает, что они не вмешиваются напрямую в политические дебаты. Они более активны в социальных и гражданских вопросах.

Организации мало работают над вопросами государственной экологической политики, и этот важный пункт не является частью их миссии или повестки дня. У них нет четкой позиции по вопросам окружающей среды, особенно в двух основных тематических исследованиях – DAP и трубопроводы KXL.

1.3. Понимание механизмов правоприменения

Отвечая на очередной вопрос о центральных механизмах принуждения и лоббистских задачах лоббистских групп США, мы сосредоточились на восьми следующих концепциях.

Сотрудничество с другими религиозными и нерелигиозными группами, например, правительством, с людьми, принадлежащими к их конфессии, является приоритетом для всех исследуемых организаций. Общение с широкими массами и элитами – это беспроегрешный метод, их лозунг «Я – избиратель», и членами правительства. Социализация идеи путем обсуждения ее с другими группами и их убеждения является важным фактором при голосовании. Как сказал Бенджамин Франклин: «Вы собираетесь жить вместе или жить отдельно?» Создание коалиций также полезно для организаций, поскольку расширяет их возможности, и упрощает доступ к Конгрессу и Белому дому.

Использование механизма петиции в качестве официального письменного запроса к властям также является приоритетным для организаций. ERLC использует этот метод для поддержки церквей в местных сообществах и просит людей подавать петиции, если это необходимо для защиты религиозной свободы и человеческого процветания. Лоббисты СЕТИ просят своих участников подписать петицию, особенно по вопросам здравоохранения, и после того, как доставят петицию персоналу, они проводят работу с прессой. Что касается работы МРАС, то они, веря в эффективность петиций, сами этого не делают, доверяя правительству. Проинтервьюированные АЖС и USCCB предпочли пропустить вопрос о механизме подачи петиций..

Механизм, посредством которого лоббисты предоставляют законодателям исследовательские услуги или материалы и предоставляют публичные или частные документы с изложением позиции, является важным в правоприменении. У лоббистов ERLC есть публикации, основанные на Евангелии, они рассказывают о проблемах современного общества, религиозной свободе, окружающей среде, усыновлении и т. д. – это также основная задача и лоббистов МРАС.

Работа с законодательными органами – ключевая роль лоббиста АЖС. Они координируют комитеты и направляют услуги организаций в области законодательства и предоставляют разнообразную информацию и данные для членов Конгресса, а также организуют брифинги по вопросам политики. NETWORK находится в контакте с ответственными лицами, принимающими решения и ключевыми законодательными органами. МРАС считает, что штатные сотрудники действуют в качестве заместителей руководителя в офисах членов Конгресса. В интервью сообщалось о взаимоотношениях между штатными сотрудниками и лоббистами.

Система оценочных карточек – это эффективный метод для сенаторов и депутатов Палаты представителей, которые могут поддержать законопроекты и голосуют за них или не поддерживают и голосуют против или являются нейтральными. Представители NETWORK считают, что это будет очень полезно для переизбрания члена палаты. Другие организации не имеют оценочных карточек. Таким образом, было найдено очень мало материала в интервью по вопросу использования оценочных карточек для оценки сенаторов и членов Палаты представителей.

Для лоббистов ERLC выполнение функций и предложение решений осуществляется волонтерами и различными заинтересованными группами и является важным механизмом в работе. Для AJS наиболее важными задачами лоббистов являются организация встреч, разработка и информирование о политических позициях, разработка справочной информации и брифингов, построение отношений и проведение встреч по защите интересов на Капитолийском холме, а также работа по продвижению организационных приоритетов на арене Конгресса. Для NETWORK организационная структура имеет на всех уровнях следующую тактику: статья в прессе, митинги и гражданское неповиновение, имеющие тенденцию влиять на членов Конгресса и католических священников для прямой и эффективной доставки запросов другим должностным лицам. Эффективная организация играет ключевую роль в адвокатской деятельности и является наиболее важным фактором поддержки политиков.

Механизмы коммуникации с людьми, религиозными и нерелигиозными организациями являются важными приоритетами для организаций. *Во-первых*, лоббистские группы осведомлены о таких аспектах, как общение с политическими партиями, неправительственными организациями (НПО), а также группами лоббирования и защиты интересов. Например, чтобы поддержать законопроект, единственный способ – связаться с членами законодательного собрания. *Во-вторых*, присутствие в СМИ во всем мире является необходимым условием выполнения миссии этих организаций. Социальные сети – отличный способ донести свое сообщение до друзей, сообщества и избранных должностных лиц. *В-третьих*, побуждение членов Конгресса выразить свою позицию, как правило, основано на телефонных звонках, поскольку члены Конгресса заявили, что телефонные звонки сильно влияют на их окончательное решение. *В-четвертых*, у всех организаций

есть множество инструментов для оповещения, будь то журналы, блоги, веб-сайт, Twitter, Facebook, Instagram и в социальных сетях.

1.4. Достижения Организации

Достижения религиозных организаций США на основе их миссии и повестки дня – эта категория была разделена на два основных кода: достижения по их миссии и повестке дня и достижения по экологическим вопросам, таким как DAP и KXLP. Респонденты из пяти основных религиозных организаций представили разные индексы этих кодексов. У религиозных групп было больше достижений в зависимости от их миссии и повестки дня. *Во-первых*, исследование по защите американских гражданских прав и их религиозной свободе можно найти в миссии и в повестке большинства этих организаций, и оно является основной его целью. Соответственно, прекращение программ, несовместимых с гражданским правом организации, было одним из их достижений. *Во-вторых*, защита групповой идентичности – еще одна из их миссий, и они добились в этом определенных успехов. Важными были четыре случая программы ФБР по поиску террористов, голливудский телесериал о семье мусульман по соседству, мусульманской девушке, которая работала в «Air France» и носила хиджаб, и американских мусульманках, которые ехали в Хадж без сопровождающего родственника. *В-третьих*, USSCB упомянул их сотрудничество с последователями других религий. Мусульманские, иудейские и христианские лидеры сделали заявление для СМИ, в котором говорится, что молитвенные дома не будут орудием насилия. *В-четвертых*, безуспешная попытка мобилизовать группы на законопроект против эвтаназии.

Удивительно, что в этих интервью не было отмечено каких-либо заметных достижений по экологическим вопросам. *Во-первых*, хотя эти организации общаются с активистами-экологами и природоохранными учреждениями, такими как фабрики и ассоциации в округе, их офис не принимает никаких решений по экологическим вопросам. *Во-вторых*, некоторые организации не занимались вопросами окружающей среды напрямую, а занимались второстепенной деятельностью и пытались интерпретировать ее как экологическую, такую как наличие четкой позиции по программе, связанной с погибающими пчелами. Изучив проблему гибели пчел, один из специалистов понял, что

отчасти она связана с использованием пестицидов; фермеры устроили демонстрацию, и правительство немедленно изменило соответствующий закон. *В-третьих*, из-за ограниченных ресурсов некоторым организациям приходится расставлять приоритеты и более эффективно использовать труд коллег. *В-четвертых*, экологическая проблема и защита окружающей среды – новая категория для церкви в США, поэтому они не выделяли на нее соответствующие ресурсы и бюджет.

2. Критика системы лоббирования

Система лоббирования в США не всегда является позитивным процессом, она имеет свои недостатки.

Во-первых, лоббирование в США основано на деньгах. Например, Саудовская Аравия имеет сильное влияние на исламские ассоциации в США, и правительство Саудовской Аравии нарушает очевидные принципы прав человека с помощью денег. Многие американские мусульманские департаменты и мечети получают деньги из Саудовской Аравии, и они не хотят упускать эту возможность.

Результаты текущего исследования подтверждают тот факт, что 80% лоббистов являются коммерческими лоббистами. Братья Кох были активны в американской политике, по крайней мере, с 1980 года. С 2008 года они организовали сеть либертарианских и «консервативных доноров», кандидатов, аналитических центров и других групп. На последних выборах в Конгресс они выделили 700 млрд долл. республиканским членам Конгресса.

Во-вторых, лоббирование в США основано на пассивном разговоре. Лоббисты считают, что их контакты с членами Конгресса очень трудны и маловероятны и зависят от того, кем является член Конгресса.

В-третьих, лоббирование в США иногда основывается на пассивном унижении. Хотя некоторые лоббистские группы несут ответственность или защищают жертв преступлений на почве ненависти, и издевательств в школах.

В-четвертых, лоббирование в США ориентировано на переизбрание. Это важный вопрос, почему люди лоббируют в Конгрессе. Потому что представители пытаются снова баллотироваться на должности, поэтому они проводят много времени в своих штатах, убеждая людей голосовать за них. Следовательно, у человека может быть

лобби от Индийской страховой компании, или лобби от фармацевтических компаний до фармацевтической промышленности, или лобби для религиозных организаций, или лобби по каждому важному вопросу. Почему члены Конгресса обязаны отвечать на запросы влиятельных людей и организаций? Потому что они хотят переизбраться. Члены Конгресса больше всего беспокоятся о том, чтобы остаться на своем посту. Это факт, которым нельзя пренебрегать. Когда кто-то идет поговорить с членом Конгресса в округе, это означает, что он или она является избирателем.

Заключение

Это исследование было проведено с целью ознакомления с особенностями нынешних американских религиозных групп и механизмами (влияния) принуждения их лоббистов. Основными характеристиками этих групп были агенты, структура, сфера деятельности и фонды. Кроме того, механизмами принуждения лоббистов были сотрудничество и коалиция, петиции, правовые инструменты, исследования, работа с персоналом, оценка с помощью оценочной карты, организация и общение. Организация также добилась некоторых достижений, используя свою повестку дня, включая свободу вероисповедания и прекращение некоторых правительственных инициатив. Экологические проблемы – DAP и KXLP – были достигнуты благодаря их деятельности, не входящей в повестку дня.

Сосредоточившись на характеристиках, миссии, механизмах правоприменения и достижениях религиозных организаций, в настоящем исследовании были сделаны следующие выводы.

Во-первых, почти все изучаемые здесь организации используют современные и эффективные коммуникативные технологии для установления хороших отношений с членами, подписчиками и участниками (страница Facebook и учетная запись Twitter, электронная почта, почта и телефон).

Во-вторых, «эффективная организация людей и ресурсов» является ключевым фактором успешной адвокатской деятельности. Это означает, что организация общества является наиболее важным фактором поддержки политиков.

В-третьих, исследуемые группы разными способами пытались увеличить количество своих агентов.

В-четвертых, американские религиозные группы настаивали на том, что структура необходима для организации добровольцев, жертвователей и всех их членов, подписчиков и участников.

В-пятых, миссия организации так же важна, как ее структура, средства и агенты. Миссия не только помогает получить точную оценку организации, но также помогает определить ограничения деятельности организации. Просвещение общественности и политиков, влияние на государственную политику и политиков, сбор средств и внесение денежных средств являются основной миссией религиозных объединений США.

В-шестых, лоббисты играют важную роль в преуспевании религиозных групп. Встречи с законодателями и персоналом, создание коалиций, формирование общественного мнения, обсуждение политических разногласий между законодателями и администрацией, судебные иски, сотрудничество с другими организациями в целях партнерства, прямой контакт с законодателями, сотрудниками, членами Конгресса, исследовательские службы, организация брифингов по вопросам политики организация общественных мероприятий и участие в мероприятиях по сбору средств – главные функции лоббистов.

Тем не менее необходимо провести дополнительные исследования по теме влияния религиозных объединений на решение экологических проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Biel A., Nilsson A.* Religious values and environmental concern: Harmony and detachment. *Social Science Quarterly*. 2005. Vol. 86(1). Pp. 178–191.
- Casanova J.* Public religions in the modern world: University of Chicago Press, 2011.
- Collier C.* All politics is local: family, friends, and provincial interests in the creation of the Constitution: UPNE, 2003.
- Creswell J. W.* Research design: Qualitative, quantitative, and mixed methods approaches: Sage publications, 2017.
- Dolan J. P.* The American Catholic experience: A history from colonial times to the present: Image, 2011.
- Eckberg D. L., Blocker T. J.* Varieties of religious involvement and environmental concerns: Testing the Lynn White thesis // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1989. Pp. 509–517.

- Gallup G., Castelli J.* The American Catholic people: Their beliefs, practices, and values. 1987.
- Greeley, A. M.* Religious change in America. Harvard University Press, 1989.
- Guth J. L., Green J. C., Kellstedt L. A., Smidt C. E.* Faith and the environment: Religious beliefs and attitudes on environmental policy // *American Journal of Political Science*. 1995. Pp. 364–382.
- Hand C. M., Van Liere K. D.* Religion, mastery-over-nature, and environmental concern // *Social Forces*. 1984. Vol. 63(2). Pp. 555–570.
- Hayes B. C., Marangudakis M.* Religion and environmental issues within Anglo-American democracies // *Review of Religious Research*. 2000. Pp. 159–174.
- Henderson J. W., Pisciotto J. O., & Pisciotto J. L.* Faithful economics: the moral worlds of a neutral science: Baylor University Press, 2005.
- Hope A. L., Jones C. R.* The impact of religious faith on attitudes to environmental issues and Carbon Capture and Storage (CCS) technologies: A mixed methods study // *Technology in Society*. 2014. Vol. 38. Pp. 48–59.
- Kimmins J. P.* Forest ecology. Fishes and forestry // *Worldwide watershed interactions and management*. 2004. Pp. 17–43.
- Koempel M. L., Schneider J.* Congressional deskbook: The practical and comprehensive guide to Congress. TheCapitol.Net, 2007.
- Lovelock J. E.* Gaia: And the theory of the living planet: Gaia. 2005.
- Rosenbaum W. A.* Environmental politics and policy. CQ Press, 2016.
- Salant P., Dillman I., Don A.* How to conduct your own survey: New York: John Willey, 1994.
- Sherkat D. E., Ellison C. G.* Structuring the religion-environment connection: Identifying religious influences on environmental concern and activism // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2007. Vol. 46(1). Pp. 71–85.
- Wuthnow R.* The restructuring of American religion: Society and faith since World War II. Princeton University Press, 1988.
- Yandle B.* The market meets the environment: Economic analysis of environmental policy. Rowman & Littlefield, 1999.

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2021_2_843_206

С. Н. Артёмов, Л. В. Артёмова

Артёмов С. Н., доктор исторических наук, профессор
профессор кафедры исторических наук и архивоведения
Института гуманитарных и прикладных наук
Московского государственного лингвистического университета
ar7emov.ser@yandex.ru

Артёмова Л. В., кандидат исторических наук, доцент
доцент кафедры социально-культурных дисциплин
Военного университета Министерства Обороны РФ
ar7emov.ser@yandex.ru

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ КРЕСТЬЯНСКОГО И КАЗАЧЬЕГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РЕШЕНИИ АГРАРНОГО ВОПРОСА В 1917 ГОДУ

Статья посвящена одному из важных компонентов аграрной революции деятельности областных, отдельных съездов на Юге России в 1917 году. На основе архивных документов и материалов показано их влияние на деятельность сельского населения при формировании отношения к частной собственности. Рассмотрена правотворческая деятельность местного населения, показано стремление крестьян к изменению существующих порядков и уравнительному землепользованию через резолюции крестьянско-казачьих съездов.

Ключевые слова: Временное правительство; аграрная реформа; земельные комитеты; частная собственность; аграрные отношения; крестьянско-казачьи съезды.

S. N. Artemov, L. V. Artemova

Artemov S. N., Doctor of History (Dr. habil), Professor
Professor of the Department of Historical Sciences and Archival Science
Institute of Humanities and Applied Sciences
Moscow State Linguistic University
ar7emov.ser@yandex.ru

Artemova L. V., PhD (History), Associate Professor
Associate Professor of the Department of Social and Cultural Disciplines
Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
ar7emov.ser@yandex.ru

REPRESENTATIVE BODIES OF PEASANT AND COSSACK SELF-GOVERNMENT IN SOLVING THE AGRARIAN QUESTION IN 1917

The article is devoted to one of the essential components of the agrarian revolution of the activity of regional and republican congresses in the South of Russia in 1917. On the basis of archival documents and materials, their influence on the activities of the rural population in the formation of attitudes to private property is shown. The author considers the law-making activity of the local population, shows the desire of the peasants to change the existing order and equalize land use through the resolutions of the peasant-Cossack congresses.

Key words: Provisional government; agrarian reform; land committees; private property; agrarian relations; peasant-Cossack congresses.

Введение

События, произошедшие в 1917 году, наложили отпечаток на политическое и экономическое развитие страны. Изменения общества за короткий период времени не могут не интересовать историков, особенно изменение крестьянского пласта с нерешенными аграрными проблемами. Сельскохозяйственная тематика, неразрывно связанная с продовольственной проблемой, не теряет своей актуальности, а только эволюционирует, что подтверждается количеством региональных исследований по истории российского крестьянства.

Рассмотрение деятельности органов местного самоуправления, образованных Временным правительством – продовольственных и земельных комитетов, Главного земельного комитета, Лиги аграрных реформ и особенно крестьянских и казачьих съездов представляет интерес в том смысле, что отражает совокупность внутренних противоречий крестьян, казаков, иногородних, горцев – как внутри сельского общества, так и между властью и крестьянством.

На Юге России все слои населения наделяли своих представителей правотворческими полномочиями, поэтому съезды стали объектом острейшей политической борьбы: принимали местные решения о формах земельной собственности, обсуждали принципы налогообложения, о засевах пустующих земель, об аренде и т. д.

На съезде вопрос о землепользовании неизменно вызывал горячие споры между сторонниками различных программ, что дает возможность проследить изменение в отношении крестьян к формам отчуждения земельной собственности и аграрным преобразованиям

и определить, почему разные социальные слои не перешли на сторону Временного правительства, поддержав в начале эсеров, а затем большевиков.

В первой половине 1917 года Временное правительство попыталось ввести в рамки «правового поля» аграрные преобразования и приняло ряд постановлений, дав надежду крестьянам о грядущих преобразованиях в аграрной сфере. Важным для правительства была организация снабжения армии и городов продуктами питания, и чтобы не допустить сокращения размеров посевов, 11 апреля Положением «Об охране посевов» Временное правительство наделило продовольственные комитеты правом принудительной аренды незанятых площадей по установленным местным комитетом средним ценам, тем самым признавая официальную возможность на местах самим крестьянам регулировать земельные отношения внутри деревни (*Вестник Временного правительства*, № 28, 11.04.1917). Чтобы не тратить семенной запас, многие земельные собственники стремились не засеять свои участки из-за отсутствия рабочей силы и опасения за сбор урожая, что, в свою очередь, вызывало возмущение новой власти, которой необходимо было заботиться об обеспечении продовольствием армии и города.

Конечно, данное Постановление вызвало неоднозначную реакцию у населения, с одной стороны, недовольство крупных землевладельцев, с другой – не был прописан механизм отчуждения пустующих земель. Это должны были сделать председатель и члены продовольственного комитета, которые фактически сами обязаны были определять степень нанесенного убытка и стоимость возмещения убытков, заниматься организацией производства посевов и определять стоимость арендной платы.

В результате изданный документ давал право вторгаться в частную собственность и регулировать использование земли на местах. Отсутствие инструкций объясняется просто, в правительстве не было ясности в решении аграрного вопроса, поэтому посредством передачи пустующих земель в аренду крестьянам, оно пыталось добиться спокойствия в деревне, а своим Обращением министр земледелия А. И. Шингарев от 1 мая гарантировал защиту помещичьего землевладения, т. е. возмещение убытков в случае крестьянских волнений (*ГА РФ, Ф. 1788, Оп. 2. Д. 177, Л. 48-48 об.*).

Сельскому населению предоставлялась возможность посредством деятельности продовольственных комитетов использовать пустующие земли, а через избранные самим местным населением земельные комитеты разрешать земельные споры и регулировать арендные отношения. При этом во всех постановлениях Временного правительства помещичьи земли назывались общенародным достоянием, а окончательно аграрный вопрос могло разрешить только Учредительное собрание. Поэтому отечественные историки, как правило, дают негативную оценку в решении аграрного вопроса Временному правительству, впрочем и реализации других проблем российского общества [Артёмов 2008 и др.]. Не отстают от них и западные исследователи [Figes 1990].

Крестьянство рассматривало меняющуюся политическую обстановку как полную замену существующих порядков, в том числе и в аграрном вопросе, ожидало реформ в надежде на улучшение материального и правового положения и, конечно, срочного претворения в жизнь аграрных преобразований.

Временное правительство предлагало аграрный вопрос решать после обсуждения его всех общественно-политических организаций и на основе гражданского согласия принять на Учредительном собрании.

Важную роль в данном вопросе сыграли крестьянские и казачьи съезды, проходившие на Юге России.

Крестьянско-казачьи съезды весной

На Юге России после первых постановлений Временного правительства, в преддверии весенне-полевых работ сельские жители ожидали более серьезных изменений в аграрном секторе. Конечно, они предполагали, что будут изъяты излишки у частных владельцев и ликвидированы крупные помещичьи землевладения, это было отражено в решениях первых крестьянско-казачьих съездов.

Целью первых съездов было желание организаторов довести до представителей с мест декларацию и постановления Временного правительства и направить аграрные преобразования в правовое русло. Но практика показала, что сельское население ожидало решительных действий, поэтому и наделяли своих представителей на съездах правотворческими полномочиями.

Делегаты осетинского народа во Владикавказе на съезде, поддержав Временное правительство и его первые решения при рассмотрении аграрного вопроса, сделали вывод, что в Осетии при современном состоянии политической и особенно экономической жизни земельный вопрос не отвечает современным требованиям, и предложили изъять все казенные земли для распределения их между безземельными и малоземельными крестьянами. «Все земли, оказавшиеся в действительном и бесспорном владении частных лиц без различия сословий, утвердить за ними по норме...» (*Терский Вестник*, № 53, 9.03.1917.). Это решение о перераспределении частной собственности должна была разработать особая комиссия и определить среднюю норму для Осетии, также утвердить ее на следующем съезде.

Необходимо помнить, что особенностью землепользования на Юге России было то, что основными владельцами земель были не помещики как в центре, а казаки. Они были обеспечены землей лучше, чем крестьяне, однако надельный пай с трудом обеспечивал удовлетворение нужд только одной семьи, и казачье войско рассматривало любую возможность об увеличении земель, прилегающих к войсковым наделам.

Казаки остро реагировали на любые изменения, происходящие в крестьянской деревне, и на I круге Общеказачьего учредительного съезда Терского войска определили «отстаивать свою собственность и по возможности приумножать ее» (*ЦГА РСО-А, Ф.20, Оп. 1. Д. 3345, Л. 123–124*). Крестьяне и иногородние (иногородцы – переселенцы, представители некоренного населения (в том числе казачьих земель)), в своих наказах представителям на местные съезды одним из требований предлагали решить свои проблемы именно за счет казачьих войсковых земель.

Необходимо отметить, в резолюциях казачьих съездов всех уровней отмечалось, что рассмотрение «отчуждения земель» с выкупом или без него в принципе невозможно, так как большинство беднейшего казачества также надеялось на увеличение земельного пая. Кроме того, чтобы не допустить волнений в станицах и прилегающих к ним селам и сохранить спокойствие, за их собственниками остаются земли крестьянских товариществ, крестьянские надельные и земли мелких собственников, находящиеся на территории казачьих войск.

Весной почти повсеместно проходили съезды в областях, округах, районах. В округах, где казаков проживало меньше, чем крестьянского

населения, съезды проходили очень бурно, особенно при обсуждении вопроса о землепользовании. Например, выборщики от поселков и хуторов Черкасского округа, 16 апреля в г. Александровске-Грушевске Донской области, приняли Резолюцию о передаче земли тем, кто ее обрабатывает самостоятельно, а деньги на выкуп «изыскать за счет царских, монастырских, княжеских и других капиталов» (*ГАРО, Ф. 863, Оп. 1. Д. 79, Л. 12, 58, 97*). У всех собственников излишки земли должны отбираться за выкуп, на условиях, которые должны быть определены в Учредительном собрании, т. е. на окружном съезде были озвучены решения сельских и волостных сходов.

Совершенно противоположной точки зрения придерживался областной казачий съезд, проходивший в это же время в Новочеркасске, в нем принимали участие донское дворянство и кулацкая верхушка казачества. В связи с тем, что в нем также приняли участие все существующие органы власти, съезд признал себя самым «правомочным» в крае собранием, на решения которого должны равняться все вновь избранные органы власти. В Резолюции «О пользовании землей и всеми ее угодьями» указывалось, «все земли портовые и войсковые запасные составляют собственность Донской войсковой казачьей земельной общины» (*Приазовский край, 3.05.1917*).

Съезд еще раз подтвердил об неизменении существующего землепользования, что земли крестьянских волостных и сельских обществ, наделенные и приобретенные, составляют собственность данных обществ. Но, с другой стороны, решение земельного вопроса для них предусматривалось переделом земли внутри обществ, то есть крестьянские хозяйства, имеющие землю, превышающую трудовую норму на «общем основании» должны излишки передать в общий фонд для дальнейшего распределения. Тем самым съезд заявил о готовности рассматривать аграрный вопрос, даже наделить коренных крестьян землей, при этом не меняя казачьего землепользования. Что касается иногородних, составляющих большинство крестьянского населения области, то их положение на съезде не обсуждалось и наделение землей не предусматривалось. Важно обратить внимание на фактическое запрещение не казакам заниматься рыболовством, рубить лес, добывать соль в озерах «недра земли, соль в озерах, леса и рыболовные угодья принадлежат войску, коему единственно принадлежит право промысловой эксплуатации» (*Приазовский край, 30.04.1917*).

9 апреля в Екатеринограде на съезде представителей населенных пунктов участвовали более 1000 выборщиков. Среди них были даже представители иногородних. Первым делом съезд еще раз утвердил права паевой земли и войсковое имущество казаков. Вопросы о землевладении и о землепользовании вызвали бурные споры между представителями различных категорий местного населения, и чтобы не доводить до кровопролития, земельный вопрос был снят с обсуждения на съезде¹. Иногородние настоятельно требовали отменить посаженную плату, но в резолюции съезда лишь отмечалось о возможности «проработки» данного вопроса. Конечно, казакам было невыгодно отменять посаженную плату, так как она составляла одну из статей дохода станицы.

Областные и губернские съезды выдерживали стратегию Временного правительства, показывая, что аграрный вопрос находится в стадии рассмотрения, и основные решения будут приняты Учредительным собранием. Но весенне-полевые работы, острая нехватка земли вынуждали малоземельное крестьянское население решать свои насущные проблемы безотлагательно, и чтобы опираться в своих действиях не только на Положение «Об охране посевов», но и на решения местных съездов, требовали принятия конкретных резолюций, отражающих постановления сельских сходов о перераспределении земли.

Представители хлеборобов Кубанской области (более 150 человек) 18 апреля принимают Постановление, в котором указывается, что земля должна стать общенародным достоянием и перераспределена между всеми трудящимися, «чтобы ее мог получить всякий для обработки личным трудом» (*ГАКК, ФР. 411, Оп. 2. Д. 290, Л. 75*). Проходящий параллельно в станице Хоперской крестьянско-казачий съезд призвал выбрать в каждой станице комиссию по учету земель и перераспределить ее без выкупа «в уравнительное пользование трудового народа» (*«Земля и воля», Армавир, 22.04.1917*).

По-другому решили поступить новые власти Ставропольской губернии, в апреле объявили созыв первого губернского крестьянского съезда. Для этого каждому сельскому обществу необходимо было выбрать делегатов, подготовить указы по форме правления в России по вопросу о землеустройстве. Таким образом, сельское население

---

¹ Резолюции, принятые съездом уполномоченных от населенных пунктов Кубанской области, состоявшемся 9–18 апреля 1917 г. в Екатеринодаре.

было вовлечено в законотворческую работу, и все волости прислали своих делегатов и предоставили наказы. Практически все крестьянские сходы включали требование об отмене частной собственности на воду и недра, земля должна быть изъята у собственников и «отойти государству без выкупа» (*ГАСК, Ф. 2449, Оп. 1. Д. 3, Л. 2–32*). Наказы содержали требование наделять всех желающих и имеющих возможность обрабатывать землю безвозмездно.

В заседаниях общегубернского съезда участвовали 377 представителей, в прениях выступили 83 делегата. Съездом руководили представители партии эсеров, на нем приняли программу, включающую социализацию земли и уравнительное землепользование. Программа полностью отвечала требованиям малоземельного крестьянства и иногородних. Все заседания съезда с выступлением делегатов подробно печатала газета «Северокавказское слово», участники хотели, чтобы обо всех решениях узнало как можно больше сельского населения губернии. Резолюция носила декларативный характер, «частная собственность на землю навсегда уничтожается, и земля не может быть ни продаваема, ни покупаема. Землю в пользование на уравнительном трудовом начале должен получить тот, кто мог обрабатывать ее своим трудом» (*Северокавказское слов, 3.05.1917*).

Уездные собрания поддержали Резолюцию Ставропольского губернского съезда. Практически во всех округах Донской области прошли крестьянские съезды, в резолюциях они отражали требования местного крестьянства и сыграли важную роль в формировании их позиций в отношении к решениям казачьих съездов.

В Саратове губернский крестьянский съезд (более 400 человек), обсудив вопросы об отношении к Временному правительству, о государственном устройстве, земству в Резолюции по аграрному вопросу не допускали захвата земель до решения вопроса Учредительным собранием, как отдельными крестьянами, так и обществами («*Земля и воля*», *13.04.1917*).

На первом крестьянском съезде Донской области, проходившем 13 дней, участвовали более 1000 человек – по 5 делегатов от каждой волости, были приняты «основные положения о землепользовании». В них говорилось об отмене частной собственности на землю, земля должна перейти к тем, кто ее обрабатывает без выкупа, «пользование землею должно быть уравнительно-трудовым...» (*ГАРО, Ф. 863, Оп 1*).

Д. 5, Л. 38–42). Поддержав решения сельских волостных Советов, окружных съездов, резолюция решение аграрного вопроса откладывала до Учредительного собрания, категорически запретив менять существующие аграрные взаимоотношения.

Весной на Юге России повсеместно состоялись областные, краевые уездные съезды представителей разных слоев населения, на которых одним из основных был вопрос о землепользовании. Съезды казаков отстаивали существующее землепользование, их поддерживали земельные собственники, представлявшие населенные пункты областей и горских народов. Делегаты от крестьян и иногородних на съездах, как правило, поддерживали программу, предложенную эсерами.

Следует отметить вовлеченность местного населения в правотворческую работу для подготовки наказов вначале на местные съезды, а затем на I Всероссийский съезд крестьянских депутатов, т. е. решения, выработанные на сходах в волостях и собрания в уездах, были намного радикальнее резолюций, принимаемых на съездах. Сельское население через свои продовольственные комитеты выявляли пустующие земли, изымали их у собственников и наделяли ими нуждающихся крестьян. Предварительно выясняли у собственников, сколько земли они в состоянии обработать собственными силами, а остальную сдать в аренду, при этом снижали арендную плату за землю до 6 руб. за десятину, руководствуясь решениями сельских сходов и Благодарненского уездного комитета (*ГАСК, ФР. 37, Он. 1. Д. 4, Л. 17*).

В Хоперском, Таганрогском и Ростовском округах крестьяне «самочинно» делят сенокосные угодья, племенной скот, в некоторых местах захватывают земельные участки, «местные комитеты и милиционеры содействуют захватам», сообщалось в Главное управление по делам милиции (*ГА РФ, Ф. 1791, Он. 2. Д. 145, Л. III. Л. 128*).

Таким образом, сельское население, опираясь на решения съездов, сходов постепенно приступало к изменению существующего землепользования, и обнаружив вскоре попустительство, а в дальнейшем бессилие властей обрело уверенность в правильности своих действий, или в своей безнаказанности.

Изменение аграрных отношений летом

В летний период в связи с уборочными работами активность в волостях и станицах местного населения несколько снизилась, но

в губернских и областных центрах работа по осуществлению наказов Временного правительства продолжалась.

В Астрахани в начале июня собрался первый губернский съезд в количестве 300 делегатов. Представители с мест обращали внимание присутствующих на пастбищные угодья калмыцкой и киргизской степей и настаивали на полном совместном пользовании землями и водами, также требовали уравнивать крестьянские и казачьи наделы. Конечно, данные требования были проигнорированы казачьей верхушкой, и в резолюции решение земельного вопроса было отложено до Учредительного собрания.

Казачи резко отреагировали на предложения съезда, и на сессии большого войскового круга Астраханского войска (100 делегатов) решили увеличивать собственные войсковые земли путем покупки её на средства казны. В то же время все земли войска объявлялись его неотъемлемой собственностью, а земли, занимаемые крестьянами, оставались в распоряжении последних (*Астраханский листок*, 21.06.1917).

Кубанский областной съезд Советов крестьянских и казачьих депутатов состоялся 14 июня в Екатеринодаре, основная задача съезда заключалась в разработке предложения по землепользованию для Учредительного собрания. Предлагалось все земли передать в уравнильное пользование трудового народа, особенно акцентируя внимание о передаче государству воды, лесов, недр, т. е. угодий, которые казачья знать стремилась оставить за собой (*Кубанский край*, 30.05.1917). В казачьих областях это требование носило особый характер, в отличие от других регионов, потому что было направлено на уничтожение сословно-казачьей системы землепользования, практически не затрагивая интересы рядового казачества.

В Нальчинском округе для предотвращения самовольных захватов земель созвали съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, куда были приглашены представители крестьянства. Проводя разъяснительную работу о задачах Временного правительства в решении земельного вопроса, постановили «самоуправные захваты земель до Учредительного собрания считать недопустимыми» (*Терский Вестник*, № 30, 1917).

В летние месяцы, опираясь на решения I Всероссийского крестьянского съезда, сельское население приступило к обсуждению вопросов, связанных с изменением аграрных отношений посредством

деятельности новых избранных земельных комитетов. Но не во всех областях они были организованы, например, на Кубани, не желая проводить какие-либо изменения в аграрном секторе, организация земельных комитетов была запрещена, но местное население, опираясь на решения съездов и постановления правительства, самостоятельно их избирали, содержали за собственные средства и выполняли их решения.

Летом в резолюциях съездов меняются формулировки о собственности на землю, крестьянство выражает уверенность в том, что изменение землепользования будет санкционировано высшей властью на Учредительном собрании. Поэтому деятельность земельных комитетов, по их мнению, должна быть направлена на урегулирование текущих аграрных отношений, а материалы предоставят Главный земельный комитет и Лига аграрных реформ. Поэтому местные комитеты, опираясь на постановления съездов, должны определить систему переходных мер и не оставить земли незащищенными. Следует отметить, что в этот период на крестьянство огромное влияние имела партия эсеров, как правило, их представители, руководившие съездами. Нельзя обойти вниманием тот факт, что делегаты от волостей на съездах представляли агрессивно настроенных представителей села, этим и обусловлена радикальность принимаемых съездами решений.

Крестьянско-казачьи съезды осенью

Осенью в связи с наступлением полевых работ или с осознанием того, что решения съездов носят чисто декларативный характер, активность сельского населения была направлена на деятельность местных земельных комитетов, которые активно занимались урегулированием аграрных взаимоотношений. Многие из них явочным порядком под давлением крестьянской бедноты отбирали земли у собственников и распределяли их среди малоземельных и безземельных крестьян, лишь бы у них был инвентарь для обработки земли. Поэтому там, где проходили съезды, одним из обсуждаемых вопросов была деятельность земельных комитетов и их организация. Часто, объясняя неизменность существующего землепользования отсутствием земельных комитетов, так было на II съезде крестьян Терека, делегаты отмечали, что «Советы крестьянских депутатов и земельные комитеты в округе не организованы» (*Терский Вестник*, 30.09.1917).

Эсеры собирали областную конференцию с представителями из волостей, станиц и аулов, но столкнувшись с жестким отпором крупных собственников земли, не смогли провести свои требования, а лишь поддержали Всероссийский Совет крестьянских депутатов о передаче всех земель трудовому народу на основе уравнительного трудового пользования, отложив решение аграрного вопроса до Учредительного собрания.

Съезд Таганрогского округа Донской области в результате требований делегатов с мест поддержал деятельность земельных комитетов округа по учету и распределению под посев неиспользуемых помещичьих земель, установлению «приемлемых» арендных цен (*Вестник труда*, 24.09.1917). Таким образом, осенью съезды фактически закрепляли действия местного населения через деятельность земельных комитетов по урегулированию земельных отношений.

Первый съезд иногородних прошел в Екатеринодаре в начале ноября, одним из основных был вопрос об организации земельных комитетов, так как они были запрещены краевой Радой, а вместо них было предложено создать земельные комиссии. В выступлениях делегаты отмечали рост арендных цен в области с 15 до 120 рублей за лучшие земли, по их мнению, земельные комитеты могли бы предотвратить такие действия собственников. Большинство делегатов поддержали организацию таких комитетов в области (*Листок войны*, 10.11.1917). Следует отметить, что в области не смотря на запрет, во многих местах земельные комитеты были организованы и содержались за счет местных земельных собственников. Земельные комиссии, рекомендованные Кубанским правительством и Радой, не получили поддержки у крестьян.

Осенью значительно снизился интерес у сельского населения к общественным делам, большинство населения игнорировало сходы и собрания, военные действия интересовали мало, где было возможно, земельный вопрос решали самостоятельно через работу земельных комитетов.

Заключение

Дав оценку деятельности крестьянско-казачьих съездов в области аграрных взаимоотношений, можно говорить об их влиянии на консолидацию социальных сил в деревне, формировании общего усредненного мировоззрения на частную собственность и помещичье землевладение.

Как правило, в повестке дня на начальном этапе работы съездов обсуждались вопросы о продолжении войны, об отношении к Временному правительству и, конечно, о землепользовании. Весной съезды поддерживали Временное правительство, ожидая серьезных преобразований, особенно в аграрной сфере, так как объявленные широкие демократические свободы мало волновали крестьян, кроме того, принимались оборонческие резолюции, и в целом поддерживалась политика по продолжению военных действий до победного конца. После рассмотрения вопросов об организации работы местных властей неизменно рассматривался вопрос об аграрных преобразованиях.

Данный вопрос вызывал массу споров, конфликтов, и только надежда делегатов, что окончательно он будет решен Учредительным собранием, примеряла противоборствующие стороны. Но это не останавливало представителей с мест, и они принимали резолюцию о конфискации земли в государственную собственность. Постановления отстаивали общинный принцип землепользования, делался акцент на распределение земли между трудящимся населением.

В зависимости от состава съезда различные классово-политические силы предлагали свои решения аграрного вопроса. В резолюциях, постановлениях собраний, съездов предлагались варианты выхода из кризисной ситуации путем достаточно радикальных требований. В свою очередь казачьи съезды решительно выступали за неприкосновенность земель и сохранение существующих аграрных отношений, чем противопоставляли себя остальной части крестьянства.

Эсеры имели значительное влияние на крестьянство, на съездах принимались требования, отражающие их программу, стали разработчиками региональной земельной политики, организаторами аграрного движения. Резолюции съездов воспринимались сельским населением как правовая основа для подтверждения своей деятельности, направленной на урегулирование земельных отношений.

Органы местной власти, опираясь на постановления Временного правительства, отменяли решения местных съездов, провозглашая их незаконными, но остановить их реализацию у власти не было возможности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Артемов С. Н. Земельные комитеты в южных регионах России в 1917 – первой половине 1918 г.: становление и деятельность. Пятигорск;

- Невинномысск : ГОУВПО «НГГТИ», 2008. [Artemov, S. N. (2008). Zemel'ny'e komitety` v yuzhny`x regionax Rossii v 1917 – pervoj polovine 1918 g.: stanovlenie i deyatel`nost` (Land committees in the southern regions of Russia in 1917 – the first half of 1918: formation and activity). Pjatigorsk ; Nevinnomyssk : GOUVPO «NGGTI». (In Russ.)].
- Седов А. В. Крестьянские комитеты в 1917 году : (Идея, орг., статус). Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1990. [Sedov, A. V. Krest'yanskije komitety` v 1917 godu: (Ideya, org., status) (1990) (Peasant committees in 1917: (Idea, organization, status)). Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta. (In Russ.)].
- Фигес О. Русская крестьянская община в аграрной революции 1917–1918 гг. // Земельная община и крестьянская община в России. Коммунальные формы в имперском и раннесоветском обществе / под ред. Р. Бартлетта. Л., 1990. [Figes, O. (1990). Russkaya krest'yanskaya obshhina v agrarnoj revolyucii 1917–1918 gg. (The Russian peasant community in the agrarian Revolution of 1917–1918). In Bartletta, R. (ed.), Zemel'naya obshhina i krest'yanskaya obshhina v Rossii. Kommunal'ny'e formy` v imperском i rannesovetskom obshhestve. Leningrad. (In Russ.)].

УДК 327; 930.22

DOI 10.52070/2500-347X_2021_2_843_220

С. В. Воробьев, О. В. Матвеев

Воробьев С. В., доктор исторических наук
профессор кафедры международных отношений
Дипломатической академии МИД РФ
352147@gmail.com

Матвеев О. В., доктор исторических наук
профессор кафедры международных отношений
Дипломатической академии МИД РФ
matveev4you.autoreply@mail.ru

США В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТАТУСА ИРАКСКОГО КУРДИСТАНА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье представлены исторические аспекты формирования политического статуса Иракского Курдистана в XX–XXI веках. Акцентируется внимание на участие США в процессе самоопределения политико-государственной организации курдов, оцениваются причины обращения внимания администрации США на курдскую проблематику в аспекте борьбы с режимом С. Хусейна, характеризуется американо-курдское взаимодействие на фоне внутривнутриполитических противоречий в Ираке и Курдистане.

Ключевые слова: история международных отношений; самоопределение народов; Иракский Курдистан; политический статус Иракского Курдистана; США в формировании политического статуса Иракского Курдистана; помощь курдам; оппозиция режиму Саддама Хусейна; референдум о независимости курдов.

S. V. Vorobiev, O. V. Matveev

Vorobiev S. V., Doctor of History (Dr. habil)
Professor of the Department of International Relations
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
352147@gmail.com

Matveev O. V., Doctor of History (Dr. habil)
Professor of the Department of International Relations
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
matveev4you.autoreply@mail.ru

USA IN THE FORMATION OF THE POLITICAL STATUS OF IRAQI KURDISTAN: HISTORY AND MODERNITY

The article presents the historical aspects of the formation of the political status of Iraqi Kurdistan in the XX–XXI centuries. Attention is focused on the participation

of the United States in the process of self-determination of the political and state organization of the Kurds, the reasons for the attention of the US administration to the Kurdish issues in the aspect of the fight against the Saddam Hussein regime are assessed, American-Kurdish interaction is characterized against the background of internal political contradictions in Iraq and Kurdistan.

Key words: history of international relations; self-determination of peoples; Iraqi Kurdistan; political status of Iraqi Kurdistan; the United States in shaping the political status of Iraqi Kurdistan; assistance to the Kurds; opposition to Saddam Hussein's regime; referendum on Kurdish independence.

Введение

Самоопределение народов, как субъектов международных отношений, являлось и продолжает оставаться одной из острых полемических тем в научном сообществе. Причина этому не только в том, что процесс политического самоопределения соседствует в реалиях государственного существования с сепаратизмом. Особое внимание к проблематике основано на разновекторном отношении международного сообщества к подобным процессам вообще. Это позволяет существовать и различным стандартам восприятия самого процесса самоопределения. Восприятие усложнено еще и тем, что международная среда посредством своих участников пытается, иногда и неправомерно, оценивать процессы самоопределения того или иного народа собственными критериями. Не исключением из такого подхода стало и политическое самоопределение Иракского Курдистана. На протяжении эволюции политического статуса Курдистана на него оказывали воздействие различные внешние акторы, которые тем или иным образом стимулировали или замедляли процесс развития автономии. С уверенностью следует назвать такие из них, как США, Турция и Иран. Ведущим политическим игроком в процессе становления автономии курдов являлись Соединенные Штаты.

Участие США в формировании политического статуса Иракского Курдистана в XX веке

Как подтверждают изученные источники, в истории международных отношений на протяжении XX века у США и иракских курдов складывались весьма неоднозначные отношения. Так, во времена курдского восстания 1961–1975 годов курды предпринимали отчаянные попытки установить контакты с США, однако практически все

эти попытки заканчивались провалом. Только в 1972 году удалось установить секретные контакты между ДПК¹ и ЦРУ, однако после подписания Соглашения между Ираком и Ираном в Алжире в 1975 году все контакты были прекращены (*The long, winding history of American dealings with Iraq's Kurds // The Washington Post*)².

В 1980-е годы все попытки политических партий Курдистана тем или иным образом донести свою точку зрения до США наталкивались на полное противодействие со стороны Вашингтона, который в то время поддерживал хорошие отношения с правительством Саддама Хусейна и оказывал ему поддержку в войне против Ирана. В этой связи американцы были равнодушны к сообщениям о массовом нарушении прав человека в Курдистане и к использованию иракским правительством химического оружия против курдов [Мосаки 2011, с. 17–41].

Вплоть до начала 90-х годов XX века Саддам Хусейн являлся для США важным политическим и экономическим партнером, однако всё изменилось после вторжения Ирака в Кувейт, что привело к значительным сдвигам на Ближнем и Среднем Востоке. Тогда США с целью восстановления независимости Кувейта начали военную операцию против Ирака во главе коалиционных войск и выдворили иракские войска из Кувейта. Более того, тогда же Джордж Буш-старший активно обращался с призывами к иракскому народу о свержении Саддама Хусейна, что породило в курдах надежду на поддержку Запада и в конечном итоге привело к новому курдскому восстанию. Однако, после прекращения войны в Заливе, иракская армия подавила восстание курдов, которым США вновь не оказали никакой поддержки. В результате этого восстания в Курдистане произошла гуманитарная катастрофа, которая была чревата возникновением кризиса беженцев.

---

¹ ДПК (Демократическая партия Курдистана) была создана 16 августа 1946 года на подпольном съезде в Багдаде путем слияния трех существовавших до той поры организаций: «Рызгари» («Освобождение»), «Шорш» («Революция») и Сулейманийского комитета Демократической партии Иранского Курдистана. Прим. авт. – С. В., О. М.

² URL: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2017/10/17/the-long-winding-history-of-american-dealings-with-iraqs-kurds-2/?utm_term=.7443d39534ba (дата обращения: 15.03.2021).

В этой ситуации США наконец-то решили вмешаться и оказать помощь курдам. На то было несколько причин. Во-первых, этого требовало мировое общественное мнение в странах Запада, которое видело страдание курдов и просило США предпринять действия, чтобы их предотвратить. Таким образом, если бы США не вмешались и не спасли курдов, это ударило бы по имиджу США как главной защитницы демократии в мире. Во-вторых, этого требовало правительство Турции, которое считало, что назревший гуманитарный кризис приведет к появлению беженцев в Турецком Курдистане, что могло быть чревато усилением национального самосознания среди курдов, которое, в свою очередь, привело бы к беспорядкам в Турецком Курдистане. В противном случае Турция угрожала сама ввести войска в Ирак, что привело бы к еще большему хаосу в регионе [Мосаки 2011, с. 17–41].

В итоге, по предложению США, Совбез ООН принял резолюцию № 688, установившую зону безопасности севернее 36-й параллели¹. Руководствуясь положениями данной Резолюции США, Великобритания и Франция установили бесполетную зону на севере Ирака, ввели в эти районы свои наземные силы для обеспечения доставки гуманитарной помощи, и потребовали от иракского правительства покинуть эту территорию, что они и сделали в октябре месяце. После чего курды уже приступили к созданию институтов власти в автономии, находясь под защитой внешних сил от иракских войск.

Если до 1991 года США старались по большей части игнорировать курдский вопрос и поддерживать отношения с Саддамом Хусейном, что не способствовало укреплению курдской автономии, то после войны в Заливе США стали оказывать помощь курдам, что привело к созданию зоны безопасности на севере Ирака и началу процесса институционализации курдской автономии. После чего США стали оказывать преимущественно положительное влияние на развитие автономии.

Как свидетельствуют источники, территория Иракского Курдистана имела важное значение для США по целому ряду причин:

---

¹ Резолюция СБ ООН № 688 от 5 апреля 1991 г. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions-adopted-security-council-1991>(дата обращения: 20.03.2021).

1. Иракский Курдистан являлся соединяющим звеном между Европейским и Центральным региональными командованиями ВС США, а значит, мог использоваться как плацдарм для проведения совместных военных операций.
2. Южный Курдистан предоставлял возможность геополитически контролировать Ирак, так как курды являлись мощной политической альтернативой иракскому режиму и будущей основной внутрииракской оппозиции [Мосаки 2011, с. 17–41]. Контроль над Курдистаном позволял контролировать огромные энергетические ресурсы, а также пути их транспортировки, что являлось одним из важнейших направлений американской внешней политики в этом регионе (*Лазарев. Голос России, 22.09.1998*).
3. Курдистан был хорошим инструментом для оказания давления на Турцию, которая начала всё чаще проявлять самостоятельность в политике на Ближнем Востоке. Так, США постоянно шантажировали турков переносом военных баз из Турции в Курдистан, что привело бы к ослаблению оборонной мощи Турции.
4. Ситуация в Иракском Курдистане могла оказывать значительное влияние на положение в других частях этногеографического Курдистана, что предоставляло США возможность оказывать влияние на соответствующие страны, например Сирию или Иран.

Следует отметить, что необходимость военного присутствия США в Южном Курдистане в 90-х годах XX века была обозначена в стратегии национальной безопасности в форме приверженности «соблюдению режима бесполетных зон севером Ирака, помешать Саддаму Хусейну предпринять военную акцию против курдского меньшинства» (*Стратегия национальной безопасности США для нового столетия // НГ-сценарии, № 2, 10.02.1999*).

По всем вышеперечисленным причинам США стали активно оказывать помощь курдам, тем самым помогая им в создании автономии и эффективной системы управления. Стоит отметить, что расходы США на обеспечение безопасности курдов за период 1991–1995 годов превысили 1,2 млрд долл. США (*Cumhuriyet, 04.12.1995*). Таким образом, США уже стали играть роль фактора, стимулирующего дальнейшую эволюцию политического статуса Иракского Курдистана.

В 1990-е годы США столкнулись с очень большой проблемой в Курдистане, а именно – гражданской войной между ДПК и ПСК¹, которая вспыхнула в этом регионе в 1994 году и продолжалась до 1998 года. Эта война могла привести к расколу курдского движения, чем впоследствии мог бы воспользоваться Саддам, чтобы восстановить контроль над данной территорией. А это было очень невыгодно США. Более того, во время этой войны иракские войска вторглись в Курдистан и уничтожили базы иракской оппозиции, главной целью которой было противодействие режиму Саддама Хусейна.

Американцы намеревались создать единую мощную оппозицию режиму Саддама Хусейна внутри Ирака, главной частью которой должны были стать курды, то США приложили значительные усилия по преодолению внутрикурдского раскола. Так, в октябре 1996 года примирением сторон стал заниматься помощник госсекретаря США по Ближнему Востоку Роберт Пеллетро, проводивший в Анкаре переговоры с Масудом Барзани и Джалалом Талабани [Шахбазян 1997].

Затем, в 1998 году на смену «Анкарскому переговорному процессу» пришел «Вашингтонский мирный процесс», который отстранил от межкурдских переговоров Турцию, подрывающую достижение мира между ДПК и ПСК, после чего процесс стал идти более быстрыми темпами. Поворотным пунктом в урегулировании конфликта между ДПК и ПСК стал визит Дэвида Уэлча в Иракский Курдистан, состоявшийся 16–19 июля 1998 года. Именно благодаря деятельности этого дипломата было подготовлено Соглашение между ДПК и ПСК, подписанное спустя 2 месяца в столице США. В итоге 17 сентября 1998 года в Вашингтоне в присутствии госсекретаря США Мадлен Олбрайт состоялось подписание Соглашения между ДПК и ПСК, что являлось безусловной заслугой американской дипломатии [Мосаки 2011, с. 17–41].

Исходя из вышеизложенного, США после 1991 года не только помогали курдам в построении собственной автономии, руководствуясь собственными геополитическими целями, но также помогли

---

¹ ПСК (Патриотический союз Курдистана) – политическая партия Иракского Курдистана, основанная 1 июня 1975 г. Джалалем Талабани как Федерация ряда левых организаций (основные – Марксистско-ленинская лига Курдистана («Комала») и «Социалистическое движение Курдистана»). Прим. авт. – С. В., О. М.

урегулировать гражданскую войну в Курдистане, которая была чревата расколом курдского национального движения и курдской автономии. Этим США сыграли роль стабилизирующего фактора в эволюции политического статуса Иракского Курдистана, не дав этой эволюции остановиться.

Отметим, что к 1998 году, когда был урегулирован конфликт в Иракском Курдистане между США и РПК¹ сложились хорошие отношения. США активно оказывали помощь курдам и гарантировали им защиту от вторжения иракской армии, в то время как курды должны были бы являться для США будущим инструментом для свержения Саддама Хусейна. Однако несмотря на теплые отношения между сторонами наблюдался ряд противоречий.

Так, например, курды были не согласны с тем, что их хотели использовать как инструмент для свержения Саддама Хусейна и выступали против вооруженного восстания, а также за демократическое изменение режима в Ираке без участия внешних сил. Причин тому было несколько. Во-первых, курды помнили о том, как США поступили во время войны в Заливе, когда призывали поднять восстание против Саддама Хусейна, а затем отказали восставшим в поддержке. Во-вторых, Иракский Курдистан очень беспокоило то, что США не давали курдам никаких гарантий после возможной смены режима в Багдаде относительно будущего статуса их автономии. Наличие данных противоречий привело к тому, что в январе 1999 года ДПК отказалось от финансовой помощи США, предусмотренной на свержение Саддама Хусейна [Мосаки 2011, с. 17–41].

Позиция США по курдской проблеме сводилась к следующему: «Курдская проблема для США – не самоцель, а средство давления на других, в тех направлениях, в каких это выгодно американской

---

¹ РПК (Курдская рабочая партия; курд. Partiya Karkerên Kurdistan – РКК, *тур.* Kürdistan İşçi Partisi) с января 2000 г. – Демократический народный союз, с 4 апреля 2002 г. именовалась Конгрессом свободы и демократии Курдистана (KADEK). С 4 апреля 2005 г. снова продолжила деятельность под названием Рабочая партия Курдистана – организация, борющаяся за политические права курдов в Турции и создание курдской автономии в составе Турции. Признана террористической организацией многими странами мира, а также Евросоюзом, имеет также военное крыло – Народные силы обороны. Прим. авт. – С. В., О. М.

внешней политике. Цель США состояла не в том, чтобы обеспечить курдам свободное развитие и самоуправление, а в том, чтобы сделать их управляемыми. Их политический интерес в том, чтобы, используя курдов, установить в Ираке приемлемый для себя режим» (*Лазарев. Голос России, 22.09.1998*). Такой подход США не находил поддержки у курдов, которые в первую очередь стремились к независимости.

Однако, несмотря на существующие противоречия, курды понимали, что у них не было другого выхода, кроме как продолжать сотрудничать со Штатами и поддержать их в деле свержения Саддама Хусейна, так как они находились в окружении баасистского Ирака, Исламской Республики Иран и отрицающей курдскую идентичность Турции. Курды помнили неудачный опыт отношений с США в 70-х годах XX века и не отвергали возможность очередного предательства, но они понимали, что именно благодаря американской политике на Ближнем Востоке они достигли самоуправления в Курдистане [Мосаки 2011, с. 45–54].

Политический статус Иракского Курдистана в центре внимания американцев после 2003 года

К 2003 году исходя из таких подходов оформился союз «по необходимости» между США и Иракским Курдистаном. Курды поддерживали США в борьбе против Саддама Хусейна, так как они надеялись, что США обеспечат им в этом случае защиту, а США, в свою очередь, предоставляли им определенные бонусы от такой поддержки. В то же время, понимая, что курды вынужденно «привязаны» к США, Вашингтон не предлагал курдам каких-либо значительных преимуществ, всегда отмечая, что выступает против создания курдского государства, возникновение которого могло дестабилизировать ситуацию в регионе. Политика США в это время приводила, скорее, к замедлению эволюции политического статуса Иракского Курдистана, так как не способствовала дальнейшему расширению автономии. После вторжения в Ирак, что в итоге привело к свержению режима Саддама Хусейна, которое должно было благоприятно отразиться на статусе курдов, которым Багдад больше не представлял угрозы ситуация коренным образом изменилась. Как только США приступили к созданию послевоенной администрации в Ираке, между курдами и США начались новые противоречия.

Первым противоречием между сторонами являлось то, что после свержения Саддама Хусейна США попытались опереться на местных арабов в построении новой системы управления в Ираке, что вызвало неодобрение курдов, так как последние надеялись, что именно они будут являться главной опорой США в Ираке. Более того, опасения курдов вызывал также тот факт, что иракские арабы в целом были настроены недружелюбно по отношению к курдам [Мосаки 2011, с. 45–54].

Следующим противоречием являлись разногласия по поводу Киркука и курдских беженцев. После того, как началось вторжение американских войск в США, курды заняли город Киркук, который считали своей столицей по проекту конституции 2002 года. Однако США потребовали вывода курдских сил из этого региона и заявили, что статус Киркука будет определен в дальнейшем в ходе референдума 2007 года, который так и не состоялся из-за опасений американской администрации по поводу того, что передача этого города приведет к дальнейшей дестабилизации ситуации в стране. Более того, когда начался процесс возвращения курдов, выселенных из этого города Саддамом Хусейном, американцы воспротивились этому и запретили курдам возвращаться в свои дома.

Третьим разногласием являлись споры по поводу федеративного устройства Ирака. При создании временной конституции Ирака глава Временной коалиционной администрации Пол Бремер настаивал на создании Федерации в Ираке на основе административных провинций. Однако курды настаивали на том, что Южный Курдистан должен быть отдельным единым курдистанским субъектом Федерации. Также курды настаивали, чтобы во временной конституции были определены гарантии Федерального статуса Курдистана. Однако им в этом было отказано [Мосаки 2011, с. 45–54].

Данные разногласия заставили США пересмотреть свою политику в Ираке по отношению к курдам. Главным фактором, который сподвигнул их к этому, был провал политики США при опоре на арабское население в построении послевоенного Ирака. В силу объективных обстоятельств большая часть арабского населения Ирака оказалась настроенной против дальнейшего американского присутствия в стране. Так, значительное число арабов-суннитов было недовольно потерей своих главенствующих позиций в результате дебаасизации Ирака,

проведенной США. Также были недовольны и арабы-шииты, в местах проживания которых на юге Ирака усиливалось влияние местного и иранского духовенства, что привело к началу вооруженных столкновений между различными шиитскими группировками. В этой связи США вновь решили опереться на поддержку курдов в строительстве нового лояльного Вашингтону Ирака [Иванов 2011, с. 58].

В 2005 году в преддверии выборов в переходный парламент Ирака, а также в процессе разработки конституции были осуществлены важнейшие визиты американских государственных деятелей в Иракский Курдистан и курдских лидеров в США весной – осенью 2005 года. Так, в мае 2005 года государственный секретарь К. Райс прилетела из Америки прямо в Эрбиль на встречу с президентом М. Барзани для консультаций о месте иракского курдского района в будущем государственном устройстве Ирака [Федорова 2006]. В результате данных переговоров была выработана Конституция Ирака при участии США, которая закрепила автономный статус единого Курдистана, что, несомненно, отвечало интересам курдов.

После этого США стали активно налаживать сотрудничество с курдами, развивая с ними экономические отношения и подписывая контракты на разработку полезных ископаемых. Вашингтон рассчитывал использовать курдов, чтобы оказывать давление на правительство в Багдаде. Тем более учитывая, что после выборов 2005 года курды имели вторую по силе фракцию в парламенте Ирака, которую можно было бы использовать для реализации реформ [John Feffer 2008, с. 11].

США, таким образом, были явно заинтересованы в поддержании отношений с иракскими курдами, которые являлись хорошим инструментом воздействия на Иракское правительство. Однако они не хотели предоставлять курдам независимость, так как это могло бы ограничить возможности американской политики в отношении остальной части Ирака. Курды, в свою очередь, были согласны с таким положением вещей, так как они понимали, что альтернативы США на Ближнем Востоке нет, и только они способны оказать им всю необходимую помощь в деле укрепления автономии [Жигалина 2003, с. 258].

США регулярно выражали свою поддержку курдам, так как хотели их заверить в том, что США по-прежнему их лучшие друзья. Так, например, американский дипломат Питер Гэлбрейт выступал за

децентрализацию Ирака и увеличение самостоятельности Курдистана, что должно было бы привести к усилению позиций США в регионе путем получения контроля над стабильным государственным образованием союзным США [Peter 2008]. В то же время другой американский дипломат Ричард Холбрук во время визита в Эрбиль в 2007 году предлагал «тайваньскую модель» для Курдистана: международное сообщество де-факто признавало бы независимый статус Курдистана и имело бы с ним ограниченные дипломатические, но полноценные финансово-экономические отношения.

Также стоит отметить, что в 2007 году в Сенате США был заслушан план Байдена – Гелба о разделе Ирака на три части: курдскую, арабо-суннитскую, арабо-шиитскую по боснийской модели, но с сохранением территориальной целостности страны (*Joseph R. Biden Jr. and Leslie H. Gelb. Unity Through Autonomy in Iraq // The New York Times, 01.05.2006*). Однако затем при администрации Обамы об этом плане благополучно забыли.

Однако, несмотря на попытки американцев поддерживать хорошие отношения с курдами, администрация Иракского Курдистана время от времени выражала недовольство политикой США в Ираке. Она понимала, что американцы не делают окончательную ставку на курдов, а лишь используют их в своих интересах в отношениях с Багдадом и могут в любой момент предать. Однако они понимали, что по мере укрепления центральной власти в Багдаде, она всё в большей степени будет оказывать давление на Курдистан, поэтому они продолжали оставаться союзниками США и настаивали на сохранении войск США в Ираке, так как считали, что их вывод из страны ввергнет ее в хаос. США, в свою очередь, понимали, что иракские курды с течением времени перестали быть политической марионеткой в их руках, они теперь должны были к ним прислушиваться при проведении своей политики в Ираке.

Развитие событий в регионе дало новый импульс в развитии американо-курдских отношений после 2014 года, когда в Ираке начал свою активную экспансию ИГИЛ¹. После взятия ИГИЛ города

---

¹ ИГИЛ (Исламское государство Ирака и Леванта) – бывшее самоназвание террористической Организации – признано многими странами и международными организациями как террористическая структура исламских фундаменталистов. Организация, запрещенная в России. Прим. авт. – С. В., О. М.

Мосул, иракская армия отступила из Курдистана, оставив курдов воевать один на один с джихадистами. В этих условиях курды обратились за помощью к США, которые оказали им поддержку, так как полагали, что курдские отряды пешмерга остались последней боеспособной силой, способной дать отпор ИГИЛ. Так, в августе 2014 года ВВС США начали наносить удары по позициям ИГИЛ, а в Курдистан начали осуществляться поставки вооружений. Тогда при поддержке США был освобожден ряд территорий в Ираке, в том числе Синджар.

В апреле 2016 года США и вовсе начали выплачивать жалование бойцам пешмерга, которые сражаются против ИГИЛ. Затем в июле 2016 года был подписан меморандум о взаимопонимании между Иракским Курдистаном и США, согласно которому Вашингтон должен был увеличить поставки военной помощи курдам, что вызвало раздражение Багдада (*Iraqi Kurdistan profile – timeline*)¹.

В 2017 году США продолжали оказывать поддержку курдам во время боев за город Мосул, в освобождении пригородов которого участвовала также и пешмерга. Всего за 2017 год США потратили на помощь курдам 415 млн долл. [Отношения США с Турцией и курдскими формированиями на Ближнем Востоке URL].

Когда курды решили организовать референдум о проведении независимости, США выступили против этого шага и на то были свои причины. Во-первых, свергнув Саддама Хусейна, США взяли на себя ответственность за реконструкцию Ирака и обязались сохранить его территориальную целостность. Во-вторых, для Вашингтона важны военные контакты как с иракскими курдами, так и с правительством в Багдаде. Ведь в то время шло еще активное противостояние с ИГИЛ [Что означает референдум о независимости Иракского Курдистана? URL]. В итоге США не признали итоги референдума, проведенного 25 сентября 2017 года. Госсекретарь США Рекс Тиллерсон заявил, что референдум является нелегитимным, и США выступают за сохранение единого демократического и федеративного Ирака. Также он призвал курдов уважать роль центрального правительства и конституцию, а Иракское правительство отказаться от каких бы то ни было угроз [Щегловин URL].

¹ URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-15467672> (дата обращения: 03.03.2021)

Затем США перешли к более решительным действиям, чтобы оказать давление на курдов и заставить их остаться в составе Ирака. Так, Вашингтон заблокировал авиасообщение и фактически объявил о прекращении финансовой помощи Эрбилу, а также о серьезном сокращении военной помощи, тем самым перестав покрывать дефицит бюджета Иракского Курдистана, выплачивая жалование бойцам пешмерга [там же]. В итоге, когда иракская армия 16 октября начала военную операцию против курдов и заняла спорные территории, США абстрагировались от урегулирования конфликта между сторонами, хотя изначально заявляли, что не допустят эскалации конфликта в данном регионе, чем вызвали неодобрение со стороны курдов [Беленькая URL].

В результате этой операции США понесли очень большие имиджевые потери в Курдистане. Они заключались в том, что США наглядно показали свою неспособность следовать ими же выбранному курсу. Ведь перед этим Трамп обещал начать «по-взрослому» ставить Тегеран на место и даже пошел ради этого на разрыв ядерной сделки. Ситуация же в Курдистане была классическим вариантом американо-иранской войны на периферии, когда за действиями иракских вооруженных сил стояли иранцы, желавшие решить курдскую проблему и не допустить превращения независимого Иракского Курдистана в американский плацдарм. Плацдарм, который, например, смогут использовать американские спецслужбы для дестабилизации курдских провинций самого Ирана. Более того, бездействие США также привело к тому, что курды в очередной раз усомнились в надежности США и теперь искали нового партнера на Ближнем Востоке, который поможет им в достижении независимости (*Мирзаян Г. «Как Вашингтон бросил курдов в Ираке и проиграл сам»*. *Kutdistan.ru*¹).

Заключение

После свержения Саддама Хусейна между США и курдами обострились противоречия относительно будущего курдов в составе Ирака, однако затем эти противоречия были урегулированы, и именно благодаря США удалось закрепить автономный статус Курдистана в составе Ирака с широкими полномочиями. После этого США стали

---

¹ URL: https://kurdistan.ru/2017/10/23/articles-30914_Kak_Vashington_brosi.html (дата обращения: 16.03.2021).

активно оказывать поддержку курдам в развитии автономии в обмен на поддержку политики США в Ираке. Так сложился взаимовыгодный союз, способствовавший дальнейшему усилению курдской автономии.

После 2014 года наблюдался всплеск сотрудничества между США и Иракским Курдистаном в ходе войны против ИГИЛ. Это подарило надежду курдам, что в будущем США поддержат их и при провозглашении независимости, однако этим мечтам не суждено было сбыться. После проведения референдума США не оказали никакой поддержки курдам и фактически дали молчаливое согласие на проведение военной операции иракской армией, тем самым, если раньше США играли стимулирующую роль в эволюции политического статуса Иракского Курдистана, то теперь их действия фактически привели к прекращению данной эволюции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Беленькая М.* Разделенный Курдистан. Кто освоит и как продаст нефть Киркука // Московский центр Карнеги. [Belenkaya, M. Razdelennyj Kurdistan. Kto osvoit i kak prodast neft' Kirkuka (Divided Kurdistan. Who will develop and how to sell Kirkuk oil). Carnegie Moscow Center. (In Russ.)]. URL: <http://carnegie.ru/commentary/73485> (дата обращения: 20.03.2021).
- Жигалина О. И.* Проблема курдского урегулирования и Запад // Ближний Восток и современность: сборник статей. Вып. 19. 2003, С. 258. [Zhigalina, O. I. (2003). The problem of Kurdish settlement and the West. Middle East and Modernity. Digest of articles, 19, 258. (In Russ.)].
- Иванов С. М.* Иракский Курдистан на современном этапе (1991–2011). М. : ИМЭМО РАН, 2011. [Ivanov, S. M. (2011). Irakskij Kurdistan na sovremennom jetape (Iraqi Kurdistan at the present stage (1991–2011)). Moscow: IMEMO RAN. (In Russ.)].
- Мосаки Н. З.* Курдистан и курдский вопрос в политике Запада и России. М. : Институт востоковедения РАН, 2011. [Mosaki? N. Z. (2011). Kurdistan i kurds kij vopros v politike Zapada i Rossii (Kurdistan and the Kurdish issue in the politics of the West and Russia). Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)].
- Отношения США с Турцией и курдскими формированиями на Ближнем Востоке // Russia Today. [US relations with Turkey and Kurdish formations in the Middle East. Russia Today. (In Russ.)]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KNoDog2IiE> (дата обращения: 16.03.2021).
- Федорова И. Е.* «США и иракские курды» // Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века: сб. статей М. : ИБВ. 2006. С. 42–45. [Fedorova, I. E.

(2006). USA and Iraqi Kurds. In the collection of the Kurdish question in Western Asia at the beginning of the 21st century (pp. 42–45). Moscow: IBV. (In Russ.).

Что означает референдум о независимости Иракского Курдистана? // Московский Центр Карнеги. [What does the referendum on the independence of Iraqi Kurdistan mean? Carnegie Moscow Center. (In Russ.)]. URL: <http://carnegie.ru/commentary/71408> (date accessed: 03/20/2021).

Шахбазян Г. С. Межкурдский конфликт в Южном Курдистане // Южный Курдистан сегодня: сб. статей. М.: Институт Востоковедения РАН, 1997. [Shakhbazyan, G. S. (1997). Inter-Kurdish Conflict in South Kurdistan. The collection of South Kurdistan today. Moscow: Institut Vostokovedeniya RAN. (Un Russ.)].

Щегловин Ю. Б. О реакции США на итоги референдума о независимости Иракского Курдистана». Институт Ближнего Востока. [Shcheglovina, Yu. B. (URL). On the US reaction to the results of the referendum on the independence of Iraqi Kurdistan. Institute for the Near East. (In Russ.)]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=38076> (дата обращения: 15.03.2021).

John Feffer. The United States has a paradoxical approach to Iraq's Kurds // The Hawler Tribune, Issue 2, May 2008, с. 11.

Peter W. Galbraith Unintended Consequences: How War in Iraq Strengthened Americas Enemies. Simon & Schuster, 2008.

УДК 94(47)

DOI 10.52070/2500-347X_2021_2_843_235

Ю. С. Егорова

кандидат исторических наук
доцент кафедры всеобщей истории и мировой политики
Вологодского государственного университета
ysegorova@mail.ru

**ДОКУМЕНТЫ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПЕРВЕНСТВУЮЩЕГО ДИРЕКТОРА РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПА-
НИИ М. М. БУЛДАКОВА В АРХИВЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(обзор фонда 341)**

Статья посвящена обзору фонда 341 АВПРИ. В данном архиве хранятся разноплановые документы, посвященные истории и деятельности Российско-американской компании, в том числе значительный корпус источников личного происхождения посвящен разнообразным аспектам деятельности первенствующего директора РАК М. М. Булдакова. Несмотря на то, что указанный архив в целом хорошо известен специалистам по истории Русской Америки, документы фонда 341 всё еще недостаточно вовлечены в научный оборот. В работе показано, что вовлечение в оборот новых данных позволит сформулировать новые актуальные направления исследований по истории Русской Америки.

Ключевые слова: отечественные архивы; АВПРИ; Северная Америка; Российско-американская компания; М. М. Булдаков.

Yu. S. Egorova

PhD (History), Assoc. Prof.
Department of General History and World Politics
Vologda State University
ysegorova@mail.ru

**DOCUMENTS ON THE ACTIVITIES OF THE FIRST DIRECTOR
OF THE RUSSIAN-AMERICAN COMPANY M. M. BULDAKOV
IN THE ARCHIVE OF FOREIGN POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE
(REVIEW OF THE FOLDER 341)**

The introduction of new documents into historical research is the great importance for research on the history of Russian America. The article is devoted to the review of the folder 341 in the AVPRI. Various documents are stored in this archive. The documents are devoted to the history and activities of the Russian-American company. A large

number of sources of personal origin are devoted to various aspects of the activities of the first director Russian-American company. His name is Mikhail Buldakov. Despite the fact that the specified archive is generally well known to specialists in the history of Russian America, but the documents from the folder 341 are still not sufficiently involved in historical research. The article shows that the involvement of new documents into historical research will allow us to formulate a new historical problems on the history of Russian America.

Key words: Russian archives; AVPRI; North America; Russian-American company; M. M. Buldakov.

Введение

В архиве Внешней политики Российской империи хранятся разноплановые документы, касающиеся деятельности Российско – американской компании. Документы из данного архива в целом хорошо известны специалистам, однако до сих пор далеко не все материалы вовлечены в научный оборот [Петров 2009].

В первую очередь интерес представляет фонд 341, опись 888 «Собрание документальных материалов по истории Российско-американской компании и русских владений в Северной Америке».

В этой описи заинвентаризированы документальные материалы по истории российских владений в Северной Америке и Российско-американской компании за 1733–1928 годы в количестве 1039 ед. хр. Следует отметить, что указанная опись не оцифрована и выдается исследователю в читальном зале только по письменному требованию, также как архивные дела, что создает некоторые неудобства при организации исследовательской работы. Кроме того, копирование и оцифровка документов по правилам данного архива ограничена определенным количеством листов в год, что не позволяет в полной мере изучать выявленные материалы за пределами архива.

Согласно описи, все документы были извлечены и систематизированы с 1943 по 1951 год частично в подлинниках, частично в копиях (точное количество подлинников и копий установить пока не удалось) из четырех архивов Москвы: Центрального государственного архива древних актов (в настоящее время – Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив древних актов»); Центрального государственного военно-исторического архива (в настоящее время – Федеральное казенное учреждение «Российский государственный военно-исторический архив»); Центрального государственного исторического архива в Москве (Государственное

бюджетное учреждение города Москвы «Центральный государственный архив города Москвы»; архива Академии наук СССР (Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Архив Российской академии наук»); архива Вологды: Государственного архива Вологодской области (Казенное архивное учреждение Вологодской области «Государственный архив Вологодской области»); два архивохранилищ Санкт-Петербурга: Центрального государственного архива Военно-Морского флота (Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив Военно-Морского Флота»); Центрального государственного исторического архива в Ленинграде (Федеральное казенное учреждение «Российский государственный исторический архив»); архива Красноярска: Государственного архива Красноярского края (Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Красноярского края»); архива Владивостока: Центрального государственного архива РСФСР Дальнего Востока (Федеральное казенное учреждение Российский государственный исторический архив Дальнего Востока), а также двух библиотек: Библиотеки имени Салтыкова-Щедрина (Российская национальная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Санкт-Петербург) и Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина (Российская государственная библиотека, Москва).

Документы в описи распределены по следующим разделам: 1. Документальные материалы, образовавшиеся в процессе деятельности учреждений и организаций; 2. Личные фонды: а) Булдаков Михаил Матвеевич; б) Шелехов Григорий Иванович; 3. Карты; 4. Микрофильмы документальных материалов РАК за 1802–1867 годы.

Переписка семьи Булдаковых (включая письма приказчиков, деловых партнеров и других лиц, адресованных М. М. Булдакову) сгруппирована, в основном, в личном фонде «Булдаков Михаил Матвеевич». Однако при внимательном изучении первого раздела «Документальные материалы, образовавшиеся в процессе деятельности учреждений и организаций» выяснилось, что некоторое количество документов, посвященных деятельности М. М. Булдакова оказалось включено в этот раздел. Скорее всего, составитель начал формировать опись согласно дате поступления дел в АВПРИ¹.

¹ АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.

Впервые документы в АВПРИ поступили из архива Академии наук СССР 19 мая 1948 года. Из 438 дел описи можно выявить 76 единиц, включающих разнообразные письма и делопроизводственные документы, характеризующие в той или иной степени разные аспекты деятельности М. М. Булдакова. Оставшаяся часть эпистолярного наследия поступила в АВПРИ 19 ноября 1949 года из ГАУ МВД СССР «Вологодский областной архив» отдел дореволюционных фондов (Ф. 670. Булдаков М. М. № 1. Оп 877/2). Из данного архива в АВПРИ поступило всего 147 дел.

Из ГАУ МВД СССР «Центральный государственный исторический архив в Москве» (ф. 858 Булдаков М. М. Оп 877/1) поступила 81 единица. Дела из указанных архивов были сгруппированы во II разделе «Личные фонды».

По описи можно установить видовую классификацию (и количество дел) поступивших в АВПРИ материалов. Самое большое количество дел (142 единицы), содержащих личную переписку М. М. Булдакова с разными лицами поступило из «Вологодского областного государственного архива». Кроме этих дел в АВПРИ из этого архива поступило четыре дела, содержащих делопроизводственные документы и одно дело, содержащее счета кассы М. М. Булдакова. Из Архива Академии Наук СССР в АВПРИ были направлены 62 единицы хранения, включающие личные письма, три единицы, содержащие делопроизводство, девять дел, включающих финансовые документы о деятельности Российско-американской компании, один недатированный «Календарь-дневник М. М. Булдакова на ноябрь – декабрь» и «Свидетельство, выданное директором Российско-американской компании М. М. Булдаковым служащему РАК на корабле «Надежда» (19 марта 1809 года).

Из Центрального государственного исторического архива города Москвы в АВПРИ поступило 43 дела, содержащих личную переписку; 16 дел, содержащих финансовые документы разного содержания; девять дел, содержащих делопроизводственные материалы; 14 юридических документов разного содержания; одно дело, представляющее собой «Список книг, отправленный в Великий Устюг», датированный 1813 годом. Таким образом, общее количество дел, поступивших в АВПРИ из различных архивов, составило 307 единиц. Из них 247 личных и 17 деловых писем.

Эпистолярное наследие поступало в АВПРИ неравномерно. Всего 14 дел можно классифицировать как «исходящие от М. М. Булдакова

документы». Из них: два дела поступило из ГАУ МВД СССР «Вологодский областной архив». Это черновик прошения Михаила Матвеевича неустановленному лицу от 1 июля 1805 года о засвидетельствовании выкупленной им закладной на землю в Вологодской губернии. Еще одно дело датируется 1823 годом и представляет собой переписку М. М. Булдакова с полицейскими и следственными органами по различным материальным претензиям. Девять дел из указанной классификации поступили из ГАУ МВД СССР «Центральный государственный исторический архив в Москве» и три дела из архива Академии наук СССР. По описи можно установить некоторых корреспондентов Михаила Матвеевича. Среди них самые активные: дочери Екатерина и Надежда Булдаковы, полицмейстер Папков Петр Афанасьевич, суперкарго корабля «Кутузов» Хлебников Кирилл Тимофеевич, Шелихов Иван Петрович.

Оставшиеся документы распределяются следующим образом. Из «Вологодского областного государственного архива» 137 дел содержат письма разных лиц, адресованных М. М. Булдакову. Переписка охватывает с 1790 по 1826 год. Из «Центрального государственного исторического архива города Москвы» поступило 24 дела (с 1795 по 1824 год), а из Архива Академии Наук 65 дел (с 1799 по 1826 год).

Безусловно, публикация указанных документов стала бы серьезным прорывом в исследованиях по истории освоения Аляски и Калифорнии и по истории деятельности Российско-американской компании. В 2018 году увидел свет сборник документов, в который были включены источники из ГАВО [Эпистолярное наследие 2018].

В рамках данной статьи хотелось бы остановиться на некоторых свидетельствах, которые, на наш взгляд, могут существенно дополнить картину семейных взаимоотношений клана Шелиховых-Булдаковых. Как известно, М. М. Булдаков был женат на дочери знаменитого купца Г. И. Шелихова Авдотье. Письма некоего Карпа Петровича Сороки, датированные 1816 годом демонстрируют, что Михаил и Авдотья в этот период времени не жили вместе, а К. П. Сорока, очевидно по просьбе М. М. Булдакова, занимался решением финансовых проблем Авдотьи Григорьевны. В одном из писем Карп Петрович пишет: «При получении Вашего письма жена Ваша писала ко мне, чтобы я успокоил ее и себя платежом ее долгов, но я издержал все деньги на выдачу ей и на уплату некоторых долгов, с жаром отвечал ей, чтобы

она насчет моего успокоения не заботилась. Она, присылая на другой день к Вам письмо <...>, вложенное насчет моего отказа много выговорила, и я сию переписку ея к Вам для любопытства посылаю. Ежели Вы увидели, сколько я от нея писем получил со времени поручения мне комиссии, то пожалейте и меня так невинным образом привязанного...» (АВПРИ, Ф. 339. Оп. 888. Д. 574. Л.1 с об.). Переписка А. Г. Булдаковой и К. П. Сороки также хранится в АВПРИ. Всего сохранилось 25 писем, датированных 1816 годом (АВПРИ, Ф. 339. Оп. 888. Д. 578. д. 578). По документам фонда 341 также можно реконструировать систему деловых связей М. М. Булдакова. Многие корреспонденты М. М. Булдакова обращались к нему за покровительством, просили о помощи. Судя по содержанию писем, Булдаков был в курсе различных семейных обстоятельств купцов и деятелей Российско-американской компании. Например, некая П. Буренина просила М. М. Булдакова выдать ей за счет мужа 2000 рублей на свадьбу ее дочери (АВПРИ, Ф. 339. Оп. 888. Д. 186. Л.1).

В целом, следует констатировать, что при обилии ссылок в научной литературе по истории Русской Америки на фонд 341 до сих пор состав его не был тщательно описан. Кроме того, эпистолярное наследие Шелиховых-Булдаковых сегодня только начинает привлекать внимание исследователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Петров А. Ю.* Источники по истории Российско-американской компании // Великий Устюг: краевед. альманах. 2009. Вып. 5. Вологда, С. 5–40. [Petrov, A. J. (2009). Istochniki po istorii Rossijsko-amerikanskoj kompanii (Sources on the history of the Russian-American company). Velikiy Ustyug: loc. Hist. Almanac, 5, 5–40. (In Russ)].
- Эпистолярное наследие устюгской купеческой семьи Булдаковых конца XVIII – первой четверти XIX века: тексты и исследования / Ф. Я. Коновалов, Ю. С. Егорова, В. А. Коноплев [и др.]. Вологда: Древности Севера, 2018. [Konovalov, F. J., Egorova, J. S., Konoplev, V. A. (2018). Epistolarynoe nasledie ustyugskoy kupecheskoy semei Buldakovyh konzsa XVIII – pervoi chetverti XIX veka: teksty i issledovaniy (Epistolary heritage of the Ustyug merchant family Buldakov of the late XVIII – first quarter of the XIX century: texts and studies). Vologda. Drevnosti Severa. (In Russ)].

УДК 94

DOI 10.52070/2500-347X_2021_2_843_241

М. А. Уварова

кандидат исторических наук
доцент кафедры исторических наук
Института гуманитарных и прикладных наук
Московского государственного лингвистического университета
uvarovamaria82@gmail.com

ЦЕНТРИЗМ ВО ФРАНЦИИ КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ: ОТ РЕВОЛЮЦИИ 1789 ГОДА ДО ЭММАНУЭЛЯ МАКРОНА

В статье рассматривается центризм как феномен политической жизни Франции в Новое и Новейшее время, с 1789 г. и до наших дней. Выделяются закономерности и особенности такого явления. Центризм, или Третий путь, возникает как реакция на невозможность разрешить общественно-политические кризисы силами традиционной партийной парадигмы «правых» и «левых». Прослеживается эволюция центризма, включая бонапартистские режимы. В современной Франции центризм также стал способом преодоления кризиса старых партий у власти, однако при Эммануэле Макроне он приобрел свои отличительные черты.

Ключевые слова: центризм; бонапартизм; плебисцитарная демократия; правительство национального единства; неолиберализм.

M. A. Uvarova

PhD (History)
Assistant Professor at the Chair of historical sciences
at the Institute of humanitarian and practical sciences
Moscow State Linguistic University
uvarovamaria82@gmail.com

CENTRISM AS POLITICAL ALTERNATIVE: FROM THE REVOLUTION OF 1789 TO EMMANUEL MACRON

The article regards centrism as a phenomenon of political life in France since 1789. The article is focused on mechanisms and peculiarities of such system. Centrism, also known as the third way, emerged as the reaction on the incapacity of the government to solve political crisis within the framework of traditional left-right paradigm. The article studies the evolution of centrism through ages including bonapartist regimes. In contemporary France centrism is a way to overcome the crisis of traditional parties, but due to president Macron it has acquired its new characteristics.

Key words: centrism; bonapartism; plebiscitary democracy; the government of national unity; neoliberalism.

Введение

Четыре года назад президентом Французской Пятой республики впервые в ее истории стал политический лидер, не принадлежавший ни к одной из системных старых партий – Эммануэль Макрон. Случай Макрона стал, конечно же, порождением глубокого кризиса этих системных партий и запроса на обновление политической повестки; также он стал яркой репрезентацией и победой идеологической платформы «ни левый, ни правый», что, в свою очередь, подталкивает к рассмотрению зарождения и эволюции такой идеологии во французской истории.

Перед современной Францией стоит ряд вопросов, ответы на которые в немалой степени можно найти в ее истории. Одним из таких вопросов является центристская политическая и социальная модель. В истории страны центризм несколько раз появлялся на политической арене, причем применялся он различными политическими режимами – от революционной диктатуры до республики. И как правило обстоятельства, способствовавшие успеху такой политической формы, имели общие черты.

Предвыборная кампания 2017 г. стала для Франции непростым испытанием. Она прошла в обстановке социальной напряженности и недоверия к действующему правительству и большинству политических сил. Главным негативным фактором стала неэффективность и бездействие системных партий, «левых» и «правых» – социалистов и республиканцев. Две крупнейшие и влиятельные партии Пятой республики не сумели предложить избирателю ответы на новые социально-политические вызовы (*Рубинский, Франция на новых рубежах // Независимая газета, 10.04.2017*)¹. На фоне вопиющего морального поражения этих партий начала расти популярность правых радикалов, националистического движения – Национального фронта, возглавляемого Марин ле Пен. Партия вызывала серьезное беспокойство многих французов, видевших в ней удар по демократическим ценностям республики. Политическое поле больше не делилось между социалистами и республиканцами, как это было все предыдущие годы Пятой республики – его заняли политики, не имевшие отношения ни к одной из этих партий.

---

¹ URL: http://www.ng.ru/dipkurer/2017-04-10/9_6970_france.html (дата обращения 11.06.2020).

Оппонентом Национального фронта стал появившийся практически из ниоткуда молодой кандидат Эммануэль Макрон, объявивший себя «ни правым, ни левым» и создавший партию «Вперед, Республика!» буквально за год до проведения выборов. Заявленная Макроном позиция и соответствующая программа воплотили собой разрыв с классической право-, левая парадигмой и, казалось, вносили значительное обновление во французскую политическую жизнь.

Центризм в историографии

Несмотря на то, что слово «центризм» стало в 2017 году, пожалуй, самым популярным в политической терминологии Франции, это понятие не ново как в теории, так и на практике. К политике централизма Франции доводилось прибегать в течение уже более двух столетий, и само данное понятие уже давно имеет свою историографию. Такие известные исследователи политической истории, как Ф. Фюре и П. Розанваллон, полагают, что центризм порожден самим принципом демократии, в частности французской, которая построена на плюрализме, а значит, на диалоге, компромиссах и балансах различных сил и идей [Furet, Julliard, Rosanvallon 1990]. Согласно историку М. Бернару, центризм – это одна из основ Пятой республики, традицией которой является запрос на национального лидера, сильная персонализация президентской власти и, следовательно, объединение вокруг нее различных общественных сил [Bernard 2008]. Поэтому можно утверждать, что благоприятной основой для роста популярности центристской модели, начиная с 2017 года, стало не только разочарование нации в старых партиях, но также историческая традиция и фундаментальные принципы системы Пятой республики.

Если рассматривать центризм как одну из моделей политического лидерства, то его присутствие во французской истории можно связать с национальным «мифом о спасителе», который предполагает появление на политическом горизонте личности, не принадлежащей к правящей политической элите, зато способной завоевать симпатии народа именно способностью предложить альтернативную программу. Такие фигуры появляются в критические для истории страны моменты – именно тогда, когда старые лидеры теряют доверие масс. Яркими примерами «спасителей» являются Наполеон I, Наполеон III и Шарль де Голль. Они предложили французам политические

системы, институты и ценности, основанные на соединении традиционности и новых социально-политических условий, на разрыве с любой из ранее существовавших идеологий [Тюлар 2012]. Появлению таких лидеров способствовала невозможность решить ряд социальных проблем в рамках традиционной политической системы.

Ранние формы центризма

В политической жизни Франции центристская идеология и практика возникают одновременно с развитием в стране демократических сил и соответствующего общественно-политического устройства – после Революции 1789 года. К этому периоду относится появление первых в истории страны политических партий. Возникает их деление на «правых» и «левых» – соответственно, на монархистов-консерваторов и республиканцев, далее – на жирондистов и монтаньяров; между этими радикальными группами появляется центр – «примирители», выступающие как против монархии (таящей опасность тирании), так и против полноценной демократии (рискующей трансформироваться в анархию), среди которых были столь яркие фигуры, как Оноре де Мирабо и Антуан Барнав [Rioux 2011]. События 1789–1794 годов и расстановка политических сил в этот период показали, что ни конституционные монархисты, ни республиканцы не имеют прочной опоры в широких массах; такая ситуация привела к диктатуре и террору монтаньяров, поскольку для укрепления молодой демократии ей были необходимы насильственные методы [Furet 1978].

С этого времени в зарождающейся либеральной мысли укрепляется идея «излишков» демократии, приводящих к насилию, что находит свое продолжение уже в XIX веке. Таким образом, у общественности развивается идея о необходимости компромисса общественных движений, что поможет созидать свободу без террора. Первым в истории Франции примером такого компромисса стал приход к власти Наполеона Бонапарта в ходе переворота 18 брюмера 1799 года: эпоха Директории была отмечена кризисом, вызванными тяжелым экономическим и международным положением страны, а также отсутствием массовой поддержки правительства; в связи с этим демократия начала вызывать разочарование масс и нуждалась в спасении. Бонапартистская политическая система умело сочетала

элементы монархии и демократии – авторитарная власть, основанная на массовой поддержке путем плебисцитов. Такая система, впоследствии получившая название управляемой, или плебисцитарной, демократии, продемонстрировала эффективность сочетания двух противоположных друг другу систем: поскольку в условиях социально-политического кризиса именно бонапартизм успешно решил проблемы, с которыми не справлялись ни монархия, ни республика.

Новым этапом развития центризма стал, по мнению ряда исследователей, период Июльской монархии. Так, иногда к центристам относят либералов-доктринеров, руководимых Франсуа Гизо, и орлеанистов во главе с Адольфом Тьером [Игнатченко 2017]. Они сформировались как оппозиция и консервативным легитимистам, и республиканцам одновременно и, по сути, воплотили идеологическую платформу Июльской монархии. Однако существовавший в ту эпоху электоральный ценз и ограничение гражданских свобод помешали такого рода центризму стать массовым движением, народной партией. Либералы 1830–1840-х годов были партией в первую очередь буржуазии, они игнорировали многие острые социальные вопросы, такие как политические и трудовые права рабочего класса, избирательная реформа. Лозунгом «июльских» либералов был «свобода и порядок», т. е. союз монархии и важнейших достижений революции 1789 года – но этот компромисс был разрушен отказом от социального реформизма. В результате Франция не получила в полной мере ни свободы, ни доверия народа к власти, что привело к восстаниям и Революции 1848 года.

Бонапартизм и центризм

Однако политические и социальные порядки, установившиеся после 1848 года, поспособствовали возрождению запроса на бонапартистскую модель. Вторая Республика в немалой степени напоминала эпоху Директории: ни одна из партий: ни «левые», ни «правые», не оправдали надежд своих избирателей, в то же время возвращение к монархии мыслилось неприемлемым. В этих условиях надеждой французов представлялся кандидат в президенты республики Луи Бонапарт, предложивший программу «ни для республиканцев, ни для роялистов», учитывавшую интересы всех классов. Эту программу Луи Бонапарт смог полностью развить уже в годы Второй империи,

когда в его руках оказалась практически неограниченная власть. Однако и бонапартизм во второй половине XIX века уже претерпел существенные изменения: в отличие от своего предшественника, он являлся не просто плебисцитарной демократией, но предпринял социальные и экономические реформы. Как раз эти реформы продемонстрировали те черты бонапартизма, которые позволяют ассоциировать его с центризмом. Такая политика имела целью удовлетворить чаяния всех классов и сплотить их вокруг личной власти императора, дабы предотвратить угрозу гражданской войны и покончить с социальными противоречиями. Таким образом, Наполеон III отчасти присвоил себе программы всех существовавших на тот момент политических движений. Это иллюстрировало его убеждение в том, что процветание Франции должно быть основано на материальном благополучии всех слоев ее общества. Поэтому крестьянам он обещал поддержку сельского предпринимательства, буржуазии – развитие промышленности и новые торговые возможности, рабочим – социальные гарантии и усовершенствование трудового законодательства. Такие реформы помогли Франции преодолеть затяжной кризис, доставшийся ей в наследство от Июльской монархии, и способствовали ее беспрецедентному экономическому росту [Anseau 2012].

Со временем центристскую политику Наполеон III начинает проводить и в отношении различных политических сил. Несмотря на жесткую цензуру в отношении социалистического и либерального движения, они продолжали свою деятельность, формировали свои программы и имели своих ярких лидеров. В конце 1860-х годов, когда авторитарная система стала испытывать трудности с общественным доверием, император предложил программу реформ, направленных на демократизацию режима, расширение гражданских свобод и усиление законотворческой инициативы парламента. Этот период, известный как «либеральная империя», привлек на сторону императора либералов, до тех пор находившихся в оппозиции. В ходе проведения либеральных реформ бонапартизм продемонстрировал свою способность к переменам в соответствии с меняющимся социальным климатом, тем самым разрушив представления о себе как о статичной форме власти. «Либеральная империя» стала удачным примером политического централизма, когда партия власти смогла договориться и взаимодействовать с оппозицией.

Центризм в XX веке

Падение Второй империи в 1870 году и установление Третьей республики сняли все ограничения с ранее существовавших партий и дали жизнь новым движениям. В конце XIX – начале XX вв. окончательно оформляется двухполярная политическая система Франции, основанная на партиях правого и левого направлений. В 1901 году была создана крупнейшая французская партия эпохи Третьей республики, во многом определившая ее социальную и политическую историю – партия радикалов¹. Занимавшие либерально-республиканскую, про-буржуазную позицию, радикалы тем не менее ставили своей целью объединить вокруг себя все передовые демократические силы и противопоставить их социалистам. В соответствии с этим и проводилась их политика: Закон 1905 года об отделении церкви от государства, борьба за социальное страхование рабочих и введение всеобщего бесплатного начального образования [Bardonnet 1960]. О центристской направленности радикалов позволяет говорить то обстоятельство, что они проводили попеременно как социалистическую, так и консервативную политику путем формирования временных блоков (правый Национальный блок 1919 года и Левая коалиция 1924 года). Такая тактика помогла радикалам отвлечь электорат от двух крайних движений межвоенного периода – коммунистической партии и ультра-правых националистов [Рубинский 1970].

Однако Вторая мировая война нанесла по радикалам сокрушительный удар, от которого партия уже не смогла оправиться. Именно на правительстве радикалов лежала ответственность за ограничения гражданских свобод в период «странной войны» и за сдачу Франции нацистским оккупантам. Кроме того, в послевоенные годы резко возросла популярность «левых» сил благодаря их активному участию в движении Сопротивления. Четвертая республика во многом копировала принципы парламентской Третьей республики, однако в новых условиях методы радикалов были уже бесполезны. Назревавший социально-политический кризис конца 1950-х гг. продемонстрировал

¹ Своим названием партия обязана ее крайней «левой» позиции, восходящей к республиканской оппозиции Июльской монархии и Второй империи (у истоков движения радикалов стояли А. Ледрю-Роллен и Л. Гамбетта, их последователем стал один из основателей партии и будущий премьер-министр Ж. Клемансо).

усталость французского общества от старой партии, «лавировавшей» между «левыми» и «правыми», и сформировал запрос на коренное обновление системы, связанное с фигурой сильного лидера. Крах Четвертой республики и конституционная реформа нового президента Шарля де Голля стали началом конца партии радикалов: они так и не приняли голлистских принципов президентской республики и политического лидерства [Канинская 1999]. Таким образом, в конце 1950-х – в 1960-е гг. партия радикалов самораспустилась, и центризму, казалось, пришел конец – ибо голлизм, ставший идеологией и партией власти, строго разграничивал политическое пространство на «левый» и «правый» полюса, почти исключая возможность колебаний между ними.

Действительно, программа и тактика президента де Голля не оставляли пространства для центристских маневров. Хотя, на первый взгляд, де Голль мог показаться балансирующим между левыми и правоконсервативными ценностями – концепцией сильной президентской власти и верностью принципам демократии. Однако такая позиция не позволяет причислять де Голля к центристам, поскольку в своей социально-экономической политике он оставался консерватором и не применял тактику «маятника» от «левых» к «правым».

Голлистам удавалось сохранять высокую востребованность среди электората на протяжении 1970-х годов. Произошло это именно благодаря их программе обновления принципов и стратегии партии, известной как «новое общество». Цель программы – погасить социальную напряженность посредством усовершенствования трудового законодательства и индексации зарплат рабочим и, с другой стороны, поддержка предпринимательства – сокращение дирижистских методов в экономике. Сначала эту программу претворял в жизнь (хотя и не очень успешно) преемник де Голля Жорж Помпиду, развил ее следующий за ним президент Валери Жискар д'Эстен, принадлежавший к движению молодых голлистов, называвших себя «независимыми республиканцами». Именно при нем центризм пережил своего рода омоложение и возрождение и даже вошел в политическую лексику под определением «жискардизм». Собственно, курс Жискара был основан на сочетании социалистических и либеральных методов. По его мнению, доктрина полной свободы рынка в духе Адама Смита устарела, и будущее либерализма – это сотрудничество с государством, умеренное государственное покровительство [Моисеев 2001].

«Жискардизм», таким образом, представлял собой вариант «социального либерализма» с опозданием на век (учитывая, что в Англии Джон Стюарт Милль и Герберт Спенсер развивали эту идеологию еще в середине XIX века, и немного позднее она была воплощена консервативным правительством Бенджамина Дизраэли). Политический кризис, с которым столкнулся голлизм в 1968 году, доказал, что в новых реалиях какая-либо одна партия или лидер не могут быть рупором общества, поэтому политическая тактика должна сочетать методы и «левых», и «правых» [Valance 2011]. Более того, Жискар добился создания целой независимой центристской партии – Союза за французскую демократию (СФД, UDF).

Что касается партии СФД, то ее популярность упала после поражения Жискара на выборах 1981 года. В последующие два десятилетия центристы предпочитали блокироваться с «ортодоксальными» наследниками голлизма – республиканцами, возглавляемыми сначала премьер-министром, а затем президентом Жаком Шираком. Однако востребованность центристов в этот период была сомнительной, поскольку в 1986 и 1993 годах имел место такой социально-политический феномен, как «сосуществование» (Cohabitation) – сначала парламентское большинство «правых» при президенте – социалисте, затем – наоборот. Эпоха «сосуществования», если и не может считаться чистым образцом центризма, то во всяком случае, была близка к нему благодаря проведению политического курса в интересах как «правых», так и «левых» [Кукаркина 2009]. Такая расстановка сил помогла смягчить поляризацию и напряженность французского общества в 1980–1990-е гг. и способствовала эффективному преодолению последствий экономического кризиса.

В конце 1990-х гг. центристы пережили раскол, связанный с поддержкой ряда членов партии ультраправого Национального фронта. Те центристы, которые стремились сохранить свои исконные позиции «ни левых, ни правых», объединились вокруг нового лидера – Франсуа Байру. Он отстаивал верность модели «жискардизма» – социального либерализма, рынка, повернутого лицом к обществу [Massart 1999, Шмелев 2008]. В 2007 г. Байру принял участие в президентской гонке, но безуспешно, что, впрочем, подтолкнуло его к серьезному реформированию партии и созданию нового политического движения. Так появилась партия Демократическое движение (*Mouvement*

démocratique, МоДем): она позиционировала себя как обширная социальная платформа, арбитр между «правыми» и «левыми», опора «истинной демократии», не позволяющая ей отклониться слишком «влево» или слишком «вправо» [Fretel 2014]. Однако в период президентства Саркози его либерально-популистская риторика оттянула на себя значительную долю народных симпатий. Кроме того, МоДем так и не смогли выработать последовательную социально-экономическую программу. Поэтому 2010-е гг. были отмечены для центристов кризисом и падением их популярности [Шмелев 2017].

Э. Макрон и обновленный центризм

На период 2016 года, когда стартовала подготовка к новой президентской кампании, Байру осознал, что его партию не ждет успех, и отказался от участия в выборах. Положение центристов на тот момент было хрупким, равно как и положение социалистов, пребывание которых у власти вызывало у французов только усталость и недоверие. Большие надежды возлагались на республиканцев, несмотря на то, что президентство Н. Саркози и коррупционный скандал с Франсуа Фийоном оставили удручающее впечатление у электората. Терявшим доверие нации «левым» и «правым» противостоял заметно укрепивший свои позиции Национальный фронт, однако французы не были готовы принять радикальную партию. Таким образом, в обществе стал зарождаться запрос на пересмотр и обновление социально-экономической программы в рамках исконных ценностей республики, программы, имеющей широкую социальную базу. Такое обновление готов был предложить новый молодой кандидат – бывший министр экономики и финансов Эммануэль Макрон, некогда состоявший в социалистической партии. В 2016 году Макрон создал движение «Вперед!», подтвердившее его весьма своевременное убеждение в том, что «центризм может вернуть себе популярность не тактикой автономии, а объединением «правых» и «левых» центров» (*La Croix*. 22.02.2017)¹.

Такая позиция и обеспечила победу кандидату Макрону. В некоторой степени его идеология и тактика наследуют опыт прошлого – неизбежно, в той или иной части его программы, он может быть сопоставлен и с радикалами, и с бонапартизмом, и с «жискардизмом»

---

¹ URL: <https://www.la-croix.com/France/Politique/Francois-Bayrou-propose-alliance-avec-Emmanuel-Macron-2017-02-22-1200826764>

[Бунин 2018]. Подобно Наполеону III, Макрон предложил решить социальные проблемы и стимулировать экономический рост страны за счет либеральных методов (дебюрократизация рынка и трудовых отношений), путем отказа от исторически присущего Франции дирижизма (*Europe*, 1. 18.04.2016)¹.

Экономическая программа Макрона представляла собой типичное лавирование между социализмом и либерализмом: с одной стороны, повышение эффективности и контроля государственных расходов и повышение страхования от безработицы, увеличение расходов на здравоохранение и образование, господдержка сельского хозяйства, с другой – масштабный план поддержки бизнес-проектов и развития инноваций в промышленности, снижение налогов на сверхприбыль [Кудрявцев 2017].

Оппоненты Макрона, «защепившиеся» за его тактику лавирования, в скором времени начали обвинять его в «социальной демагогии» и тенденции к бонапартизму. Действительно, макроновская формула социального компромисса, сочетания либерализма и государственного регулирования очень похожа на бонапартистскую методику. Однако в плане политических институтов он оставался верен конституции республики, не стремился превратить представительную демократию в плебисцитарную, в его программе не заложено радикальное преобразование институтов власти. Что может являться общей платформой для Макрона и бонапартистов – так это стремление спасти доверие нации к демократии, восстановить авторитет республиканских институтов, спасти общество от поляризации [Tulard 1997]. Разница лишь в том, что Макрон, действуя в условиях уже прочной и зрелой демократии, остается в рамках конституционности, а не формирует совершенно новый для страны политический режим, как это произошло в 1799 и 1852 годах.

Новые вызовы для Э. Макрона

2017 год, начиная с весны, прошел для французов под знаком больших надежд и воодушевления. Было очевидно, что социально-экономическая и политическая система находятся на пороге серьезного обновления, которое, как верили французы, решит многие

¹ URL: <http://www.europe1.fr/politique/y-a-t-il-du-tony-blair-dans-emmanuel-macron-2723368>.

наболевшие проблемы. Однако этим ожиданиям не суждено было сбыться – уже в самом начале 2018 года стало понятно, что правительство Макрона едва ли способно выдерживать заявленный баланс между «левыми» и «правыми», и действия его приобрели откровенно «правый крен». Прежде всего, о многом говорит назначение премьер-министром Эдуара Филиппа, принадлежавшего к партии республиканцев. Именно с его взглядами и программой связывают отступление Макрона от социализма. Одним из самых протестных в истории Пятой республики стал 2018 год. Он ознаменовался протестами против пакета социально-экономических реформ, разработанного в праволиберальном ключе, что должно было затронуть «неприкосновенную» сферу трудового законодательства, пенсий, образования. Выступления «желтых жилетов», протесты против пенсионной реформы (усложнявшей условия выхода на пенсию) и студенческие волнения, направленные против реформы образования – всё это быстро обрушило рейтинг одобрения нового президента и стало наглядным свидетельством непродуманности его политики, чрезмерно отклонившейся «вправо». В связи с этим среди французских политологов и историков появились размышления о более успешном прецеденте – о бонапартизме и реформах «либеральной империи»; по мнению аналитиков, Макрону не доставало именно бонапартистского «социального лавирования», умения вести диалог с максимально широкой аудиторией, с различными социальными группами, а не только с верхушкой среднего класса, что закономерно породило один из известных лозунгов «желтых жилетов»: «Макрон – президент богачей!» (*Le Figaro*, 12.10.2018).

Однако бонапартизм предполагал прежде всего политическую систему, ориентированную на достижение максимальной лояльности масс, социальный контракт, предоставлявший народу благосостояние в обмен на одобрение авторитарных полномочий главы государства. Бонапартизм создавал почти с нуля новую систему и потому обладал большей маневренностью. Центризм функционирует в рамках демократических институтов и конституции, полномочия главы государства ограничены законодательным институтом, он в гораздо большей степени, чем бонапартизм, зависима от общественных настроений и общественного контроля. Поэтому французы не простили Макрону его правый (точнее, праволиберальный, или консервативно-либеральный) уклон предыдущих двух лет [Рубинский 2019].

Однако переломным, решающим для Франции становится, судя по всему, 2020 год. Распространившаяся на страну в первой половине года пандемия коронавирусной инфекции внесла серьезные изменения в социальную и экономическую, а значит, и в политическую сферы жизни. Введение жесткого карантина для противодействия распространению инфекции привело к стагнации экономики на несколько месяцев, к росту безработицы и к новому (правда, на этот раз уже не уличному) всплеску недовольства властями. Данные обстоятельства стали проверкой для Макрона и его курса – и, скорее всего, именно благодаря им Францию ожидает смягчение или вовсе отмена ранее принятого пакета реформ и уход от праволиберального крена в сторону социально ориентированной политики [Федоров 2020]. Ситуация 2020 года требует от президента максимально осторожности, выдержки и компромисса с «левыми» силами. «Благоприятным» знаком стала отставка премьер-министра Эдуара Филиппа, раздражавшего французов своей консервативной программой. В этот раз у Макрона, как некогда у Бонапарта и де Голля, есть шанс стать подлинным «спасителем» нации, объединяющим вокруг себя все общественные силы. На первый взгляд, обстоятельства этому способствуют: ведь старые партии республиканцев и социалистов по-прежнему остаются дискредитированными и на данный момент так и не вернули себе симпатии электората, им потребуется долгая и мощная реформистская программа, чтобы восстановиться или трансформироваться в новые силы. Однако у действующего президента все еще сохраняются непримиримые и не готовые к альянсам соперники – ультраправое «Национальное объединение» и «левые» радикалы «Непокоренная Франция» во главе с Ж.-Л. Меланшоном. Даже если ожидаемой «правительство национального единства» будет создано, эти силы, особенно ультраправые, не прекратят борьбу. Что позволяет прогнозировать ситуацию, когда в следующем электоральном цикле во Франции повторится «дуэль» Макрона и Ле Пен как двух партий с максимальной социальной поддержкой.

Заключение

На данный момент Франция и политический курс президента Макрона находятся на перепутье. Президенту придется поступиться немалой частью своей изначальной программы и тактики, предстоит

испытать свое умение проводить политику «социального лавирования». Тем не менее едва ли что-либо в современной Франции обладает столь прочным авторитетом и перспективами, как центризм. Эта политическая идеология, сформированная на протяжении Нового и Новейшего времени под влиянием зарождения в стране многопартийной системы, неоднократно продемонстрировала свою эффективность в решении острых социальных вопросов. Причем центризм мог проявляться вне привязанности к форме политического устройства – он имел место и при авторитарных (бонапартистских) режимах, и при республиках. Отличительной чертой центризма каждый раз становилась способность к широкому социальному диалогу, к которому оказывались неспособны «классические» левые и правые. Бонапартизм являлся наиболее радикальным и архаичным вариантом центризма, сформировавшимся в эпоху еще незрелой демократии и ее хрупких институтов, нуждавшихся в защите со стороны авторитарной власти. История развития либерально-демократического движения во Франции внесла свои коррективы в формы центризма, и в XX веке он стал одним из залогов спасения республиканских институтов.

Перечисленные модели центризма не всегда были эффективными. Наибольшего успеха в подобной тактике добились Бонапарты, поскольку авторитарный режим проводил реформы быстрее и решительнее, не считаясь с мнением оппозиции, а против недовольных применял репрессии. В условиях республики этот путь уже более тернист – ибо необходимо считаться с голосами многочисленных социальных групп, множества партий. Бесспорно, в демократическом обществе любая жесткая мера со стороны власти воспринимается как провокационная; при том что Макрон – не Луи Бонапарт и не де Голль, которые могли «позволить» себе жесткие действия, опираясь на свой авторитет национальных героев и действуя в обстоятельствах намного более суровых, чем социально-политическая жизнь Франции начала XXI века. Станет ли Эммануэль Макрон новым спасителем Франции – покажет время, обстоятельства и умение нового президента вести диалог с обществом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бунин И. М. Что разрушает и что строит Э. Макрон в партийно-политической системе Франции? // Франция при президенте Эммануэле Макроне: начало пути: сб. материалов II Всероссийской науч. конф. франковедов /

- отв. ред. М. В. Клинова, А. К. Кудрявцев. М. : ИМЭМО РАН, 2018. С. 75–76. [Bunin, I. M. (2018). *Что разрушает и что строит Ж. Макрон в партийно-политической системе Франции?* (What E. Macron builds and destroys in French political system?). France in the times of president E. Macron: the beginning. IMEMO RAN (pp. 75–76): proceedings of the II scientific and practical conference. (In Russ.)].
- Игнатченко И. В.* Адольф Тьер. Судьба французского либерала первой половины XIX века. М. : Дело, 2017. [Ignatchenko, I. V. (2017). *Adolphe Thiers: sudba frantsuzskogo liberala pervoj poloviny XIX v.* (The fate of a French liberal of the first half of the XIXth century). Moscow: Delo. (In Russ.)].
- Канинская Г. Н.* Радикалы и радикализм в послевоенной Франции. М. : Наука, 1999. [Kaninskaya, G. N. (1999). *Radykaly I radykalizm v poslevoennoj Francii.* (Radicals and radicalism in post-war France). Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Кудрявцев А. К.* Экономические программы Э. Макрона и Б. Амона // Президентские выборы во Франции–2017: Материалы межинститутского круглого стола 01.03.2017. М. : ИМЭМО РАН, 2017. С. 13–16. [Kudryavtsev, A. K. (2017). *Economical programmes of E. Macron and B. Hamon: The materials of cross-institutional round table.* IMEMO RAN (Pp. 13–16). (In Russ.)].
- Кукаркина О. В.* Союз за французскую демократию: от конфедерации к новой партии // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2009. № 6. С. 57–73. [Kukarkina, O. V. (2009). *The Union for French democracy: from confederation to the new party.* Vestnik of Moscow State University. History, 6, 57–73. (In Russ.)].
- Моисеев Г. Ч.* Валери Жискар д’Эстен и проект «передового либерального общества» // Французский либерализм в прошлом и настоящем / отв. ред. В. П. Смирнов. М. : 2001. С. 192–217. [Moiseev, G. Ch. (2001). *Valery Giscard d’Estaing and the project of the “modern liberal society”.* French liberalism in past and present (pp. 192–217). (In Russ.)].
- Рубинский Ю. И.* Центризм в политической жизни Франции // Мировая экономика и международные отношения. 1970. № 11. С. 101–102. [Rubinsky, U. I. (1970). *Centrism in the political life of France.* World economy and international relations, 11, 101–102. (in Russ.)].
- Рубинский Ю. И.* Франция: «второй акт» Э. Макрона // Аналитическая записка № 32. 2019. С. 1–7. [Rubinsky, U. I. (2019). *France: the “second act” of E. Macron.* Analytical paper, 32, 1–7 (In Russ.)].
- Тюлар Ж.* Наполеон, или Миф о спасителе: пер. с фр. А. П. Бондарева. М. : Молодая гвардия, 2012. [Tulard, J. (2012). *Napoleon, ili mif o spasitele* (Napoleon or the myth of a saviour): ed. by A. P. Bondarev. Moscow: Molodaya Gvardiya. (In Russ.)].

- Федоров С. М.* Перспективы формирования «правительства национального единства» во Франции // Аналитическая записка. 2020. № 23. [Fedorov, S. M. (2020). The perspectives of the “government of national unity” in France. Analytical paper, 23. (In Russ.)]. URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2020/an206.pdf> (дата обращения 6.07.2020).
- Шмелев Д. В.* Союз за французскую демократию: политическая стратегия, идеи, организация (1978–1998). Казань: ФЭн, 2008. [Shmelev, D. V. (2008). Soyuz za frantsuzskuyu demokratiyu: politicheskaya strategiya, idei, organizatsiya (1978–1998). (The Union for the French democracy: political strategy, ideas, structure (1978–1998)). Kazan, Fen. (In Russ.)].
- Шмелев Д. В.* Французский центризм в начале XXI века // Современная Европа. 2017. № 4. С. 31. [Shmelev, D. V. (2017). French centrism in early XXIth century. The modern Europe, 4, 29–39. (In Russ.)].
- Anceau E.* Napoléon III, un Saint-Simon à cheval. Paris: Tallandier, 2012.
- Bernard M.* Histoire politique de la Ve République. De 1958 à nos jours. Paris: Armand Colin, 2008.
- Bardonnet D.* Évolution de la structure du parti radical. Paris: Montchrestien, 1960.
- Fretel J.* Un centre sans gravité // Les partis politiques en France / Dir. P. Delwit. Bruxelles: Ed. De l'Université de Bruxelles, 2014. P. 182–183.
- Furet F., Julliard J., Rosanvallon P.* La République du centre. Paris: Seuil, 1990.
- Furet F.* Penser la révolution française. Paris: Gallimard, 1978.
- Massart A.* L'Union pour la Démocratie Française: UDF. Paris: L'Harmattan, 1999.
- Rioux J.-P.* Les centristes de Mirabeau à Bayrou. Paris: Fayard, 2011.
- Tulard J. et al.* Pourquoi réhabiliter le Second Empire? Paris: Ed. Giovanangeli, 1997.
- Valance G.* Valéry Giscard d'Estaing. Une vie. Paris: Flammarion, 2011.

УДК 316.4

DOI 10.52070/2500-347X_2021_2_843_257

Д. В. Дорофеев

адъюнкт кафедры социологии
Военный университет
Министерства обороны Российской Федерации
dorofeevdy@inbox.ru

СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ В ВОИНСКОЙ СРЕДЕ (опыт социологического исследования)

В статье рассматриваются теоретические аспекты и эмпирические показатели социальной напряженности в воинской среде. Проведенный теоретический анализ позволил выделить основные компоненты социальной напряженности в социальной среде. На основе эмпирических исследований дана характеристика выделенных компонентов социальной напряженности в воинской среде.

Ключевые слова: социальная напряженность; конфликтность; социальные ожидания; социальное поведение; воинская среда.

D. V. Dorofeev

Postgraduate student at the Department of Sociology
Military University of the Ministry of defense of the Russian Federation
dorofeevdy@inbox.ru

SOCIAL TENSION IN THE MILITARY ENVIRONMENT (experience of sociological research)

The article deals with the theoretical aspects and empirical indicators of social tension in the military environment. The theoretical analysis made it possible to identify the main components of social tension in the social environment. On the basis of empirical data, the characteristic of the selected components of social tension in the military environment is given.

Key words: social tension; conflict; social expectations; social behavior; military environment.

Введение

В настоящее время социологические исследования, которые проводятся в Вооруженных силах, стали неотъемлемой частью системы военного управления, они проводятся с целью объективной оценки социальных факторов, влияющих на боевой потенциал войск. История знает немало примеров, когда более многочисленные, профессионально обученные и оснащенные войска оказывались неспособными противостоять моральной стойкости и упорству войск противника. И сегодня, в условиях меняющегося характера боевых действий, сплоченность и моральная устойчивость воинских коллективов также является важным фактором эффективности выполнения боевых задач. В этой связи для социологов особый интерес представляет исследование социальной напряженности в воинской среде, так как эта проблема напрямую связана с поддержанием правопорядка и воинской дисциплины, формированием морального климата и сплоченности воинских коллективов.

Теоретические аспекты социологического изучения социальной напряженности

Социальная напряженность представляется достаточно сложным социально-психологическим феноменом, который содержательно затрагивает все сферы общественной жизни, поэтому попадает в поле зрения различных наук: психологии, политологии, социологии, философии и др. Научный интерес к исследованию социальной напряженности во многом детерминирован тем, что социальная напряженность нарастает на пике кризисных явлений в обществе и часто становится их катализатором.

В этой связи в социологии базовым посылом для рассмотрения социальной напряженности является ее взаимосвязь с конфликтом. Одно из наиболее распространенных определений социальной напряженности дано в словаре Г. В. Осипова: «Социальное напряжение – состояние группы, общности или общества, характеризующееся назреванием конфликтов и дезинтеграцией, выражающееся в различных формах социального недовольства и протеста» [Социологический энциклопедический словарь 1998]. Тесную связь социальной напряженности с конфликтом отмечают как отечественные исследователи – А. Г. Здравомыслов,

Г. В. Баранова, Д. И. Анисимов, Е. В. Тучков, С. В. Янин и др., так и зарубежные ученые – Г. Блумер, Л. Козер, Р. Дарендорф, Р. Майерс, Р. Фуллер др.

Однако в силу специфики исторического, культурного и социально-экономического развития российского социума и его социальных институтов прежде всего обратим внимание на опыт отечественной социологии в исследовании феномена социальной напряженности. Сегодня в отечественной социологии накоплена достаточно обширная база теоретических и эмпирических исследований социальной напряженности. Большой вклад в научное обоснование этого социального феномена внесли А. Г. Здравомыслов, В. О. Рукавишников, Г. В. Баранова, Д. И. Анисимов, Е. В. Тучков, И. А. Ульянова, И. В. Образцов, И. В. Пирогов, М. Н. Муханова, Н. В. Губина, П. Д. Чернобай, С. В. Янин, С. С. Соловьев, С. Ю. Симоненков и др.

Рассматривая феномен социальной напряженности, отечественные ученые отмечают, что основным источником социальной напряженности является неудовлетворенность основных потребностей человека, при этом акцент делается не столько на физиологических, сколько на социальных потребностях. Уровень притязаний каждого индивида определяет степень его удовлетворенности (неудовлетворенности) потребностями. В зависимости от социальных, экономических и других условий среды уровень притязаний индивидов может повышаться или снижаться, в связи с этим меняется степень удовлетворенности людей. Однако полностью удовлетворить потребности невозможно, следовательно, существует некоторая фоновая неудовлетворенность. С усилением неудовлетворенности растет социальная напряженность, которая под воздействием определенных «социальных катализаторов» может приобрести неконтролируемый, взрывной характер [Баранова, Фролов 2012]. Этот подход лежит в основе градации социальной напряженности на уровни от фонового (низкого, латентного и т. д.) до критического (социального взрыва, социального протеста и т. д.). Большой вклад в теоретическую разработку и эмпирическое обоснование уровней социальной напряженности внесли Г. В. Баранова, Е. В. Тучков, П. Д. Чернобай и др. ученые.

С уровнем удовлетворенности (неудовлетворенности) социальных потребностей и притязаний теснейшим образом связаны социальные ожидания индивидов, однако объективно существующая реальность не всегда соответствует представлениям и ожиданиям людей. Более того, она изменяется под воздействием независимых от

человека факторов (природных, техногенных, политических, социальных и др.), что увеличивает разрыв между ожиданиями индивидов и восприятием ими действительности.

Нереализованные ожидания приводят к росту неудовлетворенности и, как следствие, к повышению напряженности, поэтому разрыв между социальными ожиданиями людей и восприятием ими сложившейся ситуации в обществе социологи относят к качественной характеристике социальной напряженности [Симоненков 2006].

Описываемые социальные явления и процессы накладывают свой отпечаток на эмоциональное состояние членов общества, поэтому многие отечественные авторы, характеризуя социальную напряженность, выделяют эмоциональную составляющую этого социального феномена. Эмоциональный фон является неотъемлемым атрибутом напряженности в обществе; более того, эмоциональное состояние становится важной характеристикой социальной напряженности, так, например, И. А. Ульянова определяет социальную напряженность как «эмоциональное состояние группы или общества в целом» [Ульянова 2005].

В конечном итоге неудовлетворенность индивидуальных и групповых потребностей, неоправданные социальные ожидания, эмоциональный фон приводят к повышению напряжения и конфликтности в социальной среде, нарастает готовность индивидов и социальных групп к активным действиям, при дальнейшей эскалации напряжение достигает критического уровня, и люди переходят к протестным действиям [Соловьев 1993]. Действия людей, как правило, ограничиваются рамками нормативного и морального полей, однако на пике социальной напряженности протестное поведение может выходить за рамки существующего нормативного и морального порядка. Однако необходимо отметить, что ученые не рассматривают социальную напряженность как строго негативный социальный феномен, более того, умеренное напряжение – необходимое условие развития общества, оно является стимулом для саморазвития личности и служит катализатором активных социально полезных действий [Губина 1998].

Таким образом, качественными характеристиками социальной напряженности в социальной среде, являются: конфликтность, удовлетворенность (неудовлетворенность) потребностей, эмоциональное состояние, социальные ожидания и оценка объективной действительности, готовность к активным действиям и сами активные действия.

Современная характеристика социальной напряженности в воинской среде (на основе данных эмпирических исследований)

В силу специфики деятельности Вооруженные силы являются закрытой организацией, потому информация об их деятельности, как правило, носит конфиденциальный характер и не всегда доступна для широкой общественности, а те сведения, которые появляются по открытым информационным каналам Министерства обороны России и других ведомств, в которых законом предусмотрена военная служба, проходят цензуру. Сведения о моральном состоянии и социальных процессах в воинских коллективах также достаточно дозированные. В этой связи особый интерес приобретают эмпирические результаты социологических исследований, проведенных независимыми от силовых структур исследовательскими организациями. Всероссийский центр изучения общественного мнения (далее – ВЦИОМ) на регулярной основе проводит социологические исследования, посвященные проблеме взаимодействия армии и общества. В конце 2020 году были опубликованы результаты социологического исследования, посвященного проблемам готовности граждан к военной службе и неуставных отношений в воинской среде. По замыслу исследования респонденты, принявшие участие в этой работе, были разделены на две категории. К первой категории относятся действующие военнослужащие и граждане, прошедшие срочную службу в Вооруженных силах; вторая категория – граждане, не проходившие службу в армии, в том числе потенциальные призывники и их родители [Аналитический обзор. Готовность к службе в армии URL]. Таким образом, появилась возможность сравнить общественное мнение об армии и военной службе гражданского населения (потенциально вовлеченная аудитория) с мнением военнослужащих и граждан, прошедших военную службу (вовлеченная аудитория).

Рассматривая социальную напряженность в контексте конфликтности в армейской среде, необходимо обратить внимание на следующий аспект: воинские отношения строго регламентированы и подчинены жесткой субординации, поэтому доминирующей формой проявления конфликтов в армии в первую очередь являются нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими.

Отмечая негативные изменения, произошедшие в Вооруженных силах за последние два-три года, респонденты, принявшие участие в исследовании ВЦИОМ, среди прочих отметили наличие неуставных

взаимоотношений. Однако показателен тот факт, что на эту проблему в первую очередь обращают внимание люди, не служившие в армии – 19%; среди военнослужащих и граждан, прошедших службу в Вооруженных силах, этот показатель составил лишь 5%. Также надо отметить, что в рейтинге негативных явлений в армии проблема неуставных взаимоотношений, по мнению потенциально вовлеченных респондентов, заняла первое место, вовлеченной аудитории – десятое [Аналитический обзор ... URL].

В то же время эмпирические результаты опроса свидетельствуют о том, что большинство офицеров – 80% удовлетворены отношениями в воинских коллективах и характеризуют их как профессиональные и деловые. При этом респонденты отметили, что недобросовестное исполнение служебных обязанностей как сослуживцами, так и подчиненными является основной причиной конфликтов в армейской среде [Барановский 2019].

Таким образом, можно сделать вывод, что в общественном сознании населения проблема неуставных взаимоотношений в армии сильно преувеличена, а реальный уровень конфликтности в воинской среде не превышает критических значений и не оказывает существенного влияния на боевой потенциал войск.

Удовлетворенность социально-бытовых и экономических потребностей военнослужащих напрямую зависит от эффективности функционирования государственной системы, социально-экономического обеспечения Вооруженных сил.

Необходимо отметить, что в структуре ценностных ориентаций военнослужащих наряду с традиционно высоким уровнем нравственных ценностей – выполнение воинского долга по защите Отечества – 70% и воинская честь – 53% – отмечается превалирование материальных ценностей, среди которых доминируют возможность решения жилищного вопроса – 50%, а также получение специальных преимуществ и льгот, предоставляемых военнослужащим – 30% [там же].

Результаты социологического исследования показали, что качество социально-бытового обеспечения имеет положительный рост. Так, среди реальных улучшений в Вооруженных силах респонденты отметили положительные изменения в социально-бытовой сфере: улучшение качества питания отмечают 17% военнослужащих, улучшение жилищных условий и условий быта – 12%, улучшение норм и качества довольствия – 10%. Среди негативных тенденций

традиционно отмечается низкий уровень денежного довольствия – 23 % (повышение денежного довольствия отметили 13 % опрошенных), при этом отмеченные выше показатели социально-бытовой сферы (за исключением плохого снабжения формой – 14 %) не превысили 5 % [Аналитический обзор ... URL]. Таким образом, подтверждается реальное улучшение качества социально-бытового обеспечения военнослужащих и постепенное повышение уровня удовлетворенности им. Также отметим, что среди офицерского состава 78 % выражают удовлетворенность деятельностью государства в решении социально-экономических проблем военнослужащих [Барановский 2019].

Данные, представленные в таблице 1, свидетельствуют о том, что наряду с постепенным улучшением социально-экономического обеспечения военнослужащих с 2012 года наблюдается устойчивая тенденция к росту одобрения деятельности российской армии [Аналитический обзор. Армия и общество: мониторинг ... URL].

Таблица 1

**Одобрение или неодобрение деятельности российской армии
(по данным ВЦИОМ, в %)**

	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Одобрение	52	58	65	75	83	88	87
Неодобрение	31	28	22	10	11	7	5

Сегодня эмпирически фиксируется в целом положительная оценка изменений в Вооруженных силах как со стороны гражданского населения (50%), так и со стороны военнослужащих и граждан, прошедших военную службу (50%), доля отметивших существенное ухудшение составила лишь 2% и 3% соответственно (см. табл. 2).

Таблица 2

**Оценка изменения ситуации в российской армии за последние
два-три года (по данным ВЦИОМ за 2020 г., в %)**

Как изменилась ситуация в армии?	Вовлеченная аудитория	Потенциально вовлеченная аудитория
Значительно улучшилась	15	11
Скорее, улучшилась	35	39
Практически не изменилась	31	24

Как изменилась ситуация в армии?	Вовлеченная аудитория	Потенциально вовлеченная аудитория
Скорее, ухудшилась	6	6
Значительно ухудшилась	3	2

Анализ эмпирических результатов социологических исследований позволяет говорить о том, что в отношении деятельности армии и военной службы преобладают положительные социальные ожидания, которые в целом подтверждаются оценкой реального состояния дел в Вооруженных силах, при этом социальные ожидания потенциальных призывников и действующих (отслуживших) военнослужащих по многим позициям совпадают, что в перспективе обеспечит поддержание социальной напряженности в воинской среде на оптимальном уровне.

Эмоциональное состояние российских офицеров характеризуется чувствами, которые они испытывали в момент опроса (см. рис. 1), и отличается доминированием положительных чувств, среди которых преобладают уверенность в себе – 64% и рабочий настрой – 52%, спокойствие – 48%, чувства негативного окраса не превышают 3% (за исключением чувства усталости 11%) [Барановский 2019].

Рис. 1. Преобладающие чувства офицеров

Поведенческий компонент социальной напряженности в воинской среде состоит из двух частей: первый – готовность к действиям, второй – собственно активные действия. Некоторую информацию о готовности военнослужащих к действиям можно получить с помощью опросного метода путем фиксации их субъективных самооценок. О втором компоненте можно судить по состоянию правопорядка и воинской дисциплины войск и качеству выполнения служебно-боевых задач.

Подавляющее большинство офицеров российской армии – 94 % высказались о своей полной готовности к выполнению боевых задач в случае внешней агрессии, при этом 93 % респондентов отметили, что готовы принять участие в боевых действиях совместно со своим подразделением (коллективом), также среди российских офицеров отмечается высокий уровень альтруизма, 66 % опрошенных высказались о своей готовности к самопожертвованию ради спасения товарищей [Барановский 2019].

Готовность к службе в армии является основным показателем поведенческого компонента социальной напряженности в воинской среде. Целесообразно выделить два аспекта этого показателя: во-первых, оценку военнослужащими перспектив дальнейшей военной службы; во-вторых, оценку респондентами перспективы службы в армии для своих близких родственников.

Среди офицерского состава Вооруженных сил эмпирически фиксируются следующие результаты: 85 % опрошенных офицеров готовы продолжать службу в армии, при этом 44 % намерены служить до предельного возраста пребывания на военной службе. Однако значительная часть офицеров связывает перспективы военной службы с возможностью получения жилья – 22 % и права на пенсию – 6 % [Барановский 2019]. Оценка перспективы службы в российской армии для своих близких родственников представлена в таблице 3.

Таблица 3

Оценка перспективы службы в российской армии для своих близких родственников (по данным ВЦИОМ за 2020 г., в %)

Хотели бы Вы, чтобы Ваш сын служил в российской армии или не хотели бы?	Вовлеченная аудитория	Потенциально вовлеченная аудитория
Скорее, да	80	68

Скорее, нет	15	27
Не задумывался об этом	0	1
Затрудняюсь ответить	5	4

Таким образом, эмпирически фиксируется достаточно высокий уровень ориентированности на прохождение военной службы и выполнение боевых задач, однако для поддержания его на этом уровне необходимо развивать систему социально-экономического стимулирования.

Заключение

Анализ основных подходов к исследованию социальной напряженности позволил выявить качественные характеристики этого социального феномена, к ним относятся: конфликтность, удовлетворенность (неудовлетворенность) потребностей, эмоциональное состояние, социальные ожидания и оценка объективной действительности, готовность к активным действиям и сами активные действия.

Эмпирическое описание качественных характеристик социальной напряженности в воинской среде позволяет сделать следующие выводы:

1) уровень конфликтности в воинской среде, в целом, находится на низком уровне, при этом в общественном сознании населения гипертрофирована проблема неуставных взаимоотношений, что свидетельствует о недостаточно эффективной информационно-просветительской деятельности по разъяснению реального положения дел в воинских коллективах;

2) удовлетворенность военнослужащих социально-бытовыми условиями (жилищные условия, качество питания, нормы снабжения и т.д.) имеет устойчивую тенденцию к росту, однако среди проблем социально-экономического обеспечения военнослужащих традиционно лидирующее место занимает недостаточный уровень денежного довольствия;

3) эмоциональное состояние офицерского состава характеризуется доминированием положительных чувств, среди которых преобладают уверенность в себе, рабочий настрой, спокойствие;

4) социальные ожидания как действующих военнослужащих, так и потенциальных призванников в целом соответствуют их оценке реального положения дел Вооруженных силах;

5) поведенческий компонент социальной напряженности в воинской среде характеризуется достаточно высоким уровнем ориентированности на прохождение военной службы.

Таким образом, уровень социальной напряженности в воинской среде в целом способствует поддержанию устойчивого уровня морально-психологического состояния войск, однако в ряду значимых перспективных проблем остаются вопросы социально-экономического обеспечения военнослужащих, прежде всего, планового повышения денежного довольствия; повышения эффективности информационной работы с населением, особенно с молодежью, с целью формирования у граждан объективного представления о социальных аспектах деятельности воинских коллективов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аналитический обзор. Армия и общество: мониторинг // Официальный сайт ВЦИОМ. [Analytical review. Army and Society: Monitoring. Russian Public Opinion Research Center (VCIOM). (In Russ.)]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/armiya-i-obshhestvo-monitoring> (дата обращения: 04.03.2021).
- Аналитический обзор. Готовность к службе в армии и неуставные отношения // Официальный сайт ВЦИОМ [Analytical review. Willingness to serve in the army and hazing. Russian Public Opinion Research Center (VCIOM). (In Russ.)]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gotovnost-k-sluzhbe-v-armii-i-neustavnye-otnosheniya> (дата обращения: 02.03.2021).
- Баранова Г. В., Фролов В. А. Методология и методика измерения социальной напряженности // Социологические исследования. 2012. Вып. 3. С. 50–65. [Baranova, G. V., Frolov, V. A. (2012). Methodology and methodology for measuring social tension. Sociological studies, 3, 50–65. (In Russ.)].
- Барановский М. В. Доверие в военной организации (опыт социологического исследования) // Социологические исследования. 2019. Вып. 10. С. 137–145. [Baranovsky, M. V. (2019). Trust in Military Organization (a Sociological Survey). Sociological studies, 10, 137–145. (In Russ.)].
- Губина Н. В. Социальная напряженность в трудовом коллективе // Социологические исследования. 1998. Вып. 11. С. 17–25. [Gubina, N. V. (1998). Social tension in the labor collective. Sociological studies, 11, 17–25. (In Russ.)].
- Симоненков Ю. С. Социальная напряженность в авиационных воинских коллективах и пути ее снижения в современных условиях (социологический анализ на примере ВВС): автореф. дис. ... канд. социол.

- наук. М. 2006. [Simonenkov, Yu. S. (2006). Social'naya napryazhennost' v aviacionnyh voinskih kollektivah i puti ee snizheniya v sovremennyh usloviyah (sociologicheskij analiz na primere VVS) (Social tension in aviation military collectives and ways to reduce it in modern conditions (sociological analysis on the example of the Air Force): abstract of PhD in Sociology. Moscow. (In Russ.)].
- Соловьев С. С. Методика измерения социальной напряженности в Вооруженных Силах // Социологические исследования. 1993. Вып. 12. С. 68–73. [Solov'ev, S. S. (1993). Methodology for measuring social tension in the Armed Forces. Sociological studies, 12, 68–73. (In Russ.)]
- Социологический энциклопедический словарь / под ред. Г.В.Осипова. М.: Инфра М–Норма, 1998. [Osipov, G. V. (ed.). (1998). Sociologicheskij enciklopedicheskij slovar' (Sociological Encyclopedic Dictionary). Moscow: Infra M–Norma (In Russ.)].
- Ульянова И. А. Социальная напряженность в студенческом социуме (опыт социологического исследования): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Пенза, 2005. [Ul'yanova, I. A. (2005). Social'naya napryazhennost' v studencheskom sociume (opyt sociologicheskogo issledovaniya) (Social tension in student society (the experience of sociological research): abstract of PhD in Sociology. Penza. (In Russ.)].

УДК 316.3

DOI 10.52070/2500-347X_2021_2_843_269

Р. А. Захаркин

кандидат социологических наук
доцент департамента коммуникаций и медиа
Школы искусств и гуманитарных наук
Дальневосточного федерального университета
rom_zah@mail.ru

ВОСПРИЯТИЕ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА КАК КРИЗИСНОГО

В статье представлены результаты исследования, проведенного в конце 2019 – начале 2020 годов в рамках Приморского края по следующим направлениям: восприятие жителями современного российского общества как кризисного, определение типа кризиса, степени тяжести, возможности и вероятности преодоления, факторов, помогающих или мешающих преодолению кризиса. С точки зрения респондентов, российское общество действительно является кризисным социумом, но перспективы России оцениваются позитивно.

Ключевые слова: социальная реальность; кризис; кризисная социальная реальность; кризисное общество; кризисные тенденции; Россия; Приморский край; Ю. Хабермас.

R. A. Zakharkin

PhD (Sociology)
Assoc. Prof.
at the Department of Communications and Media
School of Arts and Humanities
Far Eastern Federal University
rom_zah@mail.ru

PERCEPTION OF RUSSIAN SOCIETY AS A CRISIS SOCIETY

The paper focuses on our residents's perception of modern Russian society as crisis-ridden. The paper presents the results of a study conducted in late 2019–early 2020 in Primorsky Territory. The study was carried out in the following areas: the residents' perceiving modern Russian society as crisis-ridden, establishing the type of crisis, its degree as well as the possibility and probability of Russia's overcoming the crisis, and, finally, the factors that help or hinder overcoming the crisis. The paper shows that from the respondents' point of view, Russian society is indeed a crisis society. At the same time, a significant part of the respondents positively assesses Russia's prospects in overcoming the crisis.

Key words: Social reality; crisis; crisis social reality; crisis society; crisis trends; Russia; Primorsky region; Y. U. Habermas.

Введение

Тема кризисного социума для России всегда была животрепещущей, но на современном ее этапе она стала особенно актуальной после событий 2014 года, когда в отношении нашей страны были введены экономические и политические санкции. Но можно ли российское общество на данном этапе действительно назвать кризисным? Если мы обратимся к работе Ю. Хабермаса «Проблема легитимации позднего капитализма» [Хабермас 2010, 79], в которой он рассматривал феномен кризиса в современном обществе, то увидим, что этот исследователь предполагает, что кризисные тенденции в обществе могут исходить от трех систем: экономической, политической и социокультурной. В экономической системе рождаются экономические кризисные тенденции, которые могут привести к экономическому кризису. При этом Ю. Хабермас отмечает, что экономические кризисные тенденции имеют достаточно серьезные последствия не только для экономической системы, но и для социальной и политической: «Поэтому и экономическая кризисная тенденция находит свое развитие в кризисе социальном и приводит к политической борьбе...» [Хабермас 2010, с. 78].

В политической системе возникают политические кризисные тенденции, которые, однако, могут привести к двум видам кризисов: к кризису рациональности и кризису легитимации. Кризис рациональности – это такая ситуация, при которой исполнительная власть не может по тем или иным причинам эффективно управлять процессами, происходящими в политической системе общества. То есть это отсутствие возможности управлять «сверху»: «Административной системе не удается согласовать и исполнить те императивы управления, которые она получает от экономической системы. <...> Кризисная тенденция реализуется в дезорганизации госаппарата посредством утраты легитимации» [Хабермас 2010, с. 79].

Кризис легитимации – это ситуация, при которой массы отказываются исполнять требования власти в должном объеме или полностью. То есть это отсутствие возможности управлять ситуацией из-за отказа повиноваться «снизу»: «Легитимационной системе при исполнении заданных экономической системой императивов управления не удастся сохранить требуемый уровень лояльности масс» [там же].

В социокультурной системе появляются социокультурные кризисные тенденции, которые могут привести к кризису мотивации,

то есть «разрывается» «идеологическая» основа жизни общества, «скрепы», на которых держится мотивационная составляющая людей этого социума, необходимая как для его устойчивости в статичном состоянии, так и для его дальнейшего развития: «Социокультурная система не генерирует в требуемом объёме смысла, мотивирующего действия» [Хабермас 2010, с. 84]. Необходимо отметить, что Ю. Хабермас неоднократно упоминает в своем труде, что все три системы (экономическая, политическая и социокультурная) очень тесно связаны между собой, и кризисные тенденции, возникающие в одной системе, приводят к таким же тенденциям и в других системах. Таким образом, можно сделать вывод, что, согласно Ю. Хабермасу, кризисным общество становится в том случае, если кризисными тенденциями охвачена одна из трех основополагающих систем: экономическая, политическая или социокультурная.

Исследования уровня кризисности российского общества

Такой же точки зрения придерживаются и отечественные исследователи. Например, М. К. Горшков, проанализировав три «волны» мониторинга российского общества, проведенных в 2014–2015 годах ИС РАН и направленных «на изучение состояния и динамики российского общества, испытывающего на себе одновременное воздействие трансформационных процессов и кризисных условий жизнедеятельности» [Горшков 2016, с. 26], пришел к выводу, что после событий 2014 года Россия находится в кризисе, причем это прежде всего экономический кризис, связанный как с санкционной политикой отдельных государств, так и с общим внешним экономическим давлением. Анализ этим же автором последующих четвертой и пятой волн мониторинга, проходивших в 2016 году, показал, что хотя появилась позитивная динамика в оценке процессов, происходящих в обществе, но «пятая волна показала, что со знаком “минус” воспринимается не только состояние экономической сферы жизнедеятельности общества, но и его моральный климат, характер межнациональных отношений, тенденции развития в нем демократии, состояние дел в социальной сфере» [Горшков 2017, с. 33].

Выводы, сделанные М. К. Горшковым, подтверждаются исследованием П. М. Козыревой и А. И. Смирнова [Козырева, Смирнов 2018], которые провели анализ данных «Российского мониторинга

экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS – HSE)» в период с 2008 по 2016 год. Так же, как и в предыдущем исследовании, фиксируется наличие экономического кризиса в России, вызванного событиями 2014 года, а также значительное влияние этого кризиса на повседневную жизнь россиян. Помимо того, что данное исследование фиксирует кризис в российском обществе, оно еще показывает, что этот кризис оказывает существенное влияние на мироощущение россиян, на их самовосприятие в данном обществе. «Негативные явления и процессы в развитии экономики обусловили изменение мироощущения широких слоев, усилили у их представителей чувство неуверенности в завтрашнем дне. Отсутствие экономического роста, выявление всё большей ограниченности возможностей социальной политики государства, ухудшение материального положения значительной части россиян, обострение проблем, связанных с обеспечением безопасности, состоянием образования и медицинского обслуживания, – все эти процессы, отражающиеся на условиях жизни населения и воспринимаемые гражданами непосредственно, через личный жизненный опыт, оказывались в период кризисного десятилетия весомыми факторами, ослабляющими или нередко подрывающими настроения социально-оптимизма» [Козырева, Смирнов 2018, с. 75].

Кризисным российское общество считают и Ю. А. Зубок и В. И. Чупров [Зубок, Чупров 2017], отталкиваясь опять же от ситуации 2014 года. В статье авторы делают сравнительный анализ с ситуацией 2011 года, когда наше общество переживало достаточно благоприятный период своей истории. Они анализируют данные исследования, проведенного отделом социологии молодежи ИСПИ РАН в 2011 и 2014 годах, и приходят к выводу, что кризис в значительной мере повлиял на взаимоотношения россиян в современном обществе: «Кризис, повлиявший на условия жизни каждого человека, поставил его перед необходимостью выбора между различными моделями поведения. При этом люди до определенного момента стараются сохранять привычные принципы, традиционно определяющие их образ жизни. Но, сталкиваясь с жизненными ситуациями, когда следование этим принципам перестает отвечать ожиданиям, люди испытывают состояние неопределенности, выход из которого видится им в смене жизненной парадигмы» [Зубок, Чупров 2017, с. 53].

Таким образом, даже на основе этих исследований можно сделать вывод, что современное российское общество испытывает серьезные кризисные тенденции и само является кризисным. Четкое определение кризисного общества мы видим в интересной работе «Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях» [Кризисный социум 1994, с. 71], написанной после распада Советского Союза и во многом переосмысливающей кризис и его причины, которые привели к распаду СССР. Авторы предполагают, что существует патологический социетальный кризис, который, по их мнению, характеризуется следующими признаками: «Во-первых, общим кризисом социальных отношений, эволюция определенного типа которых достигла завершающей стадии; во-вторых, расколом культуры, инверсионная логика которой формирует заколдованный круг вариантов предкатастрофического состояния; в-третьих, препятствиями, которые инверсионная логика расколота культуры возводит на пути саморазрешения кризиса социальных отношений, гоня общество из одной кризисной ситуации в другую и направляя его, в конечном счете, к катастрофе» [там же, с. 71]. Исходя из природы патологического социетального кризиса и его влияния на общество, авторы выводят понятие кризисного социума, давая ему следующее определение: «Общество, переживающее патологический социокультурный кризис, есть кризисный социум» [там же].

Отметим, что это точка зрения ученых, анализирующих данные исследований и делающих определенные выводы. Нам бы хотелось посмотреть на эту ситуацию с другой стороны – со стороны членов общества, чтобы высказать следующую мысль: кризисное общество – это то общество, в котором его члены начинают воспринимать социальную реальность как кризисную. Альфред Шюц понимал социальную реальность как «тотальную сумму объектов и событий в социокультурном мире в том виде, как они воспринимаются в опыте обыденного мышления людей, живущих повседневной жизнью среди других людей, связанных с ними множеством отношений и взаимодействий» [Шюц 2004, с. 55]. Если члены общества считают, что их социум существует в условиях кризиса, значит, этот социум – кризисный. При этом неважно, есть ли кризис или нет, главное – восприятие ими социальной реальности.

Исследование восприятия актуальной социальной реальности как кризисной

В соответствии с вышесказанным, цель нашего исследования – выяснить, воспринимают ли члены нашего общества социальную реальность как кризисную. По нашим возможностям, респондентами стали жители Владивостока и Приморского края обоих полов в возрасте от 15 лет до 50 и старше. Выборка квотная, репрезентативная по полу и месту проживания респондентов, N=322 человека. Построение выборки обусловлено задачей исследователей сформировать стратифицированный отбор исследуемых единиц, репрезентирующий структуру генеральной совокупности. Помимо пола и возраста, учитывалось материальное положение респондентов, которое определялось уровнем дохода отвечающего. Также необходимо указать, что исследование проводилось в конце 2019 – начале 2020 года до начала развития ситуации, связанной с коронавирусом, поэтому восприятие социальной реальности диагностировалось без побочного влияния последствий введения режима самоизоляции.

Первый вопрос, который был задан респондентам: «Как Вы считаете, на данный момент Россия существует в условиях кризиса (есть ли кризис в России)?». Большинство респондентов положительно ответили на этот вопрос – 75 %, 17 % ответили «нет» и 11 % ответили «не знаю». В целом, можно говорить о том, что большинство респондентов фиксируют наличие кризиса в России.

Во всех возрастных группах, на которые были разделены опрошенные, большинство участников отметили наличие кризиса: «15–18 лет» – 69 %; «19–23» – 76 %; «24–30» – 78 %; «31–35» – 73 %; «36–40» – 63 %; «41–50» – 79 %; «свыше 50» – 64 %. Таким образом, можно сделать вывод, что кризисные тенденции затрагивают все возрастные группы населения, и негативные тенденции имеют широкомасштабный, а не локальный характер.

В выборке, помимо пола и возраста, учитывалось материальное положение респондентов, которое определялось уровнем дохода отвечающего. Было выбрано пять категорий: «до 15 тыс. руб. или не работает», «от 15 до 30 тыс. руб.», «от 30 до 45 тыс. руб.», «от 45 до 60 тыс. руб.», «свыше 60 тыс. руб.». Введение уровня дохода в анкету должно было ответить на важный вопрос, влияет ли уровень дохода на восприятие индивидом кризисности ситуации в обществе.

Положительный ответ на этот вопрос из индивидов с уровнем дохода «до 15 тыс. руб. или не работает» дало 69%, с уровнем дохода «от 15 до 30 тыс. руб.» – 81%, «от 30 до 45 тыс. руб.» – 76%, «от 45 до 60 тыс. руб.» – 75%, «свыше 60 тыс. руб.» – 63%. Можно сделать вывод, что во всех категориях респондентов (и с высоким уровнем дохода, и с низким) большинство отметили наличие кризиса. Таким образом, данная проблема касается людей с разным уровнем дохода, а не является частной для респондентов, имеющих невысокий уровень благосостояния.

Далее в анкете было уточнение: если респондент дал ответ «нет», то на этом он должен закончить заполнение анкеты и не отвечать на следующие вопросы. Это было сделано для того, чтобы отсечь тех респондентов, которые не ощущают кризис и не смогут корректно ответить на следующие вопросы, направленные на выяснение характера чувства кризисной ситуации у респондента.

Далее был задан вопрос: «Как Вы считаете, что это за кризис? (2 варианта)». Цель вопроса – определить, как сами респонденты ощущают этот кризис, какой он для них. Для большинства респондентов это «кризис власти» (72%), на втором месте – «экономический» (61%), далее – «социальный» (27%), «системный» (23%), «мировоззренческий» (14%) и «свой вариант» (3%). Как видно из ответов, мы наблюдаем кризис прежде всего политический, когда люди считают, что в России существует кризис власти. Экономический кризис находится на втором месте, чуть-чуть уступая политическому кризису. Все остальные ответы по количеству процентов значительно уступают двум самым популярным ответам, поэтому можно сказать, что основные проблемы, которые волнуют респондентов, относятся к политической и экономической подсистемам общества.

Следующий вопрос был призван выяснить, как и в каких категориях люди могут описать для себя последствия восприятия социальной реальности как кризисной. На вопрос: «Как Вы на себе ощущаете влияние и последствия кризиса? (2 варианта)» были получены ответы: «Нет уверенности в завтрашнем дне» – 64%; «Падает уровень жизни» – 59%; «Нет понимания своего места в обществе» – 24%, «Не ощущаю» – 7%, «Свой вариант» – 3%. Самая большая проблема, которую привносит кризисное восприятие социальной реальности, – это отсутствие уверенности в завтрашнем дне. Экономическая

составляющая, связанная с падением уровня жизни, находится на втором месте. И отдельно хотелось бы показать ответы на «свой вариант», так как, на наш взгляд, они очень красноречиво описывают, какой логикой руководствовались люди, давая свои ответы. Примеры ответов: «всё дорожает»; «растут цены, иностранная валюта»; «падает уровень жизни»; «стагнация власти»; «коррупция»; «рост налогов, рост цен, снижение уровня жизни»; «страшно за детей»; «понимаю, что для меня перспектив нет»; «рухнули все планы на будущее»; «тяжелая моральная обстановка в обществе» и т. д. В целом, из этих примеров видно, какие проблемы беспокоят людей и что их подталкивает ставить на первое место ответы «падает уровень жизни» и «нет уверенности в завтрашнем дне». Если рассмотреть мнение А. Н. Сухова, можно сделать вывод, что именно кризисное восприятие является причиной таких ответов. Он считает, что такая ситуация дает «резкий рост недовольства, недоверия к различным ветвям власти, конфликтность в обществе, социальные страхи, утрату смысла жизни; неверие в будущее; социальные стрессы, депрессию, падение потребительского спроса, ухудшение демографической ситуации, компенсаторные реакции и пр.» [Сухов 2018, с. 120].

Следующий вопрос был сформулирован так: «Как Вы ощущаете степень глубины этого кризиса?» С помощью этого вопроса предпринималась попытка определить, насколько сильно респонденты ощущают присутствие кризиса в своей жизни. Действительно, мало выяснить, что человек ощущает кризис в обществе, не менее важно понять, как респондент воспринимает глубину этого кризиса. Ведь ясно, что чем в понимании индивида глубже кризис, тем более разрушительное воздействие это явление оказывает на его психику, на его восприятие социальной реальности.

Ответы на этот вопрос распределились следующим образом: «тяжелый» – 39%, «средний» – 38%, «очень тяжелый» – 15%, «страна на грани исчезновения» – 4%, «достаточно легкий» – 4%, «легкий» – 0%, «кризис не ощущается» – 0%. В целом, мы видим, что большинство респондентов определяют кризис в диапазоне от среднего до очень тяжелого. Незначительная часть респондентов находится на алармистских позициях, считая, что страна уже на грани исчезновения. Также незначительная часть опрошенных оценивает ситуацию как достаточно легкую.

Можно констатировать, что большинство тех, кто фиксирует наличие кризиса в нашем обществе, оценивают его как «тяжелый» или «средний». Это говорит о том, что для многих членов нашего общества кризисное состояние общества – уже достаточно серьезное явление или очень серьезное, которое не относится к категории объектов, проходящих незамеченными для индивида. Если индивид оценивает социальную реальность в таких категориях, значит, кризис присутствует в его жизни, и можно говорить о том, что кризис стал одним из акторов, оказывающих влияние на наш социум.

Восприятие будущего в рамках кризисного социума

На вопрос: «Как Вы смотрите на свое личное будущее?» были получены следующие ответы: «нейтрально (нет четкой позиции)» – 31 %; «неуверенно» – 29 %; «уверенно» – 25 %, «абсолютно уверенно» – 9 %; «абсолютно без перспектив» – 6 %. Ответы на вопрос показали, что в целом, хотя ощущение кризиса оказывает серьезное давление на людей, нельзя сказать, что неуверенное настроение царит в среде респондентов. Неуверенно себя чувствуют только около трети (29 %) ответивших, абсолютно без перспектив себя ощущает 6 %, что в общей сложности составляет 35 %. С одной стороны, можно сказать, что это достаточно большое количество, с другой – 25 % чувствует себя уверенно и 9 % абсолютно уверенно, что в сумме дает 34 %, и примерно такое же количество респондентов негативно оценивают свое будущее. Еще 31 % отвечавших людей не определились со своей позицией. В итоге примерно равное количество респондентов оценивают свое будущее существование в обществе положительно, негативно и нейтрально.

Таким образом, можно предположить, что общественное настроение на данный момент находится в позиции шаткого равновесия, когда сама логика дальнейшего развития ситуации в России приведет либо к увеличению негативных и уменьшению позитивных настроений, либо наоборот. Отметим, что количество людей (больше трети ответивших), неуверенно смотрящих в будущее, – это негативный тренд и фактор ослабления общества в целом.

Вопросом: «Как Вы смотрите на будущее России?» была предпринята попытка выяснить, как респонденты оценивают перспективы России. Были получены следующие ответы: «пессимистично» – 41 %,

«оптимистично» – 27%, «нейтрально» – 32%. Анализ ответов показывает, что в целом в среде респондентов доминирует пессимистичное отношение к будущему России. Как мы уже говорили, это нарастающая тенденция, которая негативно сказывается на созидательном потенциале тех граждан, которые не верят в развитие своей страны. Не видя перспектив для своего общества, такие люди задумываются об эмиграции, скептически и критично относятся ко всем положительным событиям, происходящим в стране, критично относятся к власти и ко всем ее проявлениям, более оппозиционны, не хотят участвовать в жизни социума и т. д., т. е., как мы и говорили, пессимизм подобного рода – деструктивный фактор, влияющий на развитие всего социума.

Для того чтобы, как и в предыдущих вопросах, отдельно узнать мнение респондентов относительно Приморья, был задан вопрос: «Как Вы смотрите на будущее Приморья?» На этот вопрос были получены следующие ответы: «оптимистично» – 37%, «пессимистично» – 31%, «нейтрально» – 32%. Ответы показывают, что на перспективы Приморья респонденты смотрят с большей степенью уверенности, чем на перспективы России в целом. Как и в случае с вопросами, определяющими наличие дискомфорта в проживании в России и Приморье, мы видим, что восприятие ситуации в Приморье более позитивное, чем восприятие в целом относительно России. Можно предположить, что жизнь в Приморье для респондентов «оторвана» от жизни в России, респонденты не рассматривают жизнь в Приморье как часть жизни в России. Поэтому часть респондентов более позитивно смотрит на перспективы Приморья по сравнению с перспективами России.

Мнение о возможности преодоления кризисных тенденций

Для того чтобы определить, какие перспективы относительно кризиса видят люди впереди, насколько оптимистично они смотрят в будущее, был задан вопрос: «Как Вы считаете, Россия сможет преодолеть кризис?» На этот вопрос респонденты ответили следующим образом: «да» – 47%, «не знаю» – 42%, «нет» – 11%. Можно отметить, что в значительной степени присутствует оптимистичный настрой – практически половина респондентов считают, что Россия сможет преодолеть кризис. Также значительная часть ответивших не

может определиться со своей позицией, но, с другой стороны, и решительно не отвергает возможности России в преодолении кризиса. И только 11 % отвечавших на вопросы абсолютно не верят в то, что Россия сможет преодолеть кризис.

Для определения того, какие факторы необходимы, чтобы произошло преодоление кризиса, был задан уточняющий вопрос «Если “да”, то напишите два условия для этого». Были получены следующие ответы: «смена власти, управления» – 59%, «смена экономической системы» – 11%, «повышение уровня жизни» – 10%, «другое» – 9%, «повышение уровня образования» – 4%, «изменение международной политики» – 4%, «усиление контроля» – 3%.

Следует отметить, у респондентов есть серьезные претензии к существующей власти, и во многом положительные изменения в стране они связывают со сменой власти и системы управления. Полученные ответы, в принципе, коррелируют с ответами на предыдущие вопросы. Например, большинство респондентов ощущаемый кризис называли прежде всего «кризисом власти». Решение экономических проблем в виде ответов «смена экономической системы» и «повышение уровня жизни» стоит на втором месте. Таким образом, можно сделать вывод, что приморцы считают, что воспринимаемый ими кризис может быть преодолен, но для этого необходимы серьезные изменения в системе власти, которые, в свою очередь, приведут к улучшению в экономической сфере.

Для получения информации относительно мотивировки пессимистов, которые ответили «нет», был задан уточняющий вопрос: «Если “нет”, то напишите две причины этого». На этот вопрос были получены следующие ответы: «Состояние политической системы, власти» – 52%; «состояние общества» – 22%; «состояние экономики» – 11%; «коррупция» – 11%; «другое» – 4%. Как видно из ответов, пессимисты также считают основной проблемой, которая не даст России преодолеть кризис, существующую систему власти. Что, как уже мы говорили, в целом коррелирует с тональностью всего исследования. Кто-то уверен, что общество находится в таком состоянии, что у него нет возможности для «выздоровления», часть считает, что экономика находится в таком состоянии, что не сможет произойти улучшения, и также часть респондентов высказывают мысль, что уровень коррупции не позволит измениться ситуации в России в лучшую сторону.

Заключение

Подводя итоги исследования, можно предположить, что кризисное общество – это общество, которое ощущают как кризисное его члены; с точки зрения приморцев, российское общество является кризисным обществом. Как мы уже говорили, если индивиды начинают воспринимать социальную реальность как кризисную, то наличие кризиса в обществе становится для них фактом, не подлежащим сомнению. Исследование показало, что большинство опрошенных, а именно – 72 %, считают, что Россия на данный момент существует в условиях кризиса. То есть, какими бы объективные показатели ни были, в сознании людей кризис уже существует, для них он стал полноценной константой воспринимаемого социального мира.

Какой же характер имеет этот кризис для респондентов? Прежде всего, это политический кризис и во вторую очередь экономический. Как нам кажется, это, конечно же, взаимосвязанные социальные явления. Как мы уже писали, экономический кризис может являться основой практически всех остальных кризисов. То есть народ ждет от власти, что она сможет найти выход из той экономической ситуации, которая доминирует на данный момент, и найти решения для преодоления прежде всего экономических проблем. В той социальной реальности, представления о которой доминируют в сознании респондентов, участвовавших в нашем исследовании, у страны серьезные экономические проблемы, которые, по мнению людей, очень сильно влияют как на сегодняшнее состояние индивидов, так и на то, как они видят свое будущее, определяя его прежде всего в мрачных тонах. И в рамках этой социальной реальности респонденты считают, что именно власти должны решить эти проблемы, и вследствие фрустрации, не видя положительных сдвигов, начинают считать, что и политическая система нашей страны находится в серьезном кризисе.

Хотя исследование проводилось до активной фазы распространения коронавируса в России, определенно, его результаты актуальны и сейчас. Так как в связи с ухудшающейся экономической обстановкой люди тем более ждут от власти более решительных шагов по решению проблем, порожденных как экономическим кризисом довирусного периода, так и последствиями введения режима самоизоляции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Горшков М. К.* Российский социум в условиях кризисного развития: контекстный подход // Социологические исследования. 2016. № 12 (392). С. 26–34. [Gorshkov, M. K. (2016). Russian society in the context of crisis development: a contextual approach. Sociological research, 12 (392), 26–34. (In Russ.)].
- Горшков М. К.* Российское общество в условиях кризисной реальности: внутренние и внешние факторы // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. Минск, 2017. № 3. С. 24–43. [Gorshkov, M. K. (2017). Russian society in a crisis reality: internal and external factors. Journal of the Belarusian State University. Sociology, 3, 24–43. (In Russ.)].
- Зубок Ю. А., Чупров В. И.* Изменяющаяся социальная реальность в кризисном российском обществе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Вологда, 2017. № 1 (Т. 10). С. 41–57. [Zubok, Yu. A., Chuprov, V. I. (2017). The changing social reality in the crisis of the Russian society. Economic and social changes: facts, trends, forecast, 1 (10), 41–57. (In Russ.)].
- Козырева П. М., Смирнов А. И.* Жизнь в условиях неопределенности кризисного общества: опыт и ожидания // Социологические исследования. М., 2018. № 6 (410). С. 66–78. [Kozyreva, P. M., Smirnov, A. I. (2018). Life in the conditions of uncertainty of a crisis society: experience and expectations. Sociological research, 6 (410), 66–78. (In Russ.)].
- Латин Н. И.* [и др.] Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях. М.: ИФРАН, 1994. [Lapin, N. I. et al. (1994). Krizisnyj socium. Nashe obshchestvo v treh izmerenijah (Crisis society. Our society in three dimensions). Moscow: IFRAN. (In Russ.)].
- Сухов А. Н.* Социальный кризис: теоретико-исторический аспект // Психология и педагогика служебной деятельности. М., 2018. № 1. С. 117–124. [Suhov, A. N. (2018). Social crisis: theoretical and historical aspect. Psychology and pedagogy of professional activity, 1, 117–124. (In Russ.)].
- Хабермас Ю.* Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Практикс, 2010. [Habermas, Y. U. (2010). Problema legitimacii pozdnego kapitalizma (The problem of legitimation of late capitalism). Moscow: Praxis. (In Russ.)].
- Шюц А.* Избранное: мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. [SHyuc, A. (2004). Izbrannoe: mir, svetjashhijsja smyslom (Favorites: a world that glows with meaning). Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)].

УДК 331.105.443(07)

DOI 10.52070/2500-347X_2021_2_843_282

С. Ю. Иванов, Д. В. Иванова, А. Н. Галкин

Иванов С. Ю., доктор социологических наук
профессор кафедры теоретической и специальной социологии
Московского педагогического государственного университета
soc-lab@yandex.ru

Иванова Д. В., кандидат социологических наук
доцент кафедры теоретической и специальной социологии
Московского педагогического государственного университета
soc-lab@yandex.ru

Галкин А. Н., аспирант кафедры теоретической и специальной социологии
Московского педагогического государственного университета
angalkin@bk.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ ПОДГОТОВКИ И ЗАНЯТОСТИ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРОВ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВА ЗНАНИЙ

Статья посвящена анализу проблем развития системы высшего образования и ее взаимосвязи с рынком труда в условиях общества знаний. Подчеркивается, что современное общество предъявляет повышенные требования к вузам. Это во многом определяется не только необходимостью предложения востребованных образовательных продуктов, но и качеством профессиональной подготовки выпускников. В этой связи особое значение придается обеспечению регулирования молодежной занятости на основе совершенствования социального диалога между участниками образовательного процесса.

Ключевые слова: рынок труда; занятость; безработица; работодатели; высшие учебные заведения; трудоустройство; молодежь; квалифицированные специалисты; общество знаний.

S. Yu. Ivanov, D. V. Ivanova, A. N. Galkin

Ivanov S. Yu., Doctor of Sociology (Dr. habil)
Professor of the Department of Teoretical and Special Sociology
of the Moscow Pedagogical State University;
soc-lab@yandex.ru

Ivanova D. V., PhD (Sociology),
Associate Professor of the Department of Theoretical and Special Sociology
Moscow Pedagogical State University;
soc-lab@yandex.ru

Galkin A. N., PhD Student

the applicant of the Department of Theoretical and Special Sociology
of the Moscow Pedagogical State University;
angalkin@bk.ru

ENSURING EFFECTIVE TRAINING AND EMPLOYMENT OF QUALIFIED PERSONNEL IN A KNOWLEDGE SOCIETY

The article is devoted to the analysis of the problems of the development of the higher education system and its relationship with the labor market in the conditions of the knowledge society. It is emphasized that modern society imposes increased requirements on universities. This is largely determined not only by the need to offer popular educational products, but also by the quality of professional training of graduates. In this regard, special importance is attached to ensuring the regulation of youth employment on the basis of improving the social dialogue between participants in the educational process.

Key words: labor market; employment; unemployment; employers; higher educational institutions; employment; youth; qualified specialists, knowledge society.

Введение

Переход к обществу знаний диктует необходимость трансформации системы образования как ключевой основы для формирования человеческих ресурсов, развития цифровой индустрии. В новых условиях развития социум немислим без передачи и распространения знаний. Институт образования оказался перед необходимостью ответить на вызовы четвертой промышленной революции, обусловленной техническим перевооружением предприятий под влиянием цифровых технологий. Несомненно, система образования самым непосредственным образом способствует не только знаниевой коммуникации, но и обеспечивает формирование кадрового потенциала современных организаций. В значительной степени эта система определяет траекторию развития цифровой экономики. Вместе с тем она закладывает и новый тип социальной дифференциации, основанный на том, что у различных групп населения формируется неодинаковый доступ к информации и профессиональной подготовке.

Основоположник кибернетики американский математик Норберт Винер, у которого в 1948 году вышла книга «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине», отдельно определяет особенности формирования в системах информации [Винер 1968]. Ученый подчеркивает, что «...подобно тому как энтропия есть мера

дезорганизации, информация есть мера организации». Заключенная в каком-либо сообщении информация зависит от его способности организовать в соответствии с конкретным порядком. Избыток общей информации, часто приводит к уменьшению доли информации, которая приходится на одного субъекта. В этой связи качественное приращение человеческого капитала является одной из ключевых направлений развития общества знаний.

Образование в обществе знаний является основным источником высококвалифицированной рабочей силы для различных отраслей экономики. Наблюдаемые сегодня социально-экономические процессы в нашей стране также тесно связаны с переоценкой роли человеческих ресурсов и их значения для общества знаний. Общий вектор развития человеческих ресурсов во многом предопределяется ростом общественного благосостояния, улучшением условий жизнедеятельности людей. При этом образование как социальный институт играет главную роль в формировании личности и ее успешной социализации и способствует построению воспроизводственной структуры отечественной экономики.

Отрасли отечественной экономики имеют свою специфику развития и испытывают влияние различных макро- и микрофакторов, действие которых во многом предопределяется ростом конкурентоспособности страны, проводимой кредитно-денежной политикой, интегративными процессами, вхождения в мировое сообщество, а также ограничениями существовавшей ранее распределительной системы и актуализацией личностно-мотивационных механизмов и т. д. Все эти факторы обуславливают формирующиеся условия экономического роста, дифференциацию имеющегося человеческого капитала, качественные изменения в воспроизводстве и развитии производственных сил, в том числе в рамках обеспечения эффективной занятости.

Расставленные сегодня приоритеты по развитию высокотехнологичного рынка труда определяются влиянием органов государственной власти, которые разрабатывают весь комплекс мероприятий, в рамках сложившейся глобальной конкуренции, демографической ситуации, состоянии экономики в целом, институциональной среды, особенностей структурной политики и др.

Специфика современного развития нашего общества накладывает определенные ограничения на проводимую структурную политику. В ее основу закладывается развитие человеческого фактора

как главную производительную силу общества. Реализуемая государством структурная политика ориентируется на инновационное содержание и инвестиционные формы хозяйственной системы и зависит от качества осуществляемого регулирования социально-экономических процессов. Однако его степень в настоящий момент явно не достаточна. Подтверждением тому является ситуация на рынках труда и образовательных услуг, которая наиболее контрастно отражает особенности мобилизации резервов инновационного развития. Не секрет, что отсутствие сбалансированной координации между рынком труда и рынком образовательных услуг негативно сказывается не только на выпускниках, но и на целом ряде организаций, которые не могут полноценно развиваться из-за нехватки молодых кадров и их некомпетентности. Испытывая дефицит в квалифицированных кадрах, некоторые работодатели в условиях ресурсных ограничений не стремятся активно инвестировать в подготовку кадров. При этом речь идет и о снижении качества занятости, в том числе квалифицированных специалистов еще недавно закончивших вузы.

При проведении структурной политики основной акцент необходимо делать на создание необходимых институциональных условий для реализации поставленных целей и ликвидации возможных рыночных диспозиций. Наблюдаемая в настоящее время качественная неоднородность ресурсов выражается в неоднозначном замещении факторов производства: труда и капитала, формировании определенных отраслевых, внутриотраслевых, региональных и межрегиональных пропорций развития экономики. В этой связи актуальным представляется сбалансированная государственная политика, направленная на разработку мер по обеспечению эффективной занятости различных социальных групп.

Векторы развития систем подготовки квалифицированных специалистов

Стоящие сегодня перед системой высшего образования задачи выходят за рамки технологического процесса обучения, проецируются на региональный социум и ориентируются на потребности различных целевых групп. В условиях общества знаний качество системы образования и подготовки в отдельно взятых вузах, в частности, предполагает анализ целого ряда показателей: конкурентоспособности их

выпускников, успешности их деятельности в тех отраслях, в которых они работают; уровень получаемых ими доходов; ведение перспективных технологических разработок и т. д. Придавая ключевое значение качеству образования, учебные заведения стремятся аккумулировать и удовлетворить интересы всех субъектов социально-партнерских отношений: государства, работодателей, личности, социальных групп и организаций.

Для более полного анализа обратимся к оценке таких обобщенных индикаторов системы высшего образования, как прием студентов, их выпуск из вуза, безработица среди молодых специалистов. Их анализ позволяет констатировать тот факт, что не всегда спрос на выпускников вуза соответствует предложению. Причины носят как объективный, так и субъективный характер и зависят не от действий и самих вузов и работодателей.

Наблюдаемое усиление роли негативных факторов рыночной диспозиции не могло не отразиться на численности выпускников вузов. Так, согласно данным Федеральной службы государственной статистики (далее – ФСГС), численность принятых в 2019 году на обучение по программам бакалавриата и специалитета составила 902,6 тыс. человек, причем это на 825 человек меньше чем в 2018 году. А вот на обучение по программам подготовки специалистов среднего звена было принято на 6,3 % больше [Российский статистический ежегодник URL].

Примечательно, что к концу исследуемого периода численность выпускников организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования (бакалавриат, специалитет, магистратура) снизилась. Показатель выпуска в 2019 году на обучение по программам бакалавриата и специалитета достиг уровня 2002 года и составил 849,4 тыс. человек (см. рис. 1).

Наблюдающийся всплеск по численности выпуска в 2015 году был связан с кардинальным переходом учебных заведений в 2011–2012 годах на двухуровневую подготовку. Численность выпускников вузов в 2020 году снизиться более чем на 58 % по отношению к численности студентов вузов в 2009 году. По сравнению с 2018 годом на 7 % сократилась и численность желающих продолжить образование по программам магистратуры (226,8 тыс. человек против 244,5 тыс. человек в 2018 году). Стоит признать, что до интенсивного восстановительного роста численности выпускников вузов пока еще далеко.

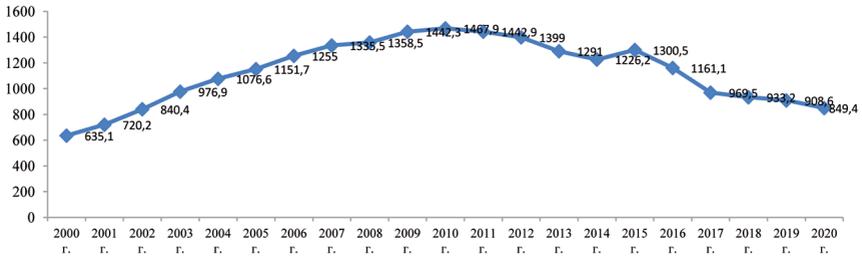

Рис. 1. Распределение численности выпускников за период 2000-2020 гг., тыс. человек

Один из традиционных факторов, обуславливающих снижающуюся тенденцию, – «демографическая яма». Согласно статистике Министерства образования и науки РФ, с начала XXI века численность российских школьников уменьшилась более чем на 21,7% [Почему в российские вузы скоро будет некому поступать URL]. И тем не менее влияние демографического фактора не является предопределяющим.

На понижающуюся динамику сказался и процесс модернизации системы образования. Ограничение числа бюджетных мест и, как следствие, усечение государственной поддержки – одна из симптоматических особенностей модернизации образования. К сожалению, слияние и укрупнение учебных заведений различных уровней так и не смогли решить накопившиеся проблемы по качеству образования и его доступности мотивации обучающихся. Так, еще недавние выпускники школ по-прежнему имеют низкую мотивацию к получению качественного образования.

Отмечаемая деформация воспроизводственных циклов подготовки молодых специалистов во многом связана и с тем, что увеличивающийся разрыв в доступе к получению качественных знаний, в том числе в школе, превосходит динамику инициированных изменений в системе образования. Актуальным представляется значимость инициируемых изменений общественных условий воспроизводства образовательного капитала на уровне современных требований и международных стандартов на различных уровнях образования. Без соблюдения этих требований неизбежно замедляется процесс развития трудовых ресурсов и самого индивида.

Согласно оптимистичным долгосрочным прогнозам Министерства науки и высшего образования РФ, к 2030 году количество очных бюджетных мест по сравнению с текущим годом увеличиться на 121,4 тыс. человек и составит 480,2 тыс. человек. Вектор развития в рамках реализации национальных проектов в сфере науки и высшего образования ориентируется на развитие человеческих ресурсов, создание современной научно-производственной инфраструктуры, повышение системного уровня высшего образования, развитие научно-технических проектов и базы для научных исследований. В этой связи важно не только создать комфортные условия для занятия наукой для ведущих российских и зарубежных ученых, молодых исследователей. Во главу угла ставится общественный запрос, который не всегда связан напрямую с научной сферой или смежными «популярными» специальностями. Решение поставленных задач невозможно без повышения доступности высшего образования, расширения предложения в области и тех проектов, которые связаны с творческими специальностями, наконец, с развитием личностного потенциала [Омельчук 2020].

Вместе с тем в условиях глобальной конкурентной среды и подготовки квалифицированных кадров наша страна пока еще находится на начальном этапе развития и проигрывает тем, странам-лидерам, которые делают акцент на инновационное развитие и вовлеченность в научно-технологическое развитие. Несомненно, конкурентоспособность всей системы отечественного образования пока еще не высокая. Так, например, отечественные вузы не могут в достаточной степени конкурировать в борьбе за студентов на мировом рынке. Данные экспертных оценок фиксируют, что по состоянию на 2018–2019 учебные годы доля иностранных студентов, обучающихся в нашей стране, по-прежнему не высокая и составляет, по оценкам профильных специалистов, 4–5 % от всех студентов мира, обучающихся за границей. Если говорить об отношении доли стран на мировом рынке к ее доле в мировом экспорте высшего образования, то РФ в 8–10 раз уступает таким развитым странам, как США, Франция, Германия, Великобритания, Австралия. Например, общее число иностранных граждан, обучавшихся в вузах Российской Федерации в 2017/2018 учебном году, по сравнению с 2007/2008 годом увеличилось в 2,7 раза и составила 194 тыс. человек. Это произошло в основном за счет стран Азии (прежде всего Китая, Индии, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана) [Обучение иностранных граждан в образовательных организациях высшего образования РФ 2019].

Общество знаний задает новые ориентиры социальной дифференциации, организации трудовой деятельности, специализации работников. Как, впрочем, привносит и новые виды занятости, которые отражают как позитивные, так и негативные процессы на отечественном рынке труда. Информационные технологии порождают широкий выбор и ориентируются на предложение продуктов и услуг, которые вряд ли станут предметами длительного массового потребления. Это также означает, что основной ресурс развития и роста компаний является уникальный интеллектуальный потенциал работников. Однако в рамках современной вузовской подготовки следует признать, что предложение по активизации творческого потенциала имеет явно ограниченный характер, по причине отсутствия необходимой креативной среды, а также масштабного вовлечения обучающихся в сам процесс создания инновационного продукта.

Занятость выпускников и диспропорции на рынке труда

На рынке труда выпускников сохраняется высокая степень дифференциации по регионам, отраслям, категориям занятых и безработных. Среди молодых выделяются те из них, которые не могут найти работу по своей специальности, и вынуждены наниматься на работу в другие сферы деятельности или пополнять ряды безработных.

Согласно данным ФСГС, среди выпускников 2016–2018 годов выпуска уровень занятости составил 82,4 %. Причем уровень безработицы среди выпускников за указанный период остается на высоком уровне и имеет тенденцию к увеличению. За исследуемый период он увеличился на 7,5 % и составил 12,6 % (см. рис. 2, с. 268).

Обратимся к распределению безработных выпускников по видам экономической деятельности. Наибольший удельный вес безработных выпускников 2016–2018 годов выпуска в экономике приходится на следующие отрасли: оптовую и розничную торговлю, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов – 16,9%; образование – 12,9%; государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение – 10,4% [ФСГС 2020]. Это означает, что специалисты в этих областях имеют достаточно высокие шансы либо потерять работу, либо не работать по специальности. Симптоматично и то, что структура рабочих мест занятой молодежи характеризуется более высокой долей занятых в неформальном

секторе экономики, когда реальная экономика испытывает нехватку квалифицированных кадров. Подтверждается допущение, что на фоне качественных системных изменений по объёмам и уровню подготовки выпускников пока не созданы необходимые условия для эффективной трудовой мотивации и мобильности молодежи.

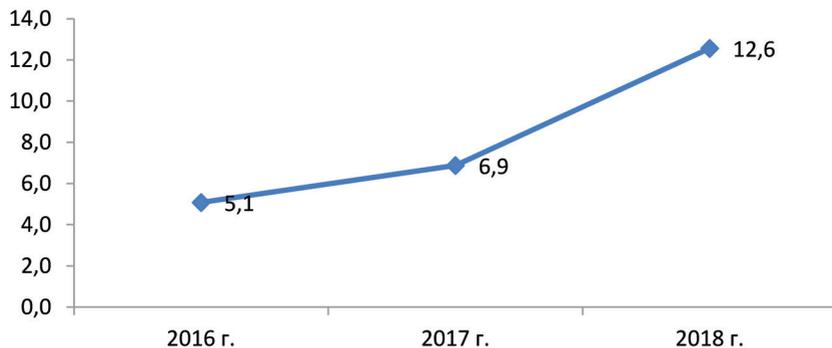

Рис. 2. Уровень безработицы выпускников образовательных организаций высшего образования 2016–2018 годов выпуска

Более того, отмечаемый рост безработных среди молодежи является следствием несоответствия между спросом на рабочую силу и ее предпочтением по профессионально-квалификационным характеристикам в результате различий в социально-экономическом положении регионов и отраслей. Приходится констатировать и тот факт, что при высокой потребности по ряду видов деятельности инновационная активность молодежи в региональном разрезе остается весьма слабой. Наблюдаемое понижение престижа вузовского образования в оценках молодежи обуславливается и тем, что не все выпускники могут рассчитывать на формирование универсальных навыков, которые позволяют им быстро адаптироваться на рынке труда в условиях риска и неопределенности. Кроме того, не всегда вузы могут оперативно реагировать на быстро меняющиеся потребности рынка труда.

В то же время результаты проведенных экспертами опросов по качеству вузовского образования по ряду вузов показывают, что в своем большинстве студенты достаточно лояльно оценивают уровень сформулированных у них теоретических и общеобразовательных знаний обучающихся. Очевидно, что проблема готовности молодежи

к активной адаптации на рынке труда намного шире и в ряде случаев обусловливается социальной ответственностью не только вузов, но и самих работодателей.

В некоторых секторах экономики возникает неиспользованный потенциал трудовых ресурсов. Затраты, связанные с его поддержанием, значительно увеличивают издержки. Справедливости ради отметим, что динамика численности безработных в некоторых из упомянутых видов деятельности при достаточно высоких барьерах вхождения в отрасль имеет разнонаправленные тенденции. В ряде отраслей наблюдаются существенные структурные диспропорции, например, сопровождающееся увеличением занятости и рост безработицы, высокий спрос при высокой безработице и т.д. Очевидно, что в условиях социально-экономической неопределенности и риска свертывания инвестиций, «размывание» региональных программ занятости, сокращение «производственных мощностей» практически лишают организации маневра для адаптации к рыночным условиям и повышению конкурентоспособности экономики на основе притока молодых кадров.

Фиксируемая высокая степень «отказа от молодежи» и сменяемости молодого персонала в условиях рыночной экономики выражается как в достаточно высокой степени «неудовлетворенности» некоторых работодателей специалистами по тому или иному направлению, так и неустойчивой занятости.

Обратимся к данным общероссийского обследования рабочей силы, проведенного в 2019 году ФСГС. Обследование посвящено оценке соответствия работы трудоустроенных выпускников 2016/2018 годов выпуска специальности, полученной в образовательной организации высшего образования. Распределение ответов показывает, что наибольший уровень неудовлетворенности со стороны выпускников отмечается по следующим специальностям: сельское, лесное и рыбное хозяйство (61%); социология и социальная работа (53%); политические науки и регионоведение (52%); промышленная экология и биотехнологии (47%); технологии материалов (45%); фотоника, приборостроение, оптические и биотехнические системы и технологии (43%). Напротив, наименьший уровень неудовлетворенных в отношении соответствия работы полученной специальности отмечается по следующим направлениям: клиническая медицина (3%);

фармация (4%); науки о здоровье и профилактическая медицина (7%); военное управление (7%); химия (12%). Конечно, отсутствие по ряду специальностей координации между рынком труда и рынком образовательных услуг негативно сказывается на восполнении организациями дополнительной потребности в кадрах, наконец, преемственности поколений, непрерывном образовании молодежи и ее включенности в сферу занятости. В условиях рыночного выбора работодатели меняют стратегию выбора молодых специалистов и действуют по принципу «здесь и сейчас» [ФСГС 2019].

Еще одним из основных направлений совершенствования структуры занятости в числе основных выступает практика смены рабочих мест, занятий и даже направления подготовки. Данный ориентир, со стороны, может строиться на последовательной политике, которая не относится к числу эпизодических, «временных» мер по обеспечению нехватки квалифицированных кадров или же нивелирования отсутствия работы. Эта политика носит долгосрочный характер и призвана создать базис по более гибкой «подстройке» рабочей силы под требования рынка труда в контексте полифункциональной подготовки специалистов.

С другой стороны, смена изначально выбранного направления деятельности может обуславливаться сочетанием нескольких факторов: доступностью образования и характером работы, которые не всегда соответствуют личностным ожиданиям и запросам. В результате уровень образовательной мотивации у молодого человека также оставляет желать лучшего. Поэтому дело здесь не только в уровне образования, а прежде всего в недостаточной «подстройке» абитуриентов, обучающихся под профессиональные требования того или иного направления.

Для сохранения и повышения лояльности к вузу со стороны различных целевых групп, стейкхолдеров необходимо в первую очередь грамотно определять их образовательные запросы, желания и возможности, а также проводить измерение уровня востребованности со стороны социальных партнеров их профессиональных компетенций и оценивать возможность их профессиональной реализации.

Необходимость получения вузом устойчивых внешних преимуществ в конкуренции во многом связано как со структурой предлагаемых направлений образовательных программ, их полнотой, так и с ответственностью актуальным запросам рынка труда, а также общественному запросу.

Подводя некоторые итоги, отметим, что декларируемая «внешняя» гибкость рынка труда определяется функциональной возможностью организаций-работодателей быстро и с небольшими затратами регулировать количество рабочих мест, особенно в условиях неразвитой системы молодежной занятости и невысокой социальной защиты человека труда. Общество знаний актуализирует проблему быстрой смены рабочих мест, а также предоставление менеджменту возможность «приспособливаться» без существенных издержек к повышающимся требованиям к квалификации рабочей силы. Сохраняемый высокий уровень сменяемости молодых работников является наглядным тому подтверждением. По предварительным оценкам экспертов, этот уровень в настоящее время уже превышает 30%. Причем отсутствует значимая корреляция между долей общего числа занятых молодых специалистов и изменением численности занятых.

Трудовая удовлетворенность выпускников

Вариабельная молодежная занятость и причины быстрой сменяемости молодых работников имеют региональную и отраслевую специфику и нередко обуславливаются неудовлетворительной организованностью рабочих мест, невысокой заработной платой, использование рабочих сил на условиях временного договора и т. д.

Какова ситуация в региональном разрезе? Безусловный интерес представляют результаты социологического опроса, Центром социологических исследований МПГУ в мае 2020 года социологического опроса «Мониторинг удовлетворенности качеством полученного образования», проведенного под руководством и при участии авторов. В качестве респондентов выступали 277 молодых специалистов МПГУ, обучающихся в организации по образовательным программам высшего образования профильных и непрофильных направлений подготовки и успешно прошедших итоговую аттестацию в течение трех лет. Сбор первичной информации осуществлялся методом онлайн-опроса. Целью исследования являлось получение информации об удовлетворенности качеством полученного выпускниками вуза образования, а также определение системы эффективных мер содействия их трудоустройству.

При проведении опроса выпускникам задавался вопрос: «Считаете ли Вы полученное образование и практические навыки

востребованными в Вашем регионе и видите ли Вы возможность профессиональной реализации без смены места жительства?»

Как показал опрос, современные отраслевые рынки труда, находясь под влиянием различных социально-экономических процессов. Это влияние находит отражение в оценках молодежи востребованности полученного образования и навыков и наличия возможности для своей профессиональной реализации. Согласно полученным данным, большинство представителей молодежи оптимистично оценивают востребованность в регионе полученного образования, навыков и наличия возможности своей профессиональной реализации без смены места жительства (74%). Очень мало тех, кто думает иначе: «В нашем регионе переизбыток таких специалистов» (9%).

Интерес также представляет распределение ответов на вопрос: «Трудоустроены ли Вы в настоящее время?» Ответы распределились следующим образом (см. рис. 3).

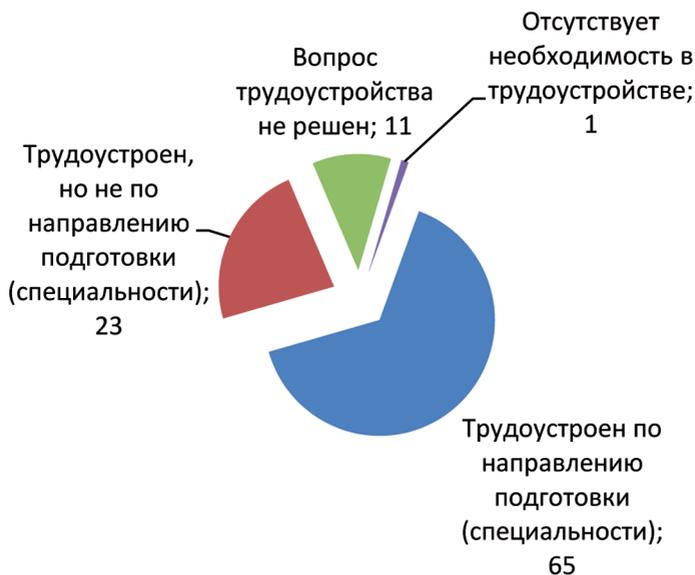

Рис. 3. Трудоустройство выпускников, %

Согласно опросу выпускников, 65% отметили, что они трудоустроены по направлению подготовки (специальности). Еще 23% опрошенных указали, что они трудоустроены не по направлению

подготовки. Причем основной причиной трудоустройства не по специальности видится в том, что выпускники находят более оплачиваемую и перспективную работу, не связанную со специальностью. Заметим, что если раньше выпускники устраивались на работу не по специальности, потому что не могли найти работу, то сейчас они имеют возможность выбора в отношении более подходящей для себя работы. Еще 12 % выпускников как профильных, так и непрофильных направлений подготовки указали, что они не трудоустроены.

Представленное распределение свидетельствует о том, что занятость недавних студентов носит стабильный и устойчивый характер. Установлено, что успех в трудоустройстве определяется как социально-экономическими, финансовыми факторами, социальной ответственностью работодателей, так и готовностью молодежи брать на себя ответственность и начинать с первичных ступенек в своем карьерном продвижении.

Опрос подтверждает, что работа не по специальности рассматривается выпускниками в разрезе более полного согласования имеющегося трудового потенциала и наличием вакантных позиций, которыми располагают потенциальные работодатели. Тем не менее не всегда даже при наличии спроса на те, или иные специальности интересы и возможности молодых специалистов и работодателей согласованы, как в аспекте карьерного развития и достойной оплаты труда, так и наличия необходимых условий труда. В этой связи у определенной доли выпускников могут формироваться альтернативные варианты профессиональной мобильности, в том числе в сегменте неформальной занятости.

Как показало исследование, в целом по исследуемому массиву работающая молодежь удовлетворена составляющими трудовой деятельности (см. рис. 4, с. 274). Баланс оценок положительный и составляет + 63 %.

Оценка удовлетворенности профессиональной деятельности по направлению подготовки (специальности), полученной в образовательной организации, показывает явный приоритет удовлетворенных профессиональной деятельностью по направлению подготовки (специальности), полученной в образовательной организации, баланс оценок + 76 % (при среднем +65 %) Вместе с тем не следует забывать, что степень трудовой удовлетворенности для выпускников

различных специальностей и годов выпуска варьируется. Во многом отличия определяются различным уровнем адаптации к своему профессиональному статусу. Подчеркнем, что значимых различий между теми, кто работает по специальности и не по специальности, здесь также не было зафиксировано. С вероятностью не ниже 95% можно утверждать, что существует значимая статистическая взаимосвязь между оценками удовлетворенности трудовой деятельностью и оплатой труда.

Рис. 4. Сводная оценка удовлетворенности трудовой деятельностью, %

Позитивные оценки выпускниками оплаты труда преобладают над негативными. Удельный вес удовлетворенных получаемой заработной платой (62%) выше доли респондентов ею неудовлетворенных (6%). Исследование показало, что баланс оценок оказался несколько меньше, чем по профессиональной деятельности в целом, и составил +58%.

В целом, можно отметить, что на отраслевых рынках труда складывается ситуация, свидетельствующая не столько о недостатке молодых кадров, сколько об актуальных проблемах, связанных со значительными размерами неполной занятости, невысоким ростом

заработной платы, структурным согласованием спроса на рабочую силу и ее предложения, невысокой социальной ответственностью бизнеса.

Заключение

Таким образом, исследование уровня трудовой удовлетворенности выпускников выявило высокую долю позитивных оценок молодых специалистов. По мере включенности в трудовую деятельность наблюдается прагматизация зарплатных ожиданий выпускников. В то же время не следует забывать, что в рамках роста заработной платы по фиксируемым видам деятельности у работодателей увеличиваются возможности для расширения занятости и поиска хороших специалистов, в то же время нивелируются факторы, связанные с профессиональной адаптацией молодежи. Часто предлагаемые на целом ряде организаций рабочие места для молодежи в большинстве случаев нельзя назвать эффективными. Это обусловлено тем, что они не обеспечивают достойную (социально приемлемую) оплату, условия труда и режим работы. На фоне сохраняющейся высокой безработицы распространение получают не предусмотренные законодательством распределенные формы трудовых отношений, антитрудовые практики, существенно снижающие уровень социальной защиты молодежи.

Нельзя исключать того факта, что влияние государства в деле основания и развития приоритетных видов молодежной занятости является ключевым. Очевидно, что децентрализованное «стимулирование» молодых специалистов к «свободному» трудоустройству «размывает» ориентиры социальной политики, снижает уровень профессионализма молодых специалистов. Одной готовности молодежи к самостоятельной работе в контексте выбранной профессиональной деятельности явно недостаточно. Об этом свидетельствует сохраняющийся высокий уровень безработицы среди молодых специалистов. Эффективное использование трудоресурсного потенциала предполагает не только создание дополнительных рабочих мест для молодежи, но и их централизованное распределение.

В контексте решения проблем по обеспечению эффективной занятости молодых специалистов перед социальными партнерами стоит задача по разработке комплекса мер по совершенствованию нормативно-правовой базы в отношении повышения уровня защиты

трудовых прав молодежи, целевых программ по работе с молодежью как на локальном, отраслевом, так и на региональных уровнях. Важным является тиражирование позитивного опыта субъектов РФ по созданию и сохранению рабочих мест для молодежи, организации обучения и переобучения кадров, повышение квалификации и переподготовки высвобождаемых работников, сохранение и перевод рабочих мест в эффективно действующие.

В рамках обеспечения экономики высококвалифицированными кадрами социальным партнерам необходимо добиваться укреплению связей бизнеса и учреждений высшего образования, добиваться включения вопросов обучения и профессиональной переподготовки в коллективные договоры и соглашения всех уровней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Винер Н.* Кибернетика или Управление и связь в животном и машине: пер. с англ. яз. И. В. Соловьева, Г. Н. Поваров / под ред. Г. Н. Поварова. М.: Советское радио, 1968. [Viner, N. (1968). *Cybernetics or Control and communication in an animal and a machine*, transl. by I. V. Solovyov, G. N. Povarov; ed. by G. N. Povarov. Moscow: Sovetskoe radio. (In Russ)].
- Российский статистический ежегодник // Росстат. 2020. [Russian Statistical Yearbook. (2020). Rosstat. (In Russ.)]. URL: https://burstat.gks.ru/storage/mediabank/ege2019_obr.pdf (дата обращения: 02.01.2021).
- Почему в российские вузы скоро будет некому поступать? [Why will there be no one to enter Russian universities soon?] URL: https://news.rambler.ru/education/40015497/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 19.12.2020).
- Омельчук А.* С прицелом на будущее // Учительская газета. 2020. № 51 (10860). С. 16. [Omelchuk, A. (2020). With an eye to the future. *Uchitelskaya gazeta*, 51 (10860), 16. (In Russ)].
- Обучение иностранных граждан в образовательных организациях высшего образования РФ: Статистический сборник / Министерство науки и образования Российской Федерации. М.: Центр социологических исследований. 2019. Вып. 16. С. 41. [Ministry of Science and Education of the Russian Federation (2019) *Training of foreign citizens in educational institutions of higher education of the Russian Federation: A statistical collection. Issue, 16*, 41. Moscow: Center for Sociological Research. (In Russ)].
- Рынок труда, занятость и заработная плата: Оперативная информация ФСГС. 2020. [Ministry of Science and Education of the Russian Federation (2019). *Training of foreign citizens in educational institutions of higher education of*

the Russian Federation: A statistical collection. Issue, 16, 41. Moscow: Center for Sociological Research. (In Russ)]. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 15.12.2020).

Labor market, employment and wages: Operational information of the FSGS. 2020. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (accessed: 15.12.2020).

УДК 316.354

DOI 10.52070/2500-347X_2021_2_843_300

А. В. Саблуков

доктор социологических наук, доцент
профессор кафедры социологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета
asablukov@mail.ru

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ПОДДЕРЖКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

В статье анализируется эффективность государственного управления в сфере поддержки предпринимательства в России. Оценка осуществлялась по следующим показателям: удовлетворенность предпринимателей мерами государственной поддержки; удовлетворенность в получении консультационных и образовательных услуг; удовлетворенность доступностью кредитных ресурсов; доступность кредитных ресурсов региональных инвестиционных фондов; удовлетворенность услугами, оказываемыми «бизнес-инкубаторами», и др.

Ключевые слова: эффективность; государственное управление; эффективность; предпринимательство; проблемы.

A. V. Sablukov

Doctor of Sociology (Dr. habil), Prof., Associate Professor
Professor at the Department of Sociology
Institute of International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University
asablukov@mail.ru

EFFICIENCY OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE SPHERE OF ENTREPRENEURSHIP SUPPORT: CONDITION AND PROBLEMS

The article analyzes the effectiveness of public administration in supporting entrepreneurship in Russia on the basis of data obtained within the framework of a study conducted by sociologists of the Department of Sociology of the IMO and SPN MSLU. The assessment was carried out according to such indicators as the satisfaction of entrepreneurs with state support measures, satisfaction in obtaining consulting and educational services, satisfaction with the availability of credit resources, availability of credit resources of investment funds for them, satisfaction with services provided by business incubators.

Key words: efficiency; public administration; efficiency; entrepreneurship; problems.

Введение

Среди основных целей национального развития Российской Федерации на период до 2030 года одной из ключевых определена такая, как успешное предпринимательство. В качестве одного из показателей достижения данной цели ставится задача увеличения численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей и самозанятых, до 25 млн человек¹. В связи с этим был намечен и осуществляется ряд мер государственной поддержки предпринимательства. Среди них такие, как предоставление субсидий, выдача льготных кредитов, бесплатные консультации, обучение ведению бизнеса, проведение выставок и ярмарок, предоставление земли и помещений на льготных условиях и целый ряд других².

С целью оценки эффективности государственного управления в сфере поддержки предпринимательства кафедрой социологии ИМО и СПН МГЛУ было проведено социологическое исследование, в рамках которого оценивалась удовлетворенность предпринимателей мерами государственной поддержки, оказываемыми на возвратной и безвозвратной основе, удовлетворенность в получении консультационных и образовательных услуг, оказываемых организациями инфраструктуры поддержки малого предпринимательства, удовлетворенность доступностью кредитных ресурсов, доступность для них кредитных ресурсов региональных инвестиционных фондов, удовлетворенность услугами, оказываемыми «бизнес-инкубаторами» и доля граждан, планирующих открыть собственный бизнес в течение ближайших трех лет.

Удовлетворенность предпринимателей мерами государственной поддержки

При оценке удовлетворенности предпринимателей мерами государственной поддержки, оказываемыми на возвратной и безвозвратной основах, была исследована известность среди предпринимателей

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/63714.html/> (дата обращения: 11.02.2021).

² Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 № 209-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (дата обращения: 12.02.2021).

мер государственной поддержки и проведена оценка их эффективности, с точки зрения предпринимателей. Респондентам были предложены следующие вопросы: «Известны ли Вам решения органов власти по созданию льготных условий для предпринимателей, стимулирующих развитие бизнеса в регионе?»; «Знаете ли Вы как действуют меры государственной поддержки, оказываемой на возвратной основе?»; «Оцените степень удовлетворенности мерами государственной поддержки, оказываемой на возвратной и безвозвратной основах»; «Оцените удовлетворенность мерами государственной поддержки (региональными налоговыми льготами, гарантиями региональных гарантийных фондов, государственными субсидиями) по следующим показателям: «Условия получения государственной поддержки»; «Простота процесса получения государственной поддержки»; «Разнообразие видов государственной поддержки»; «Размер государственной поддержки».

Как показало исследование (см. рис.1), в целом, предприниматели достаточно информированы о различных мерах государственной поддержки, оказываемых на возвратной (75,7% опрошенных) и безвозвратной основе (81,6%). В то же время примерно пятая часть респондентов ничего не знают об этих мерах.

Среди тех предпринимателей, которые знают о мерах государственной поддержки более половины вполне удовлетворены ими, а 8,3% опрошенных считает их недостаточными.

Рис. 1. Известность среди предпринимателей мер государственной поддержки, оказываемых на возвратной и безвозвратной основе (в % к опрошенным)

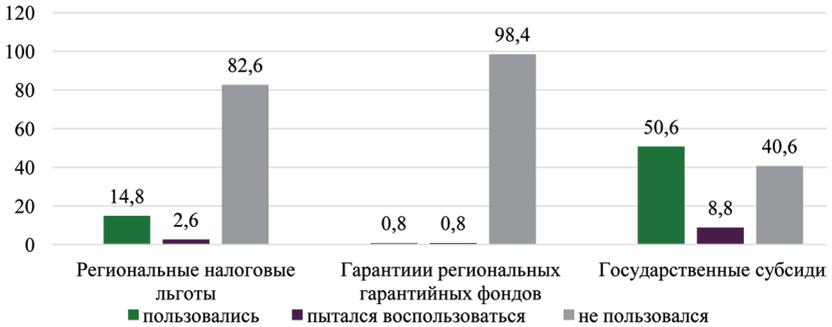

Рис. 2. Соотношение предпринимателей, пользовавшихся гарантиями региональных гарантийных фондов или государственными субсидиями (в % к опрошенным)

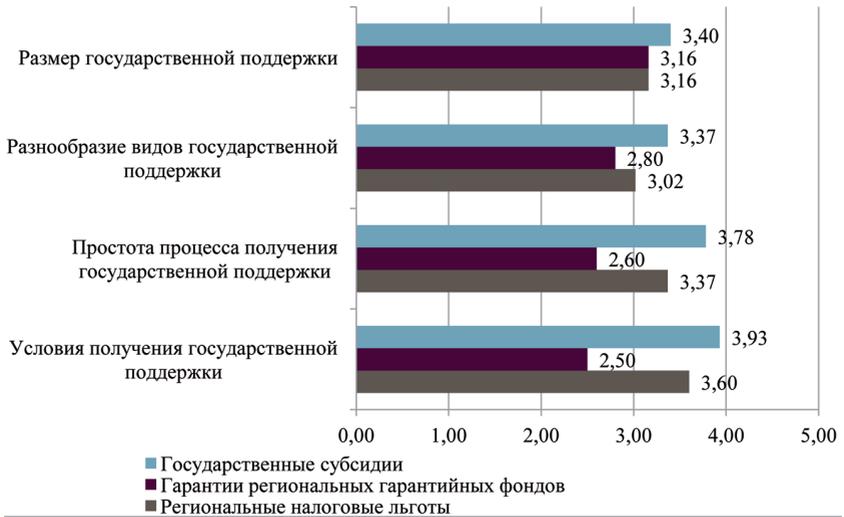

Рис. 3. Оценка удовлетворенности от получения государственной поддержки организациями инфраструктуры поддержки малого предпринимательства по всем критериям

Несмотря на достаточно высокую известность мер государственной поддержки, далеко не все из них были востребованы предпринимателями. Так, например, как свидетельствуют данные, приведенные на рисунке 2, такая мера государственной поддержки, как гарантии региональных гарантийных фондов, практически оказалась

не востребовавшей (пользовались ею или пытались воспользоваться только 1,6% респондентов). Региональными налоговыми льготами пользовались или пытались воспользоваться 17,4% опрошенных предпринимателей, государственными субсидиями – 59,4%.

Те, кто воспользовался региональными налоговыми льготами, гарантиями региональных гарантийных фондов или государственными субсидиями, оценили их по критериям условия получения, простота процесса получения, разнообразие видов, размер следующим образом (см. рис. 3, оценки от 1 до 5 баллов).

Региональные налоговые льготы опрошенные предприниматели по всем показателям оценили примерно одинаково (оценки по всем критериям от 3,02 до 3,6 баллов). Наименьшую удовлетворенность предприниматели при этом испытывают от разнообразия видов такой государственной поддержки (3,02 баллов).

Как свидетельствуют полученные данные, гарантии региональных гарантийных фондов – наиболее проблемный вид государственной поддержки. Ими смогли воспользоваться минимальное количество опрошенных предпринимателей. Условия и процесс получения этого вида государственной поддержки респонденты оценили очень низко (соответственно, в 2,5 и 2,6 балла). Размер этого вида государственной поддержки те, кто ее смог получить, оценили также не очень высоко – 3,16 балла.

Наиболее доступными для предпринимателей оказались государственные субсидии. Размер, разнообразие, простоту и условия получения респонденты оценили примерно одинаково (оценки по всем критериям от 3,37 до 3,93 баллов).

Средние оценки удовлетворенности опрошенных предпринимателей конкретными видами государственной помощи составили:

- региональных налоговых льгот – 3,29 баллов;
- гарантий региональных гарантийных фондов – 2,77 баллов;
- государственных субсидий – 3,62 баллов.

Удовлетворенность получением консультационных и образовательных услуг

Удовлетворенность получением консультационных и образовательных услуг изучалась среди представителей субъектов малого предпринимательства, прошедших консультацию или получивших образовательные услуги за последние 12 месяцев. Для опроса

респондентов был предложен вопрос: «Оцените, пожалуйста, качество получения консультационных и образовательных услуг, оказываемых организациями, инфраструктуры поддержки малого предпринимательства по следующим критериям: «Квалификация персонала»; «Доступность консультаций/образовательных программ, в том числе онлайн»; «Объём предоставленной информации (достаточность), в том числе онлайн»; «Полнота информации об услугах, в том числе предоставленной онлайн», «Удобство расположения мест предоставления консультационных/образовательных услуг»; «Техническое оснащение мест предоставления консультационных/образовательных услуг»; «Обеспечение методическими и иными материалами мест предоставления консультационных / образовательных услуг, в том числе онлайн»; «Практическая польза от полученной информации».

В качестве основных организаций инфраструктуры поддержки малого предпринимательства, оказывающих консультационные и образовательные услуги, респондентами были названы: Центры поддержки предпринимательства (назвали 82,9 % опрошенных), Центры инноваций социальной сферы (6,9 %), Центры поддержки экспорта (4,5 %); Центры сельскохозяйственного консультирования (4,1 %) (см. рис. 4).

Рис. 4. Основные организации инфраструктуры поддержки малого предпринимательства, оказывающих консультационные и образовательные услуги

В целом, среди тех, кто получал консультационные услуги, большинство оценивает квалификацию персонала центров, услугами которых они пользовались, достаточно высоко (84,9%). Достаточно

высоко оценивается и степень доступности консультаций и образовательных программ (85,5%). Неудовлетворены оказываемыми консультационными услугами и их доступностью 4,5% предпринимателей.

В то же время 82,1% респондентов вполне удовлетворены объемом и качеством предоставляемой центрами консультационных услуг информации. Также высока их степень удовлетворенности полнотой предоставляемой информации, в том числе предоставляемой в формате «онлайн».

Удобство расположения мест предоставления консультационных/образовательных услуг и их техническое оснащение удовлетворяют более 76,3% тех, кто ими воспользовался. Несколько ниже, но тоже достаточно высоко (65,3%), оценивается их обеспеченность методическими и иными материалами. Критерий «Практическая польза от полученной информации» большинство оценивает на «хорошо» и «отлично» (77,6%). Оценки в баллах, по проанализированным выше критериям, выглядят следующим образом (рис. 5).

Рис. 5. Оценка удовлетворенности получения консультационных и образовательных услуг, оказываемых организациями инфраструктуры поддержки малого предпринимательства по всем критериям

В лучшую сторону респонденты отмечают консультационные / образовательные услуги по критериям «Квалификация персонала» – 4,4 балла. Доступность консультаций/образовательных программ, в том числе онлайн (4,37 балла), а объем предоставленной информации (достаточность) и полнота информации об услугах, в том числе онлайн, оцениваются примерно одинаково – 4,2 балла.

Несколько хуже выглядят оценки по критериям «Удобство расположения мест предоставления консультационных/образовательных услуг» (3,92 балла), «Техническое оснащение мест предоставления

консультационных / образовательных услуг» (3,83 балла) и особенно «Обеспечение методическими и иными материалами мест предоставления консультационных / образовательных услуг, в том числе онлайн» (3,53 балла).

В ходе исследования была проанализирована доступность кредитных ресурсов для предпринимателей. Как следует из данных, приведенных на рисунке 6, имеют опыт участия в кредитно-договорных отношениях (подавали заявку на кредит, получили кредит) 62,3% опрошенных предпринимателей.

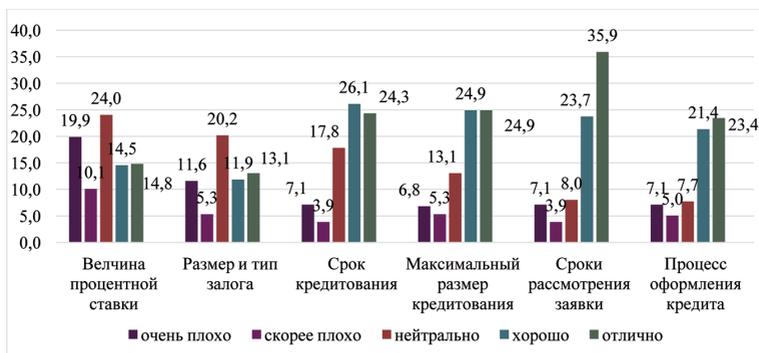

Рис. 6. Характер участия предпринимателей в кредитно-договорных отношениях (в процентах к опрошенным)

Детальный анализ этого показателя было осуществлялся посредством оценки следующих шести индикаторов (критериев оценки):

- величина процентной ставки кредита;
- размер (в процентах от суммы кредита) и тип залога;
- срок кредитования;
- максимальный размер кредитования;
- сроки рассмотрения заявки;
- процесс оформления кредита.

В наименьшей степени предпринимателей устраивает величина процентной ставки, а также размер и тип залога (см. рис. 7). Более позитивные оценки высказаны в отношении сроков и максимального размера кредитования, сроков рассмотрения заявки и оформления кредита.

Рису. 7. Результаты оценки предпринимателями в доступности получения кредитных ресурсов (в % к опрошенным)

В интересах оценки удовлетворенности субъектов малого и среднего предпринимательства доступностью кредитных ресурсов региональных инвестиционных фондов был проведен опрос предпринимателей, пользовавшихся государственной финансовой поддержкой (микрофинансовые займы, гарантии региональных гарантийных организаций, лизинг) от региональных государственных фондов и других аналогичных структур. Оценка осуществлялась по следующим критериям: «Скорость процедур»; «Доступность участия»; «Понятность документооборота»; «Удобство организации процедур»; «Прозрачность процедур»; «Полнота информации о процедуре»; «Достаточность размера поддержки». В качестве основных региональных инвестиционных фондов, предоставляющих кредитные ресурсы субъектам малого предпринимательства, были названы: Микрокредитная компания (отметили 33,9% опрошенных), Гарантийный фонд (33,9%), Лизинговый фонд (12,5%), ФПИИ (12,5%), Региональная лизинговая компания (3,6%), Центр поддержки предпринимательства (3,6%).

Среди тех, кто взаимодействовал с региональными инвестиционными фондами, предоставляющими кредитные ресурсы субъектам малого и среднего предпринимательства, большинство оценивает скорость процедур достаточно высоко (89,2%). Критерий «Доступность участия» абсолютным большинством опрошенных предпринимателей оценивается на «хорошо» и «отлично» (92,9%). Также высокие оценки были получены по критериям «Понятность документооборота»; «Удобство организации процедур»; «Прозрачность процедур» и «Полнота информации о процедуре». Они вполне удовлетворяют

почти 90% респондентов. Достаточность размера поддержки» большинство оценивает на «хорошо» и «отлично» (80,4%).

В целом, удовлетворенность респондентов от взаимодействия с региональными инвестиционными фондами, предоставляющими кредитные ресурсы субъектам малого и среднего предпринимательства, можно назвать высокой, о чем свидетельствуют балльные оценки критериев от 4,25 до 4,5 баллов.

При оценке удовлетворенности услугами, оказываемыми «бизнес-инкубаторами» респондентам задавался вопрос: «Оцените, пожалуйста, качество получения услуг, оказываемых «бизнес-инкубаторами» по следующим критериям: «Доступность мест в объектах инвестиционной инфраструктуры», «Спектр предоставляемых услуг», «Эффективность предоставляемых мер поддержки для резидентов объектов инвестиционной инфраструктуры».

«Доступность мест в объектах инвестиционной инфраструктуры» большинство оценивает на «хорошо» и «отлично» (87,1%). Негативные оценки («очень плохо» и «скорее плохо») по данному критерию составили 8,6%.

«Спектр предоставляемых услуг» и «Эффективность предоставляемых мер поддержки для резидентов объектов инвестиционной инфраструктуры» большинство также оценивает на «хорошо» и «отлично» (86% и 87,1% соответственно).

В целом, оценочный индикатор по трем показателям выглядит следующим образом:

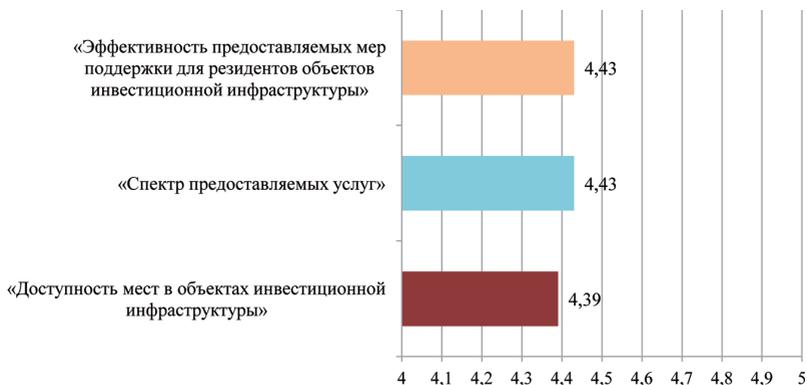

Рис. 8. Результаты оценки показателя «качество полученных услуг, оказываемых «бизнес-инкубаторами» (в баллах)

Желание населения открыть собственное дело

Кроме оценки удовлетворенности предпринимателями оказываемыми им услугами в рамках исследования был также изучен вопрос желания населения открыть собственное дело. Опрос показал, что только четверть респондентов (25,4%) рассматривают возможность ведения собственного бизнеса.

Среди тех, кто собирается открыть собственное дело, планируют это сделать в ближайшее время 26,7% респондентов, в течение ближайших трех лет – 30,8%, в течение пяти лет – 18,1%. Остальные просто имеют такое желание и обуславливают его множеством самых различных факторов (от экономической ситуации в стране до каких-то личных причин).

Основными причинами, по которым граждане не хотят заниматься предпринимательской деятельностью, были названы такие, как отсутствие собственных денежных средств (отметили 24,2% нежелающих открывать собственное дело), неопределенность экономической ситуации (21,8%) и высокие налоги (19,5%). Страхи и риски, связанные с ведением предпринимательской деятельности повлияли на 17,1% опрошенных. Отсутствие компетенции (необходимой финансовой и юридической грамотности) показали существенными 10,7% граждан.

Среди других причин нежелания заниматься предпринимательской деятельностью, назывались:

- отсутствие интереса к предпринимательской деятельности;
- нахождение на государственной (муниципальной) службе;
- наличие хорошей работы в настоящее время;
- нормальное материальное положение;
- возраст;
- состояние здоровья;
- пессимизм и неверие в возможность создать успешный бизнес

в России.

Заключение

Таким образом, подводя итоги представленным выше данным и проведенного анализа, вполне обоснованно можно сделать вывод о том, что несмотря на предпринимаемые меры поддержки предпринимательства эффективность этих мер, а значит, и эффективность

государственного управления в этой сфере в целом еще недостаточно высока. Это подтверждается низким по сравнению с другими странами процентом желающих заниматься собственным бизнесом. Так, согласно данным глобального мониторинга предпринимательства (GEM), по показателю ранней предпринимательской активности Россия хоть и опередила Италию, Испанию, Германию, но по-прежнему существенно отстает от других стран. Так, в странах БРИКС (Бразилия, Индия, в Китай) количество людей, предпринимающих попытки создать свой бизнес, значительно больше. Наиболее высокий уровень предпринимательских намерений демонстрируют Эквадор, Чили, Египет и Оман, в которых более 50% населения, не являющегося предпринимателями, имеют намерения создать собственный бизнес [Национальный отчет ... 2020].

Среди основных причин, по которым люди не хотят открывать свое дело, называются не только отсутствие собственных денежных средств, неопределенность экономической ситуации, высокие налоги, страхи и риски, связанные с ведением предпринимательской деятельности, но и общий пессимизм и неверие в возможность создать успешный бизнес в России. Очевидно, это и есть те направления, на которых целесообразно сосредоточиться государству в целях повышения эффективности управления в сфере поддержки предпринимательской деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Национальный отчет Глобальный мониторинг предпринимательства. 2019/2020. [National Report Global Entrepreneurship Monitor. 2019/2020]. URL: https://gsom.spbu.ru/images/cms/menu/otchet_2020-red-2n-04-06.pdf (date accessed: 21.02.2021).
- Никитина Е. С. Государственная поддержка предпринимательской деятельности // Молодой ученый. 2018. № 18 (204). С. 354–356. [Nikitina, E. S. State support for entrepreneurial activity. Young scientist, 18 (204), 354–356. (In Russ.)].

УДК 316.334.3

DOI 10.52070/2500-347X_2021_2_843_312

А. И. Смирнов

доктор социологических наук
ведущий научный сотрудник Института социологии
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
smir_al@bk.ru

ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И СДВИГИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ САМОСОЗНАНИИ РОССИЯН

Статья посвящена анализу тенденций, характеризующих особенности эволюции политического самосознания россиян. Эмпирической базой исследования выступают данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)». Показано, что на протяжении всего постсоветского периода большинство российских граждан испытывают серьезные трудности с самоопределением в политическом пространстве. Развитие кризисных тенденций в различных сферах общественной жизни привело к разочарованию значительной части россиян в традиционных партийно-политических институтах. К наиболее заметным проявлениям ослабления связей граждан с ними является рост той части населения, у которой полностью отсутствует политическая самоидентификация. Сегодня огромное количество людей не доверяют любым политическим структурам и политикам. Еще одной хорошо заметной тенденцией является усиление неопределенности партийно-политического выбора россиян, его непредсказуемости и непостоянства. Политическая идентичность повышает вероятность участия граждан в общественно-политической жизни, но в силу ее слабости и невысокой устойчивости, это влияние носит весьма ограниченный характер.

Ключевые слова: доверие; идентичность; нестабильность; мониторинг; политические партии; политическое самосознание.

A. I. Smirnov

Doctor of Sociology (Dr. habil)
Leading Researcher, Institute of Sociology
of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy
smir_al@bk.ru

REFORMATING THE POLITICAL SPACE AND SHIFTS IN THE POLITICAL SELF-CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS

The article is dedicated to analyzing the trends characterizing the features of the evolution of the political self-consciousness of Russians. The analysis is based on

data from the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE). It is shown that throughout the entire post-Soviet period, the majority of Russian citizens experience serious difficulties with self-determination in the political space. The development of crisis tendencies in various spheres of public life has led to the disillusionment of a significant part of Russians with traditional party-political institutions. The most noticeable manifestations of the weakening of the ties of citizens with them is the growth of that part of the population, which completely lacks political self-identification. Today, a huge number of people do not trust any political structures and politicians. Another clearly visible trend is the growing uncertainty of the party-political choice of Russians, its unpredictability and inconsistency. Political identity increases the likelihood of citizens' participation in social and political life, but due to its weakness and low stability, this influence is very limited.

Key words: trust; identity; instability; monitoring; political parties; political self-consciousness.

Постановка проблемы и эмпирическая база исследования

В современной России, как никогда ранее, очень четко прослеживается борьба двух разнонаправленных тенденций. С одной стороны, хорошо просматривается тренд, свидетельствующий о росте в обществе запроса на увеличение разнообразия во всех сферах жизни, включая политическую, на политические перемены, способствующие более полной реализации демократических принципов. С другой – российское общество во всех своих социальных сегментах остается достаточно глубоко приверженным традиционным ценностям и не приемлет неизвестных культурно-политических нововведений. На протяжении многих лет наблюдается доминирование одной политической силы, всеми доступными способами сопротивляющейся расширению политического многообразия. Но, как известно, общество намного сложнее, разнообразнее, чем может быть какая-либо политическая структура, претендующая на безальтернативное представительство интересов всего народа.

Столкновение этих тенденций в условиях неопределенности и нестабильности кризисного общества приводит к появлению и развитию разного рода явлений и тенденций, оказывающих существенные и зачастую неожиданные воздействия на политическое самосознание россиян. К ним можно отнести, в частности, игнорирование плюралистического характера общества; ограниченность пространства для развертывания политических позиций; заторможенность

дифференциации социальных групп по политическим основаниям; проблематичность становления партий, движений и других политических образований [Гражданское и политическое ... 2013, с. 7]. Всё это создает неблагоприятный контекст, который оказывает негативное влияние на развитие политического самосознания, формирование политических установок, мотивацию политического поведения.

Самосознание, означающее, по наиболее общему мнению, осознание и оценку человеком самого себя как личности, как чувственного, мыслящего и деятельного существа [Социологический словарь 2008, с. 403], непосредственно связано с понятием «идентичность», представляющим собой сложный феномен, включающий определенные ролевые предписания и статусы. При этом, как отмечают Е. В. Валеева и М. А. Мануильский, совокупность идентичностей, которых придерживается личность, выступает в качестве актуального самосознания индивида [Валеева, Мануильский 2018, с. 180].

Что касается политического самосознания, то оно связано с осознанием и оценкой человеком своей собственной сущности, самого себя в политике как самостоятельного деятеля, на основе которого он строит свои взаимоотношения с различными политическими субъектами. При этом «в каждом обществе существуют модели политической самоидентификации его членов, в соответствии с которыми последние соотносят себя с определенными ролями, идейно-политическими течениями, организациями» [Баталов 1995, с. 65]. Одной из наиболее характерных особенностей нынешней российской действительности, как подчеркивает О. В. Попова, является фрагментированность, противоречивость моделей политической идентичности различных групп населения [Попова 2018, с. 173]. Большинство россиян не имеют четко выраженной политической идентичности, что становится одной из наиболее серьезных причин политической пассивности, ведет к обострению или консервации негативных общественных настроений. Распространение подобных явлений становится одним из свидетельств сохраняющейся внутренней несогласованности и конфликтности политических представлений у значительной части россиян.

Нынешняя политическая практика, всё отчетливее демонстрирующая запрос на перемены, стимулирует рост интереса социологов, политологов, психологов к проблемам эволюции политического самосознания, выяснению их современной специфики. Особую значимость приобретает исследование состояния и господствующих тенденций

эволюции политического самосознания в связи с тем, что страна вступила в очередную фазу поиска более совершенной модели своего дальнейшего развития. В русле этих процессов происходит реформативное изменение политической системы. К знакомым переменам последнего времени относятся, прежде всего, принятие поправок к Конституции РФ, формирование новой модели институтов развития, коррекция взаимоотношений представительной и исполнительной ветвей власти.

В настоящей статье мы попытались дополнить анализ проблем, связанных с развитием политического самосознания, опираясь на данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)»¹ – многолетнего лонгитюдного исследования домохозяйств. Использовались данные трех волн мониторинга, содержащие интересующие нас сведения: 14-я волна (2005), 21 волна (2012) и 27 волна (2018). Объектом исследования явились взрослые россияне в возрасте 18 лет и старше.

Анализ базируется на ответах респондентов на следующий вопрос, который обычно используется в исследованиях, посвященных изучению проблем идентификации: «Встречая в жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их. Иные же хоть и живут рядом, остаются всегда чужими. Если говорить о вас, то как часто Вы ощущаете близость, единство с перечисленными ниже людьми – о ком Вы могли бы сказать: «Это – мы?». Перечень анализируемых идентичностей представлен в таблице 1 (варианты ответов: «часто», «иногда», «никогда», «затрудняюсь ответить»).

Эволюция и детерминанты политической идентичности

Предпринятый анализ свидетельствует о сложности и противоречивости эволюции политического самосознания россиян, наличии серьезных трудностей, которые они испытывают с самоопределением в политическом пространстве. Как следует из таблицы 1,

---

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>; <http://www.hse.ru/rlms>).

в анализируемый период политическая идентичность оставалась одной из самых слабых и наименее устойчивых. В разной степени отождествляли себя с людьми, близкими по политическим взглядам, немногим более 60 % респондентов. И при этом только у каждого четверного-пятого это ощущение было глубоким, т. е. возникало часто.

Таблица 1

Динамика основных групповых идентичностей, 2005–2018 гг. (в %)

Группы	2005 г.		2012 г.		2018 г.	
	Часто	Иногда	Часто	Иногда	Часто	Иногда
Люди того же поколения, возраста	62,4	32,8	64,1	31,4	56,2	37,9
Люди той же профессии, рода занятий	53,4	33,8	57,5	31,9	49,8	34,6
Люди такого же достатка	45,2	42,7	48,9	40,1	38,8	46,4
Люди той же национальности	42,3	43,4	47,7	41,8	39,9	46,3
Жители того же города или села	39,5	48,2	43,2	45,5	38,1	49,4
Люди той же веры	30,8	39,8	34,9	40,1	25,0	43,9
Жители той же области, края, республики	25,5	49,4	30,4	49,2	26,2	51,6
Граждане России	19,9	45,3	24,6	49,3	21,7	48,9
Люди, близкие по политическим взглядам	23,4	37,7	26,5	36,5	19,9	41,1

К тенденциям, заслуживающим особого внимания, можно отнести то, что за последние годы заметно уменьшилось число россиян, которые не могут определиться в своих политических предпочтениях. За 2005–2018 гг. их доля сократилась почти в полтора раза – с 20,1 до 14,5 %. И одновременно с 18,8 до 24,5 % увеличилась доля тех, кто никогда не ощущают единство с людьми, близкими им по политическим взглядам. Этот рост и то, что почти 40 % россиян постоянно не имеют политической идентичности, является одним из существенных моментов, определяющих в последние годы отношение населения к политике и прежде всего к партийно-политической сфере, накладывающим мощный отпечаток на развитие многих политических процессов, исход партийной борьбы и результаты выборов.

Во многом схожая картина наблюдалась в России на протяжении всего постсоветского периода. Согласно данным исследований Института социологии РАН, в 1990-х и в начале 2000-х годов общности, конструируемые на основе близости политических взглядов, устойчиво находились на периферии идентичностей [Данилова 2004]. При этом в России политическая и гражданская идентичности всегда были намного слабее выражены, чем в западноевропейских странах [Массовая политика ... 2016, с. 115].

Одна из проблем, с которой мы столкнулись при изучении особенностей политического самосознания, заключается в том, что не обнаруживается сильных и однозначных связей между политической идентичностью и целым рядом ее социально-демографических и социально-экономических детерминант. Во многом это можно объяснить тем, что в условиях крайней ограниченности выбора, не обеспечивающего условия для выражения гражданами своих подлинных политических предпочтений и приоритетов, сокращается гарантированность поддержки ими тех или иных политических сил, партийно-политических структур, растет доля «случайных» сторонников на выборах. Политические ориентации становятся переменчивыми, увеличивается число так называемых колеблющихся, в зависимости от политической конъюнктуры меняющих свои политические предпочтения.

Анализ, в частности, показал, что широта и глубина распространения у россиян ощущения единства с людьми, близкими по политическим взглядам, мало зависит от пола и возраста респондентов. Но при этом у мужчин это ощущение с возрастом немного усиливается, тогда как у женщин, наоборот, ослабевает. Более значительной на этом фоне выглядит зависимость политической идентичности от типа населенного пункта. В 2018 году доля лиц, испытывающих подобное чувство, нарастала по мере повышения статуса населенного пункта с 54,7% среди сельчан до 65,5% среди жителей республиканских, краевых и областных центров, в том числе испытывающих это чувство часто – с 14,4 до 24,6%. За анализируемый период эта связь стала лишь немного прочнее. Стоит обратить внимание и на тот факт, что если в региональных центрах преобладание мужчин над женщинами по широте распространения политической идентичности проявляется, начиная с 40-летнего возраста, то в других городах и сельской местности – только после преодоления 60-летней возрастной

границы. Не менее четко прослеживается тенденция, демонстрирующая рост числа респондентов, отождествляющих себя с людьми, которые придерживаются близких политических взглядов, по мере повышения уровня образования респондентов. Их доля нарастает с 52,3% среди лиц с неполным средним образованием до 67,6% среди имеющих высшее образование.

Что касается корреляции политической идентичности с уровнем материальной обеспеченности респондентов, то здесь фиксируется достаточно слабая, но все же значимая положительная связь. Анализ показал, что чем выше уровень материального достатка респондентов, тем больше среди них тех, кто ощущают свою общность с людьми, близкими по политическим взглядам. Но когда уровень материального достатка определяется на основании объективных критериев, в частности размера дохода, эта связь оказывается немного теснее, чем когда в расчет принимаются такие субъективные основания, как самооценка положения на 9-ступенчатой шкале материального благосостояния.

И в то же время на протяжении всего изучаемого периода отсутствовала связь между ощущением единства с людьми, близкими по политическим взглядам, и удовлетворенностью своим материальным положением. Более значимым в данном случае оказалось влияние степени удовлетворенности своей жизнью в целом. В 2018 году доля респондентов, обладающих политической идентичностью, среди совсем не удовлетворенных жизнью составила 49,7%, тогда как среди полностью удовлетворенных – 62,1%. За рассматриваемый период эта связь немного усилилась, что особенно хорошо заметно в приращении доли лиц, часто ощущающих общность с людьми близкими по политическим взглядам, во всех группах, различающихся по уровню удовлетворенности своей жизнью.

Как заметила К. А. Абульханова-Славская, удовлетворенность или неудовлетворенность жизнью представляет собой сложное, но всегда обобщенное чувство состоявшейся или несостоявшейся, удачной или неудачной жизни. Это чувство имеет множество оттенков и зависит от типов людей. Например, нередко бывает так, что человек недоволен жизнью, но винит в этом других [Абульханова-Славская 1991, с. 11–12]. Так и в нашем случае недовольство жизнью нередко становится причиной разочарования в политиках и политических

институтах, принимающих и осуществляющих решения, от которых зависит жизнь отдельных людей, и негативного отношения к политической сфере в целом. Это разочарование усиливает осознание своей отстраненности от институтов власти и процесса принятия важных решений. И в то же время ощущение состоявшейся, удачной жизни является предпосылкой повышения доверия к политикам и политическим институтам, упрощая идентификационный выбор.

Наконец, можно определенно говорить и о наличии прямой, но слабой связи между политической идентичностью и приверженностью россиян демократическим институтам и ценностям. Наиболее тесной оказывается эта связь с оценками важности для нашей страны активной политической оппозиции, независимой прессы, свободы слова и обеспечения защиты прав национальных, религиозных и прочих меньшинств, тогда как наименее четкой – с оценками важности свободных и честных выборов, поддержания законности и порядка, справедливых судов.

Гораздо четче фиксируется связь политической идентичности с доверием политическим партиям. Так, коэффициент корреляции, характеризующий тесноту связи между ощущением единства с людьми, близкими по политическим взглядам, и доверием правительству, Государственной думе, судам, армии, полиции, не превышает 0,10, тогда как соответствующий показатель взаимосвязи с доверием политическим партиям составляет около 0,40 (корреляция значима на уровне 0,01; двухсторонняя). Теснота этой связи практически не зависит от пола и уровня образования респондентов, но заметно варьирует в зависимости от их места проживания, а также усиливается с возрастом и повышением уровня материальной обеспеченности.

Политическое самосознание и политическое участие

Анализ данных RLMS-HSE показывает, что уровень доверия политическим партиям уже длительное время остается очень низкими. В большей или меньшей степени доверяет им только один из десяти опрошенных россиян, тогда как доля выражающих недоверие достигает почти 55%. Остальные или занимают неясную позицию, или не могут определиться с ответом. Последние, т. е. затруднившиеся ответить на вопрос о доверии партиям, реже всех указывают, что ощущают близость или единство с людьми близкими по политическим

взглядам (часто – 12,6%; иногда – 25,8%). Для сравнения укажем, что даже среди тех, кто «совсем не доверяют» политическим партиям доля респондентов, отождествляющих себя с людьми таких же политических взглядов, оказывается существенно выше (часто – 17,7%; иногда – 39,2%).

Изложенные данные убеждают, что люди, близкие по политическим взглядам, далеко не всегда оказываются сторонниками какой-либо политической партии. Уровень доверия партиям практически одинаково низок у всех категорий респондентов, различающихся по политической самоидентификации. В настоящее время в России зарегистрировано несколько десятков политических партий, но не только о деятельности, а даже о существовании большинства из них граждане знают очень мало или ничего не знают. Те же партии, которые давно «на слуху», не вызывают особой симпатии у большинства россиян, что ставит многих граждан в тупик при попытке партийно-политической самоидентификации. Этим обстоятельством ряд специалистов объясняют постепенное, но всё более настойчивое формирование запроса на появление в органах законодательной власти представителей малых партий. Если за год до предыдущих выборов в Государственную думу намерение проголосовать за различные неправительственные партии декларировали не более 2–3% респондентов, то к концу 2019 года доля сторонников малых партий выросла до 10–11% [Пожалов 2020, с. 73].

В демократических государствах малые партии – это чаще всего партии какой-либо «одной актуальной проблемы». Они занимают определенную, обычно «неглубокую нишу» на «политическом поле», но выполняют важные функции, расширяя гражданам идентификационные возможности, оказывая давление на различные властные структуры, выдвигая из своей среды новых ярких, продвинутых политиков. Но в России о малых партиях вспоминают как правило только перед выборами, когда начинается активная борьба за голоса избирателей.

Исследование еще раз подтвердило наличие статистически значимой связи между обобщенным (генерализованным) доверием, которое характеризует уровень доверия по отношению к людям вообще, и доверием политическим партиям. В этом убеждает и то, что, по данным за 2018 год, среди полагающих, что большинству людей можно доверять, доля доверяющих политическим партиям составляла

18,4 %, тогда как доля не доверяющих достигала 36,7%. В то же время среди уверенных, что в отношениях с людьми надо всегда быть осторожными, таких оказалось, соответственно, 7,5 и 61,8%.

Но несмотря на наличие такой довольно тесной взаимосвязи, не было обнаружено какой-либо значимой корреляции между обобщенным доверием и уровнем политической идентичности. Это может говорить о том, что ощущение близости или единства с людьми таких же политических взглядов прочнее тогда, когда оно имеет четко выраженную партийно-политическую или групповую «привязку». Однако сегодня, как уже было отмечено, многим россиянам очень сложно бывает найти близкую им по духу партию. Значительно затрудняет людям осуществлять свой выбор стремление некоторых, особенно крупных парламентских партий выдвигать для привлечения электората чрезмерно широкий спектр идеологических ориентиров. Это относится прежде всего к правящей партии, имеющей в своем составе несколько конкурирующих идеологических платформ – от государственно-патриотической до умеренно либеральной. «Единая Россия» с самого начала своего существования, во-первых, ориентирована, не на интересы конкретных социальных групп и слоев, а на поддержку власти и прежде всего Президента В. В. Путина, и во-вторых, позиционирует себя как партия всего народа.

Если оценивать ситуацию в целом, то можно сказать, что сегодня многие партийно-политические структуры сохраняют приверженность прежним подходам к решению общественных проблем, а их деятельность не соответствует динамично обновляющейся действительности, новым задачам, которые выдвигает меняющаяся жизнь. При изначально скудном предложении практически все партии просто не воспринимаются как такие политические субъекты, которые способны решать наболевшие проблемы различных групп населения, а деятельность практически всех оппозиционных партий не признается как действительно оппозиционная. Они могут только критиковать нынешний истеблишмент, но не в состоянии предложить иную достойную повестку. Такая безальтернативность способствует всё большему превращению правящей партии в заскорузлую бюрократическую структуру.

В связи с этим еще одним аспектом эволюции политического самосознания становится усиление политической апатии, безразличия

граждан ко всему, что происходит в политической сфере, неверие в полезность участия в общественно-политической жизни. Всё это во многом обуславливает низкий уровень вовлеченности населения в партийно-политическую систему и в различные виды и формы политического участия.

Руководство всех без исключения политических партий постоянно и настойчиво твердит о том, что реальная политика требует активного участия масс, но в действительности только сдерживает политическое участие. Анализ данных RLMS-HSE показывает, что различные виды участия, связанные с такими традиционными институтами, как политические партии, профсоюзы, общественные организации уже длительное время остаются практически невостребованными. Из года в год свое участие в собраниях профсоюзных организаций, политических партий или каких-либо политических групп в течение 12-и месяцев, предшествующих опросу, подтверждают не более 4,5 % респондентов. Еще меньше опрошенных упоминают о своем участии в течение последнего года в митингах, пикетах и иных протестных акциях – не более 3,5 %.

В наибольшей степени участие в протестных мероприятиях характерно молодым людям, демонстрирующим стремление к поиску новых форм политического самовыражения, непосредственному, независимому от контроля традиционных партийно-политических структур выдвижению собственных требований; выражающим свою предрасположенность к различным формам политического протеста, реализуя свои амбиции в значительной мере в рамках массовых протестных и других альтернативных движений. Бунтарство молодежи и ее скептицизм в отношении традиционного порядка и признанных авторитетов значительно усиливают актуальность молодежной повестки. Это очень хорошо продемонстрировали недавние события в Белоруссии, где на уличных протестах главную роль играли активные и энергичные молодые люди.

Но большинство россиян, уставших выживать в тяжелых условиях длительной кризисной полосы, всё же предпочитают сегодня заниматься своими локальными проблемами и под переменами обычно понимают решение текущих проблем, которые в данный момент находятся в центре их внимания. Большинство из них не готовы включаться в политическую борьбу и лишь изредка поднимают голос,

чтобы выразить недовольство такими резонансными решениями, как повышение возраста выхода на пенсию. На фоне крайне низкого уровня доверия к политическим партиям с «ослабленными социальными корнями» и падения интереса к их деятельности все большую популярность приобретают так называемые ситуативные объединения и движения, политики, выступающие против правящих кругов, представителей властвующей элиты. При этом, как подчеркнул А. Ю. Зудин в одном из своих интервью, новым трендом в России, развивающимся в русле общемировых тенденций, становится изменение политического ландшафта, когда часть функций партий будет разделяться и поглощаться структурами гражданского общества [Скоробогатый 2018, с. 49]. Очевидно, это приведет к расширению непартийной среды и очередному увеличению числа граждан, не имеющих партийной идентичности, и, следовательно, к серьезному реформатированию всей системы политических идентификаций. Речь идет, в частности, о повышении роли различных конкурентов политических партий, прежде всего таких, как общенациональные непартийные институты, которые способны формировать новые идентификационные ориентиры.

Заключение

Таким образом, несмотря на то, что в кризисных условиях процессы политической идентификации обычно протекают интенсивнее, поскольку заметно ускоряется формирование политических предпочтений, у большинства россиян по сей день отсутствует четко выраженная политическая самоидентификация. Около 40% респондентов в возрасте старше 18 лет не имеют политической идентичности и только лишь каждый десятый в большей или меньшей степени доверяет политическим партиям. Во многом это результат и свидетельство слабости и неразвитости стабильной, но малоэффективной российской партийно-политической системы, не способной обеспечить действительное представительство интересов различных групп населения, использовать накопившуюся энергию спонтанного запроса на перемены и создать более эффективную конкурентную политическую среду. Продолжает сказываться также ослабление связей граждан с партийно-политическими институтами, «размывание» ранее сложившихся партийных предпочтений. Характерным

проявлением ослабления этих связей стало увеличение той части населения, у которой вовсе отсутствует политическая самоидентификация, приверженность к какой бы то ни было политической партии. Принимая во внимание многочисленные трудности, с которыми столкнулись россияне в последнее время, особую значимость приобретает достижение согласия в обществе и развитие политической активности граждан в границах, обеспечивающих эффективную стабильность политических и иных процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. [Abul'khanova-Slavskaya, K. A. (1991). *Strategiya zhizni* (Life strategy). Moscow: Mysl'. (In Russ.)].
- Баталов Э. Я.* Советская политическая культура (к исследованию распадающейся парадигмы) // Общественные науки и современность. 1995. № 3. С. 60–70. [Batalov, E. Ya. (1995). *Sovetskaya politicheskaya kul'tura* (k issledovaniyu raspadayushhejsya paradigmy). (Soviet political culture (towards the study of a disintegrating paradigm). *Social sciences and contemporary world*, 3, 60–70. (In Russ.)].
- Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С. В. Патрушева. М.: РОССПЭН, 2013. [Patrushev, S. V. (ed.). (2013). *Grazhdanskoe i politicheskoe v rossijskikh obshhestvennykh praktikakh* (Civil and Political in Russian Public Practices). Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)].
- Данилова Е. Н.* Через призму социальных идентификаций (Сравнительное исследование жителей России и Польши) // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2004. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 220–244. [Danilova, E. N. (2004). *Cherez prizmu sotsial'nykh identifikatsij* (Sravnitel'noe issledovanie zhitelej Rossii i Pol'shi). (Through the prism of social identifications (Comparative study of residents of Russia and Poland). *Rossiya reformiruyushayasya: Ezhegodnik-2004* (pp. 220–244). Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)].
- Валеева Е. В., Мануильский М. А.* Единая российская нация: проблемы формирования ее идентичности (к итогам всероссийской конференции) // Социологический журнал. 2018. № 1. Т. 24. С. 176–184. [Valeeva, E. V., Manuil'skij, M. A. (2018). *Edinaya rossijskaya natsiya: problemy formirovaniya ee identichnosti* (k itogam vserossijskoj konferentsii). (United Russian Nation: Problems of Forming Its Identity (to the Results of the All-Russian Conference). *Sociological journal*, 1, 176–184. Vol. 24. (In Russ.)].

- Массовая политика: институциональные основания / под ред. С. В. Патрушева. М. : Политическая энциклопедия, 2016. [Patrushev, S. V. (ed.). (2016). *Massovaya politika: institutsional'nye osnovaniya* (Grassroots Politics: Institutional Foundations). Moscow: Politicheskaya ehntsiklopediya. (In Russ.)].
- Пожалов А.* На пути к трехпартийной системе? // Эксперт. 2020. № 1–3. С. 71–73. [Pozhalov, A. (2020). *Na puti k trekhpartijnoj sisteme?* (Towards a three-party system?). *Ekspert*, 1–3, 71–73. (In Russ.)].
- Попова О. В.* Модели идентичности политических акторов в современной России // Политическая наука. 2018. № 2. С. 173–194. [Popova, O. V. (2018). *Modeli identichnosti politicheskikh aktorov v sovremennoj Rossii* (Identity models of political actors in modern Russia). *Political Science*, 2, 173–194. (In Russ.)].
- Скоробогатый П.* Тихая революция партийной системы // Эксперт. 2018. № 48. С. 48–52. [Skorobogatyj, P. (2018). *Tikhaya revolyutsiya partijnoj sistemy* (Quiet revolution of the party system). *Ekspert*, 48, 48–52. (In Russ.)].
- Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М. : Норма, 2008. [Osipov, G. V., Moskvichev, L. N. (ed.). (2008). *Sotsiologicheskij slovar'* (Sociological Dictionary). Moscow: Norma. (In Russ.)].

УДК 316.44

DOI 10.52070/2500-347X_2021_2_843_326

В. Л. Примаков

доктор социологических наук, профессор
профессор кафедры социологии
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета
vprim2007@yandex.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И АНАЛИЗ ПОСЛЕДСТВИЙ¹

В статье рассматривается социальный феномен лингвистического образовательного неравенства, его сущностная характеристика как определенной формы социальной дифференциации в изучении иностранных языков в системе российского общего образования. Анализируются различные профили проявления этого вида социального неравенства и его функциональные последствия в современном российском обществе.

Ключевые слова: лингвистическое образование; социальное неравенство; лингвистическое образовательное неравенство; функции лингвистического образовательного неравенства.

V. L. Primakov

Doctor of sociological sciences
Professor at the Department of Sociology
Institute for International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University
vprim2007@yandex.ru

LINGUISTIC EDUCATIONAL INEQUALITY: PROBLEM STATEMENT AND ANALYSIS OF CONSEQUENCES

The article examines social phenomenon of linguistic educational inequality and its essential characteristics as a certain form of social differentiation in the study of foreign languages in the system of Russian general education. Various profiles of the manifestation of this social inequality type and its functional consequences in modern Russian society are analyzed.

Key words: linguistic education; social inequality; linguistic educational inequality; functions of linguistic educational inequality.

---

¹ Статья подготовлена в рамках реализации госзадания на 2020–2022 гг. Рег. № ЕГИСУ – ААА-А20-120071690041-3.

Актуализация и авторское понимание проблемы

Признаться, сама постановка проблемы неравенства при изучении иностранных языков вызывает некоторое недоумение и сомнение в ее актуальности. Тем не менее проблема не так проста, как может показаться на первый взгляд. Начнем с того, что почти каноническим в социологической науке выступает определение *социального неравенства* как формы социальной дифференциации, при которой отдельный индивид, социальные группы, слои, классы обладают неравным доступом к социальным благам (материальным, политическим, культурным и пр.), неравными жизненными шансами и возможностями удовлетворения своих потребностей. В подобном сущностном понимании есть все научные основания зафиксировать вывод о том, что социальное неравенство – явление всеобъемлющее, всепроникающее, охватывающее все сферы человеческой жизнедеятельности. Более того, оно существовало всегда, во все исторические эпохи, в различных социально-экономических формациях, при любых политических режимах, общественных устройствах и социальных структурах. Менялись его острота, формы проявления, механизмы закрепления и регуляции, величина дифференциации (неравенства), масштабы распространения и пр. Это констатирует любой стандартный учебник по социологии. Однако, если в рамках общественного производства материальных ценностей, политической жизни, распределения широкого круга социальных благ и услуг проблема неравенства находит свою необходимую научную актуализацию, то насколько актуально неравенство в образовании, или уже – в лингвистическом образовании – вопрос неоднозначный.

Важно отметить, что ключевым понятием в обозначенном словосочетании является «образовательное неравенство». Научным основанием для аналитического выделения именно образовательного неравенства является классическое умозаключение о селекционирующей и распределяющей роли института образования в современном обществе, которую на широком эмпирическом материале доказал и очень метко подчеркнул П. А. Сорокин: «...вопреки общепринятому мнению всеобщее образование не устраняет умственных и социальных различий, а лишь усиливает их» [Сорокин 1992, с. 410].

Определенного научного профилирования требует понятие «лингвистическое неравенство». Когда речь заходит о подобном виде неравенства, чаще всего говорят о функциональном неравенстве

языков. Практически повсеместно, а особенно в лингвистике и социолингвистике, под «функциональным неравенством языков понимают различную степень функциональной нагрузки, обусловленную уровнем использования языков в обществе в пределах той или иной социально-коммуникативной системы» [Словарь лингвистических терминов URL].

По сути, данное определение акцентирует внимание на социокультурной сущности лингвистического неравенства в использовании различных языков, поскольку определяет его зависимость от социальных условий и традиций их использования в многоязычных сообществах. Функциональная лингвистическая нагрузка предопределена распространенностью, функциональным предназначением языков, особенно при реализации связей в различных коммуникационных сферах. Например, официальный язык, язык межнационального общения, национальный (этнический) язык, бытовой язык и пр. В разных социокультурных сферах языки могут использоваться с разной степенью интенсивности.

Наверное, особняком в социолингвистической литературе стоит понимание лингвистического неравенства Р. Хадсоном. Он выделяет три типа лингвистического неравенства: 1) *субъективное* неравенство, представления людей о речи и поведении друг друга; 2) *языковое* неравенство, вокабуляр и грамматика, свойственная определенным группам и слоям; 3) *коммуникативное* неравенство, связанное с дифференциацией в получении и распространении социально значимой информации на том или ином языке [Hudson 1996].

В связи с этим важно определить мнение автора на исследуемую проблему. Под *лингвистическим образовательным неравенством* мы понимаем форму социальной дифференциации, содержанием которой выступает неравный доступ к получению качественной лингвистической подготовки в системе российского общего образования и, соответственно, неравные возможности и шансы в выборе и реализации траектории дальнейшего социально-культурного развития.

К этому определению есть смысл добавить некоторые содержательные пояснения. Во-первых, есть смысл зафиксировать понимание лингвистической подготовки как целенаправленного, организованного образовательного процесса обучения иностранным языкам, процесса формирования компетенций иноязычного общения,

шире – межкультурного. Речь идет об обучении иностранным языкам в российских школах. При этом мы сознательно не рассматриваем обучение неродным языкам в российском образовании, например русскому как неродному языку, или обучение на родном языке.

Во-вторых, мы акцентируем внимание на общем образовании, полагая, что именно в его содержательных рамках наиболее системно и рельефно формируется и отражается лингвистическое неравенство. Общее образование реализует важнейшую социализирующую функцию превращения молодого человека в члена социального сообщества, формирует базовый социальный капитал. Последующее образовательное и широкое социокультурное развитие основывается на дифференциации в школьной языковой подготовке, по сути, реализует и/или «исправляет» то лингвистическое неравенство, которое приобретено в школе.

Лингвистическое образовательное неравенство как объект научного изучения

Акцентируя внимание на проблеме лингвистического образовательного неравенства, целесообразно разобраться в степени ее научного, как теоретического, так и эмпирического, изучения. В исследовательской литературе самых различных областей научного знания есть смысл выделить несколько групп источников, изучающих обозначенную проблему.

Прежде всего, есть смысл выделить работы и реализуемые в них мысли о сути и содержании социального неравенства, как классических философов от Античности до современности (Платон, Аристотель, Сенека, Т. Гоббс, Дж. Локк, А. де Токвиль, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, Ш. Монтескье и др.), так и классиков социологии (М. Вебер, Т. Веблен, В. Парето, Г. Моска, Н. А. Бердяев, Н. К. Леонтьев, С. Л. Франк, С. Н. Булгаков, К. Маркс, Ф. Энгельс, П. Бурдьё, П. А. Сорокин и др.). В работах этих и других классиков философской и социологической мысли обосновывается идея о том, что в образовании особым образом проявляется социальное неравенство.

Еще одну группу исследований в рамках обозначенной проблемы можно выделить в контексте анализа образования как «чистого» фактора социального неравенства. Большой вклад в исследование проблем неравенства в образовании внесли работы таких исследователей, как

Дж. Дьюи, Дж. С. Коулман, П. Макларен, Ж.-К. Пассрон, Дж. Брунер, М. Фуллан, П. Фрейре, И. Иллич, Г. К. Ашин, В. И. Жуков, А. П. Огурцов, Б. Д. Бим-Бад, Б. С. Гершунский, Н. Э. Гусинский, Ю. И. Турчанинова, В. Н. Шубкин, Д. Л. Константиновский, А. В. Шолохов и др. Можно назвать одно из интересных социологических исследований в этой группе, начатое В. Н. Шубкиным в 60-е годы прошлого столетия, направленное на изучение социальных проблем молодежи, образования, выбора профессии. Оно нашло продолжение в монографии Д. Л. Константиновского, который констатирует: «Материалы исследования показали, что условия рассматриваемого тридцатилетнего периода интенсифицировали социальную дифференциацию молодежи. В сфере образования это сказалось весьма ярко. Вольно или невольно, она оказалась вовлеченной в процессы социального отбора, эффекты которого проявились в ней к концу периода более явственно и жестко, чем прежде» [Константиновский 2008, с. 92].

Значительно скромнее в научном дискурсе представлена группа исследований, акцентирующих внимание на языковой подготовке и связанных в связи с этим проблемах дифференциации в лингвистическом образовании, в том числе в общей школе. К таковым, в частности, можно отнести труды И. И. Халеевой, В. Л. Скалкина, Т. В. Елизаровой, Н. Д. Гальсковой, М. Л. Вайсбурд и ряд других. В частности, есть смысл упомянуть диссертацию Р. А. Готлиба. В качестве научной проблемы исследования автор сформулировал «недостаточную эффективность языкового образования в нашей стране и, как результат, недостижение российскими учащимися общественно востребованного уровня языковых знаний» [Готлиб 2017, с. 4–5].

В целом, можно констатировать, что проблема лингвистического образовательного неравенства в науке изучалась относительно фрагментарно. А в непосредственной постановке в социологическом ракурсе анализа практически не исследовалась.

Проявления лингвистического образовательного неравенства в современном российском обществе

Проблема лингвистического образовательного неравенства находит свое подтверждение и актуализацию не только на теоретическом уровне анализа, но и в обобщении эмпирических данных проведенных социологических исследований. Анализ этих данных

позволяет зафиксировать, что подавляющая масса россиян, особенно подросткового и юношеского возрастов, приобретают лингвистические компетенции в государственных образовательных учреждениях начального, среднего, общего, а также начального и среднего профессионального образования. Так, например, в 2015/2016 учебном году (средний учебный год по количеству учащихся за последнее десятилетие) количество обучающихся по программам начального основного и среднего общего образования в РФ составляло около 14 770 тыс. человек. При этом количество школьников, изучающих только три основных (по количеству изучающих) иностранных языка (английский, немецкий, французский) фиксировалось в 12 721 тыс. человек, что составляет более 86% [Арефьев 2017, с. 319]. С другой стороны, данная статистика говорит о том, что подавляющее число детей включены в лингвообразовательный процесс, учитывая, что в начальной школе изучение иностранного языка осуществляется очень редко.

Но вот, что показательно: структура изучаемых языков в российских школах несколько далека не только от пропорциональности, но и от роли и места языков и, соответственно, языковых культур, в европейском и мировом лингвистическом ландшафте. Так, лингвистическая структура Европы изначально опосредована количеством жителей, говорящих на родном языке, языке страны проживания (см. рис. 1) (10 самых распространенных языков в Европе 2020)¹.

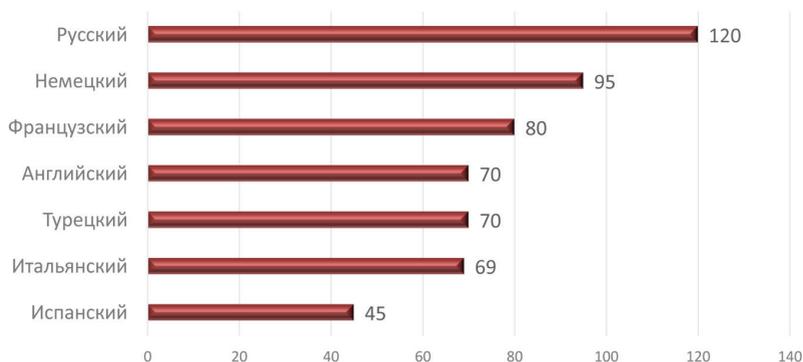

Рис. 1. Количество носителей языка по странам Европы, млн. чел.

¹ URL: <https://unionik.ru/news/10-самых-распространенных-языков-в-евро.html> (дата обращения: 10.03.2021).

Даже если несколько отвлечься от факта доминирующей в Европе части жителей, говорящих на русском языке, есть смысл подчеркнуть, что более передовые позиции в масштабах распространения занимает немецкий и французский языки. На английском, турецком и итальянском языке говорят приблизительно одинаковое количество людей. И это только в Европе. При этом речь идет о языках и языковых культурах, с которыми россияне контактируют наиболее интенсивно и массово.

Конечно же, эта структура не отражает мировую распространенность тех или иных языков. По данным справочника *Ethnologue: Languages of the World*, мировым лидером по распространенности был и остается английский (см. рис. 2). [Мировое распространение языков 2021]. На нем говорят и общаются не только англичане и ирландцы, но жители многих других стран, где он не является национальным и/или родным. Например, считается, что около трети пожилых европейцев могут говорить по-английски, а среди молодежи 15–35 лет хорошо владеет этим языком уже половина.

Рис. 2. Количество носителей языка в мире (топ-5), млн чел.

Всё это, конечно, не может не отражаться на языковой структуре отечественного общего образования. А оно в самом обобщенном виде выглядит следующим образом: доля российских школьников, изучающих английский язык, составляет примерно 89 %, немецкий – около 8 %, французский – около 2 % [Арефьев 2017, с. 319].

Очевидно, что прямо пропорциональное сопоставление распространенности языков в мире или Европе и лингвистической структуры российского общего среднего образования не является в полной мере корректным в силу ряда причин. Однако диспропорциональность

не только налицо, но вполне прогнозируема по последствиям. Закладываемая в образовании языковая структура не может не отражаться на структуре культурных связей россиян, межкультурной коммуникации. Это лингвистическое неравенство особенно актуально для России и российского общества, соседствующего с многочисленными народами и языковыми культурами.

Что же касается условий и обстоятельств, обуславливающих подавляющее доминирование английского языка в структуре школьного лингвистического образования, то, не касаясь формального обоснования лингвистической образовательной структуры в российских школах, акцентируем внимание на социальных причинах, фиксируемых экспертами и подтвержденных различными массовыми эмпирическими исследованиями.

Так, вполне обоснованным выглядит умозаключение о том, что поскольку количество, говорящих на английском языке, в мире значительно больше, то и его доминантное положение в образовании предсказуемо. Конечно же, всё это стало следствием того, что в ряде областей современной жизни человека коммуникация оказалась, по сути, функционально реализуема (эффективно функционирующая) главным образом на английском языке. Это относится в первую очередь к научно-техническому, а особенно программно-технологическому потреблению, взаимодействию и обмену, главным образом в сети Интернет. Но не только. Современный международный и межстрановой бизнес также перешел на универсальный английский язык. Английским, в основном, стал язык дипломатии, множества сфер межкультурного обмена, туризма, маркетинга, других узкопрофессиональных сфер. Англоязычной по преимуществу становится (если уже не стала) современная наука, оценивая, прежде всего, количество журналов и публикаций, учитываемых в международных базах научного цитирования. Даже если всё это звучит как некоторое преувеличение, вряд ли у кого-либо есть сомнения в основном тренде в изменении лингвистической структуры говорящей планеты.

Очевидно, что эти тенденции должны находить свое отражение не только в лингвистической образовательной структуре, но и в результатах функционирования института образования. По логике, по социальному заказу, современное школьное образование должно обеспечивать лингвистическую подготовку, позволяющую молодым

людям эффективно приобретать знания и развиваться, используя весь мировой багаж знаний и информации. В этом социальном заказе, по идее, должна реализовываться и социальная потребность в налаживании межкультурного взаимодействия, что не может не учитывать локально – территориальную близость России с другими странами и культурами. Но именно школьная образовательный языковой профиль создает и воспроизводит неравенство в возможности реализации этого межкультурного обмена.

Возьмем для примера Хабаровский и Приморский края ДФО, непосредственно граничащие с Китаем, что предполагает наличие широких межкультурных, коммерческих, образовательных и иных связей. Представляется вполне логичным реализовывать обучение школьников этих регионов с учетом близости великого соседа, его языковой и культурной специфики. Но именно структура лингвистического образовательного процесса в школах этих краев, с нашей точки зрения, эту специфику необоснованно не учитывает (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение числа школьников, изучающих основные иностранные языки в общеобразовательных учреждениях Приморского и Хабаровского краев в 2015 / 2016 учебном году

	Всего, в %	в том числе по языкам			
		английский	немецкий	французский	китайский*
Приморский край	172203 100	165389 96	591 0,3	983 0,6	2746 1,6
Хабаровский край	114577 100	109387 95	1418 1,2	1559 1,4	874 0,8

*Примечание: данные по изучающим китайский язык представлены за 2012/2013 учебный год и учитывают обучение китайского как первого, второго языка, а также факультативно.

Анализируя представленную таблицу, нельзя не отметить существенный, даже подавляющий перевес в количестве и доле изучающих английский язык в сравниваемых регионах (около 95 %). Что существенно не отличается от доли изучающих английский по стране в целом. Незначительное количество (от 0,5 % до 1,5 %) изучающих

немецкий и французский языки уже более значимо отлично от общероссийской лингвистической структуры [Арефьев 2017, с.221, 319]. Подобная ситуация в принципе никого не удивляет.

Поразительно, но китайский язык изучают в отечественных приграничных краях также примерно 1–2 % школьников. Нет оснований полагать, что языковая образовательная ситуация в анализируемых регионах и в стране в целом существенно изменилась на последние годы. Является ли подобная ситуация проявлением лингвистического образовательного неравенства? С нашей точки зрения, очевидно, да. При этом, как нам видится, сложившееся неравенство не только порождает неравные шансы в языковом выборе. Доступных разнообразных и востребованных языковых школьных образовательных площадок объективно недостаточно. Шансы школьников в выборе и реализации траектории дальнейшего социально-культурного развития с использованием востребованных языков значительно сужаются.

Проблема неравенства проявляется не только в языковой структуре преподавания, но и в качестве лингвистического образования, реализуемого в российских школах, других образовательных учреждениях. Его результатом, очевидно, должен стать уровень языковой подготовки школьников и жителей страны. Показательно при этом, что, например, по рейтингу владения английским языком, составленному компанией «Education First» в 2015 году, Россия оказалась 39-й из 70 стран по показателю владения английским языком. К 2020 году наш рейтинг несколько изменился, и Россия (с индексом 512) оказалась на 41 месте из 100 стран между Кубой и Албанией. Как видно, динамика изменения уровня владения несущественная. При этом Россия оказалась в конце списка стран со средним уровнем владения английским языком. Оценивая общую мировую ситуацию, авторы исследования формулируют обобщающий вывод о том, что «уровень владения английским языком, как средством международного общения, хорошо коррелирует с показателями равенства и степени взаимодействия с внешним миром» [EF English Proficiency Index 2021].

Это общая оценка качества лингвистического образования в стране. Она не учитывает дифференциацию, а значит, и неравенство в школьном лингвистическом образовании по округам и регионам России, или в территориально-поселенческом профиле оценки. Здесь, по мнению экспертов, а также школьников и их родителей, лингвистическое образовательное неравенство проявляется особенно рельефно.

Прежде всего, заметим, что лингвистическое образование по своему качеству, очевидно, достаточно тесно связано с качеством общей образовательной подготовки учеников, если не есть его отражение, проявление. Сложно себе представить высокое качество лингвистической подготовки в регионе проживания ребенка при низком общеобразовательном уровне подготовки в школах этого региона. Если, конечно, это не узкоспециализированная лингвистическая школа, класс. Очевидно, что общий уровень, например, так называемой провинциальной школьной подготовки отличается от московского. Территориально – поселенческий признак, с точки зрения экспертов, оказывает существенное влияние на возможность получения качественного образования. Так, шанс на получение качественного образования среднего жителя села оценивается экспертами в 4 балла по 10-балльной шкале, малого города – в 5,16 балла, провинциального областного центра – в 7,3 балла, мегаполиса – в 9 баллов. Таким образом, разрыв между шансами получения качественного образования между крайними поселенческими группами оказался более чем в 2 раза [Реутов и др. 2020, с. 2533].

Данные Всероссийского опроса ВЦИОМа (январь 2021 г.) также свидетельствуют о сохраняющихся в общественном мнении установках о неравенстве возможностей для получения качественного образования в Москве и других регионах России. Так, сравнительный анализ с результатами исследования пятилетней давности констатирует, что почти треть (31–33 %) россиян оценивает качество образования в стране как «хорошее» и «отличное» и только около 20 % как «плохое» и «очень плохое». Однако бóльшая часть оценивает образование как посредственное (42 %). При этом жителей регионов с такой оценкой качества образования существенно больше, чем жителей московского региона [Образование в России 2021].

Интересно взглянуть на рассматриваемую проблему и с такой, несколько дискуссионной точки зрения, как отношение к ЕГЭ по иностранному языку. Напомним, что в позапрошлом году было отодвинуто на год введение обязательного ЕГЭ по иностранному языку. А в прошлом году Минпросвещения РФ приняло решение отказаться на неопределенный срок от обязательности этого предмета на государственной итоговой аттестации в школе. Более того, в стране приостановлено введение второго обязательного иностранного языка

в школе. Он рекомендован к изучению, а обязателен только в классах (школах) с лингвистическим профилем.

С одной стороны, мы констатируем высокую заинтересованность в изучении иностранных языков, необходимость в овладении ими как средства расширения шансов в межкультурном взаимодействии и обмене, с другой – сужаем возможности для реализации этих шансов в школьном образовании. В подтверждение этого противоречия можно констатировать, что только 10 % самых замотивированных выпускников школ сдают ЕГЭ по иностранному языку. А остальные 90 %, видимо, «читают и переводят со словарем». Государство не хочет или не может определить и обеспечить уровень владения школьниками иностранными языками, что, с нашей точки зрения, и есть проявление лингвистического неравенства, но кроме того, одновременно, условие его сохранения и закрепления. По широко распространенному мнению экспертов, преподавателей иностранных языков в школах и вузах, такая ситуация является следствием реально существующего неравенства в лингвистическом обучении в школах, особенно в территориально-поселенческом аспекте. В регионах, особенно в сельских школах учащиеся не в состоянии будут сдать обязательный ЕГЭ по языкам, что усилит существующее и породит новые формы неравенства. Как приговор в данном контексте звучат слова главы Рособнадзора Анзора Музаева: «Если в больших городах есть не только хороший уровень преподавания, но и практика применения, то в сельских отдаленных школах, которых у нас очень много, практика применения языка нулевая» [Минпросвещения отказалось вводить обязательный ЕГЭ 2021].

В дополнение к сказанному можно привести выводы, которые обобщают результаты опроса учителей: «Спрос россиян на знание иностранных языков удовлетворяет не школа, где этот предмет преподается за счет государства, а частник, которому надо платить из семейных средств. <...> Школа проигрывает частнику. Тут и плохая материально-техническая база, и нехватка в школьных программах учебных часов, отведенных на изучение иностранных языков. Каждый четвертый школьный педагог объясняет отток учащихся к частникам и умножение рядов последних крайне ограниченным объемом изучения иностранных языков в школе и еще примерно столько же тем, что "у репетиторов хорошие методики и индивидуальное обучение"».

45 % считают, что школе не хватает языковой практики, а 28 % – что там слишком большие группы учащихся с разным уровнем владения языком в одном классе и нет индивидуальных занятий» [В российской школе задумались о целесообразности изучения иностранных языков 2020].

Некоторые эмпирические данные, собранные социологической лабораторией и кафедрой социологии МГЛУ при участии автора в рамках реализации госзадания на 2020–2022 годы¹, позволяют делать выводы не только о наличии подобного лингвистического образовательного неравенства, его формах и проявлениях, но и о его углублении и профилировании.

Продолжая мысль о неравном доступе и востребованности ЕГЭ по иностранным языкам, следует констатировать, что даже в территориально – поселенческом срезе московского региона, относительно сглаженного по структуре и качеству общего и лингвистического образования, можно увидеть весьма красноречивые проявления этого неравенства. Например, по данным нашего исследования, в Москве 30 % школьников планируют сдавать ЕГЭ по иностранным языкам, что в 3 раза больше, чем в целом по РФ в прошлом году. Еще 19 % отвечают «скорее да» на этот вопрос. Итого, почти 50 %. А вот в Московской области, в городских и сельских округах до 100 тыс. чел. населения, таких не более 30 %. Причем, чем меньше по численности населения городские и сельские округа, тем меньшее количество школьников, планируют подготовку и сдачу ЕГЭ по иностранному языку.

Очевидно, что главный вопрос связан не только и не столько с востребованностью результатов ЕГЭ по иностранному языку при поступлении в высшие профессиональные учебные заведения, где эти результаты принимаются в качестве обязательных проходных. Главное – в уровне подготовки, знании языка, который ЕГЭ лишь фиксирует. Интересны в этом плане субъективные оценки школьников

---

¹ В опросе, проведенном в ноябре-декабре 2020 года, участвовали 1098 учащихся 8–11 классов г. Москвы и 1112 школьников Московской области, изучающих иностранные языки в общеобразовательных учреждениях московского региона. Выборка онлайн потоковая территориальная со скринингом по квотам по месту проживания (районам) и возрасту обеспечила пропорциональное представительство опрашиваемой целевой группы школьной молодежи по апостериорной оценке долевых распределений контролируемых признаков в пределах 5 % ошибки.

уровня владения основным иностранным языком. Анализ полученных данных показал, например, что в Москве на «уровне А» (А1 «Уровень выживания» + А2 «Предпороговый уровень») оценивают свои компетенции владения иностранным языком около 30% опрошенных школьников, тогда как в Московской области по медиане он составляет 40%. И наоборот, на «уровне В» (В1 «Пороговый уровень» + В2 «Пороговый продвинутый уровень») оценивают свои знания около 55% столичных школьников, а в Московской области таковых – 42–45%.

Косвенно о неравенстве в лингвистической подготовке школьников и возможностях ее реализации в языковые компетенции свидетельствует и возможность независимой проверки и оценки уровня владения иностранным языком с помощью сдачи международных экзаменов. Получаемый при этом сертификат существенно расширяет шансы школьников на выбор дальнейших образовательных стратегий, в том числе и за рубежом. И в этой плоскости неравенства особенно заметен тренд, характеризующий преимущество столичного лингвистического образования над подмосковным (см. табл. 2).

Таблица 2

**Распределение ответов школьников Москвы
и различных муниципальных образований Московской области
на вопрос: «Сдавал (а) ли ты когда-нибудь международные экзамены
на определение уровня владения иностранным языком?», %**

	Москва	МО: более 195 тыс.	МО: 100–194 тыс.	МО: 50–99 тыс.	МО: до 50 тыс.
Да	26	20	17	17	14
Нет	66	70	73	72	75
Затрудняюсь ответить	8	9	10	12	11

Примечание: МО – муниципальные образования (городские и сельские) с соответствующим количеством жителей.

Показательно, что количество школьной молодежи, сдававшей подобные экзамены (ответили «да») заметно снижается в табличных данных: чем меньше населенные пункты в Московской области, тем меньшее количество школьников, участвовавших в сдаче международных экзаменов для определения уровня подготовки по иностранному языку. Полагаем, что сам факт участия в таких экзаменах есть следствие не только субъективной оценки уровня лингвистической

подготовки, но и целого ряда организационных, педагогических, финансовых и иных усилий самих учащихся, их родителей, учителей, и говорит о наличии существенных различий в образовательных возможностях москвичей и жителей Подмосковья.

Московские школьники по сравнению со своими сверстниками из Подмосковья в целом, а особенно – из малых муниципальных образований, чаще пользуются дополнительными, как бесплатными, как и платными, занятиями по языкам в школе. Также они чаще посещают занятия в частных языковых школах, на курсах иностранных языков при университетах, в специализированных центрах подготовки к сдаче ОГЭ и ЕГЭ, в летних языковых школах, имеют возможности общения с носителями языка, занимаются на платных занятиях с репетиторами (здесь наблюдается особенно существенный разрыв) и пр.

Очевидно, что все эти проявления неравенства в изучении иностранных языков являются следствием не только проблем функционирования школьного образования или образовательной среды в целом, но также обусловлены неравенством в социально – экономическом положении школьников и их семей. Поскольку школьная образовательная среда, объективно порождая лингвистическое неравенство, не в состоянии нивелировать различия в шансах и возможностях учащихся, школьники и их родители вынуждены искать иные каналы и способы повышения уровня лингвистической подготовки, конечно, в пределах своих финансово-экономических возможностей.

И это только усиливает лингвистическое образовательное неравенство. Так, например, в ходе опроса школьников старших классов выявлено, что если занятия с репетитором могут себе позволить 37% московских школьников (семей), то среди жителей подмосковных малых городов и пгт (численностью до 50 тыс. чел.) таких не более 21%. И если для 21% москвичей подобная статья расходов занимает «незначительную часть семейного бюджета», то в Подмосковье таковых не более 15%. В малых муниципальных образованиях до 47% семей вообще не имеют возможности для оплаты дополнительной лингвистической подготовки своих детей.

В целом, проведенное исследование подтвердило гипотезу о наличии образовательного лингвистического неравенства в российской школе, обозначило профили его проявления, а также некоторые «белые пятна» социальных условий и обстоятельств его формирования и воспроизводства.

Функции лингвистического образовательного неравенства

Социологический анализ обозначенной проблемы ориентирует исследователя не только на констатацию и обоснование самого факта наличия лингвистического образовательного неравенства, его актуальность, необходимость научного изучения. Нам представляется важным осмыслить ключевые социальные функции, которые объективно реализует это неравенство.

Во-первых, как это ни покажется странным и противоречивым, но мы стоим на позиции объективности лингвистического образовательного неравенства, его социокультурной обусловленности в конкретных условиях российского общества. Поскольку социальное неравенство в целом объективно, социокультурно задано, то оправданно и даже востребовано лингвистическое неравенство, которое и воспроизводится в школе. Увы, но глубокое знание иностранного языка пока еще не востребовано в обществе в целом, а только в определенных его группах и сферах отношений. И общеобразовательная система лишь поддерживает эту невостребованность, способствуя, как это ни странно, социальной стабильности российского общества больше, чем, если бы лингвистическое равенство было директивно введено. Неспособность обеспечить равные условия для школьников в подготовке и сдаче ЕГЭ красноречивое тому подтверждение. Для сомнеющихся в этом посоветуем провести мысленный эксперимент о последствиях введения в стране обязательного ЕГЭ по иностранному языку и/или обязательном приеме его результатов в качестве обязательных при поступлении в вузы.

Во-вторых, лингвистическое образовательное неравенство, будучи отражением, способствует воссозданию неравной социальной структуры, обеспечивая и поддерживая каналы мобильности определенных групп и слоев на высокоранговые позиции. Можно в данном контексте говорить о лингвистической подготовке, как об одном из механизмов формирования общественной элиты. Например, в одном из исследований Лаборатории исследований рынка труда НИУ ВШЭ констатировали, что владение иностранным языком увеличивает доходы работников. В разных группах населения этот показатель варьирует, но в среднем по России он составляет 11%. Для сотрудников, владеющих языком свободно, зарплатная премия возрастает до 27%, что сопоставимо с Испанией и Мексикой. Отдача существует не для

всех категорий сотрудников и убывает от высоких профессиональных групп к низким: максимум (22%) – у руководителей высшего и среднего звена, 15% у специалистов высшего уровня, 8% – среднего [Надбавка за английский 2020]. Даже если эти цифры не знают школьники и их родители, они прекрасно понимают общие закономерные связи знания языка и «социальных лифтов».

В-третьих, важно подчеркнуть еще одну важную социальную функцию лингвистического образовательного неравенства. Оно, по сути, создает и регулирует рынок дополнительных образовательных услуг. Поскольку общеобразовательная система не в состоянии (по разным причинам) обеспечить востребованный уровень и качество лингвистических услуг, спрос на них удовлетворяет коммерческое образование, те же преподаватели иностранных языков в школах, преподаватели и выпускники профильных вузов, репетиторы, носители языка и т. п. И популярность коммерческого образования только растет.

В-четвертых, следует отметить такую важную функцию лингвистического неравенства, как формирование неравных социальных траекторий, в том числе образовательных. С одной стороны, знание иностранного языка создает и реализует условия для формирования элитарного образования для детей из престижных семей. Сформировалось устойчивое и обоснованное мнение, что в такие престижные московские вузы, как МГИМО, ВШЭ, МГУ, МГЛУ и некоторые другие невозможно поступить со слабым знанием иностранного языка. А это знание можно получить, во многом (хотя и не только), имея высокое социально – экономическое положение родителей. С другой стороны, хорошее знание иностранного позволяет получить элитное лингвистическое образование, обеспечивающее углубленное знание языка или нескольких языков. Есть и еще одна сторона, которую можно было бы назвать обратной от элитарно – элитной. Например, пробелы в школьном лингвистическом образовании побуждают некоторых наиболее активно движущихся по социальной лестнице субъектов практически постоянно совершенствовать свои познания в иностранном языке, повышать его уровень, сдавая соответствующие международные экзамены, тем самым обеспечивая себе дополнительные ресурсы социального и карьерного роста.

В-пятых, в качестве социальной функции рассматриваемого неравенства можно констатировать и стимулирующую. Сложившееся

лингвистическое образовательное неравенство, отражаясь в современных потребностях в знании языка, стимулирует образовательную систему к корректуре качества массовой лингвистической подготовки. В своих последствиях необходимость такой корректуры ведет (должна вести) к смягчению неравенства. Поскольку разноуровневые подсистемы общества (профессиональные, культурные, образовательные, коммерческие и пр.) «дают» на сложившееся общее лингвистическое образование, повышают нормативные стандарты владения языком. Это, с одной стороны. А с другой – лингвистическая подготовка, как фактор социальной (образовательной, профессиональной и иной) мобильности, выступает своеобразным «социальным лифтом» возможностей, стимулируя школьников и их родителей к углублению знания иностранных языков.

Наконец, в-шестых, есть смысл зафиксировать функциональные последствия рассматриваемого неравенства на уровне личности школьника и его родительской семьи. Констатируемое лингвистическое неравенство, вариативность его разрешения, существующие образовательные подсистемы его исправления создают инструменты и шансы на изменение своего социального положения в системе сложившихся социокультурных отношений.

Заключение

В завершении было бы полезно еще раз констатировать, что лингвистическое образовательное неравенство, будучи объективным отражением существующего в современном российском обществе социального неравенства, повсеместно проявляется в российской общеобразовательной системе, в различных профилях социальной иерархии. Это и лингвистическая структура изучаемых языков в школе, и уровень лингвистической подготовки школьников, и территориально-поселенческая структура как отражение локальных социальных, экономических, образовательных, культурных и иных условий обучения, и имущественно-доходная структура достатка в семьях учеников и другие. Констатация его наличия выступает важным отправным моментом для последующего научного изучения как уровня, форм, особенностей существования и воспроизводства этого вида неравенства, так и поиска путей его сбалансированного поддержания и смягчения для определенных социальных групп и слоев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арефьев А. Л.* Национальные и иностранные языки в российской системе образования / под ред. Г. В. Осипова. М. : Институт социально-политических исследований РАН, 2017. [Aref'ev, A. L. (ed.). (2017). Nacional'nye i inostrannye zyki v rossijskoj sisteme obrazovaniya (National and foreign languages in Russian educational system). Moscow: Institut social'no-politicheskikh issledovanij RAN. (In Russ.)].
- Готлиб Р. А.* Языковое образование в системе межкультурного взаимодействия: социально-управленческий подход: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2017. [Gotlib, R. A. (2017). YAzykovoe obrazovanie v sisteme mezhkul'turnogo vzaimodejstviya: social'no-upravlencheskij podhod (Language education in the system of intercultural interaction: social and managerial approach): thesis of PhD in Sociology. Moscow. (In Russ.)].
- В российской школе задумались о целесообразности изучения иностранных языков. [V rossijskoj shkole zadumalis' o celesoobraznosti izucheniya inostrannyh yazykov (In the Russian school, they thought about the appropriateness of studying foreign languages). (In Russ.)]. URL: <https://www.mk.ru/social/2020/11/30/v-rossijskoj-shkole-zadumalis-o-celesoobraznosti-izucheniya-inostrannykh-yazykov.html> (дата обращения: 26.02.2021).
- Константиновский Д. Л.* Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е года – начало 2000-х). М. : ЦСП, 2008. [Konstantinovskij, D.L. (2008). Neravenstvo i obrazovanie. Opyt sociologicheskikh issledovanij zhiznennogo starta rossijskoj molodezhi (1960-e goda – nachalo 2000-h) (Inequality and education. The experience of sociological studies of the life start of Russian youth (1960 – early 2000s)). Moscow: CSP. (In Russ.)].
- Минпросвещения отказалось вводить обязательный ЕГЭ по иностранному языку. [Minprosveshcheniya otkazalos' vvodit' obyazatel'nyj EGE po inostrannomu yazyku (The Ministry of Education refused to introduce a mandatory Unified State Exam in a foreign language). (In Russ.)]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ff262e09a7947e74edf13f8> (дата обращения: 04.03.2021).
- Мировое распространение языков [Mirovloe rasprostranenie yazykov (World distribution of languages) (In Russ.)]. URL: <https://habr.com/ru/post/386021/> (дата обращения: 01.03.2021).
- Надбавка за английский: как знание языка влияет на зарплату. [Nadbavka za anglijskij: kak znanie yazyka vliyaet na zarplatu (Extra charge for English: how does the knowledge of the language affect the salary). (In Russ.)]. URL: <https://iq.hse.ru/news/266876813.html> (дата обращения: 12.03.2021).
- Образование в России: востребованность, доступность, качество. [Obrazovanie v Rossii: vostrebovannost', dostupnost', kachestvo (Education in

- Russia: demand, availability, quality). (In Russ.). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obrazovanie-v-rossii-vostrebovanost-dostupnost-kachestvo> (дата обращения: 10.03.2021).
- Реутов Е. В.* [и др.]. Неравенство жизненных шансов в российском обществе и фактор территории: взгляд из провинции / Е. В. Реутов, В. М. Захаров, О. Н. Полухин, М. Н. Реутова, И. В. Шавырина // *Власть*. 2020. № 5. Т. 28. С. 25–33. [Reutov, E. V., Zaharov, V. M., Poluhin, O. N., Reutova, M. N., SHavyrina, I. V. (2020). Inequality of life chances in Russian society and the territory factor: a view from the province. *Vlast'*, 28 (5), 25–33. (In Russ.)].
- Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: пер. с англ. М. : Политиздат, 1992. [Sorokin, P. A. (ed.). (1992). *СHelovek. Civilizaciya. Obshchestvo* (Person. Civilization. Society). Moscow: Politizdat (In Russ.)].
- Словарь лингвистических терминов Т. В. Жеребило. [Slovar' lingvisticheskikh terminov T. V. ZHerebilo (Dictionary of linguistic terms T. V. Zherebilo.) Russ.]. URL: https://lingvistics_dictionary.academic.ru/4749/функциональное_неравенство_языков (дата обращения: 12.02.2021).
- EF English Proficiency Index. URL: <https://www.ef.com.epi> (дата обращения: 04.12.2018).
- Hudson R. A.* Sociolinguistics. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК	VESTNIK
Московского государственного лингвистического университета	of Moscow State Linguistic University
Общественные науки	Social Sciences
Выпуск 2 (843)	Issue 2 (843)

Ответственный редактор выпуска 2 (843)
доктор философских наук профессор *И. К. Харичкин*

Редактор *Е. М. Евдокимова*
Верстка *Г. П. Лопатиной*
Дизайн обложки *А. Г. Проскурякова*

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 15.09.2021
Усл. печ. л. 22,6. Формат 60х90/16
Заказ 90/21

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
тел.: (499) 245 33 23; *e-mail:* ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки:

07.00.00 – Исторические науки и археология
22.00.00 – Социологические науки
23.00.00 – Политология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Исторические науки», «Политические науки», «Исторические науки. Политические науки», «Общественные науки».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2021

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66049 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: mslu-soc.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна.